

Следствие ведет Эва Дамас...

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ!

СЕМЬЯ НА ЗАКАЗ

18+

Annotation

После посещения очередного места преступления лейтенант полиции Ева Даллас верит – найти убийцу и доказать его причастность к делу будет как никогда просто. Улик, подтверждающих вину сынка-неудачника, который убил своих родителей, предостаточно. Но Ева даже не догадывается, что через пару дней в деле появится новая жертва... Сумеет ли лучший коп Нью-Йорка остановить череду кровавых убийств?

- [Нора Робертс](#)

- - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [Эпилог](#)
-

Нора Робертс

Семья на заказ

*Больней, чем быть укушенным змеей,
Иметь неблагодарного ребенка.*

Вильям Шекспир

*Человек, который лелеет мечь, берedit свои
собственные раны.*

Фрэнсис Бэкон

Nora Roberts

Thankless in Death

Copyright © J.D. Robb/Nora Roberts, 2013. This edition
published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis
Literary Agency

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Ему до смерти опостылело ее нытье.

Вечно она ворчит и брюзжит, ворчит и брюзжит, только и делает, что ноет, стоит ей открыть свой поганый рот. Его так и подмывало заставить ее заткнуться.

Джеральд Рейнхолд сидел за столом на кухне, втянув голову в плечи под напором нескончаемой материнской критики, ее надоедливых претензий.

Каждый день одно и то же, с отвращением думал он. Как будто он по собственной вине лишился этой дурацкой бесперспективной работы! Как будто это он виноват, что подружка – еще одна стерва, не умолкавшая ни на минуту, – дала ему от ворот поворот, так что ему пришлось опять поселиться у своих брехливых предков и опять без конца слушать их скулеж! Специально он, что ли, спустил в Вегасе несколько тысяч и теперь никак не может вернуть долг по кредитной карте?

Господи, сколько можно его костерить? Умолкнет старая карга хотя бы на секунду?

Он уже устал ей объяснять, что не потерял бы работу, если бы не гад начальник. Ну, взял отгул-другой, один он такой, что ли? Ну, пару раз опоздал – эка невидаль! Зачем было сразу увольнять?

Только такой помешанный на работе придурок, как его папаша, способен поддержать этого гада.

И чего она так раскудахталась? Все равно он терпеть не мог эту работу и устроился на нее только потому, что Лори заставила, взяв его измором. А теперь изволь отдуваться!

Ему уже целых двадцать шесть лет, и он заслуживает большего, чем кретинская должность разносчика готовой еды.

Подумаешь, временно остался без работы! А Лори из-за этой ерунды дала ему пинка. Ну, еще из-за того, что он немного потратился в веселой поездке с приятелями.

Между прочим, он бы мог найти себе девчонку получше этой толстозадой Лори Нуссио. Вот зараза, пригрозила вызвать копов из-за пары подзатыльников! Она еще не такого заслужила. Жаль, что он тогда не отделал ее как следует.

А он сам, разве он не заслуживает большего, чем паршивая комнатуха в родительской квартире и беспрерывные мамшины

выволочки?

– Ты меня слушаешь, Джерри?! – взвизгнула Барбара Рейнхолд, оперев руки в бока.

Джерри оторвался от монитора компьютера. Расслабишься тут за игрой! Он удостоил свою тощую, плоскогрудую всезнайку мамашу негодующим взглядом.

– Еще чего! Ты когда-нибудь умолкнешь?

– Как ты разговариваешь с матерью? Вот, значит, твоя благодарность за крышу над твоей башкой и за еду, которой мы набиваем твое брюхо? – В руках она держала тарелку, на которой лежал кусок хлеба и тонкий кусок невзрачной индюшатины. – Я здесь стараюсь, делаю тебе сэндвич, а ты смеешь мне дерзить? Неудивительно, что Лори указала тебе на дверь! Заруби себе на носу, у тебя не получится долго прохлаждаться задарма. Уже скоро месяц как ты торчишь здесь и палец о палец не ударил, чтобы найти работу!

«Лучше заткнись, не то я сам тебя заткну!» – подумал он, но промолчал, потому что ронял слюнки при виде сэндвича.

– Прав твой отец, ты безответственный тип, но я ему сказала: это твой сын, Карл, мы не можем бросить его в беде. Когда ты собираешься взяться за ум – вот что я хочу узнать!

– Я тебе говорил, что выйду на работу. У меня есть выбор. Я ломаю голову, на чем остановиться.

– У него есть выбор! – фыркнула мать и вернулась к приготовлению сэндвича. – За год ты сменил четыре места. Из чего ты выбираешь, когда сидишь сиднем в разгар дня в той же паршивой пижаме, в которой дрыхнул? Я тебе говорила, что в соседнем продуктовом нужен кладовщик, почему бы тебе туда не наведаться?

– Потому что я не кладовщик. – Он заслуживает лучшего. Он им не абы кто. Он бы чего-то добился, если бы к нему так не приставали. – Отвяжись!

– Мы еще недостаточно к тебе привязываемся. – Она накрыла индюшатины ярко-оранжевым сыром и заговорила ласковым, вразумляющим тоном – как же он ненавидел этот ее тон! – Мы с твоим отцом сэкономили, во всем себе отказывали, чтобы ты мог учиться в колледже, но тебя оттуда выперли. Ты говорил, что хочешь научиться писать свои любимые компьютерные игры, и мы тебя поддержали, вложили в это занятие деньги. Когда у тебя не получилось, отец взял тебя к себе в контору. Он за тебя поручился, но ты обнаглел, стал огрызаться, вот и вылетел на улицу.

Она вооружилась ножом и стала резать сэндвич.

– Потом ты познакомился с Лори – такой миленькой! Умницей, работающей девушкой из хорошей семьи. Мы надеялись, что у вас все получится. Она устроила тебя помощником официанта в ресторан, где сама работает. Даже когда тебя и оттуда выгнали, она от тебя не отвернулась. Когда ты сказал, что не прочь поработать рассыльным, только для этого нужен хороший велосипед, мы одолжили тебе денег, но это тоже и двух месяцев не продлилось. Между прочим, ты так с нами и не расплатился, Джерри. И вот теперь тебя в очередной раз выгнали с работы!

– Я устал слушать, как ты напоминаешь мне о моем прошлом. Как будто я сам во всем этом виноват!

– Все повторяется, Джерри, и с каждым разом все становится только хуже!

Она сложила губы трубочкой, выкладывая на тарелке его любимые луковые колечки.

– Тебя опять уволили, и теперь ты не можешь позволить себе снимать жилье. Ты забрал деньги для съема жилья и то, что Лори скопила на своих чаевых, и покатил в Лас-Вегас с Дейвом и с этим никчемным Джо. Только чтобы вернуться оттуда без гроша.

– Хватит врать! – Он вскочил. – Это были мои денежки! Мне что, нельзя расслабиться с друзьями, хоть немного повеселиться?

Он видел в ее глазах не слезы, не злость, а разочарование. Это выражение бесило его больше всего.

– Это были деньги на аренду, Джерри. И то, что Лори сэкономила на чаевых. Она сама мне это сказала.

Она со вздохом сложила салфетку треугольником – она всегда так делала, с самого его детства. Вздох свидетельствовал о сердечной боли, но он слышал в нем только обвинение.

– Ты лгун, Джерри, ты все время используешь людей. Напрасно мы так долго тебе потакали. Мы все время предоставляем тебе разные возможности, а ты их отвергаешь одну за другой. Возможно, это отчасти наша вина, возможно, как раз поэтому ты решил, что можешь так грубо со мной пререкаться.

Она поставила на стол тарелку, налила в стакан его любимый напиток с кофейным вкусом.

– Мы с твоим отцом надеялись, что сегодня ты наконец найдешь работу или по крайней мере начнешь ее искать, приложишь какие-то усилия. Мы с ним обсуждали это, когда вчера вечером ты опять отправился слоняться со своими дружками. Между прочим, взяв без спросу пятьдесят

баксов из моих накоплений на черный день.

– Это еще что за разговоры? – Он старательно изобразил оскорбленную добродетель. – Ничего я у тебя не брал! Ты вздумала обвинять меня в воровстве? Ну, ты даешь, ма!

– Это уже не в первый раз. – Она поджала губы, голос дрогнул, а потом окреп, стал жестким, непреклонным. Он невольно еще сильнее втянул голову в плечи. – Мы обсудили все это и решили больше не миндальничать. Думали сообщить тебе это вдвоем, когда отец вернется с работы, но лучше я скажу тебе прямо сейчас, Джерри, так у тебя будет больше времени. До первого декабря изволь найти себе работу. Если не найдешь, тебе придется отсюда съехать.

– Мне нужно время!

– Мы и так предоставили тебе целый месяц, Джерри, но ты бездельничал, шлялся по ночам, а потом спал по полдня. Ты уже взрослый, а ведешь себя как ребенок, причем избалованный и неблагодарный. Если хочешь иметь больше времени, если хочешь нашей поддержки, то пообедай – и ступай искать работу. В продуктовом тебя ждет место кладовщика, смотри, не упusti его. Пока будешь работать и показывать нам, что стараешься, можешь оставаться здесь.

– Ты не понимаешь! – Он выжал слезу – обычно это был беспронимчивый прием. – Лори меня бросила. Она была для меня всем! Она променяла меня на другого.

– На кого это?

– Откуда я знаю, на кого? Она разбила мне сердце, ма. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

– Ты говорил, что она тебя выгнала, потому что ты остался без работы.

– Не без этого. Тот гад в «Американа» с самого начала на меня взелся. И она вместо того, чтобы меня защитить, тоже на меня напустилась – видите ли, я не покупаю ей барахло! А потом наговорила обо мне гадостей тебе, попыталась натравить мать на сына!

– Ешь давай! – устало бросила Барбара. – Потом приведешь себя в порядок, оденешься – и марш в продуктовый! Послушаешься меня, Джерри, мы дадим тебе еще немного времени.

– А если нет, то вы выбросите меня на улицу? Пинками, как будто я вам чужой? Родители – родного сына?

– Нам самим будет больно, но это для твоего же блага, Джерри. Пора тебе научиться уму-разуму.

Он вытаращил на нее глаза, представляя, как мать и отец плетут против него козни.

– Наверное, ты права.

– Мы хотим, чтобы ты нашел свое место в жизни, Джерри. Чтобы стал мужчиной.

Он кивнул и шагнул к ней.

– Найти место в жизни? Чтобы стал мужчиной? Ладно.

Он схватил нож, которым мать только что резала сэндвич, и всадил ей в живот.

У нее широко распахнулись глаза, раскрылся рот.

Он не собирался этого делать, у него и мыслей таких не было – разве что совсем чуть-чуть. Но как же это оказалось здорово! Лучше секса. Никогда в жизни он еще не испытывал такого восторга.

Он вырвал нож из раны. Мать отшатнулась, вскинула руки, всхлипнув, произнесла: «Джерри...»

Он снова пырнул ее ножом. Как же ему понравился этот звук! Втыкать, выдергивать! Он пришел в настоящий восторг от потрясенного выражения ее лица и от того, как она хватается за него руками – приятная щекотка!

Он сделал это еще раз, потом еще, потом ударил ее ножом в спину в тот момент, когда она попыталась выбежать из кухни. Она упала на кухонный пол и забилась, как выброшенная на берег рыба, а он принялся ее кромсать. Она уже перестала двигаться, а он все не мог остановиться.

– Вот это – для моего блага!

Он посмотрел на свои окровавленные руки, на растекшуюся по полу красную лужу, на брызги на стенах, на кухонный стол – прямо безумная картина из Музея современного искусства.

Художник, подумал он. Может, ему заделаться художником?

Он положил нож на стол и тщательно вымыл руки в кухонной раковине, глядя, как уходит в сток окровавленная вода.

Она была права, думал он: насчет места в жизни, насчет того, что ему пора стать мужчиной. Вот он и нашел свое место. Теперь он точно знает, как заявить о своей мужественности.

Он возьмет то, чего хочет, а все те, кто стоит на его пути, теперь поплатятся. Он заставит их поплатиться, потому что ничего в жизни еще не доставляло ему такого наслаждения, не было таким настоящим, не приносило такого СЧАСТЬЯ.

Он уселся, глядя на распластанное тело матери. Скорей бы появился домой папаша, промелькнуло у него в голове.

Лейтенант Ева Даллас надела португепю. На завтрак она ограничилась пачкой коротких вафель – их хватило, чтобы на ее лице застыло довольное

выражение. Ее муж – без всякого сомнения, самый великолепный мужчина на свете – смаковал вторую чашку отличного кофе на диване в спальне. Кот, недавно предпринявший неудачную попытку запрыгнуть на столик, теперь сидел на полу и вылизывал свой жирный бочок.

Она любовалась Рорком: пышная черная грива, точеные черты, чуть улыбающийся красивый рот, волнующий взгляд устремленных на нее синих глаз. Кот Галахад делал вид, что не интересуется тарелками от их завтрака и вообще не имеет никакого отношения ко всей этой сладенькой картинке под названием «наслаждение домашним уютом».

– Похоже, ты довольна собой, лейтенант.

– Вполне довольна, – подтвердила она, мысленно добавляя рокошующий ирландский басок Рорка к списку своих утренних удовольствий. – Уже пару дней обходится без экстренных дел, так что я зарылась в бумажки. Судя по прогнозу погоды, сегодня мне не грозит отморозить задницу, к тому же я покидаю дом, наевшись вафель. Пока что денек складывается отменно.

Она натянула поверх блузки шоколадный жакет – то и другое Рорк одобрил, потом села, чтобы надеть ботинки.

– Обычно тебе подавай чего-нибудь погорячее скучных бумажек, – напомнил он.

– На носу праздники, 2060 год подходит к концу. Лучше не смешить коллег и не испытывать судьбу. Поскорее бы закончить годовой отчет. Последние дни выдались не бей лежачего. Еще немного – и я вконец разленюсь.

– Вот ты все и сглазила. – Он с сожалением посмотрел на нее, качая головой. – Теперь все пойдет наперекосяк.

– Опять ты со своими ирландскими суевериями!

– Простой здравый смысл. Кстати, об ирландцах и праздниках. В среду к нам нагрянет родня.

– В среду?

– Это будет среда перед Днем благодарения, – подсказал он. – Не все мои кузены в восторге от этой традиции, но тем, кто пропустил прошлый год, в этом уже некуда деваться. Ты говорила, что тебя это не напрягает.

– Совершенно не напрягает. У тебя милые родственники. – Он только недавно обрел их всех, прожив большую часть жизни, как и она, без родни и без связанных с ней удовольствий и проблем. – Просто у меня всегда затруднения с тем, как быть с такой оравой, в которую не затесалось ни одного копа.

– Им будет не до тебя. Судя по всему, у них насыщенная программа: покупки, экскурсии, театр, все такое прочее. Вряд ли они сядут тебе на

шею все сразу, разве что в сам День благодарения. Главное, их разбавят остальные – знакомая тебе компания.

– Это точно. – Она уже дала согласие принять всю толпу – в тот момент эта мысль выглядела соблазнительно. Прошлогодние гости произвели на нее хорошее впечатление, а теперь к ним добавятся ее коллега Пибоди с бойфрендом Макнабом, остающиеся в этом году в городе.

– Раньше все получалось. – Она пожала плечами и встала. – Как говорится, чем больше народу, тем больше психов?

– Тем веселее, хотя тебе виднее. Учти, я хочу позвать дополнительно еще четверых.

– Это еще кто такие?

– Гости. Ричард ДеБласс с семейством. Элизабет позвонила мне только вчера. Они привезут детей в Нью-Йорк, на парад.

– Значит, я угадала, заговорив о психах! Кому приспичит лезть в такую толпу?

– Тысячам людей, иначе не было бы никакой толпы, верно? Они забронировали номер в отеле на маршруте парада. Вот я и подумал, что было бы здорово пригласить их на традиционный обед. Никси спит и видит повидаться с тобой.

Ева ни на минуту не забывала эту девочку, потерявшую разом всю семью: ее родителей убили ворвавшиеся в дом грабители.

– Куда это годится – притащить ее на традиционную семейную встречу сюда, ведь здесь и произошел весь этот ужас?

– Ты знаешь, она быстро привыкает к новой жизни. Но ей все равно нужны зацепки. У нее теперь новая семья, им хорошо вчетвером, но родители не хотят, чтобы Никси забыла свою первую, утраченную семью.

– Она и так ее никогда не забудет.

– Верно, никогда. – Как и ему самому никогда не забыть эту картину: малышка в морге, прильнувшая ухом к переставшему биться отцовскому сердцу. – Это не то же самое, что твое возвращение в Даллас. – Он встал и приблизился к ней. – Она снова ощутит то потрясение, ту боль. Но у нее была семья, любившая ее, у нее отняли любимых людей.

– Согласна, зацепки – это важно. Но меня все равно никто не заставит пойти на парад.

– Это я усвоил. – Он привлек ее к себе и поцеловал. – У нас обоих есть за что благодарить судьбу.

– Например, за нашествие ирландских родственников, а еще за голодную свору, истекающую слюнями по индейке и пирогу!

– Придется их уважить.

– В пятницу я тебе сообщу, согласна ли я на эту пытку. А теперь мне пора бежать.

– Побереги моего любимого копа.

– А ты – моего любимого мультимиллионера.

Выбегая из дома, она уже смирилась с предстоящим на День благодарения вторжением.

Что происходит с людьми? Наблюдая за соотечественниками, Ева недоумевала. Что заставляет их всех толпиться на улицах, заполнять тротуары, толкаться на бегущих дорожках, сбиваться в стаи на перекрестках? Что гонит их всех в таких количествах в Нью-Йорк на праздники?

Неужели все они – бездомные?

Пока она прорывалась сквозь пробки в центр, в Главное полицейское управление, рекламные щиты у нее на пути сверкали навязчивыми призывами:

МЕГАРАСПРОДАЖА В «ЧЕРНУЮ ПЯТНИЦУ»!

СКОРРЕ, НЕ ПРОПУСТИТЕ СКИДКИ!

ПРАЗДНИЧНЫЕ РАСПРОДАЖИ В «СКАЙ-МОЛЛ!»

НЕ УСТОИТ НИ ОДНА МАГАЗИННАЯ ДВЕРЬ!

Вот бы все они ринулись именно в воздушный «Скай-Молл», подальше от города! Соревнуясь в сноровке с такими же, как она, нетерпеливыми водителями в очередном уличном замесе, она успела заметить, как ловкий воришка-карманник обрабатывает стайку рассеянных туристов, столпившихся вокруг уличного киоска.

Даже если бы она не застряла среди скоростных такси и фыркающих макси-басов, ей не удалось бы поймать его на месте преступления. Ногами он орудовал так же шустро, как пальцами: через считанные секунды воришка растворился в толпе, разжившись, как она успела сосчитать, тремя бумажниками и двумя коммуникаторами, не считая мелочи из карманов.

«Кто рано встает, тому бог подает», – вспомнилась ей поговорка. За воришку она порадовалась, хотя было и чему огорчиться: универмаги за городом недосчитаются пяти покупателей.

Заметив разрыв в густом транспортном потоке, она метнулась туда и, не обращая внимания на какофонию злобных гудков, свернула в нужном направлении.

До Управления она добралась с готовым планом действий в голове. Первым делом бумажки, расчистка рабочего стола. А потом главное: расследования, которыми занимаются ее детективы. Возможно, получится

повесить на Пибоди отчеты по расходам: пусть напарница помучается с цифрами. А у нее при удачном раскладе появится шанс распутать какое-нибудь заковыристое и зависшее дельце. Свежий взгляд всегда полезнее замыленного.

Нет ничего приятнее, чем подловить преступника, вообразившего, что он не оставил улик.

Она сошла с движущейся дорожки – высокая стройная женщина в кожаном пальто – и направилась в отдел убийств. Ее короткие каштановые волосы обрамляли угловатое лицо с ямочкой на подбородке. Продолговатые золотисто-карие глаза внимательно, как подобает глазам полицейского, всматривались в лица тех, кто попадался ей на пути в отдел.

Свернув в свой отсек, она увидела Санчеса: закинув ноги на стол, он тыкал пальцем в свой коммуникатор. Трухарт, нарядный красавчик в мундире, не отрывал глаз от монитора компьютера. Пахло дрянным кофе, всегда поглощаемым полицейскими в невероятных количествах, и дешевым ненатуральным сахаром. Это свидетельствовало о нерушимости равновесия в мире. Из кухонного закутка появился Дженкинсон с огромной кружкой неизменного отвратительного кофе и с бесформенным пончиком. На нем был надет тускло-серый костюм и кричащий розовый галстук с пронзительными синими и зелеными кружочками.

– Здорово, лейтенант! – пробурчал он.

– Ну и галстук у тебя, Дженкинсон!

Он отхлебнул кофе и поставил кружку на стол.

– Миру недостает красочности.

– Ты случайно не спер его у наших чокнутых айтишников?

– Это подарок его девочки, – подал голос Санчес.

– Не моей, а твоей – в благодарность за прошлую ночь.

– В таком галстуке она увидит тебя за два квартала и вовремя сделает ноги.

Прежде чем Дженкинсон нашелся с подходящим ответом, вошел Бакстер, одетый с иголочки – в темно-шоколадном костюме и в мастерски повязанном галстуке, переливавшемся от бурого до матово-красного оттенка. Увидев Дженкинсона, Бакстер застыл как громом пораженный.

– Господи, тут ослепнуть недолго! – Он извлек из кармана модные темные очки, надел их и уставился на Дженкинсона. – Что это у тебя на шее? Живое существо?

– Подарок от твоей сестренки, – сказал Трухарт, не отлипая от компьютера. – В знак уважения.

«Паренек делает успехи», – хмыкнула про себя Ева и ушла, оставив

мужчин ломать комедию дальше.

В своем кабинетике с единственным узким окном и неудобным, словно копирующим пыточное, креслом для посетителя она первым делом подошла к кухонному автомату. Благодаря Рорку она пила не только дрянной кофе, как остальные полицейские, так что здесь могла мириться и с этой пакостью. Она налила себе чашку покрепче и погорячее, села с ней за стол и приготовилась к прилежной работе с документами.

Но коммуникатор не дал ей сделать и одного глотка.

– Даллас.

– Вызов для лейтенанта Евы Даллас. Сотрудник ожидает по адресу Даунинг-стрит, 735, квартира 825. Два тела, мужчина и женщина.

– Даллас на связи. Свяжусь с детективом Пибоди по пути.

– Принято. Вызов завершен.

«Вот дерьмо, – подумала она, залпом опрокидывая кофе и обжигая себе язык. – Все-таки сглазила!» Схватив только что снятое пальто, она бросилась к двери.

В отделе собралась вся братия, по-прежнему изощрявшаяся в остроумии по поводу злополучного галстука Дженкинсона. Пибоди, еще не успевшая раздеться, была одного мнения с Евой: веселенький галстучек!

Впрочем, сиявший неонем Макнаб тоже был Пибоди по вкусу.

– Пибоди, со мной!

– Что? Куда? Уже?

Ева быстро зашагала вперед, так что Пибоди только и оставалось что семенить за ней в своих розовых ковбойских сапожках, стараясь не отстать.

Куда катится ее отдел? Розовые галстуки, розовые сапоги! Ева решила, что надо вообще запретить в отделе убийств этот позорный цвет.

– Что теперь?

– Похоже, два трупа.

– Хорошенькое начало дня! – Дожидаясь лифта, Пибоди вытянула из кармана шарф и обмотала себе шею.

«В розовую и синенькую клеточку, – зло подумала Ева. – Розовый цвет определенно пора поставить под запрет».

– И сам денек сегодня что надо! – продолжила Пибоди, улыбаясь во всю ширь квадратной физиономии и сияя темными глазами.

– Ты опоздала, потому что тебе перепало утреннего секса?

– Тоже мне опоздание – пара минут! – поправила Еву Пибоди. – Мы вышли из метро, не доехав до нужной станции, чтобы пройтись. Редко выпадает такая погода!

Они втиснулись в кабину лифта, где уже теснились копы.

– Люблю осень, когда ветрено, все такое четкое, резкое, с тележек торгуют жареными каштанами.

– Так и есть – секс.

Пибоди снисходительно улыбнулась.

– Мы встретились поздно вечером, договорившись в последнюю минуту. Наскоро оделись, поехали танцевать, потом – взрослые коктейли. Мы оба так заняты, что нам вечно не хватает времени, чтобы просто побыть вдвоем. Приятно хотя бы изредка об этом вспоминать. – Они вылезли из лифта в гараже. – А потом, конечно, секс, – наконец-то призналась Пибоди. – Но денек все равно что надо!

– Жаль, два трупа на Даунинг не добавляют веселья.

– Это точно. Просто еще одно доказательство.

– Доказательство чего?

– Что надо прихорашиваться, танцевать, пить крепкие коктейли и во весь опор заниматься сексом, а то того и гляди загремишь в ящик.

– Все философствуешь, – буркнула Ева, усаживаясь за руль.

– Так ведь скоро День благодарения, – объяснила Пибоди.

– Говорят, что да.

– У нас в семье соблюдают эту традицию. Мы письменно перечисляем все, за что благодарим, и кладем свои записочки в вазу. В День благодарения каждый вытягивает оттуда по несколько штук. Суть в том, что записки напоминают, за что мы должны испытывать благодарность или что ценят другие люди. Понимаешь? Мне нравится. Знаю, в этом году мы не сможем часто видаться с родными, но я шлю им свои благодарственные записочки.

Продираясь сквозь пробки, Ева задумчиво ответила:

– Мы – копы из отдела убийств. Получается, мы должны быть благодарны за мертвецов, иначе нас повыгоняли бы с работы. Вот мертвецы – те, похоже, с благодарностью не знакомы.

– Не так. Мы благодарны за то, что обладаем навыками и смекалкой, чтобы арестовать того или тех, кто превратил живых людей в мертвых.

– Зато тому или тем, кого мы поймаем, будет не до благодарности. Кто-то должен проиграть.

– Все философствуешь! – отрезала Пибоди.

– Просто мне нравится выигрывать. – Ева затормозила на Даунинг позади черно-белой полицейской машины. – Я ценю выигрыш. Пойдем, проявим наши навыки и смекалку.

Она заспешила к подъезду дома, захватив с собой чемоданчик.

– Восьмой этаж, лейтенант, – доложил полицейский на входе, увидев

ее жетон.

– Уже знаю. Как в доме с охраной?

– Чтобы войти, надо позвонить в домофон, но вы же знаете, как это бывает: снаружи камеры есть, а внутри нет.

– Нам понадобятся записи камер.

– Их уже потребовали у коменданта.

Она кивнула и прошла к лифту. «Приличное здание», – подумала она на ходу. Минимум охраны, зато чистенько. Сверкающий пол тесного холла, свежеразкрашенные стены. Она порадовалась, что лифт не лязгает и не скрипит.

– Попасть сюда ничего не стоит, – заметила она. – Просто зайти следом за кем-нибудь или набрать наугад номер квартиры. Ни тебе охраны в холле, ни камер внутри.

– Выйти тоже дело нехитрое.

– Вот именно. Дом содержат в приличном состоянии, значит, здесь живут достойные люди, следящие, чтобы управление домом было им под стать.

На восьмом этаже она подошла к двери квартиры номер 825, которую сторожил полицейский.

– Ну, что тут у нас?

– Докладываю, сэр: женщина из квартиры 824 зашла в восемьсот двадцать пятую приблизительно в семь двадцать утра. У нее есть ключ и код.

– С какой целью?

– Они с погибшей по понедельникам всегда ходили вместе в ближнюю пекарню. По ее показаниям, они всегда уходили ровно в семь. Ее насторожило, что дверь никто не открывает, на звонок никто не отвечает. Войдя, она наткнулась на два тела, опознанные ею как Карл и Барбара Рейнхолд, числящиеся жильцами этой квартиры.

– Где свидетельница сейчас?

– В своей квартире, с нашей сотрудницей. Она, похоже, в шоке, лейтенант. Там, – полицейский указал кивком на квартиру 825, – та еще картина.

– Она мне понадобится. – Ева достала из чемоданчика тубик с герметиком. – Будьте начеку. – И включила свой диктофон.

Ева и Пибоди обработали себе руки и обувь герметиком и вошли.

Услышанное от караульного копа плохо подготовило их к тому, что ждало внутри. Помещение, служившее гостиной, осталось безупречным: взбитые подушки, образцово чистые полы, аккуратно сложенные на

столике журнальные диски. Жуткий контраст с запахом смерти, далеким от свежести.

Границей между гостиной и кухней служил стол. Он же отделял чистенькую жизнь от уродливой смерти.

Рядом со столом, вернее почти под ним, лежал мужчина в темно-синем костюме – то есть темно-синим костюм был при жизни его владельца. Смерть превратила то, что находилось в костюме, в бесформенную окровавленную массу. Стены и кухонная мебель были забрызганы кровью и серыми ошметками мозгов, в еще худшем состоянии была бейсбольная бита, валявшаяся в луже запекшейся крови.

По другую сторону стола, между ним и холодильником, ничком лежала женщина. Цвет ее блузки и брюк нельзя было разобрать, так они пропитались кровью. То, что это были именно блузка и брюки, приходилось угадывать, так они были изодраны – по всей видимости, кухонным ножом, загнанным в спину убитой по самую рукоятку.

– Зверское убийство, – зачем-то констатировала Пибоди.

– Ага. Убийца отвел душу. Займись женщиной. – С этими словами Ева присела на корточки рядом с женщиной и открыла свой чемоданчик.

Она не боролась с жалостью, зная, что это состояние скоро пройдет. За работой не до жалости.

– Жертва опознана как Карл Джеймс Рейнхолд, белый мужчина пятидесяти шести лет, – прочла Ева строку на своем планшете-идентификаторе. – Женат на Барбаре Рейнхолд, в девичестве Миерс, пятидесяти четырех лет. – Она покосилась на Пибоди.

– Личность женщины подтверждена.

– Единственный ребенок – Джеральд Рейнхолд, двадцать шесть лет, проживает на улице Уэст-Хьюстон.

Родители Карла Рейнхолда были еще живы, они переехали жить во Флориду. Брат Карла проживал в Хобокене. Убитый работал в фирме «Бивен и сын, настилка полов», контора и демонстрационный зал которой находились неподалеку, всего в нескольких кварталах.

– Погибший подвергся сильным побоям: пострадали голова, лицо, плечи, грудь, конечности. Повреждения причинены, по-видимому, оставшейся на месте преступления бейсбольной битой, покрытой кровью и серым веществом. Лицо полностью изуродовано. Предполагается личный мотив.

– Слушай, Даллас, я не могу сосчитать на женщине все ножевые раны! Она вся изрублена.

– Одним словом, причина смерти налицо. Давай определим время. – Ева достала свой прибор. – Смерть наступила примерно шестьдесят два часа назад. Получается вечер пятницы, где-то в шесть тридцать.

– Моя почти на шесть часов раньше: пятница, двенадцать сорок дня.

– Промежуток между двумя убийствами составляет около шести часов, – Ева подняла голову. – Сначала неизвестный убивает женщину, а потом что же, дожидается мужчину? Следов борьбы в гостиной не заметно, следов взлома тоже. – Она выпрямилась. – Вызывай перевозку из морга и чистильщиков.

Судя по виду, средний класс, серьезная пара. Размышляя, Ева расхаживала по квартире. Женщина сама впустила убийцу в середине дня? Следов борьбы нет, обоих убили на кухне.

Отложив эти мысли на потом, она заглянула в главную спальню.

– Тут кто-то порылся, – сказала она громко.

– Как-то странно для ограбления, многовато жестокости, – начала Пибоди, но на пороге спальни нахмурилась. – А тут все аккуратно.

– Это только на первый взгляд. Хуже, чем в гостиной. Кое-что лежит

не на своем месте. Покрывало смято, дверцы шкафа распахнуты, на полу одежда. Видишь стол? Один ящик выдвинут. А где компьютер? Ни компьютера, ни планшета.

Ева выдвинула еще один ящик.

– Здесь все перерыто. Это не в ее стиле: она поддерживала в своей квартире образцовый порядок. Тот, кто это сделал, чего-то искал. Свидетельница наверняка здесь бывала, она подскажет, чего недостает.

– Хочешь, чтобы ее привели?

– Хочу, но после того, как заберут трупы. – Ева вышла в коридор. – Вторая спальня тоже не в лучшем виде. Плед валяется кое-как, мебель пыльная. Почему она здесь не прибиралась? И стенной шкаф пустой, – сказала она, распахнув дверцы. – Кем надо быть, чтобы жить с пустым шкафом?

– Не мной. Если у меня есть шкаф, рано или поздно я забиваю его битком.

– Здесь кто-то жил. Всюду грязная посуда, пустая тара. – Подойдя к кровати, Ева сдернула с нее покрывало, нагнулась и понюхала простыни. – Здесь спали. Пометь белье, можно будет взять анализ ДНК.

Она покружила по комнате, пытаясь восстановить события:

– Здесь живет хорошо знакомый им человек. Она в кухне, готовит обед – время почти обеденное. Надо будет проверить кухонный автомат. Может, он чего-то хочет, а она ему в этом отказывает?

Сделав над собой усилие, Ева вернулась на кухню.

– Он взбешен. О, как он бесится! Под руку подворачивается нож, он хватает его и наносит ей несколько ударов. Ручаюсь, ему было приятно.

– Почему? – удивилась Пибоди. – Откуда ты знаешь, что ему было приятно?

– Он ведь не удрал, а остался дожидаться ее мужа. И его забил, как животное на бойне. Вот я и думаю, что он получал от этого удовольствие. Не забудь сказать чистильщикам, чтобы проверили все стоки. Он должен был привести себя в порядок, он же был весь в крови. До возвращения ее мужа оставалось несколько часов – уйма времени, чтобы умыться, переодеться, все здесь перерыть. Наверное, у нее были какие-то драгоценности, в самый раз для ломбарда.

– У них должны были быть припрятаны денежки на черный день, – подхватила Пибоди. – Без этого обычно не обходится.

– Неважно что: драгоценности, наличность. У мужчины не осталось бумажника, наручный коммуникатор тоже отсутствует. Вот увидишь, найдем ее сумочку – там не окажется кошелек. Электроника тоже куда-то

подевалась.

– Ну да, все, что легко унести.

Ева снова покосилась на тела.

– Еще одно. Это не убийство по пустячному поводу. Человек не убивает своих хороших знакомых ради какой-то мелочи. Должна существовать веская причина. Вдруг у них было что-то по-настоящему ценное? Посмотрим, что расскажет соседка.

Уже у двери Ева оглянулась.

– Проверь сыночка, – приказала она Пибоди.

– Думаешь, сын может так разделаться с собственными родителями?

– Кто бесит нас сильнее, чем ближайшая родня?

Выйдя на лестничную клетку, Ева обратилась к караульному:

– Эксперты могут приступить. Фургон из морга уже в пути. Как зовут свидетельницу?

– Сильвия Гантерсен. Уолтер, ее муж, тоже дома, не пошел на работу.

– Понятно. – Она постучала в дверь квартиры 824. Открыла молодая женщина-полицейский с тугим узлом светлых волос.

– Привет, Кардининни! – поприветствовала ее Пибоди.

Блондинка улыбнулась, ледяные голубые глаза потеплели.

– Привет, Пибоди! Утро что надо!

– И не говори. Мы с Кардининни несколько раз дежурили вместе, – объяснила Пибоди Еве.

– Прежде чем мы перейдем к делу, лейтенант, позвольте сказать: очень рада знакомству. Хотя обстановочка еще та, – Кардининни оглянулась. – Женщина в шоке. Ее муж держится, но тоже на пределе. Они дружили с погибшими. Соседействовали больше десяти лет. Ходили друг к другу в гости, несколько раз проводили вместе отпуск.

– Ясно.

Планировка квартиры была зеркальным отражением квартиры напротив. Обстановка поскромнее, бросающаяся в глаза аккуратность. Гантерсены сидели в кухне за квадратным черным столом, сжимая в руках чашки. Ева дала бы им тот же возраст, что у погибших. У женщины стильная короткая прическа, у мужчины, наоборот, забранная в хвост грива. Глаза у обоих красные, распухшие. При виде Евы женщина разрыдалась.

Пибоди хватило одного взгляда Евы, чтобы приступить к делу.

– Миссис Гантерсен, мы очень сочувствуем вашему горю. Это лейтенант Даллас, я – детектив Пибоди. Мы сделаем все, чтобы разобраться, кто так поступил с вашими друзьями.

– Они были моими друзьями, нашими лучшими друзьями, – она всхлипнула и вцепилась в руку мужа. – Как такое могло случиться?!

– Это мы и намерены выяснить. – Ева подседа к столу. – Нам понадобится ваша помощь.

– Она не откликнулась, я забеспокоилась и вошла. И нашла их, Барб и Карла.

– Знаю, как вам тяжело, – заговорила Пибоди. – Но мы вынуждены задать вам кое-какие вопросы. – Судя по всему, от женщины можно было добиться больше толку. – Нельзя ли попросить у вас кофе?

– А как же, конечно! – Сильвия мигом пришла в себя и вскочила.

– Когда вы в последний раз говорили с Барбарой или с Карлом, когда их видели? – начала Ева.

– С Барб я разговаривала в пятницу утром. Всего пару слов, потому что мы с Уолтом уезжали на уик-энд к дочери и ее жениху в Филадельфию. Они только что обручились.

– В четверг мы с Карлом выпили пива после работы, – вмешался Уолтер. – После этого мы не виделись.

– Когда вы вернулись из Филадельфии?

– В воскресенье вечером. Я позвонила Барб, но не удивилась, что никто не отвечает: решила, что они с Карлом куда-то пошли. Они – заядлые киношники. – У Сильвии задрожал подбородок, но она умудрилась поставить две чашки кофе на стол, не пролив ни капли. – В пятницу вечером мы обычно ходим в кино вместе, но в этот раз мы уехали к Элис и Бену.

– У них кто-то жил?

– А как же, Джерри, их сын! Господи, я совсем забыла! Не знаю, куда он девался, что с ним, – ее взгляд, полный нового ужаса, уперся в дверь. – Он... Он тоже там?

– Нет, его там нет.

– Слава богу!

– Когда он вернулся жить к родителям?

– Некоторое время назад. То ли три, то ли четыре недели. Расстался со своей девушкой и переехал.

– Как зовут девушку? – спросила Ева. – И других людей, у которых он мог бы, по-вашему, остановиться. Кто его друзья?

– Лори Нуссио, – сказала Сильвия. – А друзей у него негусто. Мэл, Дейв, Джо – Мэл Голд, Дейв Хильдебран, Джо Клейн. Это главная троица.

– Хорошо. А его сослуживцы?

– Он как раз потерял работу и переехал к родителям на время, пока

снова куда-нибудь не устроится. Джерри – в общем, это отчасти проблемный ребенок.

– То есть ленивый ублюдок!

– Уолтер! – От неожиданности Сильвия села. – Какие ужасные вещи ты говоришь! Он же только что потерял родителей.

– От этого он не становится другим. – Голос Уолтера был рокошущим, словно у него в горле терлась галька. – Бездельник, неблагодарный, убежденный потребитель. – Его лицо перекошилось от горя пополам с гневом. – Мы потому и встречались с Карлом в четверг, что ему было необходимо это обсудить. Они с Барбарой были близки к отчаянию. Этот парень бездельничал не то уже месяц, не то целых полтора и палец о палец не ударял, чтобы найти работу. А если и находил – все равно надолго не задерживался.

– У него были нелады с родителями?

– Барб сильно переживала из-за него, – сообщила Сильвия, теребя маленькую Звезду Давида у себя на шее. – Ей хотелось, чтобы он повзрослел, чтобы стал человеком. Ей нравилась Лори, его подружка. Она считала, что Лори поможет Джерри стать взрослым, ответственным человеком. Но из этого ничего не вышло.

– Он просадил в Вегасе все деньги на съем квартиры и то, что стянул у Лори.

Сильвия со вздохом похлопала мужа по руке.

– Так оно и есть, он недоразвитый и несдержанный. В пятницу утром Барб жаловалась мне, что он забрал из дома часть ее накоплений.

– Где она их держала? – спросила Ева.

– В банке из-под кофе, в глубине кухонного буфета.

Поймав взгляд лейтенанта, Пибоди встала и вышла.

– Они собирались назначить ему срок до первого числа следующего месяца. – Уолтер взял ложку и помешал свой остывший кофе. – Карл сказал мне в четверг, что поговорит с Барб, но его решение было твердым. До первого декабря сын должен найти работу и начать ответственную жизнь, а если нет – пусть отправляется на все четыре стороны. Барбара все время ходила расстроенная, у них ни дня не проходило без ругани. Дальше так продолжаться не могло.

– Они часто ругались? – переспросила Ева.

– Он спал по полдню, потом полночи где-то шлялся. А потом ныл: вода ему недостаточно мокрая, небо недостаточно голубое. Он совсем их не уважал, совсем не ценил, и вот их не стало. Теперь ему придется с этим жить.

Высказав все это, Уолтер не сдержал слез. Сильвия вскочила и обняла мужа.

– Вы знаете, как связаться с Джерри?

– Понятия не имею! – Сильвия гладила мужа по голове, стараясь его утешить. – Наверное, отправился куда-то на несколько дней с друзьями.

«Это вряд ли», – подумала Ева, но ответила на слова женщины согласным кивком.

– Мне неприятно об этом спрашивать, но вы сможете определить, не пропало ли что-нибудь из соседской квартиры?

Сильвия зажмурилась.

– Да, наверняка смогу. Я знаю квартиру Барб и ее вещи, как свои собственные.

– Была бы вам признательна, если бы вы туда заглянули. Когда мы будем готовы пригласить вас туда, вас позовут. – Ева встала. – Мы ценим ваше содействие.

– Мы сделаем все, что сможем. – Сильвия прижималась щекой к плечу мужа, горестно покачиваясь вместе с ним.

Выйдя в коридор, Ева застала там беседующих Пибоди и Кардининни.

– Банка из-под кофе на месте, но пустая.

– Почему-то я не удивлена.

– Чистильщики вот-вот прибудут.

– Отлично. Офицер, когда уберут тела, отведите туда миссис Гантерсен. Запишите, что, по ее словам, пропало.

– Будет исполнено, сэр.

– Пибоди, мы едем искать ленивого ублюдка сына.

– Только чтобы все было по закону! – предостерегла Пибоди Кардининни.

– Постараюсь.

У лифта Ева проинструктировала прибывших чистильщиков, потом нагнала Пибоди.

– Расскажи мне про сыночка.

– «Ленивый ублюдок» – похоже, правильная характеристика, – начала Пибоди. – На втором курсе его отчислили из колледжа. Ни на одной работе не удерживался больше полугода, в том числе в отцовской конторе. Последнее место – разносчик ресторана «Американа». Пару раз задерживался за мелкие правонарушения: нетрезвое состояние, нарушение общественного порядка. Ничего крупного, в склонности к насилию замечен не был.

– Сдается мне, это его рук дело.

– Ублюдок расправился с мамочкой и папочкой из-за мелочи в банке из-под кофе?

– Нет, из-за того, что его жизнь спущена в унитаз, а родители решили перестать тянуть его за уши. Вот как я это вижу. Проверим, не использовал ли он кредитные и дебетовые карты на имя отца или матери.

По пути она забрала у полицейского, караулившего вход, диск с записями камер наблюдения.

– Приступайте к обходу квартир, – распорядилась она. – Выясните, вдруг кто-то что-то видел или слышал. Если кто-нибудь видел Джерри Рейнхолда, уточните, когда это было. Начните с восьмого этажа и не пропускайте ни одного.

– Слушаюсь, сэр.

В машине она вставила диск в проигрыватель.

– Поглядим, что тут есть.

Она начала ускоренный просмотр с утра пятницы. На экране появились Гантерсены с широкими улыбками и с чемоданами, потом засновали туда-сюда разные люди.

– Полюбуйся, наш погибший: возвращается с работы. Вечер пятницы, восемнадцать двадцать три.

– Усталый вид, – заметила Пибоди.

– Еще бы, он думает, что предстоит ссора с сыном. Знал бы он, что его ждет нечто пострашнее.

Ни в пятницу вечером, ни в субботу утром камеры Рейнхолда-младшего не зафиксировали.

– Он там ночевал? – в ужасе воскликнула Пибоди. – Рядом с убитыми родителями?

– Зато у него было полно времени, чтобы забрать все, что он хотел, и все обдумать. Видишь, выходит? Двадцать двадцать восемь, вечер субботы. Он провел с ними больше суток. Тащит два чемодана. Давай проверим вызов такси по этому адресу или посадку пассажира на ближайшем углу. Не мог же этот лентяй сам волочить чемоданы неведомо куда!

– Еще улыбается! – тихо проговорила Пибоди.

– Вижу. Смотрим дальше. Вдруг он возвращался? – Поглядывая на экран, Ева втянулась в транспортное месиво.

– Куда поедет для начала?

– Пожалуй, по его последнему известному адресу.

Пока Ева вела машину, Пибоди тоже не бездействовала.

– Никаких операций с картами погибших, – доложила она.

– Значит, он не законченный болван.

– В квартиру он не возвращался.
– Потому что уже забрал все, что хотел.
– Долго ли он протянет на содержимом банки из-под кофе? Даже если там лежала пара тысяч баксов – и то многовато для домашней копилки.
– Давай-ка проверим финансы обоих убитых. Переводы и снятия со всех их счетов. Люди обычно записывают где-нибудь пароли, – опередила Ева возражение Пибоди. – У него было достаточно времени, чтобы обзавестись их паролями и кодами и попользоваться их счетами. Но сперва – такси. Вдруг нам повезет?

Ева уже сворачивала на улицу, где раньше обитал Джерри, когда Пибоди издала радостный крик.

– Нашла! – Она продемонстрировала большой палец и продолжила работу с коммуникатором. – Вот оно! Служба такси «Рэпид Кеб». Сел прямо перед своим домом, доставлен к «Мэнору» – шикарному бутик-отелю в Уэст-Виллидж.

– Адрес, Пибоди!

Пибоди ввела в навигатор адрес, Ева включила сирену и «мигалку» и лихо вписалась в поворот. Пибоди со страху вцепилась побелевшими пальцами в свой талисман и забормотала молитву – недлинную, зато искреннюю.

Отель соответствовал своему названию: он действительно походил на зажиточный графский особняк в английской провинции. Это была великолепная кирпичная постройка, хорошо отреставрированная и заросшая плющом, с широким портиком на входе и ливрейным привратником, на лице которого застыла пренебрежительная гримасса.

Ева еще только притормаживала, а он уже торопился навстречу в своей царственной синей с золотом ливрее и сияющих высоких сапогах.

– Послушай, дружок, – начала она, но его выражение на глазах изменилось: только что он был готов сказать гадость, а теперь произносил почтительное приветствие.

– Лейтенант Даллас! Чем мы можем вам помочь?

Он сбил ее с толку. Как она ненавидела это состояние недоумения! Но в следующее мгновение она догадалась, что к чему: «Мэнор» принадлежал Рорку, и привратнику только что порекомендовали оказать супруге большого босса всяческое содействие.

Подобная ситуация уже не вызывала у нее ненависти, но все равно раздражала.

– Мне нужно, чтобы моя машина стояла там, где я ее оставляю. И

менеджера мне, поскорее!

– Разумеется. Диего! – Привратник подозвал служащего во всем черном, с полной тележкой. – Проследи за сохранностью машины лейтенанта Даллас. Я придержу для вас дверь, лейтенант. – Он распахнул тяжелую резную дверь и величественным жестом пригласил полицейских внутрь.

Просторный вестибюль походил на безупречную гостиную в стиле Старого Света. Ева подумала, что все здесь выдержано в излюбленном стиле Рорка: лакированное дерево, выложенный сияющей плиткой пол, тяжелые бронзовые светильники, обилие прекрасно подобранных и красиво расположенных цветов. Вместо услужливых клерков за стойкой она увидела женщину, сидящую в кожаном кресле с высокой спинкой одного цвета с ливреей привратника. На женщине было надето простое гладкое платье черного цвета, черные волосы собраны в глянцевый хвост.

– Риана, это лейтенант Даллас и... прошу прощения?

– Детектив Пибоди, – подсказала Ева привратнику.

– Им срочно нужна Джолин.

– Конечно, одну минуту. Не желаете присесть?

– Мы постоим.

Женщина, продолжая улыбаться, дотронулась до своего наушника.

– Джолин, это Риана из лобби. Здесь лейтенант Даллас. Да, разумеется. Новая улыбка.

– Она сейчас спустится. Не желаете освежиться? У нас прекрасный выбор чая.

– На ваше усмотрение. – Ева достала свой ноутбук. – Взгляните на этого молодого человека. Вероятно, он назвался Джеральдом Рейнхолдом. В каком он номере?

– Мистер Рейнхолд выписался два часа назад. – Улыбка Рианы сменилась гримасой комического огорчения. – Мне ужасно жаль!

– Проклятье? Вы уже заступили на дежурство? – обратилась она к привратнику.

– Да, это было при мне. Я загрузил два его чемодана в наш бесплатный автобус-шаттл, следовавший в аэропорт. Он сказал, что вылетает ранним рейсом в Майами.

– Лейтенант? – Женщина средних лет в костюме оттенка граната, с золотисто-каштановыми волосами, в туфлях на высоких каблуках пересекла холл и протянула Еве руку: – Я Джолин Мортимер. Добро пожаловать в «Мэнор». Чем могу быть вам полезной?

– Мне нужно осмотреть номер, где останавливался Джеральд

Рейнхолд. Для начала ответьте, как он расплатился, что заказывал, находясь у вас, с кем говорил.

– Конечно. Риана?

Та, уже торопливо барабанившая пальцами по планшету, закивала.

– Уже готово. Мистер Рейнхолд снимал «Сквайр Сьют». Он заказал номер вечером в пятницу по электронной почте, при помощи кредитной карты, но, прибыв вечером в субботу, заплатил наличными. За подачу еды и напитков в номер он тоже платил наличными: в субботу в двадцать один час пять минут, вчера в десять тридцать утра и в семнадцать ноль-ноль, сегодня утром в семь. Дополнительные услуги – пользование мини-баром в номере.

– Каков суммарный расход? – поинтересовалась Ева.

– Прошу прощения?

– Сколько он потратил?

– Ммм... – Риана покосилась на менеджера, та утвердительно кивнула.

– Три тысячи шестьсот долларов сорок пять центов, все полностью уплачено – наличными, как я сказала.

– Нам понадобятся копии всех ваших счетов. А пока я хочу заглянуть в его номер.

– Пойдемте со мной. – Джолин опять зацокала по плитке, направляясь к бронзовой двери лифта. – Там сейчас убираются.

– Пусть прервутся, – распорядилась Ева.

– Я уже велела бригаде по уборке оставить в номере весь мусор, белье и полотенца, посуду.

– Как предусмотрительно! Мне также потребуются записи ваших камер наблюдения – наружной, на его этаже, в лифтах, в лобби.

– Я позабочусь об этом.

Раздражение Евы понемногу улеглось.

– Можно узнать, что натворил мистер Рейнхолд?

– Он – главный подозреваемый по делу о двойном убийстве.

– Боже мой!

Джолин повела ее по широкому коридору налево от лифта. Подойдя к белоснежной двери с бронзовой табличкой THE SQUIRE'S SUITE, она приложила к пластине электронный ключ.

– Пибоди!

По жесту Евы Пибоди взялась за аккуратно завязанный мешок с мусором, оставленный у двери. Сама Ева стала исследовать небольшой обеденный стол, усеянный тарелками, чашками и стаканчиками.

– Обильный завтрак!

– Яйца «Бенедикт», шампанское, свежавыжатый апельсиновый сок, ягодная смесь со взбитыми сливками, большой яблочный пирог, бекон. – Джолин подняла глаза к потолку. – Хотите послушать еще? Он заказал креветки «а-ля Эмили» в качестве закуски, филе-миньон средней прожарки с соленым жареным картофелем, еще масла, консервированную морковь, шоколадное суфле, два шоколадных пирожных, бутылку нашего шампанского «Жуэ Премиум» – все это в вечер своего прибытия. Еще он употребил восемь баночек колы, три бутылочки воды, две баночки кешью, шоколадки, фруктовые леденцы, различное спиртное из мини-бара.

– Царская трапеза, – пробормотала Ева. – Ну и аппетит!

Она прошлась по номеру и обратила внимание на то, что жилец номера не сидел без дела: повсюду были разбросаны диски с развлекательными программами и использованные стаканчики.

– Можете проверить, пользовался ли он этим? – Она указала на гостиничный коммуникатор на столике с изогнутыми ножками.

– Уже проверила. Только внутри отеля: заказывал доставку еды в номер и проверял расписание автобуса до аэропорта.

– Здесь ничего, лейтенант, – доложила Пибоди, закончившая рыться в мусоре.

– Майами?

– Как раз занимаюсь, – откликнулась Пибоди, не поднимая головы от своего ноутбука. Надо ведь проверить все рейсы: шаттлы, регулярные, коммерческие, чартерные, частные.

Ева кивнула и прошла в спальню. Горничная уже сняла с кровати постельное белье и сложила его аккуратной стопкой на полу. Ева заглянула в шкаф, проверила все полки, побывала в ванной комнате. Пибоди в это время так же тщательно прочесывала гостиную.

– Ужасный грязнуля! – буркнула Ева. – Разбросал все полотенца, все повынимал и повытаскивал, наделал луж, не оставил в покое ни одного диска, разорил мини-бар, наказал гору еды! Игра в богача, поселившегося в шикарном отеле, – вот что это такое!

– Решил, наверное, что может себе это позволить. – Ева увидела, как Пибоди хмурится, глядя на монитор. – Готова расшифровка финансов. У Рейнхолдов было восемьдесят четыре тысячи с хвостиком на совместных счетах, еще сорок с чем-то тысяч в облигациях с плавающим курсом и шесть тысяч на дебетовом карточном счете. Все до последнего цента переведено виртуальным путем с использованием данных Карла Рейнхолда в пятницу вечером и в субботу. Он перевел все по частям на три разных счета на свое имя. Теперь все средства у него.

– А мы их возьмем и заморозим! – Ева потянулась к своему коммуникатору.

– Поздно, Даллас. Все снимал – лично, наличными и чеками. В последнем из банков он побывал меньше четверти часа назад.

– После понесенных расходов у него остается больше ста тридцати тысяч. Это уйма денег! Никакой Майами здесь, конечно, ни при чем.

– Лейтенант, – позвала Джолин, – что мы делаем теперь?

– Вы уже сделали все, что могли. Все учтено, мы вам крайне признательны. За вами только копии записей камер наблюдения и чеков.

– Вы все получите.

«Думай, думай!» – приказала себе Ева, выходя из номера.

– Вряд ли он сюда вернется, но если это случайно произойдет...

– У меня остались имя и фотография. Если он вернется в «Мэнор», я немедленно с вами свяжусь.

– Окажите такую любезность! Давно вы работаете у Рорка?

– Я занимаю эту должность уже три года, – ответила Джолин с улыбкой. – При прежних владельцах я была заместителем главного менеджера. Когда Рорк приобрел «Мэнор», он предложил мне на выбор временные должности в шести других его отелях, где проводилась реконструкция. Еще мне предлагалось готовить персонал, особенно для «Мэнора», а когда он опять откроется, стать здесь главным менеджером.

– Рорк – мастер подбирать себе сотрудников. А прежний главный менеджер?

Улыбка Джолин превратилась в усмешку.

– Скажем так: он не соответствовал требованиям владельца.

Она проводила их обратно к Риане, уже приготовившей пакетик с диском и пухлый конверт.

– Надеюсь, вы быстро его поймаете. – Джолин пожала руку сначала Еве, потом Пибоди.

– Хотелось бы.

– Как мило! – сказала Пибоди в машине. – Удручающе, зато мило. Если бы Рорк владел вообще всем на свете, нам работалось бы гораздо легче.

– Он близок к этому. Я высажу тебя у первого банка, а сама отправлюсь по его последнему известному адресу. Твоя задача – проверить все три банка. Посмотрим, что ты там выяснишь. Давай выпустим предупреждение о розыске для всех транспортных центров и компаний аренды машин.

– У него нет водительских прав, – напомнила Пибоди.

- Эту проблему он преодолеет, достаточно найти кого-то поглупее.
- Или купит машину.
- Это обошлось бы дороговато. Но будем иметь в виду и такой вариант. А также пафосные отели: он – любитель шикавать.

Высадив Пибоди, Ева некоторое время колесила по городу, пытаясь представить дальнейшие действия Джерри. Либо он покинет город, либо где-нибудь затаится.

Зачем оставаться в Нью-Йорке? Это слишком рискованно.

Однако она не исключала и этого. По ее мнению, он не был дураком, по крайней мере набитым. Но все же каков идиот! Просадить за одну ночь в отеле больше трех тысяч! Спрятаться до понедельника, дождавшись открытия банков, и забрать все деньги – это разумно; но проспять-проесть такие деньжищи – вопиющий идиотизм!

Приехав по его последнему известному адресу, она включила на машине сигнал «на задании». Раз он такой любитель шикавать, то, может, захочет похвастаться перед дружками? Или даже опять покатить в Вегас, еще раз попытать счастья? А то и понежиться на солнышке на тропическом пляже.

Ева вспомнила, что у него была девушка, и решила ее допросить.

Своим универсальным ключом она открыла дверь невзрачного трехэтажного дома и, побрезговав древним лифтом, поднялась по лестнице на верхний этаж.

Она постучала, уверенная, что в это время дня никого не застанет, но изнутри послышался лязг задвижки.

Дверь открыл мужчина – лет 25, среднего роста, подтянутый, даже спортивный: в этом не было сомнения, на нем были короткие велосипедные шорты и облегающая майка. Каштановые волосы с красным гребнем собраны на затылке в короткий хвостик.

Он привалился к дверному косяку, подбоченился, демонстрируя завидную мускулатуру.

– Привет, – сказал он.

– Взаимно.

При виде Евиного полицейского жетона он сразу утратил задор.

– Какая-то проблема?

– Еще не знаю. Можно войти? Есть разговор.

– Вот как? – Он оглянулся, переступил с ноги на ногу, опять уставился на нее. – Входите. Сегодня я работаю дома. – Он распахнул дверь. – Устроил себе перерыв, чтобы проехать пару миль на велосипеде.

Ева увидела маленькое окно, под ним короткий стол, заваленный дисками, папками. В углу стола примостилась мисочка с соевыми чипсами, рядом стояла банка спортивного напитка. Напротив широкого настенного экрана красовался сверкающий велотренажер.

– Знаю, пару недель назад я превысил скорость и нарвался на штраф. Я обязательно заплачу.

– Я похожа на сотрудницу транспортной полиции?

– Вообще-то не очень.

– Лейтенант Даллас, Управление полиции Нью-Йорка, отдел убийств.

– Убийств?! Только не это!

– Вы – Малахия Голд?

– Да. Мэл. Меня называют Мэлом. Кого убили? Вы знаете о каком-то убийстве?

Он вдруг превратился в мальчишку.

– Еще не знаю. Вы знакомы с Джерри Рейнхолдом?

– С Джерри? С ДЖЕРРИ? – Теперь он выглядел не только юным, но и больным. – Господи боже мой! Мне надо сесть, – он плюхнулся на гладкий серебристый диванчик. – Джерри погиб?

– Этого я не говорила. Мне известно, что вы знакомы. Как вы

познакомились?

– Мы были соседями. Мы вместе росли. В детстве жили в половине квартала друг от друга, вместе ходили в школу. Мы по-прежнему встречаемся, иногда выпиваем вместе пива. Я всю жизнь знаю Джерри. Что случилось-то?

– Дойдет и до этого. Какой работой вы здесь занимаетесь, Мэл?

– Что? А-а. Я программист. При желании могу работать дома. Я пишу программы и занимаюсь наладкой для «Глобал Юнайтед».

– Хорошо получается?

– Неплохо. – Он провел ладонью по лицу, как будто пытался проснуться. – Работенка что надо, мне всегда хотелось такую, сколько себя помню.

– И платят неплохо?

– Платят, если заслуживаешь. Не пойму, что случилось-то?

«Дай оглядеться», – подумала Ева.

– Как я погляжу, Мэл, ты хорошо устроился: мебель, тренажер, все такое. А домик-то – барахло!

Он выдал улыбку.

– Согласен. Но это оболочка, главное – что внутри. Меня устраивает район: живу в пешей или велосипедной доступности от работы, тренажерного зала, моих родителей. Со всеми знаком, разве не здорово? Когда стал зарабатывать, мог переехать, но я решил остаться здесь.

– Понятно. В данных Джерри указан этот адрес.

– Вот как? – Мэл сдвинул брови. – Да, мы пару лет жили здесь вдвоем, но он съехал уже давно, восемь-девять месяцев назад.

– Почему?

– Потому что познакомился с Лори и...

– Лори Нуссио?

– Она самая. Он переехал к ней.

– Он же не поэтому от тебя отселился?

Мэл поерзал с виноватым видом.

– Понимаете, я целых три месяца платил за него аренду, начался уже четвертый. Куда это годится? Он даже не пытался участвовать. Вот он и переселился: сначала на пару месяцев к своим родителям, потом к Лори.

– Вы с ним ссорились из-за арендной платы?

– Не ссорились, а спорили. Ну, вы знаете, как это бывает. Он был, конечно, недоволен, но мы все уладили. Мы же старые друзья! Когда мне дали большую прибавку, я летом снял на неделю виллу в шикарном Хэмптонсе и пригласил Джерри и еще двоих. Все прошло прекрасно. Так

что с ним стряслось? Как он умер?

– Он не умер.

– Но вы сказали?

– Я этого не говорила. Насколько мне известно, Джерри жив. В отличие от его родителей.

При этих ее словах Мэл вскочил, как будто подброшенный пружиной.

– Что? Нет! Мистер и миссис Рейнхолд?! Нет! Несчастный случай?

– Отдел убийств, Мэл, помнишь?

– Какой ужас! – У него хлынули слезы из глаз, голос охрип. – На них напали? Они обожают ходить в кино и иногда поздно возвращаются домой.

– Нет.

Он опять рухнул на диван и закрыл ладонями лицо.

– Не могу поверить! Миссис Рейнхолд. Она всегда чем-нибудь меня угощала, когда я к ним заглядывал: то печенье сунет, то кусок пирога, то сэндвич. Вечно твердила, что мне надо постричься и найти себе хорошую девушку. Как вторая мать, представляете? Господи, когда моя мама узнает, это станет для нее потрясением. Они – старые-престарые подруги. Бедняга Джерри, вот ведь не повезло! Он знает?

– Еще как знает! Он их и убил.

Мэл медленно опустил руки, мутные от шока и слез глаза впились в Еву.

– Чушь какая-то! Неправда! Быть такого не может! Ни за что. Даже не думайте, леди.

– Лейтенант. Самая что ни на есть правда. Где он, Мэл? Куда мог пойти?

– Не знаю, не знаю, – он раскачивался, прижимая к животу кулак. – Куда бы вы пошли, когда вокруг творится сумасшествие, когда все рушится? Домой, куда же еще!

– С домом он покончил.

– Он бы пальцем их не тронул. Это ошибка!

– Свяжись с ним. Вызови по коммуникатору.

– Слушайте, я же его друг. Вы пытаетесь сцапать его за преступление, которого он не совершал. Не мог совершить.

Ева подошла к нему вплотную.

– Он пырнул мать ножом на кухне. Я еще не была в морге и не могу сказать, сколько нанесено ударов, знаю только, что она вся искромсана. Потом дождался, пока вернется с работы отец, и превратил его в месиво бейсбольной битой.

Мэл посерел.

– Нет-нет, он не... Бейсбольной битой?

– Совершенно верно.

Мэл судорожно сглотнул.

– Мы играли в бейсбол: сначала в Детской лиге, потом на пустыре – несколько лет назад мой отец сколотил команду. Но Джерри все равно этого не сделал бы.

– Представь, сделал. Потом вынес из дома всю наличность, нашел пароли и перевел на свое имя все, что у них было, до последнего гроша. Последние две ночи он прожил в роскошном отеле: устроил себе красивую жизнь.

– Нет! – Мэл встал и подошел к окну над своим столом. – Не желаю этого слышать. Мы дружили с шестилетнего возраста.

– Куда он мог пойти?

– Клянусь, не знаю. Клянусь жизнью своей матери! Сюда он не приходил. Он ни во что меня не втягивал.

– Он избавился от своего коммуникатора. У него уже наверняка новый, поэтому твой его не опознает. Если он свяжется с тобой, ничего не говори. Если захочет где-нибудь с тобой встретиться, соглашайся – только обязательно выйди на меня. Явится сюда – не впускай. Не подавай виду, что ты дома, – и свяжись со мной. – Вставая, Ева положила на стол свою карточку. – Назови мне какие-нибудь имена. Других друзей. И расскажи про эту Лори Нуссио.

– Сейчас...

Он перечислял имена, Ева вносила их в свой ноутбук.

– Она его выгнала. Я про Лори. Он остался без работы и перестал отдавать свою часть аренды.

– Это вошло у него в привычку.

– Выходит, что так. Пару месяцев назад он подался в Вегас с парочкой друзей: с Джо и Дейвом, я вам их называл. Я не смог поехать из-за дня рождения сестры и, конечно, огорчился. Я слышал, что он там проигрался, и Лори его выгнала. Тогда он поселился у родителей.

Мэл потер себе лицо.

– Мне надо увидеться с матерью.

– Могу тебя отвезти.

– Спасибо, я сам. Мне полезно пройтись. Он ведь мне почти что брат, представляете? Он – единственный ребенок в семье, у меня сестра, и мы с ним – как братья. Согласен, он неудачник. Неприятно это говорить, но так и есть – самый настоящий неудачник. Но сделать такое! Мне надо домой.

– Ладно, Мэл. – Ева сунула ему свою карточку. – Занеси эти номера в

свой коммуникатор. Свяжись со мной, если увидишь или услышишь его. Если увидит или услышит кто-то другой – тоже свяжись. Все понятно?

– Все.

Ева поговорила с Пибоди, занимавшейся двумя другими друзьями Джерри, чьи имена назвала им Сильвия Гантерсен, а потом отправилась к его бывшей подружке. Там ей повезло меньше, чем с Мэлом Голдом. На стук в дверь никто не ответил. Тогда Ева стала стучаться к соседям. Наконец одна из дверей приоткрылась.

– Я ничего не покупаю, – предупредил из-за двери женский голос.

– А я ничего не продаю. – Ева показала свой жетон. – Я ищу Лори Нуссио.

– Только не рассказывайте мне, что такая славная девушка – преступница.

– Не буду. Я хотела кое-что с ней обсудить. Она ничего не сделала.

Дверь открылась шире, и крючконосая соседка Лори окинула Еву суровым взглядом.

– У нее сегодня выходной. Как и у меня. Кажется, она ушла пару часов назад. Вроде бы за покупками, потом перекусить с подружкой, сделать прическу. Мало ли чем занимаются девушки в этом возрасте!

– Миссис...

– Мисс. Кребтри. Сэла Кребтри.

Ева показала ей на своем ноутбуке фотографию Джерри.

– Видели здесь его, мисс Кребтри?

Женщина фыркнула, широко распахнула дверь и взъерошила свои светлые непричесанные волосы.

– Этого? С тех пор как она дала ему от ворот поворот – нет. И очень этому рада. Говорите, он что-то натворил? Охотно верю. По-моему, он обращался с нашей милой девочкой совсем не так, как она заслуживает. Я прямо так ей и говорила, твердила, что она достойна лучшего. У меня самой был в ее возрасте похожий обормот. Я дала ему пинка – и очень этим гордилась.

«У Джерри совсем нет поклонников», – подумала Ева и кивнула.

– Если она вернется, передайте ей мою карточку. Пусть позвонит.

– Сделаю, не беспокойтесь.

– А если появится он? Вы мне сообщите, мисс Кребтри?

Женщина растянула губы в улыбке.

– Можешь на меня положиться, сестренка.

– Только не вздумайте с ним связываться!

– Он на кого-то напал?

– Откуда такое предположение?

– У него был нехороший взгляд. Я тридцать три года работаю в баре. Уж в глазах-то я разбираюсь, умею отличить добрый взгляд от злого.

– Действительно, напал, – подтвердила Ева. – Так что не связывайтесь. Просто скажите Лори как можно скорее мне позвонить.

– Буду с нетерпением ждать ее. И его. Только он уже с месяц здесь не появлялся. Вспомнила! – Она ткнула в Еву пальцем. – У меня есть номер Лориного карманного коммуникатора.

– У меня он тоже есть. Буду пытаться ее разыскать. Спасибо.

По пути вниз она попыталась дозвониться Лори, но ответа не было. Она недоуменно повторила ввод данных, проверила номер, попробовала еще раз – опять безрезультатно.

Поменяла, что ли?

Ева вернулась к соседке Лори и проверила номер – он оказался правильным.

– Припоминаю, она что-то говорила про новый коммуникатор, – сказала Кребтри. – С новым номером и всем прочим. Она всегда охотится за новинками.

– В общем, как только ее увидите, скажите, чтобы позвонила мне.

По пути в морг Ева успела связаться с тремя людьми из списка и поговорить с менеджером ресторана, где работала Лори Нуссио.

Возможно, без посещения морга можно было обойтись: ей не требовалось подтверждать такую очевидную причину смерти обоих пострадавших. Но это было частью процедуры, которой она никогда не изменяла. Она хотела еще раз взглянуть на погибших, как ни тяжело это было. Мнением Морриса тоже нельзя пренебрегать. Главный судмедэксперт часто видел картину по-своему. И всякий раз заставлял ее шевелить мозгами.

Она шла по гулкому белому тоннелю, замедляя шаг у торговых автоматов. Не мешало бы освежиться, но у нее были напряженные отношения с автоматами. И сейчас совсем не было настроения вступить в конфликт с проклятой железякой.

Поглубже засунув руки в карманы, она дошла до двери Морриса и решительно ее толкнула.

Оба тела, отмытые от крови, лежали на кафельных столах. Моррис с профессиональной точностью вскрыл Y-образным разрезом грудную клетку женщины и увлеченно изучал ее содержимое. Его умные глаза обрамляли очки с сильными линзами, на серый с синими блестками костюм был накинут белоснежный халат. Длинные черные волосы,

заплетенные в три косицы, были перетянуты серебряной лентой.

– Говорят, это работа их сынишки?

– Да.

Он выпрямился.

– Это гораздо острее змеиных зубов.

– Какие змеиные зубы?

Он улыбнулся, и его очаровательное лицо потеплело.

– Это из Шекспира.

– Понятно. – Неудивительно, что он и Рорк находят общий язык. – В этом маловато поэзии.

– Он еще специализировался на трагедиях. Здесь как раз трагедия.

– Я могу сказать одно: дебил сынок окончательно спятил. У тебя не найдется чего-нибудь холодненького?

– У нас тут все холодное. – Он чуть заметно улыбнулся. – Тебя интересуют напитки? – Он сделал широкий жест рукой в окровавленной перчатке. – Угощайся. Будь как дома.

– Торговые автоматы при виде меня вечно ломаются, – объяснила она, подходя к его маленькому холодильнику. – Не иначе это какая-то химия.

– Неужели?

Она с облегчением достала баночку колы, щелкнула кольцом, сделала глоток.

– За твое здоровье!

– И тебе не хворать. Как видишь, женщин пропускают вперед – в ее случае это сработало даже в смерти. Напоследок, часов за пять до кончины, она употребила внутрь кусок белого хлеба, примерно шесть унций соевого кофе с искусственным подсластителем и полчашки греческого йогурта с гранолой. Не такая уж вкусная последняя трапеза. Она была чуть-чуть недокормленной, состояние здоровья превосходное. Во всяком случае, до пятидесяти трех ножевых ударов.

– Серьезный перебор!

– Большинство ранений нанесено, когда она лежала на животе – об этом свидетельствует угол проникновения лезвия. Некоторые удары были так сильны, что сокрушали кости. Отколот кусочек большой берцовой. – Он продемонстрировал сосуд с обломком кости. – По-моему, все ранения нанесены одним и тем же ножом – тем, который ты обнаружила воткнутым в труп. Раны, свидетельствующие о попытках обороняться, отсутствуют.

– Он застал ее врасплох. Даже когда это уже происходило, она не верила, что такое возможно.

– Согласен. Из моей реконструкции следует вывод, что первый удар

был нанесен вот сюда. – Он указал пальцем на живот убитой. – Повреждения серьезные, но при надлежащем и своевременном лечении она бы поправилась. Следующий удар, вероятно, вот этот, пришелся примерно туда же.

– Они находились лицом к лицу.

– Да, и, вероятно, очень близко. Следующие удары наносились наугад, с большей силой.

– И глубже, – прошептала она.

– В спину. – Он сменил проекцию на мониторе, чтобы показать Еве спину убитой. – Несколько ударов, опять-таки судя по углу проникновения, были, вероятно, нанесены при ее попытке спастись, потом – когда она упала. Большая часть ударов нанесена, когда она уже была мертва или по крайней мере потеряла сознание. Слабое утешение. О падении говорят ушибы, но она их уже не почувствовала.

– Это совсем не утешает.

– Кто это сделал, ты знаешь. А почему?

– Потому что он кретин. Даже старый верный друг называет его неудачником. Ни на одной работе не мог – или не хотел – удержаться, подружка вытолкала его за дверь. Вернулся жить к мамочке с папочкой, а те давай зудеть: «Либо взрослей, либо выметайся!» Думаю, мамаша устроила ему очередную головомойку, и тогда он...

– Боюсь, родительская стезя усеяна ловушками. Одна из них стоила женщине жизни.

– Так и есть.

Сколько ножевых ударов сама Ева нанесла своему отцу? Кто-нибудь их считал? Но тогда решался вопрос жизни и смерти – ее жизни и смерти.

– Что скажешь о другом пострадавшем?

– Пока – самые предварительные соображения. – Моррис перешел ко второму кафельному столу. – Ты правильно определила на месте преступления время его совершения, бита, приобщенная тобой к вещдокам, соответствует характеру повреждений. Первый удар пришелся вот сюда: широкой частью биты – прямо в лицо.

– С размаху, – подхватила Ева. – Перед кухней есть маленький выступ. Он стоял за ним. Муж входит – и отшатывается. Видит тело жены, кровь, хочет бежать. Убийца с размаху бьет его в лицо.

– Раздроблены нос, левая скула, глазная впадина. Следующие удары выбивают несколько зубов, челюсть, в трех местах проламывают череп. Потом он занялся трупом. По моей оценке – я ее еще уточню, – ударов было примерно три десятка. Некоторые нанесены сверху вниз: бита

втыкалась в тело. Уже после первого удара жертва, видимо, лишилась чувств.

– Ему повезло больше, чем его жене.

– Да, ей пришлось больше мучиться.

– Ты когда-нибудь дрался с родителями?

Он с готовностью улыбнулся.

– Думаешь, я не был подростком? Долг подростка – воевать с родителями и испытывать их терпение.

– Ты фантазировал, как отвешиваешь им тумаки?

– Такого не припомню. Но я регулярно представлял, как доказываю их неправоту, хотя на самом деле мне ни разу не удалось их переубедить. Еще я мечтал, как сбегу и стану знаменитым музыкантом в стиле блюз.

– Мечты сбылись: ты классно дудишь на саксофоне.

– Так-то оно так, но, – он задрал руки, – моя работа – мертвецы, как, кстати, и твоя. Давай уж постараемся ради матери и отца этого ублюдка.

– Я готова. Спасибо за угощение.

– Всегда пожалуйста. Кстати. Даллас, заранее спасибо за приглашение на День благодарения. Для меня честь принадлежать к числу ваших близких и друзей.

Она пожала плечами, чтобы скрыть дрожь.

– Слушай, Моррис, сколько раз мы с тобой стояли вот так над мертвецами? Кто мы, если не самые близкие люди?

Из морга Ева поехала в Управление полиции. Надо было подытожить собранные сведения и написать предварительный отчет. Да, еще договориться о консультации с Мирой – если до конца дня они не найдут Рейнхолда. Вместе с ней в лифт загрузилась группа ротозеев под предводительством экскурсовода – полиция старалась быть открытой для горожан. Ева в последний момент выскочила из лифта, предпочтя одиночество на медлительных эскалаторах. Увидев на дисплее коммуникатора Пибоди, она нажала клавишу вызова:

– Даллас на связи. Ну, что накопила?

– Питту с сыром и зеленью, соевый картофель. Я в киоске на углу Управления. Сейчас буду. Взять что-нибудь для тебя?

Ева собиралась отказаться, но вовремя спохватилась.

– Тащи хот-дог. Я уже в здании, поднимаюсь наверх.

– Заметано. Буду через десять минут.

В ее отсеке Дженкинсон, так и не снявший свой термоядерный галстук, пялился в монитор. Бакстер, по-прежнему в темных очках, с нечеловеческой скоростью щелкал по своему коммуникатору. В нос Еве

ударил запах жареного лука, перебивший дух дрянного кофе.

Кармайкл, одетая, как положено, в полицейский мундир, одной рукой вытягивала луковые колечки из жирного пакета, а другой постукивала по клавиатуре.

Ситуация в норме, решила Ева и спряталась у себя в кабинете.

Плевать на мигающую лампочку вызова! Сначала надо как следует устроиться. Она заказала распечатку фотографий места преступления, убитых, Рейнхолда.

Программа действий на предстоящий час. Фотографии. Отчет.

– Хот-дог со всем, что только можно, – доложила ввалившаяся в кабинет Пибоди, пахнувшая едой. – Заодно захватила для тебя картошечки – вдруг захочешь?

– Спасибо.

Зная пристрастия напарницы, Пибоди указала на кухонный автомат. Ева подняла два пальца: кофе на двоих.

– Что дали опросы?

– Ну и дубина этот Джо Клейн! Отказывается верить, что Джерри – они с ним, дескать, кореша не разлей вода – способен на убийство. Ерничает, утверждает, что бывшая девушка Рейнхолда – сварливая стерва; ржет, когда вспоминает, как Рейнхолд проиграл в Вегасе пять тысяч с хвостиком, тогда как сам Клейн выиграл восемь. От их приятеля Дейва Хилдебрана было больше толку. Этот говорит, что Клейн и Рейнхолд – два сапога пара. Сообщение об убийстве совершенно его размазало, зато, – она подала Еве кофе, – когда он немного пришел в себя, то вспомнил, что Рейнхолд был в последнее время не в себе, сильно на взводе. «Окрысился на весь мир» – так он выразился: ругал родителей за то, что лезут не в свое дело, ко всем цеплялся, всех вокруг проклинал.

Пибоди пригубила кофе.

– Никому не давал спуска: ни своему бывшему боссу, ни сослуживцам, ни подружке. Мог пристать к случайному прохожему. Вечером накануне убийства Дейв, Рейнхолд и Клейн таскались по барам. Рейнхолд, дескать, только и делал, что бранился. Сам Дейв стал реже с ними видеться после Вегаса. Он с кем-то встречается и, по его словам, устал от вечного нытья Рейнхолда и зубоскальства Клейна. О Мэле Голде он лучшего мнения – с ним ты, наверное, встретилась, он ведь живет по последнему адресу Джерри.

– Да, встретилась.

– Мои двое с вечера четверга не виделись и не говорили с Рейнхолдом. Клейн безуспешно звонил ему вечером в субботу.

– Еще бы, Рейнхолду было не до него. А Голд действительно неплохой парень.

Поедая хот-дог, она выведывала у Пибоди, на что та обратила внимание.

– Банки? – спросила она с набитым ртом.

– Я забрала копии записей камер наблюдения и просмотрела их по пути. Вид у него на них лощеный, заносчивый. Никаких чемоданов – один портфельчик. В банках говорят, что он требовал только наличность, но суммы были великоваты, так что часть денег он взял чеками. Его вежливо спрашивали, с чем связана такая спешка. Он отвечал: «Давайте деньги, или будет скандал». Сдается мне, не в таких обходительных выражениях.

– Надо будет взглянуть на эти записи. Камеры засекли его уход? На чем он уезжал?

– Уходил пешком. – Пибоди беспокойно ерзала в неудобном кресле напротив Евы. – Либо машина ждала его за углом, либо он ловил ее, когда скрывался из виду.

– Пусть полицейские наведаются в ближайšie заведения – вдруг там что-то заметили? С его бывшей я связаться не смогла. Ее соседка говорит, что она куда-то отправилась с подругой. И что хотела приобрести новый коммуникатор с новым номером. Займись этим. У соседки, Сэлы Кребтри, есть мои координаты. Если сегодня бывшая или ее соседка не выйдет на связь, навестим их завтра утром.

– Ясно.

– Я назначу встречу с Мирой. Уведомь всех, кого нужно. Родители убитых должны узнать о случившемся от нас, а не из прессы. Собери свои записи, чтобы я могла... – Она отвлеклась на сигнал настольного коммуникатора. Сделав над собой усилие, она проверила, от кого вызов.

– Черт, начальство! – Она на всякий случай накрыла рот рукой и включила связь. – Лейтенант Даллас.

Экран заполнила физиономия Уитни.

– Жду вас в своем кабинете, лейтенант.

– Есть, сэр.

– Немедленно!

– Уже бегу.

Экран погас.

– Мне достаточно представить, что он так вызывает меня, – и подступает тошнота, – призналась Пибоди.

– Проклятье, я съела почти весь хот-дог. Представляю, как теперь от меня пахнет! – Вскакивая, Ева рванула на себя ящик стола. – Неужели

нечем освежить дыхание?

– Попробуй это. – Пибоди дала ей прозрачную коробочку с розовыми шариками.

– Почему они розовые?

– Вкус жевательной резинки. Очень неплохо. И помогает.

Выбора у Евы не было, и она отправила в рот два шарика. Несмотря на отталкивающий цвет, они оказались вкусными.

– Если я не вернусь к десяти, уведоь всех сама.

– Умоляю, возвращайся!

– Все зависит от Уитни.

На бегу она заметила, что отсутствует Дженкинсон на пару со своим кричащим галстуком, и решила, что он на вызове вместе со своим напарником Рейнеке. Бакстер пересел к его компьютеру и ничего вокруг не замечал. Темные очки наготове, в нагрудном кармане – не иначе, Бакстер готов снова их нацепить при возвращении термоядерного галстука.

Эта шутка могла развлекать их всю смену.

У торгового автомата переминалась детектив Кармайкл.

– Привет, – сказала она. – Вот, пришла за баночкой чего-нибудь похолоднее для очередного нашего подонка. Санчес сидит сейчас с ним в комнате для допросов «А».

– Что натворил очередной подонок?

– Столкнул наркомана с высокой лестницы, а потом запинал его до смерти за попытку всучить фальшивые деньги. То есть даже не фальшивые деньги, а игровые фантики. Такие подонки обычно имеют дело с самой конченной наркотой.

– Игровые фантики? Весело.

– Что ж, теперь ему никуда на них не пройти.

– Куда не пройти?

– Никуда. – Кармайкл махнула рукой. – В «Монополии». В игре.

– Да уж, смерть – это полная остановка.

– Вот именно. Подонок утверждает, что «торчок» сам свалился, а что он бежал, как напуганная газель, – так это не потому, что мы за ним гнались, а чтобы, мол, не опоздать на встречу. Пакетики с дурью, которые мы на нем нашли, как и те, которые ему удалось выбросить, прежде чем его повалили прохожие, – ясное дело, не его. До того нагло врет, что так и подмывает ему врезать!

– Считай, что этого я не слышала.

Кармайкл улыбнулась.

– Санчес не позволяет мне распоясываться. Он у нас добрый коп. В

отличие от злого – меня.

– Запинал, говоришь? Вы проверили его обувь?

Улыбка Кармайкл стала шире.

– Он даже не позаботился переобуться или смыть с башмаков кровь жертвы. Мы отдали кровь на анализ, но это лишнее: он оставил на груди жертвы четкий след. Не хуже, чем на мокром песке! Есть еще два свидетеля: они пялились в дверные «глазки», когда подонок толкнул «торчка» с лестницы, так он – наш подонок – при этом орал.

– Похоже, он изобличен. Зачем ублажать его холодной колодой?

– Санчес прогнал меня, чтобы я остыла. Приятно, что ли, выслушивать, что меня надо как следует оприходовать в задницу штуковиной покрупнее, как раз как у него, которая меня ждет не дождется?

– За такую грубость просто необходимо ему врезать, и посильнее, Кармайкл. Мой путь пролегает как раз мимо комнаты «А». Как его имя?

– Уличная кличка – Клык. Альвар Рамондо.

Ева кивнула.

– Открой дверь, но входить повремени. Дверь оставь открытой.

Кармайкл так и поступила.

– Значит, увидимся, после того как... Привет!

Заглянув в комнату для допросов, Ева уставилась на массивного субъекта. Между 20 и 30 годами, латиноамериканец, короткие рукава, руки в завитках прихотливых татуировок.

– Почему ты не сказала, что здесь Ал?

Санчес разинул было рот, но Ева глянула на него, и он промолчал.

– Как дела, Ал? Как я погляжу, хвастаться нечем.

– Кто эта стерва? – спросил Клык. – Еще одна? Никаких проблем. Я вас обеих оприходую. – Улыбка – доказательство, что этот урод не привык раскошелиться на дантиста. Схватив себя за причинное место, он завилал бедрами и мерзко закричал.

– Ага, так ты и говорил тогда, после текилы. Мне приглянулись татуировки, – сказала она, обращаясь к Кармайкл, – вот я и не стала ему отказывать. И зря, признаться.

Ева закатила глаза и изобразила пальцами похабный жест.

Клык побагровел и попытался вскочить.

– Лживая сучка! Puta! Никогда раньше тебя не видел!

– Не помнишь меня, Ал? Ты еще просил называть тебя Клыком. Не бог весть что, – бросила она в сторону Кармайкл исповедальным тоном.

– Вот ведь лживая сука! Знать тебя не знаю.

– Это все текила. – Ева пожалала плечами. – Не беда, главное, что я сама

тебя помню. Никогда не забываю, – тот же похабный жест. – Ладно, увидимся!

Закрывая дверь, она довольно ухмылялась. О том, что она постаралась не зря, свидетельствовала доносившаяся из-за двери визгливая брань.

Теперь к Уитни она торопилась в приподнятом настроении.

В приемной было пусто, дверь кабинета Уитни распахнута. Ева вошла и остановилась. Темнолицый хозяин кабинета восседал за письменным столом, уставившись на экран.

Она подумала, что он очень подходит для этого кабинета с открывающимся из окна панорамным видом на город, который ему вменялось охранять. В свое время он трудился уличным копом, и очень неплохим. Теперь он возглавлял лучшее подразделение полиции во всей стране.

С этими обязанностями он тоже справлялся неплохо.

Она легонько постучала по дверному косяку.

– Прошу прощения, сэр. Вашего секретаря нет на месте.

– Обедает. – Он поманил ее к себе пальцем. – Закройте дверь.

– Слушаюсь, сэр. – Она знала, что он предложит ей сесть, но предпочитала докладывать стоя, поэтому встала навытяжку.

– Мы с Пибоди только что вернулись после отдельной предварительной работы по делу об убийстве четы Рейнхолд.

Он откинулся в кресле, сцепил толстые пальцы.

– Двойное убийство. Мать и отец.

– Так точно, сэр. Даже на первоначальном этапе существуют исчерпывающие доказательства того, что Джеральд Рейнхолд нанес своей матери более полусотни ударов ножом, после чего более шести часов дождался прихода отца. Отца он забил до смерти ударами бейсбольной биты.

Она перечислила все, что было известно по делу, ничего не упустив. Уитни не перебивал ее, а просто наблюдал за ней из кресла, изредка кивая и задавая редкие уточняющие вопросы.

– Я намерена запросить у доктора Миры психологический профиль подозреваемого. Осталось еще допросить бывшую его подружку, сослуживцев, начальников. Трое людей, с которыми он был ближе всего, не имели с ним контактов после убийства.

– Вы им верите?

– Верю, сэр. Он получил то, что хотел. Устроил себе праздник. Я жду отчета от полицейского Кардининни о том, что пропало с места преступления, чтобы запросить ломбарды и магазины подержанных вещей. Ему нужно избавиться от всего, что он прихватил, чтобы иметь еще больше

наличных. Ему хватило ума не оставаться на одном месте, где мы легко бы его нашли, но где-то он должен задержаться.

– Местная пресса вцепится в это дело. Поручаю ее вам.

Как Ева ни ненавидела прессу, у нее хорошо получалось держать ее в узде.

– Скоро я представлю вам более подробный рапорт, – отчеканила она.

– Представьте, не сомневаюсь. Я удовлетворен продвижением этого расследования, но вызвал вас по другому поводу. – Он положил ладони на стол. – Вы награждены Почетной медалью конгресса США.

– Сэр?

– Причины для награждения: образцовая работа с риском для жизни, спасенные благодаря вашей работе несчетные жизни, опасности, которым вы подвергались в связи с недавним делом о массовом убийстве с применением химического оружия, задержание Льюиса Коллуэя и Джинны Макмиллон и их успешное изобличение.

– Для меня это большая честь, господин майор. Но расследование, арест, изобличение – не только моя заслуга. Моя бригада...

– ...тоже будет отмечена, как и агент Тисдейл из Внутренней безопасности. Но возглавляли следственную бригаду вы, лейтенант. Этими людьми командовали и командуете вы. Это высочайшая честь, к которой может представить своего полицейского Управление полиции Нью-Йорка, и оно относится к этому со всей серьезностью, хотя иногда не обходится без вмешательства политиков. В данном случае, уверен, они не промахнулись. Или вы намерены опровергнуть мою уверенность, лейтенант?

– Никак нет, сэр. – Ловко он загнал ее в угол! – Спасибо, сэр.

– Награждение назначено на среду, на четырнадцать ноль-ноль. Мне велено вас уведомить, и я горд сделать это.

– Благодарю, господин майор. – От гордости, признательности и смущения ей стало трудно дышать. – Не хочу выглядеть неблагодарной. Я очень благодарна! Но нельзя ли сохранить это...

– В тайне? Чтобы новость не вышла за пределы узкого круга?

Она не верила, что такое возможно, но надежда умирает последней.

– Получится?

Он поджал губы.

– Даже не думайте. Выбросьте это из головы, Даллас.

Надежда умерла беззвучно.

– Слушаюсь, сэр.

– Есть еще одно дело, в котором имеется примесь политики. Ответьте,

вы хотите производства в капитаны?

Ева разинула рот, но не надумала, что сказать. Ей показалось, что у нее отнялись ноги.

– Сэр?

– Я задал вам прямой вопрос, лейтенант, и хочу получить прямой ответ. – Прежде чем она собралась с мыслями, он наставил на нее палец и не позволил ответить. – Вы слишком молоды для этого звания. Вы были бы самым молодым капитаном среди всех под моим командованием. Если бы решал один я, вам бы еще долго не видать капитанских нашивок. Политика, размышление, предрассудки – все сыграло роль в том, чтобы не предлагать вам повышения в звании. То, как мы живем, отчасти зависит от того, кто мы такие, а отчасти – от того, как нас воспринимают.

– Понятно, господин майор. – Она действительно понимала – и не только его, но и весь процесс, и саму себя, поэтому позволила себе расслабиться. – Всегда понимала и не жалела о том, как живу.

– И правильно делали. Стало труднее, можно даже сказать, невозможно, использовать против этого повышения ваш брак. Особенно в связи с решением наградить Рорка медалью «За заслуги» для гражданских лиц.

Она вытаращила глаза и не удержалась от усмешки.

– Я много лет смогу использовать это против него.

– У вас и у него любопытная динамика, – заметил Уитни. – А теперь мне нужен ваш ответ.

– Господин майор, – пытаюсь прояснить мысли, чтобы и ответ получился ясным, Ева взъерошила себе волосы. – Три года назад я бы не колебалась. Тогда я еще пыталась что-то себе доказать. За пределами работы я чувствовала себя неуверенно, хотя не отдавала себе в этом отчета. Вот и стремилась доказать, что стою на твердой почве. Стремилась заслужить уважение.

– Вы его заслужили. – Изучая ее лицо, он свел брови на переносице. – А теперь вы колеблетесь?

– Сэр, я счастлива, что вас перевели из следователей в начальники Управления, восхищена вашим опытом и проницательностью. Ваша работа невероятно трудна, почетна и необходима.

– Что ж, Даллас, повышение у вас в кармане, если вы этого хотите.

Она немного перевела дух.

– Нет, я не готова к сидячей работе. В администраторы я гожусь, но все-таки я – сыщик. Капитан, ведущий расследование, – это исключение, а не правило. Я – коп, раскрывающий убийства. Я умею это делать, в этом

моя сила. Иначе меня не представили бы к этому повышению.

Она вспомнила смешной галстук Дженкинсона, резиновую курицу над столом Санчеса, когда тот был новичком. Главным было доверие, которое она испытывала к любому в своем отделе.

– И еще, сэр. Я не хочу возводить преграду между собой и подчиненными. Не хочу создавать у них впечатление, что им надо лезть вверх по ступенькам, чтобы со мной поговорить, подключить меня к делу, попросить о помощи. Не хочу от них отдаляться. Они и сама работа для меня важнее капитанских нашивок. Рада, что могу искренне сказать это.

– Похоже, вы много над этим думали.

– Это не так, господин майор. Не так уж много. – Она поняла, что излила душу, причем не в самом подходящем для этого месте. – Я благодарна вам за желание меня отметить. Но я уверена, что лучше послужу Управлению и жителям Нью-Йорка на своем теперешнем месте.

Он опустил в свое кресло – большой человек с большим городом за спиной.

– Я бы мог сильнее надавить в соответствующих инстанциях, хотя при этом мне пришлось бы спорить с самим собой.

– Политика, сэр. – Движением плеч она отбросила эту презренную материю.

– В чем-то да, но не во всем. Главная причина, почему я решил не настаивать, – то, что я с вами согласен. Ваша сила – это ваши способности следователя, умение возглавить людей в отделе, проникнуть в самое нутро преступника и его жертвы. Не хочется всего этого лишиться. Но теперь, когда многие препятствия устранены, я решил, что пора обратиться к вам с этим вопросом напрямую.

– Можно откровенно, сэр? – Он кивнул, и она продолжила: – Большое облегчение – узнать, что препятствия устранены, и осознать собственные цели и приоритеты.

– С вашего позволения, я передам ваш ответ кому следует.

– Искренне вас благодарю, сэр.

– Не стоит благодарности, лейтенант. Я тоже говорю искренне.

Он встал, обошел стол и сделал нечто, что редко себе позволял: взял и потряс Евину руку.

– Вы свободны.

Она брела от него в недоумении, но в целом чувствовала облегчение. Это было как избавление от тяжести, о которой она как будто забыла; при этом она знала, где ее скинула, на случай если придется снова взвалить ее на себя.

А пока она наслаждалась забытым ощущением легкости.

Чудо-галстук вернулся на свое место и проявлял похвальное прилежание. Бакстер и Трухарт трепались за столом у Бакстера. Пибоди угрюмо трудилась за своим столом – не иначе занялась извещениями.

Все копы в комнате, включая Дженкинсона, надели темные очки.

– Это Голливуд или нормальная полиция?

– У нас и для вас найдется, босс. – Бакстер протянул ей очки с черными дужками и квадратными янтарными стеклами. – Мы не допустим, чтобы наш лейтенант заплакал все глаза.

Подхватывая их игру, она нацепила очки на нос и подошла к Пибоди.

– Как дела?

– С извещениями закончено. Родителей погибших известие убило. Моя мать всегда говорит: сколько бы ни исполнилось твоему ребенку, он всегда остается твоим ребенком. Думаю, она права. Я связалась с их местными консультантами по помощи в трагических случаях.

– Молодец.

– Готов предварительный рапорт чистильщика. Кардининни прислала список отсутствующих, по словам соседки, предметов в квартире. В вашей почте должны быть копии.

– Сейчас проверю.

– Вы долго отсутствовали. – Ева не отвечала, и Пибоди продолжила: – Я послала отчет доктору Мире – вдруг вам понадобится ее консультация.

– Понадобится.

– Коммуникатор Нуссио все еще не подает признаков жизни. То ли она его не активировала, то ли стоит в очереди на регистрацию и ввод данных – это вероятнее. Когда заводишь новый коммуникатор, то сначала играешь с ним, как ребенок.

– Сколько времени обычно уходит на загрузку данных?

– Обычно? От пары часов до бесконечности.

– Отлично. Если не загрузится и если она не выйдет на связь до конца смены, я по пути домой снова к ней заскочу. В крайнем случае свяжемся с ней утром. Давай сюда описание исчезнувших предметов.

– Сейчас будет готово.

– Хорошо. – Она направилась к себе, но по пути оглянулась. – Ты славно потрудились, Пибоди.

– Спасибо.

У себя в кабинете Ева закрыла было дверь, но одернула себя. Не хватало сесть и начать размышлять о разговоре с Уитни! Некогда ей анализировать предложения о повышении, политику, чутье начальства и

подчиненных. Дело не ждет.

Сначала она взялась за список предметов. Он тоже требовал размышления.

Как она и ждала, в списке числилось несколько драгоценных вещей. Маленькие клипсы в форме звездочек с бриллиантами (свидетельница отметила, что это был подарок Карла Барбаре на 25-ю годовщину их свадьбы). Старинные дамские золотые часы с бриллиантами и сапфирами, приблизительно середина XX века, марки «Ролекс» (с отметкой свидетельницы, что они принадлежали прабабке убитой – скорее всего, со стороны матери). Два золотых браслета, набор, жемчужное ожерелье с золотой застежкой – наследство бабки по материнской линии. И бриллиантовое обручальное кольцо убитой в золотой оправе.

Выходит, убитые придерживались традиций, подумала Ева: обручальное кольцо, семейные реликвии.

Со стороны мужа драгоценностей поменьше: золотой наручный коммуникатор, еще одни часы «Ролекс» (опять приверженность традиции!) с инициалами владельца – подарок жены на серебряную свадьбу, две пары запонок – золотые и кованые серебряные.

Список драгоценностей был более длинный, но, по мнению свидетельницы, дальше в нем перечислялась бижутерия: она сама присутствовала при покупке некоторых из этих вещей.

Еще свидетельница вспомнила про два электронных планшета, два мини-компьютера, серебряную минору, серебряную посуду – тоже наследство (сервиз на восемь персон). Граненый хрустальный сосуд в форме корзины на ножках с ручкой был, по словам свидетельницы, единственной вещью, оставшейся у Барбары от прабабушки, ее гордость и отрада.

Кардининни написала, что очень удивлена тем, что подозреваемый не забрал кое-что еще, включая шелковую свадебную хупу с нарисованным от руки деревом жизни. «Свидетельница показала, что эта вещь была сделана для свадьбы прабабки пострадавшей с материнской стороны и потом служила при свадьбе бабки, матери и самой пострадавшей. Пострадавшая говорила свидетельнице, что мечтает передать ее сыну и что она застрахована на 45 тысяч долларов. Фотографии хупы и деревянной музыкальной шкатулки, недавно полученной пострадавшим, по словам свидетельницы, от отца, прилагаются. Шкатулка являет собой старинный механизм цилиндрического типа с инкрустацией на крышке – женщина, играющая на лютне. По мнению свидетельницы, шкатулка тоже была застрахована».

Ева одобрила усилия Кардининни. Доскональные и любопытные сведения. Они наталкивали на вывод, что Рейнхолд знал не все. Он пренебрег свадебной хупой – наверное, не представлял ее стоимости. Музыкальная шкатулка на фотографии смотрелась неказистой; видимо, он счел ее стариковским барахлом. Забрал то, что бросалось в глаза: электронику и деньги.

Неглуп, подумала Ева в который уже раз. Но и умом не блещет.

Она пробежала глазами отчет чистильщика, огорчилась, что по-прежнему не опознана обувь, хотя на месте преступления осталась уйма кровавых отпечатков, еще раз промотала записи камер наблюдения и попыталась обобщить все это в собственном рапорте.

Переписала разговоры с Мирой, Пибоди, майором.

Закинула ноги на стол, села поудобнее.

Пора кое-что обобщить.

Самые обыкновенные люди. Традиционные, давно в браке, средний класс. Женщина занята домашним хозяйством, мужчина зарабатывает на жизнь. Прочные семейные узы, крепкие дружеские связи, здоровые соседские контакты. Вырастили сына. Разочарованы? Он вылетел из колледжа, не способен удержаться на работе, сохранить отношения с девушкой.

Не дожимали ли они его нотациями? А как же! Все как обычно.

«Стань мужчиной, найди работу, думай о будущем, плати по своим счетам».

Наверное, тебя давно от всего этого тошнило? Размышляя, она изучала физиономию Рейнхолда. Ты больше не мог все это слушать: что тебе делать, как делать. Ты устал видеть разочарование в их глазах. Отец день-деньской корячится на какой-то дурацкой работе – вот тоскливый дуралей! Мать хлопчет на кухне, болтает с соседками, вечно напоминает тебе: «Подбери вещи, наведи порядок». Ворчливая зануда!

Из-за них обоих ты был лишен того, чего тебе на самом деле хотелось.

– Так все это видится тебе, – прошептала Ева. – Все, больше тебе не надо на них смотреть, слушать их лекции. Наконец-то свободен!

Она встала.

– Но ненадолго!

Когда она брала с вешалки плащ, в двери появилась Пибоди.

– Есть сигнал о двух часах и жемчуге. Из шикарного места в Ист-Виллидж.

– Проверь. И заодно – последнее место работы Рейнхолда. Только часы и жемчуг? – переспросила Ева уже на ходу.

- Это все, что он принес.
- Носит понемногу в разные места. Не хочет вопросов, старается унести подальше от собственного района.
- Владелец магазина позвонил сразу, как только увидел наше предупреждение. Сказал, что Рейнхолд принес часы и жемчужное ожерелье в одиннадцать часов.
- Через пару часов после банков. Денежки на черный день.
- В гараже она села за руль. Пибоди ввела в навигатор адрес магазина.
- Я бы перевела деньги в Нью-Джерси, – заявила она. – А еще лучше – в Питтсбург.
- Питтсбург?
- К примеру. В субботу собралась бы, дошла до автобуса, сделала пересадку, приехала в Нью-Джерси, нашла спокойный отель. Отдышалась бы. В воскресенье покатила бы на юг. В одном месте перекрасила бы волосы, в другом сменила бы цвет глаз, в третьем – вытравила бы татуировки.
- Когда забираешь деньги, приходится показывать удостоверение личности. Как это сделать, изменив внешность?
- Ты права. Ладно, с этим подожду. Пока что занимаюсь вещами. Нахожу в Джерси магазинчик, вроде того, куда мы сейчас едем, и кое-что сбываю. К утру понедельника забираю денежки, плачу за изменение внешности наличными, все остальное сбываю в Питтсбурге.
- С изменением внешности пришлось бы ждать дольше, иначе, собирая проданное и заложенное тобой, мы бы составили твой новый портрет.
- Черт! Ладно, сперва продаю и закладываю, а ПОТОМ покупаю за полученные деньги новый ID.
- Ева забавлялась, тренируя Пибоди и пробивая дыры в ее плане бегства.
- Интересно, как ленивый обормот из Нижнего Вест-Сайда разнюхает, где в Питтсбурге строгают фальшивые ID?
- Согласна, он обзаведется им еще до отъезда из Нью-Йорка.
- Суть вопроса остается прежней.
- Наверняка он знаком с кем-то, кто знаком с кем-то еще. Скорее всего, он покупал фальшивые документы до достижения совершеннолетия, чтобы проникать в клубы и покупать спиртное. Обычное дело! – Пибоди покосилась на Еву. – Как будто ты сама так не делала?
- Я – нет. – Ева давно не интересовалась клубами.
- Поверь мне, среди молокососов это принято. Я бы использовала это

как трамплин, чтобы обзавестись денежками для нового документа.

– Ты забыла, что в Нью-Йорке выглядишь еще по-прежнему?

– Твоя правда! – Пибоди огорченно стукнула себя кулаком по бедру. – Дай подумать. Как бы ты сама поступила?

– Еще в квартире мертвых родителей я потратила бы больше времени на проблему обзаведения фальшивым документом. Нашла бы мертвеца, обзавелась бы всем необходимым, чтобы у скучающего чиновника в центре выдачи удостоверений личности не возникло вопросов. В субботу, еще до того, как будет поднята тревога, все бы сбыла. Уехала бы с одним легким чемоданом и рюкзаком, чтобы перемещаться налегке. Все равно мне много не надо, достаточно того, что потребуется в течение пары дней. Деньги перевела бы на офшорный счет, который не отчитывается о движении средств. Денег не так много, никто не почешется. Весь воскресный день у меня есть для того, чтобы забраться куда подальше. Уезжаю я со своей прежней внешностью, потом меняю ее для фальшивых документов. Делаю для них фотографию. Потом делаю так, чтобы не совсем походить на того, кем стану. Надеваю мешковатую одежду. Часть состриженных волос перекрашиваю и делаю из них козлиную бородку, вешаю себе сережку, добавляю пару татуировок, искусственный загар. Сажусь в автобус или на поезд, делаю несколько пересадок и еду – но не в Питтсбург, а куда-нибудь в Милуоки.

– Почему именно в Милуоки?

– Просто так пришло на ум. Главное, далеко, на Средний Запад. Там я выбираю подходящий центр выдачи удостоверений и меняю внешность на предыдущую, наболтав, что потерял документы, пока нырял где-нибудь на острове Косумель.

Пибоди вытаращила глаза.

– Ты серьезно?

– Звучит по-дурацки, именно поэтому мне поверят, если хорошо притворюсь. С новыми документами лечу на Каймановы острова – я же туда перевела денежки? – забираю их, поселяюсь в симпатичном отеле и заказываю коктейль с зонтиком в бокале.

– Ну, ты даешь!

Ева крутила головой, ища, где припарковаться.

– Это так, мелочи. Маловато денег, чтобы все сработало и, вообще, чтобы ради них стараться. И все равно я оставляю за собой след, по которому на меня могут выйти ищейки.

Она заметила свободное место на втором уровне и машину-соперницу, метившую туда же. Вертикальный маневр, вираж, оглушительный гудок.

– Мы будем следовать за деньгами, – продолжила она, выходя из машины. – И обязательно их найдем. Это было бы сложнее, если бы он довольствовался деньгами, найденными в квартире, и продажей унесенных оттуда предметов. А потом сбежать, сменить документы, внешность, имя, осесть в Милуоки и найти себе незаметную работенку. Но большинство людей слишком жадны и нетерпеливы. Им подавай все и сразу.

Спустившись на улицу, они прошли полквартала до «Драгоценностей Урсы» – заведения, чей хозяин рекламировал себя как эксперт по продаже, приобретению и ремонту украшений.

Внутри стоял одуряющий аромат цветов и гул голосов, все сверкало.

– Вот это да! – ахнула Пибоди.

– Тише ты! – шикнула на нее Ева. – Тип с волнистыми седыми волосами и круизным загаром – сам Урса.

Хозяин возвращал под стекло прилавка бархатный планшет с безделушками.

– Мистер Урса. – Она показала свой жетон, он со вздохом кивнул. – Лейтенант Даллас и детектив Пибоди. Будем признательны вам за сотрудничество.

– Он показался приятным молодым человеком.

– Не сомневаюсь.

– Сказал, что его родители недавно погибли в аварии. Даже всхлипнул, так что я не стал задавать вопросов. Сказал, что ему слишком тяжело оставлять дома часы и жемчуг. Пытался якобы носить отцовские часы, но не смог.

– Ну-ну.

– Я предложил ему подождать, спрятать все в банковскую ячейку, потому что потом он может пожалеть, что продал памятные вещи. Нет, говорит, я, мол, уезжаю из Нью-Йорка, хочу попробовать начать все с чистого листа. Вещицы были симпатичные, особенно старинные женские часики. Подождите немного, я убрал их в сейф, как только дочь увидела на экране предупреждение. Раньше у нас такого не случалось. Как неприятно!

– Понимаю.

– Прошу меня извинить.

Он скрылся за дверью. Его тут же сменила женщина с темно-синими глазами и с точно таким же носом, как у него.

– Я Наоми Урса. Отец очень расстроен. Я читала об убийстве в квартире на Вест-Сайде – муж и жена. Отцу я ничего не сказала. Но эти часы и прекрасный старинный жемчуг – они ведь принадлежали им?

– Не могу пока что этого подтвердить. Было бы полезно ознакомиться

со съемкой вашей камеры безопасности.

– Хорошо, папа уже сделал для вас копию. Пройдите сюда, за прилавком, можете сами все просмотреть на экране.

Ева двинулась за ней. Ей пришлось ткнуть локтем Пибоди, которая залюбовалась ожерельем под стеклом – настоящей цепочкой розовых слезинок.

– Я нашла эту запись, когда вы вошли, – сказала Наоми и включила воспроизведение.

Ева увидела, как Рейнхолд входит в дверь. Без чемоданов – нашел, значит, где их припрятать. С нарочито скорбным выражением лица он шагнул к хозяину.

Любопытно, подумала она. Почему-то он выбрал пожилого мужчину, воплощение отцовства и властности, а не его молодую дочь.

Сочувствие Урсы было заметно даже на записи. Он выложил на прилавок две бархатных планшета: один для часов, другой для жемчужного ожерелья.

Впившись глазами в Рейнхолда, Ева отметила про себя его спокойствие. Урса на экране вооружился ювелирной лупой и каким-то измерительным прибором и стал изучать принесенные предметы.

Нетерпелив, подумала она про Рейнхолда. Возбужден.

Урса заговорил, Рейнхолд помотал головой, опустил глаза, отвернулся, поджал губы. Он придумал для себя роль и пребывал в ней.

Урса потрепал его по руке – искреннее сочувствие, заметное даже на экране. Отодвинул планшеты, подозвал дочь и зашептал ей на ухо.

– Это он велит мне убрать вещи, чтобы клиент больше их не видел, – объяснила Наоми. – Он даже предложил клиенту чуть больше, чем следовало. Мы оба очень его пожалели. Хотя, если отбросить сантименты, старинные женские часы – действительно стоящая вещь.

Появился сам Урса.

– Я убрал их в коробки. – Он расставил коробочки на столике и открыл их. – Прелестные вещицы! Мужские часы, конечно, не винтаж, но тоже хороши, и состояние отличное. А вот женские – настоящее загляденье, да еще в прекрасном состоянии. К жемчугу тоже не придерешься. Могу показать вам все квитанции.

– Благодарю вас, мистер Урса. Моя напарница предоставит вам все необходимое для страховки, а также квитанцию на все три предмета. Можете звонить мне в любое время. – Она отдала ему свою карточку. – Главное, если мистер Рейнхолд появится опять, не вступайте с ним в конфликт, найдите повод, чтобы отойти, и вызовите меня.

– Думаете, он вернется? – От ужаса Наоми поднесла руку к горлу.

– Не думаю. Но вы должны понять: если вы его снова увидите или услышите, то помните, что он опасен, и обратитесь в полицию. Пибоди, позаботься, чтобы мистер Урса получил от нас все необходимое. Мистер Урса, можно вас на минуточку?

Отведя его в сторону, Ева тихо продолжила:

– Вы были добры к нему. Это не повод чувствовать себя глупо.

– А что, заметно? – спросил Урса с легкой улыбкой.

– У вас наверняка есть веб-сайт, а в нем сказано, что это давний семейный бизнес с индивидуальным обслуживанием, персональным подходом, специализацией на фамильных драгоценностях.

– Угадали. У нас тут трудятся три поколения. Мои мать и отец сегодня выходные. Там мой сын и его жена. – Он указал в угол магазина, где с клиентами занимались мужчина и женщина.

– Именно поэтому он вас и выбрал, – объяснила Ева. – Солидный, уважаемый, честный бизнес. Он изучал рынок, прежде чем остановиться на вас. Стоимость часов и ожерелья он тоже проверил. А раз бизнес семейный, значит, вы посочувствуете истории, которую он вам преподнесет.

– На часах выгравировано имя его отца. Я попросил его показать документы.

– У вас не было причин усомниться в его истории. Держу пари, вы не единственный, кто ее сегодня выслушивает.

Выйдя из магазина, Ева заспешила на второй уровень, к машине.

– Обеспечь мне выезд! – крикнула она Пибоди.

– Конечно. Слушай, он вышел оттуда с сорока пятью тысячами. Не знаю, сколько ему дадут за остальное – похоже, старинные часы были самой дорогой вещью, – но он явно выстилает перышками свое гнездышко и не медлит с этим.

– Мы найдем это гнездышко, – заверила ее Ева.

Распахнув дверцу машины, она застыла, глядя на улицу вниз. Она не позволит убийце почивать на лаврах, выпачканных родительской кровью.

Фитц Равински положил на тарелку кусок яблочного пирога с тонким, как бумага, кусочком ярко-желтого сыра. К пирогу прилагалась ложечка модного немолочного продукта цвета ядерного киви.

– Мятный тофу-йогурт, – объяснил он, качая головой. – Кому это по вкусу?

– Только не мне, – отозвалась Ева.

– О вкусах не спорят. – Он отправил пирог и чашечку черного-пречерного кофе в раздаточное отверстие и пощелкал пальцами по клавиатуре.

– Обеденный час пик уже прошел, но к нам весь день приходят полакомиться тортами и пирогами.

– Вижу. – Ева оглянулась на зал. Там могло набиться в нью-йоркском стиле, как сельди в бочку, человек сто, но сейчас сидела всего пара десятков, включая мужчину, занятого своим наладонником с наушниками и при этом поглощавшего пирог с мятным тофу-йогуртом. Сам вид этого продукта вызывал у Евы тошноту.

– Не уделите нам минут пять?

– Охотно. Эй, Сел, замени меня! – Фитц вытер ладони о белый фартук – похоже, он делал это далеко не в первый раз за день. Приложившись к большой черной бутылке, он кивком головы поманил Еву и Пибоди за свободный столик. – Обязательно попробуйте наш фирменный пирог. В мою смену копы угощаются бесплатно. У меня служат в полиции два кузена.

– Здесь, в Нью-Йорке?

– В Бронксе. Пирог – объединение! Его делают моя мать и сестры.

– Так у вас семейное дело!

– Восемнадцать лет по этому адресу. – Он ткнул толстым пальцем в столик. – Жаловаться не приходится.

– Спасибо за предложение, но у нас времени в обрез. – Еве показалось, что желудок Пибоди издал тоскливое бульканье. – Мы хотим спросить вас про Джеральда Рейнхолда.

– Я выгнал его вон пару месяцев назад. Вечно он опаздывал на работу и уходил раньше времени, не мог справиться с доставкой. А доставка – это, считай, треть нашего оборота. Безответственный субъект! Плевать он хотел на работу.

Равински подался вперед и опять воткнул палец в столик.

– Если он вздумает на меня донести, я найду документы, чтобы оправдаться.

– Как он воспринял увольнение? – спросила Ева.

– Послал меня к такой-то матери и, уходя, сбросил с прилавка блюдце с пирогом под банановыми сливками. Не ушел, а сбежал! – Равински усмехнулся. – Пирог еще не долетел до полу, а этого труса уже след простыл. Сдрейфил, что я за ним погонюсь.

– А вы погнались?

– Еще чего! Пирогом не жалко – хотя он чудо как хорош! – чтобы избавиться от этого ленивого лоботряса. Был бы порасторопнее – до сих пор бы здесь вкалывал. Тогда я впервые увидел, что он может быть шустрым.

– Понятно. У вас были к нему конкретные претензии? Жалобы коллег, клиентов?

– Хотите, чтобы я перечислил? – Равински глотнул еще воды из бутылки, двигая вверх-вниз кадыком. – Например, моя сестра Фран засекала его на заднем дворике курящим. Надо было сразу его уволить, но я дал ему еще один шанс, понимая, что он еще молод и глуп.

– Он делал что-нибудь противозаконное?

– Кажется, нет. После того случая я за ним приглядывал, но больше ни на чем не ловил. Ленъ и неорганизованность – вот его проблемы. Клиенты жаловались, что получают заказы поврежденными или остывшими, а разносчик – это был Джерри – им грубит.

– Вы видели его с тех пор, как уволили?

– Кажется, нет. На прошлой неделе я видел его подружку – теперь уже бывшую, это доказывает, что у нее есть голова на плечах.

– Лори Нуссио?

– Она самая. Лори тоже у меня работала, уже года три прошло с тех пор. Хорошая официантка, симпатичная и неленивая. Протрубила здесь пару лет, а потом нашла работу в одном шикарном месте, там и платят больше, и чаевые щедрее. Ну и молодец. Этого лоботряса я взял по ее просьбе. Когда я его выгнал, она пришла просить прощения. Мол, это она виновата. Лори – славная девочка. По-моему, расставшись с ним, она стала счастливее.

– Он ладил с кем-нибудь из вашего персонала?

– Какое там ладил! Всегда был чужим. Ни с кем не дружил, хотя и врагов не наделал. Так, отбывал повинность, да и то с грехом пополам.

– Хорошо. Спасибо, что уделили нам время.

– Это вам спасибо, дали передохнуть. Не намекаете, почему вас занимает Джерри?

Если пресса еще не раструбила имена жертв и обстоятельства их гибели, то это скоро произойдет.

– Мы хотим побеседовать с ним про убийство его родителей.

– Про что?! – Он неожиданности Равински чуть не выронил свою черную бутылку. – Его родители убиты? Оба? Боже, когда? Как это случилось? – Он задохнулся. – Это что же, сам Джерри? Хотите сказать, Джерри уколошил собственных родителей?

– Мы должны его найти. Найти и поговорить. У меня впечатление, что вы понятия не имеете, куда он мог податься?

– Он тут и трех месяцев не пробыл. Не счесть, сколько раз он пропускал работу, сказавшись больным или еще по какому-нибудь выдуманному поводу. – Равински почесал в голове. Волосы у него были такие прямые и жесткие, что Ева удивилась, что он не расцарапал себе ладонь до крови. – Пару раз к нему заглядывали приятели. Проклятье, как же их звали? Мэл – одного звали Мэл. Этот выглядел неплохим парнем. Зато другой – не вспомню его имя – никуда не годился.

– Эти сведения нам уже известны. Вспомните что-то еще – обязательно сообщите.

– Моя мать говорила, что он обязательно натворит дел.

– Простите?

– Моя мать. Она воображает, что у нее сверхъестественное чутье. – Он махнул рукой. – Ее пращурки были сицилийцами. Вот она мне и говорит: «Помяни мое слово, Фитц, от этого парня кому-нибудь не поздоровится. В нем есть червоточина». – Он покачал головой. – Значит ли это, что он способен на убийство, я не знаю, но вообще-то в чутье моей матушке не откажешь.

На улице Пибоди сказала Еве с надутым видом:

– Кое-кто был бы не прочь полакомиться пирогом.

– Дождись Дня благодарения – наешься до отвала. Сейчас твоя задача – побеседовать с его бывшими боссами и сослуживцами. Это может принести пользу.

– Он должен торопиться. Это его единственная тактика.

– Он в бегах с пятницы. Делай, что тебе велено. На обратном пути заглянешь к его бывшей подружке. А я посижу у себя и подумаю, как нам быть дальше.

– Как насчет Миры?

– Закажу консультацию на завтрашнее утро. Он сумел скрыться из

виду. При больших деньгах он, вероятно, считает себя всемогущим. Вряд ли он забился в какую-то вонючую дыру. Сегодня вечером он устроит себе королевское пиршество. Может, даже полакомится пирогом.

– Вот гад! – Пибоди завистливо оглянулась на удаляющееся заведение с пирогами и шагнула к машине.

У Пибоди выдался длинный день. С утра она даже не догадывалась, как он затянется. Даллас учила ее: никогда не считай дело практически раскрытым – даже когда, как в этот раз, знаешь с самого начала, кто, почему, как и когда.

– Пока что ему везет, – пожаловалась она.

Непревзойденный электронщик Йен Макнаб, шедший вместе к ней к дому Лори Нуссио, отвесил ей игривый шлепок.

– Везение редко затягивается. Кроме нашего, конечно.

С ним она только и делала, что хихикала. С ее точки зрения, это добавляло ему очков. Как и подтянутый вид, умные зеленые глаза, неистощимый на выдумки ум и невероятная энергия и творчество в постели.

– Поднимемся наверх пешком, – предупредила она.

– Чего ради?

– У меня не выходит из головы пирог с йогуртом. От одних этих мыслей тяжелеет попа! По пути домой надо будет купить все необходимое, чтобы я могла испечь такой же.

– Ты будешь печь пирог?

– Вишневым, по бабушкиному рецепту, если мы найдем то, что для него требуется, и поделим пополам расходы.

– Я сам за все заплачу, лишь бы поставить тебя к плите! – Он стал приплясывать на ходу с широкой улыбкой на худом лице, размахивая стянутыми в хвост светлыми волосами и звеня сразу всеми сережками в левом ухе. – Моя лучшая на свете девочка испечет мне пирожок!

Она стала подниматься по лестнице первой, он пыхтел позади нее. Внезапно поймав ее руку, он сказал:

– Люблю уходить с работы вместе с тобой.

– Я тоже. Еще лучше было бы схватить этого мерзавца еще до конца рабочего дня.

– Поймаете, никуда не денется. Дома можешь посвятить меня в подробности. Мы с тобой покумекаем вместе, сдвинув лбы. И, возможно, другие части тела.

Она прыснула, останавливаясь на этаже у Лори.

– Вот ее дверь. – Пибоди решительно постучала.

– Говоришь, она взяла отгул и встретила с подругой? Раз так, она вряд ли торопится домой: ужин, пробежка по клубам.

– Наверное. Мне просто надо... – Пибоди оглянулась на звук другой открывающейся двери. – Мисс Кребтри?

– Да, это я.

Пибоди первым делом предъявила жетон.

– Вы говорили сегодня с моей напарницей, лейтенантом Даллас. Я – детектив Пибоди, это детектив Макнаб.

– Лори еще нет дома. Я начинаю беспокоиться.

– Для нее необычно так долго отсутствовать?

– Нет, но для ее бывшего парня необычно убивать своих родителей. Час назад, придя домой, я услышала об этом в новостях. Я выходила ненадолго, по мелким делам, и оставила на двери Лори записку на случай, если она вернется, пока меня не будет. Записка так и осталась на месте. Теперь я проявляю осторожность.

– И правильно делаете. Будем вам признательны, если вы попросите мисс Нуссио связаться с нами, когда она вернется.

– Странный день она выбрала для того, чтобы обзавестись новым коммуникатором и новым номером. Хотя раз она недоступна для меня, значит, и этому сукину сыну ее не найти. Но мне бы полегчало, если бы она переночевала дома. Буду ее ждать.

Пибоди побрела вниз в невеселом настроении.

– Теперь и у меня душа не на месте. Мы не знаем, с кем она проводит время, поэтому нам не с кем связаться.

– Может, попробуем выяснить? С кем она работает? Девушки – стайные животные. Сначала опознаем членов стаи, потом будем действовать методом исключения. Займет кое-какое время, но принесет результат.

– Стайные животные?

– Не сердись. Правда ведь, вы даже в туалет ходите вместе.

– Что верно, то верно. Дельное предложение.хлопотно, конечно, но ничего другого не остается.

– Будем составлять список, но сначала купим все необходимое для пирога. За тобой пирог, за мной обработка списка.

Войдя в дом, она взяла его за руку.

– А потом мы с тобой упремся лбами. И другими частями тела.

– Блестящий план.

Они разминулись с Лори на двадцать минут.

Она добралась до дома, когда уже зажглись уличные фонари. Она собиралась натянуть недавно купленное выходное платье и прошвырнуться вместе с Кейси по клубам. Но как раз когда подходил к концу их дневной забег – магазины/прическа/маникюр/паста с баклажанами (паста – на двоих, чтобы сократить расходы и калории), – Кейси получила сообщение от их общей подруги Дрю.

Лори не поверила в это сообщение. Не захотела верить. Но Дрю не унималась, а потом на новых коммуникаторах Лори и Кейси появился видеорепортаж.

Джерри, человек, с которым она жила вместе, которого даже любила, пусть недолго, разыскивался полицией. По подозрению в убийстве собственных родителей.

Боже, родители Джерри убиты! Она очень их любила, и вот их не стало. Никто из ее знакомых раньше не погибал, и ни с кем она раньше не проводила так много времени, как с родителями Джерри, – разве что с ним самим.

В глубине души она верила, что все это – ужасная ошибка. Джерри мог вспылить и, однажды ее ударив, доказал, что у него есть черная сторона, которую она не могла полюбить и с которой не могла ужиться. Но несколько тумачков, как они ни ужасны, – это все-таки не УБИЙСТВО.

Она хотела было с ним связаться, но Кейси категорически запретила ей это делать. И даже настояла, чтобы они поехали домой на такси. Не пешком, не на метро. Лори пришлось попотеть, чтобы убедить Кейси, что той нет нужды оставаться вместе с ней в квартире.

Ей хотелось просто вернуться домой, побыть одной и спокойно поразмыслить о случившемся.

И, если честно, пустить слезу. Может, и пореветь. Оплакать мистера и миссис Рейнхолд, да и Джерри вместе с ними. Окончательно расстаться со своими мечтами.

Нагруженная покупками, уже не представлявшими для нее интереса, она вошла в дом. Ей хотелось побыстрее попасть внутрь, к тому же она за день вконец оттоптала себе ноги, поэтому воспользовалась лифтом. Лифт с кряхтением отвез ее наверх.

Прежде чем Лори добралась до своей двери, перед ней предстала мисс Кребтри.

– Вот и ты! Я места себе не находила!

– Я задержалась в магазинах.

Мисс Кребтри прищурилась.

– Слыхала про Джерри?
– Только что. Надеюсь, это ошибка.
– Милая, здесь уже побывала полиция. Дважды. Искали тебя.
– Меня? Зачем?
– Потолковать с тобой о нем. Зайди-ка ко мне, я напою тебя чаем. Хотя нет, чай не годится, лучше я налью тебе винца. У меня есть славная бутылочка, я припасла ее со своего дня рождения.

– Спасибо, но я хочу домой, хочу покоя.
– Как знаешь, милая. – Кребтри погладила Лори по гладким каштановым волосам. – До чего же ты хорошенькая!
– Мы побывали в салоне.
– Мне нравится этот новый цвет. Новизна – это вообще хорошо. Вот карточка сотрудницы полиции, приходившей первой. Она просила тебя связаться с ней как можно скорее. Думаю, это нужно тебе самой. Вот увидишь, тебе полегчает.

Лори еще никогда не приходилось беседовать с полицейскими, во всяком случае, официально, и от одной мысли об этом ей стало нехорошо.

– Но я ничего не знаю!
– Нам только кажется, что мы ничего не знаем. – Мисс Кребри ободряюще улыбнулась. – Эта сотрудница показалась мне неглупой. Так что не медли, звони. Если передумаешь насчет винца и моего общества, просто постучи. В любое время, даже в самое позднее.

– Хорошо. – Лори посмотрела на карточку: «Лейтенант Ева Даллас». – А-а, так она связана с «Айкоув». С Рорком!

– Вот оно что! – Кребтри почесала себе затылок. – То-то я гляжу, знакомое имя! Никак не могла сообразить, откуда я ее знаю. Говорю же, нам самим невдомек, что мы знаем.

– Что верно, то верно. Спасибо, мисс Кребтри.
– Я всегда рядом, – напомнила ей соседка и с облегчением вернулась к себе.

Лора тоже заперла за собой дверь, не забыв про задвижку и про цепочку.

Содержимое пакетов ее больше не интересовало, хуже того, ей было стыдно, что она весь день занималась ерундой. Теперь она чувствовала себя виноватой. Пока она скупала ненужное барахло, тратила время на маникюр и макияж, мистер и миссис Рейнхолд отправились на тот свет.

Ей захотелось поговорить с матерью. И с отцом. Но сначала она сделает то, что вытекало из полученного от родителей воспитания.

Не откладывать важных дел!

Убрать барахло с глаз долой и позвонить в полицию.

Она двинулась по своему маленькому, но красочному гнездышку в сторону спального алькова. От гостиной его отделял ярко-синий импровизированный диван (подушки в ящиках), стеллажи и ярко-красные, как губная помада, шторы из длинной бахромы.

Возможно, рациональнее было бы купить раздвижной диван, но она была против того, чтобы спать в гостиной.

Через год она мечтала переехать в квартиру с настоящей спальней в этом же доме. Такой была ее следующая цель – до тех пор, пока Джерри все не испортил, забрав и проиграв в Вегасе ее арендные деньги и накопления от чаевых. Теперь нужно копить снова. А тут еще сегодняшней забег по магазинам.

Ей было просто необходимо вырваться на волю, хотя бы на один день ощутить свободу. У нее как будто получилось, она почувствовала облегчение. Кейси права: хватит куситься из-за своей Великой Ошибки по имени Джерри.

Ее внимание привлек приобретенный на распродаже бирюзовый свитер, и она вытащила его из пакета.

Кейси права: ей полезно больше думать о своей удаче. Если Джерри совершил то, в чем его подозревают, – она, правда, все еще не могла в это поверить, – то ей очень повезло, что она вовремя с ним рассталась. Он, конечно, украл у нее много времени, причинил головную боль, два раза ударил и обчистил.

Легко отделалась! Могло быть еще хуже.

Она не слышала, как он появился у нее за спиной. Удар битой по голове – и она опрокинулась на кровать, оттуда сползла на пол.

Стоя над ней, Джерри ухмыльнулся, постукивая битой по ее бедру. Удар был несильный, не сравнится с тем, который он нанес своему папаше. Убивать ее он не собирался – пока что. Сначала им нужно кое-что обсудить.

Он, правда, помнил, какая хреновая звукоизоляция в этой ее конуре, так что обсуждение должно быть тихим.

– Тупая стерва. – Он сильнее ударил ее битой по бедру. – Думала, скажешь «убирайся!» – и дело с концом? Трудно мне было, что ли, сделать дубликаты ключей? Где ты провела весь день, черт бы тебя побрал? Я устал ждать.

Увидев набитые пакеты, он оскалился. Он тоже кое-что купил за последние два дня. Пора пустить купленное в ход.

Он включил музыку – не слишком громко, иначе соседи станут жаловаться. Принес свой пакет с покупками из ванной, где спрятался,

услышав лязг лифта, и откуда слушал разговор Лори с болтливой старой каргой. Жаль, что болтливая карга не пришла сюда вместе с Лори. Он бы завалил сразу обеих – вот было бы здорово!

Ладно, пока что он займется Лори, а там видно будет.

Он затащил безжизненное тело на кровать и только сейчас заметил, что она перекрасилась. Не иначе готовится соблазнить другого придурка. С ним, Джерри, она просто трахалась.

А теперь он сам ее изнасилует.

Не в сексуальном смысле, одернул он себя, – от одной мысли об этом его затошнило. Но он все равно ее раздел – чтобы унижить и запугать. Он все хорошо обдумал.

Он связал ей руки и ноги – как можно крепче, так, чтобы веревка врезалась в тело. Пусть помучается от боли, она это заслужила. Пришлось заклеить рот – вот это жаль, хорошо бы насладиться ее воплями.

Подпевая музыке, он усадил ее, подперев подушками, дважды обмотал веревкой, пропустив ее под кроватью.

– Так ты не сможешь ерзать.

Потом достал из пакета капсулу нашатыря и сунул ей под нос.

Она заморгала, закрутила головой, что-то забубнила из-под клейкой ленты. Она силилась понять, что происходит. Он оседлал ее и ударил кулаком в живот.

– Привет, Лори!

И тут он увидел то, чего не видел в глазах родителей: не просто шок, не просто боль.

Страх.

От этого он испытал нечто такое, с чем еще не был знаком. Его наполнил восторг.

Он ухмыльнулся, радуясь, что она выгибается, шарит глазами по своей паршивой квартирке, издает глухие звуки под залепившей рот лентой.

– Не беспокойся, насиловать тебя я не стану. Это не насилие – смотреть, как ты тут бьешься. Плевать я на тебя хотел. Полюбуйся, ты голая, беспомощная, я у меня совершенно не стоит. Так что выбрось это из головы.

Он ущипнул ее за сосок и засмеялся, когда она дернулась.

– Вообще-то я могу сделать так, что ты меня захочешь. Не возражаешь? В последние недели, которые мы были вместе, спать с тобой было мучением. Лучше не вспоминать! Вот тебе дельный совет: хочешь, чтобы парню было с тобой хорошо, – не пили его день-деньской, не пускай лживую слезу, вот как сейчас. А главное, не смей его учить, что ему делать!

Ты мне не мать, сучка. Ты же слышала, что с ними стало. Скажи мне спасибо!

Он слез с кровати и, разглядывая ее, удивлялся, что его могло в ней привлекать.

– Мне надо кое-что тебе сказать. Хотя бы разок заткнись и послушай. Поняла?

До него дошло, что он чувствует себя сейчас не просто счастливым, а сильным и значительным.

– Думала, меня можно выгнать, вытолкать взащей просто потому, что мне немного не повезло? Цепляться к любой мелочи и скулить, жалеть себя, когда плохо было мне? Думаешь, такие унижения сойдут тебе с рук? Тебя занимала только ты сама. Какая же ты эгоистичная сучка! Ну, двинул тебе пару раз – разве это преступление? Ты заслужила больше. Погляди на себя. Тебя найдут вот такой – голой, беспомощной, УНИЖЕННОЙ. Как ты себя чувствуешь?

Крупные слезы, бежавшие по ее лицу, только усиливали его восторг.

Он пнул ногой ее пакеты с покупками.

– Думаешь, одна ты делала сегодня покупки? Гляди, что у меня есть. – Он достал из кармана складной нож. – Нажимаешь эту кнопочку – и бах! – Из рукоятки выскочило изогнутое зазубренное лезвие противозаконной длины. Видя, как она таращит глаза, как бьется, как пытается крикнуть, но не может из-за пленки, он улыбался до ушей.

– Не дрейфь, это не для тебя. Мать я резал кухонным ножом, он входил в нее, как в подушку. Кровищи, правда, было – с ума сойти! Не хочу забрызгать твоей поганой кровью свою новую одежду. Классная, да?

Он закрутился перед ней.

– Я испортил сразу два комплекта старой одежды – сначала со старухой, потом со стариком. Его я завалил своей старой бейсбольной битой, всю кровь выпустил и мозги вышиб.

Он со смехом проверил механизм ножа еще раз.

– Ты отправила меня прямиком в ад. Знаешь, что значит с ними жить? Сплошные придирки, только и талдычили, как мне быть, как будто главные – они. Ну, кто главный теперь?

Она так натянула веревки у себя на запястьях, что прорвала кожу. «Неплохо», – подумал он и убрал нож в карман.

– Ну, что ты купила сегодня? – Он вывалил содержимое ее пакетов на пол, опять достал нож и стал резать лезвием раскиданную одежду. Она захлебнулась рыданием.

– Туфельки? В самый раз для шлюхи. Давай примерим. – Он надел ей

на ноги дерзкие туфли на высоких каблуках.

– Неплохо! – Он опять вскарабкался на нее. – Натворила ты бед, Лори! Не надо было меня выгонять. Теперь у меня есть деньги. Куча денег! Я могу делать все, что захочу. И с тобой сделаю что захочу, ты не сможешь мне помешать. Думала, я тебя тогда побил? Двинул пару раз – велика важность! Так, щекотка.

Он стал со всей силы, наотмашь, отвешивать ей пощечины. Ее голова моталась из стороны в сторону, щеки побагровели.

– Это тоже щекотка, сучка. Сейчас я проучу тебя по-настоящему.

Последовал удар со всей силы кулаком. У нее затрепетали веки, из-под пленки потекла кровь из рассеченной губы.

– Знаешь, а у меня может встать! Скажи, что хочешь этого. Скажи, что хочешь меня. Ах, не можешь? – Он положил палец на ее заклеенный рот. – Кивни. Это будет знак, что ты хочешь, чтобы я тебя поимел. Кивни, иначе пожалеешь!

Она через силу мотнула головой, но снова получила удар кулаком.

– Медленно! – крикнул он, наблюдая, как у нее заплывает глаз. – Кивай быстрее, сучка!

Она, рыдая, затрясла головой.

– Хочешь, да? Хочешь? – Он схватил ее, потом нанес ей новый удар. – Все равно не получишь!

Он в задумчивости достал нож. Тараща уцелевший глаз, она билась всем телом.

– Лежи смирно, а то попробуешь моего ножика. – Он отрезал ей локон. – Мне не нравится новый цвет. Ничего, сейчас мы это исправим.

Он резал, пилил, кромсал до тех пор, пока не оставил от ее глянцевых каштановых волос короткие уродливые вихры.

– Так-то лучше. Такой тебя и найдут: голой, наполовину лысой, страшной. Поделом тебе! Ты пыталась превратить меня в свою собачонку. Теперь собачонка – ты. Лай! Гавкай!

Он поднес нож к ее горлу.

– Кому сказано лаять?

Она стала издавать жалкие звуки, умоляюще лоя уцелевшим глазом его взгляд.

– Хорошая собачка! Теперь ты знаешь, кто главный.

Он зажал ей пальцами нос, и она выгнулась дугой.

– Глупая сучка, в сексе ты всегда была вялой. Никуда не годной, скажу я тебе.

Когда он убрал руку, она отчаянно задышала носом, грудь судорожно

вздымалась и опадала, ее сотрясали рыдания, заглушаемые клейкой лентой.

– Что такое? – Он издевательски подставил ухо. – Ни хрена не слышно! Хочешь что-то мне сказать? Хочешь сказать, что ты, отвратительная лысая шавка, просишь у меня прощения? Хочешь оправдаться, сучка? Давно пора.

Он оторвал от ее щеки край клейкой ленты.

– Совсем забыл! – Он приставили ей к горлу острие ножа. – Заорешь – перережу тебе глотку. Поняла?

Она кивнула.

– Хорошая собачка. – Он опять взялся за край ленты, наклонился к ней. – Совсем забыл. Видишь ли, – он вытянул из заднего кармана веревку. – Что бы ты ни сказала, мне наплевать.

Он обмотал ей шею веревкой и стал тянуть. Глядя, как у нее вылезают из орбит глаза, как веревка режет в кровь белую кожу, как ее тело бьется под ним в судорогах, слушая бульканье, он чувствовал растущее наслаждение.

Чем сильнее он тянул веревку, тем сильнее, тем горячее становилось наслаждение. Ее связанные ноги заколотили по кровати в конвульсии, окровавленные руки по-старушечьи затряслись. Он дергал веревку, кряхтя от удовольствия и подпрыгивая на месте. Им завладело неподвластное ему, рвущееся наружу сладостное ощущение.

Когда ее взгляд застыл, его сотрясло наслаждение. Такого с ним еще ни разу не бывало.

Он с трудом подавил собственный крик, захлебнулся и долго ловил ртом воздух, пока сам не перестал содрогаться. Он рухнул с ней рядом, удовлетворенный, оглушенный, впервые в жизни полностью насытившийся.

– Вот это да! Где ты была всю мою жизнь! – Он похлопал ее по бедру. – Спасибо!

Теперь – в душ, потом на поиски ее припрятанных чаевых и всего ценного, что могло найтись в этой паршивой клетушке. Но первым делом – проверить, чем можно подкрепиться у нее на кухне.

После убийства, как после хорошего «косяка», он чувствовал лютей голод.

Ева въехала в ворота дома, занятая своими мыслями. Часто – вернее, чаще всего – вид вычурного, смахивавшего на замок дома, возведенного Рорком, улучшал настроение после утомительного рабочего дня. То, как дом возникал на фоне ночного неба после крутого изгиба дороги, оказывало на нее целебное действие, напоминало, что она вернулась домой. Начало ее жизни тонуло в кошмаре, продолжение в менявшихся одна другую приемных семьях и приютах было жалким и убогим; сперва ее собственный угол в Нью-Йорке был просто местом, где она могла прикорнуть в промежутке между расследованиями. И вот наконец она обрела настоящее прибежище.

Но в этот раз даже возвращение домой не подняло ей настроение.

Ей не давала покоя мысль, что себялюбивый выродок улизнул от нее даже на один день. Теперь необходимо все начинать с нуля, вернуться к исходному пункту и продвигаться короткими шажками. Не отвлекаясь на соблазны вроде посула капитанских нашивок.

Навести порядок в мыслях, взглянуть на дело под новым углом.

Она не скрывала от себя, что ей нужен Рорк. Его слух, его глаз, его изощренный ум. Она прогонит дело сквозь него, заставит его им пропитаться, решила она, тормозя у дверей. Возможно, он заметит то, что она пропустила, до чего не додумалась.

Он поможет. Это было не предположение, а непреложный факт. Такой же неопровержимый, фундаментальный, как камень и стекло, среди которых они жили.

Вылезая из машины, она вспомнила, что у Пибоди на этот вечер намечено свидание. У нее самой на такие вещи не было времени. Вернее, она не оставляла на них времени, поправила она себя.

В отличие от Рорка. Рорк о таких вещах не забывал – и это при его занятости!

То, что ее жизнь превратилась в сплошную гонку, страшно ее угнетало. Даже когда она не вязла по горло в расследовании, ей было не до приятных мелочей.

Сейчас эта виноватая мысль придавила ее, как булыжник.

Разве она не сумеет устроить романтический ужин? Создать обстановку, при которой от его слуха, глаза, изощренного ума будет больше толку.

Она захлопнула дверцу машины и ринулась в дом. Там перед ней предстал Соммерсет – во всем черном, с толстым котом у ног.

– Учтите, времени на остроумие у меня нет! – отрезала она.

– Жаль.

– Он дома?

– Еще нет.

– Я хочу устроить ужин на верхней террасе.

Соммерсет приподнял брови.

– В календаре ничего не обозначено.

– Ну и что? – Она махнула рукой и перешагнула через кота, вздумавшего тереться об ее ноги. – Накрывайте стол как хотите, только предупредите, что он – то есть мы – будем есть. Есть блюда, которых я не выношу.

Даже пугалам не чуждо веселое удивление, отметила она мысленно.

– Отлично. Я бы начал с томатного супа и креветок-пашот.

– Подождите. – Она вооружилась ноутбуком. – Я записываю.

– Далее переходим к зеленому салату с сезонными грушами под соусом винагр с шампанским. В качестве основного блюда я бы предложил лобстеры «Термидор».

– Что еще за чертовщина?

– Вкуснейшее блюдо. Вам понравится. Я бы подал его с белым совиньоном или с шампанским. И закончил ванильным бобовым суфле, бренди и кофе.

– Заметано. Мечите на стол. – И она бросилась вверх по лестнице.

– Вы не будете переодеваться?

– Лучше заткнитесь!

Она кинулась в спальню. Проклятье, что же надеть? Она стала орудовать в гардеробной. Кот крутился у нее под ногами – вообразил, должно быть, что с ним играют.

Одежды у Евы хватило бы на сотню нормальных людей. Значит, задача составить достойный ансамбль на один вечер не должна быть сложной.

Лучше удавиться, чем снова обращаться за советом к Соммерсету!

Она остановилась на черных брюках: черное как будто ко всему идет. Свитер достала мягкий, цвета увядших листьев, с искристой оторочкой. В таком можно не увешивать себя бирюльками.

Вряд ли можно остаться в ботинках, но туфли на высоченных каблуках? Ни за что!

К своему собственному удивлению, она остановила выбор на черных туфлях с блестящими клиновидными каблуками. А чего тут удивляться,

думала она, поспешно переодеваясь. Откуда ей знать, что подсунет гардеробная фея?

Обстоятельства заставляли прибегнуть к косметике: губной помаде, туши для ресниц, румянам. Какая же все это гадость!

Решив, что все готово, она облегченно перевела дух. Она не сомневалась, что Соммерсет подготовит все на крыше, под темно-синим небом, где обогреватели позволят не заметить, что на дворе ноябрь.

А остальное зависит от нее самой.

Рорк вернулся домой, все еще находясь во власти дневного раздражения. К его удивлению, никто его не встречал – ни Соммерсет, ни кот. А ему как раз хотелось домашнего тепла.

Он сам сбросил пальто и по привычке, позаимствованной у жены, по пути наверх оставил его на стойке перил. Часик в гимнастическом зале, где он от души попинает грушу, думал Рорк, потом энергичный заплыв. Так он покончит со своим раздражением. Есть и другой способ: хорошенько выпить.

Но на столике в ванной он увидел кобуру Евы и ее полицейский жетон.

«Значит, лейтенант дома», – подумал он. Что ж, он попытается отвлечь ее от двойного убийства – он следил за криминальной хроникой: уговорит ее на спарринг-бой или на совместный заплыв. А лучше всего было бы уложить ее в постель. Только не для сна.

Вот он, лучший способ забыть обо всех заботах!

Скорее всего, она засела за компьютер и ломает голову над не решенными за день задачами. Он не возражал против того, чтобы, укрепив свои силы пиццей и кофе, вникнуть вместе с ней в невеселые подробности очередного дела.

Какие могут быть возражения, думал он, ставя на пол чемоданчик и ослабляя галстук. Ее работа завораживала его почти так же сильно, как она сама. Он играл в ее работе кое-какую роль и получал от этого удовлетворение: давая ей советы, он чувствовал, как ускоряется ток крови в жилах.

Никто, в том числе он сам, не поверил бы, что дублинский уличный жулик, законченный воришка, впоследствии – могущественный богач, начинавший самым сомнительным образом, окажется на стороне закона. Пускай даже в таком варианте – скажем, не вполне законном.

Это она его изменила – нет, поправился он, она его НАШЛА. А это совершенно разные вещи.

Раз так, он готов жевать пиццу в ее кабинете, готов слушать, думать,

помогать своему домашнему полицейскому, рвущемуся отомстить за очередную смерть.

Что же до огорчений, которых был полон для него прошедший день, то разве они не бледнеют на фоне всей этой крови?

Чтобы сэкономить время, а также для большей уверенности, он спросил в микрофон:

– Где Ева?

«В настоящий момент Ева на верхней террасе, в восточном секторе».

Странно, подумал он. Не то чтобы он был удивлен выбором такого места, но все же как-то не ожидал. Испытывая любопытство, он направился к лифту.

– Верхняя терраса, восток, – приказал он.

Сомнительно, что она забралась туда полюбоваться видом или подышать свежим воздухом. Его жена мало что делала без определенной цели – особенно когда шла по следу преступника. Как пребывание на крыше может вписываться в ее расследование? Наверное, тут важна высота, вид, перспектива, охват. Или...

На крыше его ждали цветы, горящие свечи, тепло, мерцание хрусталя. Он растерялся – такое с ним случалось нечасто.

– Привет. – Она бросила на него смущенный взгляд. – Я только что все закончила.

– Ты? – Мысленно листая календарь, он ошеломленно шагнул к ней. – Что это?

– Ужин.

Он припомнил, что однажды она уже преподносила ему сюрприз: нарядилась в красное платье, которое надлежало с нее снять. Но теперь, если ему не изменяет чутье, происходит нечто другое. Хотя не менее прелестное.

– У нас праздник?

– Нет. Ну, может, отчасти.

– Ты раскрыла дело? Нашла того, кто совершил двойное убийство?

– Нет. Просто все время об этом думаю, вернее, о том, как мне хочется избавиться от этого тебя. А тут еще свидание у Пибоди.

– У нас свидание с Пибоди? Мне везет: сразу две соблазнительные женщины!

Она, прищурившись, глянула на него.

– Всего одна – я. Хватит с тебя.

– Ну и слава богу. – Он взял ее лицо в ладони и нежно поцеловал. – У нас с тобой свидание?

– Не совсем. Для свидания с большой буквы я сейчас не гожусь, потому что голова пухнет, просто решила отблагодарить тебя за помощь чем-то более приличным, чем пицца у себя в кабинете.

Он долго смотрел на нее, не шевелясь. Она испугалась, что ляпнула что-то не то. Но он притянул ее к себе и крепко обнял.

– Я очень тебе благодарен.

– Не за что.

– Нет, для меня все это важно, особенно сегодня.

– А что сегодня за день? – Неужели она что-то забыла? Она отпрянула и внимательно на него посмотрела. Нет, здесь что-то другое. – Во Вселенной Рорка какие-то трудности?

Он с улыбкой прикоснулся к ямочке у нее на подбородке.

– Можно сказать и так.

– Какие?

– Не очень важные, особенно когда нас ждет шампанское.

– Не так. – Она вскочила. – Ты помогаешь мне, я – тебе.

Он провел ладонью по ее руке, по мягкому рукаву ее свитера.

– Правила брака?

– Вот именно. Что там у тебя?

– Сегодня днем мне пришлось уволить сразу троих. А я ненавижу увольнения.

– Зачем же ты это сделал?

– В общем, за то, что они не делали того, за что им платят. Я многое могу понять. У человека может быть трудная полоса, какие-то личные проблемы, нелады со здоровьем. Если так, то все можно обсудить и решить. Но когда манкирование обязанностями проистекает из беспечности, еще хуже, из самомнения, то я отказываюсь от снисхождения.

– То есть ты выгнал их за тупость.

Он улыбался, чувствуя, что успокаивается.

– Примерно так.

– Это мне знакомо, – сказала она, пока он шел к накрытому ею – только бы он не нашел изъянов! – столу, чтобы откупорить шампанское. – Тип, совершивший двойное убийство, тоже тупица: нигде не мог удержаться именно из-за своего самомнения, беспечности, извращенного чувства, что все вокруг ему что-то должны.

– Выходит, наши проблемы совпадают. – Изящно и бесшумно открыв шампанское, он наполнил два высоких бокала.

– Ты ненавидишь увольнять людей отчасти потому, что тебе не нравится сознавать, что их не надо было нанимать.

– Ты хорошо меня знаешь, – согласился он и подал ей бокал. Они чокнулись.

– Ты ошибся, приняв их на работу?

– Несомненно. Но в то время они во всем подходили. Прошло время, и кое-кто стал самодоволен и ленив, решил, что ему все позволено.

Снова и снова он убеждался, что ни в чем нельзя быть безоговорочно уверенным: ни в хорошем, ни в плохом, ни в посредственном.

– Ну вот, в конце концов эта троица лишилась работы, – продолжил он.

– Пусть теперь побегают! С такими рекомендациями им непросто будет найти что-то аналогичное.

– А еще тебе не нравится, чтобы ты испортил им жизнь, и, возможно, надолго. Да, им придется нелегко, но, как говорится, по одежке протягивай ножки. Лишь бы было во что одеться.

Немного подумав, он расхохотался – и от недавней озабоченности не осталось и следа.

– Еще говорят: что посеешь, то и пожнешь. Одним словом, сами виноваты, нечего было сеять испорченные семена. Ты решила мою проблему. Не знаю, как тебя благодарить!

– Не стоит благодарности! Ты голоден?

– Уже да. Что у нас на ужин, милая Ева?

– Для начала – суп. Блюда выбирал Соммерсет, так что тебе ничего не угрожает.

– Я был вполне готов довольствоваться пиццей у тебя в кабинете. – Он провел ладонью по ее волосам, потом по щеке. – Мы не единственные, кому приходится делиться своими проблемами. И мы делаем это нечасто. Мы неплохо с этим справляемся – вдвоем.

– Рада слышать, потому что у меня этих проблем выше крыши.

– Давай попробуем суп. Потом ты мне все расскажешь.

– Нет, я хочу прямо здесь. – Она указала ему на кресло.

– Какой мужчина не любит возвращаться домой, где любящая жена ждет его с горячим ужином?

– Ешь давай! – прикрикнула она и взялась за серебряную крышку.

– Если не возражаешь, я воспользуюсь ложкой. Итак, пресса утверждает, что разыскивается мужчина лет двадцати пяти, убивший своих родителей.

– Не просто убивший, а нанесший матери более полусотни ударов кухонным ножом, а спустя несколько часов жестоко забивший бейсбольной битой отца.

– Серьезно распсиховался. – Он внимательно посмотрел на нее. –

Родители были к нему жестоки?

– Нет, на это ничего не указывает. Он законченный лузер. Из колледжа вылетел, ни на одной работе не мог продержаться больше пары месяцев, даже на той, которую папаша нашел для него у себя в офисе. Это было хорошее местечко, я поговорила с контролером и с некоторыми работниками. Отец проработал там два десятилетия – усердно и ответственно. Сынок пошел не в отца. Примерно то же самое говорят остальные его боссы.

– Система понятна: безответственность и цепочка неудач.

– Да, как и в личной жизни. Девушка – насколько я успела выяснить, единственная женщина, с которой он пожил и вообще сохранял отношения больше двух недель, – была вынуждена его выгнать. Он забрал деньги на аренду и те, что она скопила на чаевых – она официантка, – и все это продул в Вегасе. Ему пришлось вернуться жить к родителям. Попыток куда-то наняться он больше не предпринимал. Они решили дать ему время на это до декабря, а потом выселить.

Рорк неторопливо ел вкусный горячий суп и размышлял.

– Он убил их, потому что они отказывались предоставлять ему бесконечный допуск к родительской груди?

– Примерно так. Мать он прикончил в обеденное время. – И Ева подробно поведала ему обо всех дальнейших событиях, о переводах денег, о краже и о сбыте краденого.

– Хладнокровный выродок! Теперь он при деньгах. Так много у него еще не бывало. Вряд ли он будет с ними бережлив. Он не только холоден и безжалостен, еще он молод и глуп. Я могу предупредить все мои отели в городе.

– Это уже сделано, но все равно спасибо. Кстати, Джолин Мортимер – исключительно полезный сотрудник, как и все остальные в «Мэнор». Она чрезвычайно проникательна.

– Согласен. Прежние владельцы и ее бывший босс просчитались. Мне повезло, им нет. Я могу поискать счета, которые открывает разыскиваемый, хотя он, скорее всего, будет полагаться на наличность. Это совершенно ясно. Ему нужно прикасаться к своим деньгам, торжествовать, любуясь ими. Вряд ли его сцапаешь, просто отследив его вклады и переводы. Сначала он будет беречь свои сто семьдесят пять тысяч долларов, а потом займется мотовством.

– Это все равно ненадолго. – Ева встала, чтобы убрать со стола пустые тарелки и переменить блюда. – Удачная продажа часов и жемчуга была неожиданностью, вряд ли он на такое рассчитывал. Он попытается сбыть

еще что-нибудь. Он ни в чем не будет себе отказывать. Между прочим, ты наверняка собираешься купить мне на Рождество что-нибудь блестящее. Можешь заглянуть к Урсе, это в Нижнем Ист-Сайде. Очень приятные люди.

– Я учту. Тебе что-нибудь приглянулось?

– Сам владелец. На блески я как-то не обратила внимания. Никому он не нравится, – продолжила она. – Я о Джерри, разыскиваемом. У него трое друзей. Двое еще туда-сюда, и оба теперь с ним не так близки, как раньше. А третий – такой же мерзавец, они друг другу подходят.

Она надеялась, что Соммерсет ничего не напутал с салатом. Если придется есть зеленые листья, то, пожалуй, в таком виде они жуются лучше всего.

– Выходит, он рано или поздно свяжется с этим другим мерзавцем?

– Разве что с ним. – В этом направлении ей придется приложить удвоенные усилия. – Надеюсь, мы с Пибоди хорошо их припугнули, и они все нам сообщат. Разве у него не будет потребности похвастаться? Особенно перед дружками? Вдруг его опять потянет в Вегас, чтобы отыграться и смыть унижение?

– Как ты расцениваешь такую вероятность?

– Процента на семьдесят два. Достаточно высоко, чтобы предупредить казино в Вегасе и заодно в Нью-Йорке и в Джерси. Штука в том, что до той поездки он никогда не играл в азартные игры, для него это непривычно.

– Располагать ста семьюдесятью пятью тысячами с лишним баксов для него тоже непривычно, – заметил Рорк.

– Потому и предупреждения для казино. Хотелось бы мне считать, что я его знаю и что он зашел так далеко только по воле случая. Но уверенности у меня нет. Здесь не обходится без расчета. Чтобы завладеть деньгами, надо было поломать голову, потрудиться, проявить некоторое умение. Взять хотя бы выбор магазина Урсы: разве не умно?

– Вспомни про его девушку. Если его потянет пустить пыль в глаза дружкам, то ей – тем более: надо же доказать ей, а главное, самому себе, что она ошиблась, выставив его за дверь.

– Завтра я ее навещу. Сейчас она, наверное, еще не дома. – Ева покосилась на свой наручный коммуникатор, не зная, что Лори Нуссио лежит мертвая, а Джерри вволю угощается у нее на кухне.

– Вижу, тебя беспокоит, что ты что-то упустила, – сказал Рорк.

– Я ломаю над этим голову. В истории этого парня нет ничего, что даже намекало бы на такую склонность к насилию. Пару раз его задерживали по мелочи. Возможно – это еще не подтверждено, – пару раз он поднимал руку на свою бывшую. Он не мстил ни боссам, которые его

выпирали, ни девушке, давшей ему пинка. Разве что бранился, а потом уходил.

– В нем дремало чудовище?

– Возможно. Поговорю об этом с Мирой. Думаю, мать дала ему импульс. У него нож под рукой, а тут она со своим нытьем, советами, предостережениями. Он хватается нож и...

Она замолчала и взяла бокал с шампанским.

– Если ты начнешь сравнивать это с тем, что сама сделала в восьмилетнем возрасте, то тебе от меня попадет.

Ева знала, что он видит ее насквозь. От него ничего не могло укрыться.

– Нет, не сравниваю, но понимаю, что значит момент и что он может натворить. Меня насильовали, мне сломали руку, я боялась умереть, поэтому когда мои пальцы нащупали нож, я пустила его в ход, чтобы положить конец боли, чтобы выжить. Он, наоборот, набросился на людей, от которых не исходило физической угрозы, которые представляли ему крышу над головой, были его семьей. Но момент есть момент. Дальше может происходить по-разному. Большинство людей, даже владеющих собой, теряют в такой момент самообладание. А потом реакция: «Господи, что я натворил?»

Она медленно отхлебнула шампанское. Она знала, о чем говорит, и отлично все себе представляла.

– Он и ему подобные реагируют с восторгом: «Вот на что я способен!» Это откровение, извращенное просветление, толкающее их дальше.

– Мы оба сталкивались с такими людьми. Смотрели им в глаза.

– Чаще, чем хотелось бы, – согласилась Ева. – И все же большинство не натворили бы того, что он. Но в такой момент ты можешь попросту потерять голову. Ты не останавливаешься, не способен остановиться, неважно, из-за чего – возбуждения или страха.

Вставая для очередной перемены блюд, она поняла, что нуждалась именно в таком разговоре.

– Вся эта кровь действует очень сильно. Это ужасно. Меня шок, боль, кровь, осознание содеянного подтолкнули к бегству. Я впервые в жизни оказалась предоставлена себе – со сломанной рукой, изнасилованная, полумертвая от боли. Я заблокировала воспоминания. Боль, происшедшее – все. И большую часть жизни старалась всего этого не вспоминать. Вопрос стоял так: либо он, либо я. Мне было восемь лет, я была до смерти напугана. Я сделала то, что должна была, но до сих пор ужасаюсь тому, что тогда не смогла остановиться. Возможно, он тоже не смог. Когда мы его схватим, его адвокат может выбрать такую тактику. Но разница в том, что

он не сбежал. Почти любой на его месте бежал бы без оглядки. Или попытался бы как-то скрыть следы преступления, обелить себя: мол, кто-то вломился и убил мою мать. Но нет, он не сбежал – потому что не испытывал страха. Ему, наоборот, понравилось, поэтому он нашел силы ждать, планировать и поджидать отца. И совершить второе убийство.

– И снова не сбежать.

– Да. – Она вспомнила, как самодовольно он выглядел на записи камеры наблюдения в банке. – Думаю, в нем что-то сломалось, умерло. Возможно, это произошло как раз в тот момент, когда он схватил нож и всадил в мать.

– Это поможет тебе его поймать?

– Помочь может что угодно. Завтра я вернусь на место преступления и снова все там изучу. Сегодня вечером составлю новую реконструкцию. Ты мог бы поискать его счета. Своим коммуникатором он не воспользовался – наверное, выбросил и купил другой. Ему хватило ума не прибегать к дебетовым и кредитным картам на свое имя и на имя родителей. Но наличные рано или поздно кончатся. Его имя и физиономия уже красуются повсюду.

– Думаешь, теперь он попытается сбежать?

– Не знаю, что еще ему остается? В Нью-Йорке для него слишком жарко. Он обзавелся тем, чего всегда хотел, – деньгами. Родители больше не могут его донимать.

– Как насчет другой родни?

– У него полный комплект бабок и дедов. Их уже уведомили. Есть дядя по отцу, тетя по матери и пятеро двоюродных братьев и сестер. Все они тоже уже в курсе. Не могу гарантировать, что все они сообщат, если он на кого-то из них выйдет, но трудно поверить, что они помогут тому, кто убил их ребенка, сестру, брата.

– Кровные узы не разорвать, – согласился Рорк.

– Наверное. Следить за всеми ими не получится. Одни живут в Нью-Йорке, другие поблизости, третьи далеко. Нам остается поддерживать с ними связь.

Он погладил ее руку, лежавшую на столе.

– Ты опасаясь, что он набросится на кого-нибудь еще.

– Если кто-то встанет у него на пути или не даст того, чего он захочет, то да. Если он будет искать безопасное место или еще денег и не получит этого, то убьет снова, если будет такая возможность. Но вряд ли он примется за родню. Сначала должны иссякнуть деньги. Вот разве что мы будем гнаться за ним по пятам. У меня чувство, что в голове у него не

родня, а препятствия на пути к счастью или к успеху. Люди, пытающиеся ему помешать или приказывать. Но если дойдет до родни, то первым делом он вспомнит про бабушек и дедушек: они слабее, от них проще добиться помощи. Пара, живущая за городом, едет в Нью-Йорк, но ему неоткуда об этом узнать. В ближайшие дни он не застанет их дома.

– Как я погляжу, труд полицейского очень неблагодарный: повторение одного и того же, бесконечные допросы, отчеты – а потом крайний риск, искрометные действия, решения за доли секунды, тонкое планирование. Сегодня ты занималась в основном первым.

– Я давно заслужила медаль, – бросила она как бы невзначай. Он всего лишь улыбнулся и налил ей еще шампанского. – В общем, меня наградили. Медалью.

– Очаровательно. Поздравляю.

– Это большое событие. – Она показала руками размер. – Почетная медаль конгресса. Меня отметили за...

– Я знаю, за что и что это значит. – Он взял ее за руку и посмотрел ей в глаза. – В твоём мире это высочайший почет. Сказать, что ты его заслужила, – ничего не сказать.

– Вместо награждения мне могли бы повесить зарплату.

Он поднес ее руку к своим губам.

– Я очень тобой горжусь, но меня забавляет, как ты смущаешься, когда получают признание твои преданность делу и профессионализм.

– Забавляет? Ну, так я развеселю тебя еще больше. Ты тоже заработал медаль.

Он выпустил ее руку.

– Что? Я – гражданское лицо, ты сама не устаешь мне об этом напоминать.

– Медаль «За заслуги» для гражданских лиц. Их тоже не раздают направо и налево. Первый встречный такой не удостоился бы.

– Я ее не заслужил.

Она обожала эту его манеру скромничать.

– Теперь ты меня забавляешь. Кто, как не ты, стал совать нос в наши дела, а кончил тем, что влез в них целиком, всем телом, включая голову? Готовься стоять навтыжку в среду днем – запиши себе: четырнадцать ноль-ноль – и принимать заслуженную награду. Я тоже ужасно горда тобой, так что бери, что дают.

– Разве мы не пара? Представляю, как развеселятся мои старые приятели! Проклятая медаль!

– В Управлении тебя ценят, и не зря. Так что выпьем шампанского и не

забудем про лобстера, пока я снова не впряглась в свою телегу. – Она отхлебнула еще. – Но это не все.

– Что-то еще? В дополнение к двойным убийствам, тупицам и медалям?

– Именно. Уитни, вызвав меня для сообщения о медалях, предложил представить меня к капитанскому званию.

– Ева! – Он буквально вцепился в ее руку. – Вот это новость! – Он даже привстал.

– Я отказалась.

– Извини? – Он снова сел. – Что ты сказала?

– Я сказала, что не хочу повышения в звании.

– Ты тронулась умом?

Она прищурилась.

– По-ирландски это значит «дура»?

– Точнее, сумасшедшая. – Он побагровел от возмущения. – Что значит «не хочу»? Как можно отказываться от такого продвижения? Твое смущение из-за награды я еще понимаю. Ты делаешь свою работу и не нуждаешься в лишней блямбе на свой незапятнанный мундир. Но капитан?! Боже всемогущий, Ева, это же твоя карьера, сама твоя суть и даже более того! Мы оба знаем, что он предложил бы тебе повышение раньше, не будь меня.

– Нет, это из-за тебя. И из-за меня самой. Я приняла решение. Что бы ты ни думал, это мой собственный выбор. Я выбрала тебя, и если начальство вздумало играть с этим в политику – пускай, я не намерена им подыгрывать.

– Смотри, мне они вешают медаль на грудь, а перед тобой распахивают двери. Почему бы тебе не войти? Причем приплясывая?

– Тебе нет причин так бушевать.

– Я не бушую, просто ошарашен. Объясни, почему ты отказалась.

– Не могу отказаться от того, что имею, – просто ответила она. – Не готова. Может, не буду готова никогда. Я коп. Это и есть мое предназначение – быть копом.

– Каким образом это меняется из-за капитанских нашивок?

– Меня уберут с поля. Джерри Рейнхолда будет искать кто-то другой. Между мной и моими людьми возникнет дистанция, потому что я уже не буду их непосредственным начальником. Больше времени, то есть почти все время будет уходить на совещания, возню с бумажками, административные решения. Ту работу, которая у меня по-настоящему получается, мне придется делать только урывками.

Он ничего не ответил, и она перевела дух.

– Мне надо быть копом, хорошим копом, и это куда важнее, чем звание. Когда мне предложили повышение, я сразу это поняла, не испытыв никаких сомнений.

Он все еще молчал, и она пожала плечами.

– Вероятно, я нарушила какое-то из Правил Брака, не посоветовавшись первым делом с тобой, но...

– Это твое дело, – перебил он ее. – Твоя работа – твое дело. Я не обсуждаю с тобой свои сделки, куплю-продажу, развитие бизнеса.

– Твои решения не так рискованны. Понимаю, ты испытал бы облегчение, если бы я согласилась.

– Действительно, испытал бы, если ты о том, что я стал бы меньше беспокоиться. Но ведь я на тебе женился. Я сделал выбор и, как и ты, пошел на это с открытыми глазами, не мечтая превратить тебя в другого человека.

– В свое время мне этого хотелось, даже слишком. Тогда работа была не просто тем, чем я занимаюсь и кто я такая, а вообще всем, что у меня было. Теперь это уже не так, и благодаря этому я стала лучшим полицейским. Мне нужно ловить преступников, Рорк. Нужно каждый день входить в наш загон и заставлять там команду, которую я сколотила. Когда я сравниваю это с нашивками, пропадают всякие сомнения, что выбрать.

– Значит, так тому и быть.

– Спору конец?

– С правдой не поспоришь, лейтенант. Я счастлив, даже очень, что тебе сделали это предложение. Ты говоришь, что сделала свой выбор, и это тоже правда. То, что ты со мной, мешало твоему продвижению, но теперь это в прошлом. Я принимаю свою награду и молчу в тряпочку.

– Прекрасно. – Она облегченно выдохнула. – Люблю тебя.

– Взаимно.

– Только, знаешь, суфле в меня уже не влезет.

– Суфле? Это было пятизвездное угощение, но пришла пора сделать перерыв. Доедим немного позже. Скажем, у тебя в кабинете, когда ты вернешься к работе.

Она весело улыбнулась.

– Неплохой выбор, верно?

– Не то слово! – Взяв ее за руку, он встал и заставил встать ее. – Из тебя вышел бы отменный капитан.

– Возможно. Когда-нибудь потом. Ладно, еще выйдем.

Он не удержался от улыбки.

- Милая Ева, ты всегда, в любом звании будешь моим копом.
- Это меня устраивает.
- Тогда идем вниз.
- Сначала мне надо здесь прибраться.
- Предоставь это Соммерсету.
- Пожалуй. Я переведу дух и оденусь по-рабочему.

Он усмехнулся.

– Заглянем по пути в спальню. Лично я не возражал бы избавиться от рабочего костюма.

Войдя в спальню, Ева первым делом сбросила туфли. Она считала, что в святая святых дома, как и на пляже, лучше ходить босиком.

– Давай закажем что-нибудь прямо здесь. Что-нибудь свежее.

– Давай.

Она стянула с себя свитер, Рорк избавился от пиджака и галстука.

– Выйдя из шаттла отеля, он забрал оба чемодана. Он уже придумал, что летит в Майами. И покатил обратно – я так и не выяснила на чем. Скорее всего, на автобусе или на такси.

– Вдруг он оставил чемоданы на станции, чтобы вернуться туда с деньгами и отправиться куда-нибудь еще?

– Вряд ли. Сначала ему нужно было много чего продать. Мы знаем, что после банков он приступил к распродаже. Нет, он вернулся, заполз в какую-то дыру, спрятал там чемоданы, чтобы не таскаться с ними по банкам. Мне хочется узнать, как он разъезжал, просто для прояснения картины.

Она сняла брюки и, оставшись в одном белье, достала из ящика футболку и джинсы.

– Умнее было бы воспользоваться автобусом, но...

Он не дал ей говорить, развернув и впившись губами в ее губы. Поцелуй был горячий, страстный, властный, но с легким привкусом юмора.

Восстановив дыхание, она попыталась его оттолкнуть.

– Полегче!

Новый поцелуй, новый разворот, даже два, в направлении постели. Она думала изобразить сопротивление, но ограничилась тем, что откинулась и уставилась на него.

– Я работаю.

– Еще нет. Ты почти голая. Мое излюбленное зрелище.

– Зачем тогда в этой гардеробной такая прорва вещей?

– Потому что я понимающий человек и уважаю твоё желание появляться на людях полностью одетой.

Он подхватил ее за бедра и понес на возвышение, где простиралась, как голубая лагуна, их постель. Там он сделал вид, что не удержался на ногах, и они повалились на постель – сначала она, потом, сверху, он.

– Мы отложили поедание суфле, но это не значит, что нельзя прямо сейчас побаловаться десертом.

В доказательство серьезности своих намерений он игриво ухватил ее зубами за щеку.

– Сейчас я предпочитаю тебя.

– Секс, секс, секс.

– Если ты настаиваешь.

Он снова нашел ртом ее губы, не давая ей хохотать. Какого черта, подумала она. Он тоже почти голый. Она сжала его неподражаемые ягодицы.

– Смотри, не подкачай.

– Я всегда готов принять вызов.

– Верно. – Чтобы убедиться в этом, ей было достаточно протянуть руку и сжать пальцы. Он застонал, скрипнул зубами у самого ее горла.

Как быстро у него получалось вызвать у нее прилив желания! Такие знакомые, но всякий раз такие новые, всепоглощающие чувства!

Тяжесть его тела, сами его формы, требовательный рот, ловкие руки – все это вызывало у нее восторг. Она уже предвкушала продолжение.

Она уступала своему голоду, становилась ненасытной, отдавалась буре ощущений, волне жара, сладостной боли. Собирала все это в пучок и возвращала ему.

Она отдавала и принимала – все, что было нужно ему и что он хотел дать в ответ. Обвиваясь вокруг него, владея им, пока он владел ею, откликаясь на любое требование и сама требуя не меньше, чем он.

Он знал ритмы ее тела, знал все потайные местечки, которые надо было исследовать, разжечь. Но она все равно оставалась для него загадкой, таила несчетные сюрпризы, была даром для тела и для души.

То, как она ерошила ему волосы, пока он припадал губами к ее груди, возбуждало его не меньше, чем ее упругое тело, чем шелковая кожа. Не меньше, чем ее мелкая дрожь, быстрая, как трепет крыльев бабочки, чем ее горячее прерывистое дыхание.

Ее тело, изогнувшееся дугой, – такое гибкое, такое готовое принимать ласки, ускоренное сердцебиение, которое он ловил губами, подсказывали, что ее желание стало таким же острым, как его.

Он с наслаждением ласкал ее гладкую разгоревшуюся кожу, обтянувшую тугие мышцы. Своего сурового воина, свою любимую жену.

Ее раскаленный рот, снова найденный его ртом, пылал желанием и беззвучно умолял больше не медлить.

Она горела, растекалась, и он распял ее все сильнее, жадно проглатывая ее выкрики. Когда она, вибрируя под ним, достигла кульминации, он продолжал ее распялывать, пока не услышал:

– Твоя очередь. В меня. Давай!

Новый изгиб, новый приступ ее дрожи – и он ринулся в новую атаку, погружаясь в неизведанные глубины.

«Ну же!» – успела подумать она, слыша собственные всхлипы, стискивая его что было сил. Он сотряс все ее естество, устремляясь, казалось, к самому ее сердцу. Все происходило стремительно, головокружительно, заглушая и перечеркивая все вокруг.

И снова она подумала: «Давай!» В этот раз его кульминация совпала с ее.

Она неподвижно ждала, когда успокоится ее и его дрожь. Ей вспомнилось, что раньше, еще до Рорка, она относилась к сексу только как элементарному, пускай иногда непростому, способу расслабления.

А после появления Рорка? Она еще не подобрала для этого слов.

Даже сейчас, после этого стремительного безумного секса, она чувствовала на плече его губы. Какой простой и при этом невероятный знак привязанности!

Она поняла, что именно такие моменты для нее важнее всего.

В приступе признательности она провела кончиком пальца по его спине. А потом – надо ведь сохранить верность себе! – довольно сильно ущипнула его за ягодицу.

– Вот это да! – простонал он.

– Хорошенького понемножку, дружок. Ты добился своего десерта. Большого сочного куска!

– А ты?

– Да, десерт был неплох. – Приподняв голову, он увидел ее улыбку. Она погладила его по голове, чмокнула в щеку. – Очень даже недурно! А теперь – за работу.

– Я не против. – Он потянул ее за руку, заставил сесть, провел рукой по ее волосам. – Благодарю за чудесный, упоительный ужин.

– И десерт.

– И десерт.

– Сколько пицц мы, по-твоему, спалили в топке?

– Во всяком случае, теперь я способен начертить круговую диаграмму, – ответил он, синхронно с ней скатываясь с кровати.

– Очень смешно: круговая диаграмма! Ты такой забавный. Лично мне срочно надо в душ.

– Великолепная идея! – Он вздохнул, она прищурилась. – Секс, секс, секс. Ты можешь думать о чем-нибудь еще?

– Говорю же, ты у меня забавный.

– И совершенно удовлетворенный. Придется тебе довольствоваться только душем. – И, отвесив ей звонкий шлепок, он бросился в ванную, обогнав ее.

Она нежилась под тугими струями всего пять минут, а потом, быстро обсохнув в сушильной колонне, стремительно оделась. Он, такой же возрожденный, как она, поспешил вместе с ней в кабинет.

– Я включаю экран, – сказала она.

– А я приступаю к поиску счетов. Судя по твоему рассказу, он не финансовый и не компьютерный гений, но этого и не нужно: в Интернете хватает вариантов и предложений, как припрятать средства. – Он ободряюще улыбнулся. – Их ничего не стоит выудить обратно.

– Ну, так давай, выуживай.

Она включила свою систему и изменила изображение, чтобы прибегнуть к методу, отличному от того, которым пользовалась на работе. Добавила время, вывела на экран рапорты.

И уставилась на Джерри Рейнхолда.

– Кто же ты такой на самом деле? – громко спросила она.

Снова поговорить с его друзьями? Приняться за них как следует? Джерри не походил на человека, жившего в вакууме. Такому требуется слушатель, чтобы можно было браниться, хвастаться, ныть.

Так, идем дальше. Он ничего не успел добиться, ничего не совершил. Сам он, наверное, видит это иначе, винит в этом других. Зато теперь, зафиксированный камерами на ступеньках дома, банка, ювелирного магазина, он имел весьма самодовольный вид.

Разве такому не захочется похвал?

Причем, скорее всего, от чужих. Как хвастаться перед друзьями жестоким убийством родителей и тем, что прячешься от полиции? То ли дело – случайная знакомая из бара или спутница на ночь, проститутка с лицензией.

– Ты не признаешься им, что ты убийца, – пробормотала она. – Скорее наврешь, что огреб куш, провернул шикарную сделку. Вот это в твоём стиле.

Спутница с лицензией – вот кого ты наймешь. Ясное дело, с ней придется расплачиваться, но ты готов шикануть, ты же теперь при больших деньгах.

Как насчет секса? Нужно тебе это? Судить об этом пока не было возможности; с другой стороны, что за праздник без секса, как еще мужчине доказать свое могущество?

Об этом стоит, видимо, проконсультироваться с Чарльзом Монро,

другом и бывшим профессиональным компаньоном, ныне – психотерапевтом-сексологом.

Она проверила время, решила, что еще рановато, и подошла к своему письменному столу.

Стоило ей протянуть руку к коммуникатору, как он засветился. Ее вызывала Пибоди.

– Докладывай.

– Последнее донесение. По пути домой мы с Макнабом заглянули к Нуссио. Я уже отправила тебе краткий рапорт.

– Я еще его не читала. – Где там, с таким ужином и с таким сексом на десерт!

– Я в курсе. В общем, ее не оказалось дома. К нам вышла соседка, Кребтри. Она приглядывает за Нуссио, даже оставила на ее двери записку, когда ненадолго отлучилась. И сняла ее, когда вернулась.

– Ладно, займемся ею завтра.

Лицо Пибоди на дисплее коммуникатора было озабоченным.

– Макнаб придумал, как отследить подружку, которая занималась с ней покупками. Раздобыть имена коллег, откопать их.

– Ты хочешь этим заняться?

– Уже занялась, – доложила Пибоди. – Почему бы нет? В общем, мы потрудились не зря. С ней была Кейси Райдер. Я только что закончила разговор с этой Райдер. У них был план покутить, прошвырнуться по клубам, но кто-то из их общих друзей сообщил Кейси про Рейнхолда.

– Значит, Нуссио все знает. – Озабоченность Пибоди заразила Еву.

– Знает. Обычная реакция: отторжение, неверие, депрессия. Они с подружкой быстренько закруглились. Райдер настояла на том, чтобы отвезти Нуссио домой на такси, и высадила ее там примерно в шесть сорок. Получается, мы с Макнабом разминулись с Нуссио совсем чуть-чуть. Теперь у меня есть номер ее нового коммуникатора, но она не отвечает. Ты тоже еще не обновила файл, значит, тебе она тоже не звонила.

– Нет, не звонила. – Имея на это больше трех часов! – Может, соседка не слышала, как она вернулась домой?

– Не думаю, Даллас. Соседка очень зоркая.

– Что ж, будем считать, что сегодня вечером ей не до копов. – Поразмыслив совсем немного, Ева выпалила: – Ничего, придется через не хочу. Я немедленно еду туда.

– Мне ближе. Хочешь, мы с Макнабом туда вернемся?

– Нет, я сама. Если мы заставляем ее иметь дело с копом, пусть этот коп будет постарше званием. Я буду держать тебя в курсе дела. Спасибо за

бдительность.

– Никаких проблем, Даллас. Это неважно пахнет.

– Не представляю, чтобы она его впустила или чтобы он сам туда попал – при такой наблюдательной соседке. Я позвоню.

«Пибоди права», – думала Ева, разъединяясь. – Пахнет все это и вправду неважно».

Она бросилась в кабинет Рорка. Сидя за письменным столом, он завязывал волосы сзади – деловой стиль.

– Мне срочно надо в город!

– В Управление?

– Нет, к бывшей девушке разыскиваемого. Оказывается, она уже часа три дома, но ни со мной, ни с Пибоди не связалась. То ли намеренно молчит, то ли с ней что-то не так. Надо проверить.

– Я с тобой. – Он включил на компьютере продолжение поиска и встал.

– Сейчас, только возьму оружие и жетон.

Рорк указал на ее босые ноги.

– Обуться не забудь.

Вооруженная и обутая, она позволила ему сесть за руль. Таким оближенным, сексуальным двухместным механизмом должен управлять он сам.

– Совсем новенькая, – похвалил он машинку. – Я еще ее толком не объездил.

В салоне пахло кожей – к этому запаху она питала слабость. Пульт управления выглядел не хуже, чем у межпланетного корабля.

– Сколько их у тебя?

– Теперь на одну больше, – сказал он и вылетел за ворота.

– Я не говорила, что надо мчаться как угорелому.

– Хочется проверить, на что она способна. – Он совершил прыжок и преодолел дорожную пробку. – Я везу копа, пусть не рыпаются! Я вижу, как ты встревожена, – добавил он.

– Наверное, она просто не желает никого видеть и слышать. Как крот.

– Как страус. Ладно, не будем спорить. Почему же ты тревожишься?

– Она указала ему на дверь, выставила. Он ее обокрал и, по некоторым сведениям, поднимал на нее руку. И она не спешит воспользоваться возможностью связаться с копами, узнав, что он совершил двойное убийство? У меня ощущение, что она очень разумная и ответственная особа, а тут еще соседка. Нет, не нравится мне все это!

– Она могла его впустить?

– Крайне маловероятно. – Ева не переставала прокручивать в голове всю ситуацию. – Не могу себе такого представить! Подруга высадила ее из такси и наблюдала, как она входит в подъезд. На нее сразу набросилась бы соседка, так что я, скорее всего, зря теряю время. Можно было бы отложить разговор до завтра.

– Я доверяю твоему инстинкту, – сказал он, но скорость не снизил, наоборот.

– Но все равно пытаешься побить все рекорды перемещения по земле и по воздуху! – Она обожала скорость, но предпочитала гнать сама. И все равно не попросила его уgomониться. Она испытала облегчение, когда он втиснул машину в крохотное парковочное пространство на уровне мостовой всего в половине квартала от подъезда дома.

Выйдя на тротуар, она огляделась. Рановато для нарушителей спокойствия, в таком районе они начинают куролесить позже. Хотя красная двухместная игрушка у бордюра могла заставить их изменить привычкам.

– Твоя пташка разве что не умоляет: угони меня!

– Она у меня садистка: подманивает угонщиков, а сама полностью защищена и вооружена.

– Умница!

Она подошла к двери и хотела было набрать номер квартиры, но передумала.

– Не хочешь, чтобы она знала о твоём приближении? – осведомился Рорк, когда она отперла дверь при помощи своего универсального ключа.

– Не совсем.

– Просто ты встревожена.

– У меня нехорошее чувство. Поднимемся по лестнице. – По пути ее пальцы играли с рукояткой пистолета. – Ты тоже вооружен по примеру своей новой игрушки?

– Я всегда во всеоружии.

Из-за дверей доносились звуки развлекательных программ, чей-то веселый смех.

Указав подбородком на дверь Нуссио, она нажала на кнопку звонка.

Дверь была на запоре, глазок закрыт.

Она еще дважды позвонила, потом забарабанила в дверь кулаком.

– Лори Нуссио, это полиция Нью-Йорка. Нам надо с вами поговорить.

Дверь не шелохнулась. Но приоткрылась другая дверь, напротив.

– Вы опять здесь.

– Ну да. Мисс Кребтри, вы не знаете, мисс Нуссио вернулась?

– Да, примерно без четверти семь. Что-то около того. Я отдала ей вашу карточку.

Отвечая, женщина перевела взгляд на Рорка. Ева увидела в глазах Кребтри то же самое, что видела в глазах многих женщин, оказывавшихся рядом с ним. Она даже придумала для этого название: «Зрительный вздох».

– Я думала, вы появитесь раньше. Или дождетесь утра.

– Она мне не звонила.

– Проклятье! – Кребтри заставила себя перевести взгляд на Еву. – Она ведь обещала. Она была так огорчена, отказалась от моего предложения попить чаю. Сказала, что хочет побыть одна. Наверное, ей надо было поразмыслить.

– Но она не отвечает.

– Я не слышала, чтобы она выходила. У нас очень шумный лифт, но она могла спуститься по лестнице. Вид у нее был такой, как будто она хотела прилечь, вот и все. Может, она приняла снотворное?

– Я намерена войти в квартиру. У меня нет ордера, но...

– Подождите-подождите, по-моему, это неправильно. Ей это не понравится.

«Надо было связаться со мной», – подумала Ева.

– Я делаю это ради нее. Все, вхожу! – Ева кивнула Рорку и отодвинула Кребтри, заодно загородила ей обзор. Рорк тут же стал возиться с замками.

– Она всего лишь прилегла! – не унималась мисс Кребтри. – Вы не имеете права вот так вламываться в жилище. Это незаконно!

– Подайте жалобу.

– Готово, – доложил Рорк.

– Включить запись! – скомандовала Ева своему коммуникатору. Рука сама потянулась к оружию, но она, собравшись с духом, просто распахнула дверь и позвала:

– Лори Нуссио! Полиция Нью-Йорка. Мы входим к вам в квартиру.

Едва она переступила порог, как ей в ноздри ударил запах крови и смерти.

Она выхватила пистолет, Рорк тоже.

– Полное освещение! – приказала она. – А вы не входите! – Этот окрик предназначался Кребтри. – Стойте, где стоите.

Сначала она метнулась влево, потом прямо. Труп лежал на кровати, за разноцветной занавеской с бахромой.

У нее за спиной Кребтри издала сдавленный крик.

– Я запретила вам входить! Немедленно вернитесь в свою квартиру.

– Но... но...

– Рорк!

– Мисс Кребтри, вам придется пройти со мной.

Он вывел рыдающую соседку на лестничную клетку. Когда он закрывал дверь, она уже висела на нем.

Ева убрала пистолет в кобуру и шагнула к занавеске.

Одной злобой здесь не обошлось. Еще это была кара, и он потратил на нее немало времени. Злоба, месть, потребность унижить, вызвать страх.

Причем не в вакууме, думала она. Его не устраивала проститутка, случайная знакомая из бара. Он нашел перед кем бахвалиться, перед кем предстать во всей красе.

– Жертва – белая женщина двадцати лет с небольшим, волосы рыжеватые, глаза синие. Лодыжки и кисти рук связаны веревкой, туловище тоже обмотано веревкой. Рот заклеен клейкой лентой. Одежда снята, на ногах туфли. Туфли новые – подошвы не поцарапаны. На лице следы побоев, на теле порезы, следы побоев на животе, на ребрах. Веревка порвала кожу до крови, что свидетельствует о борьбе. Волосы покромсаны, ключья волос на кровати и на полу. Веревка на шее жертвы указывает на удушение. Он завязал ее тугим узлом.

Она описывала комнату и испорченную одежду несчастной, поджидая Рорка с ее рабочим чемоданчиком.

– Он до нее добрался, – сказала она Пибоди, вызвав напарницу на экран коммуникатора.

– Что? Вот черт! ЧТО?!

– Я нахожусь в квартире Нуссио и смотрю на ее мертвое тело. Живо сюда!

– Уже еду. Вот дерьмо, Даллас!

Ева выключила связь и сделала два шага назад, разглядывая квартиру. В глаза бросались объедки, пустые контейнеры, бутылки на столике, загроможденный кухонный стол.

Компьютера не оказалось и здесь. Проще всего на свете сбить с рук компьютер.

Она вернулась к двери и изучила замки. Следов взлома не было – Рорк никогда не оставлял следов. Непохоже, чтобы замки недавно меняли. Но это надо будет уточнить.

Вернул ли он ей ключи? Какой душой надо быть, чтобы, расставаясь, не потребовать назад свои ключи? Еще вариант: он мог их скопировать. Какой доверчивой или наивной надо быть, чтобы об этом не подумать?

Может быть, может быть...

Вернувшийся Рорк вручил ей чемоданчик.

– Вряд ли она сама его впустила. Не могу такого представить. А если бы он барабанил ей в дверь или пытался ворваться, соседка непременно услышала бы.

– Я посмотрю, пострадали ли замки.

– Скорее всего, нет. Вряд ли он опытный взломщик. Но он мог просто скопировать ее ключи – например, когда у них испортились отношения, на всякий случай. Заявился в ее отсутствие, только и всего. Очень вероятно, что это произошло в отсутствие соседки. С него стало бы немного понаблюдать за домом. Потом войти – и дожждаться ее. Он захватил с собой все, что хотел пустить в ход: ленту, веревку. Никаких импульсивных действий, никакого приступа безумия.

Она открыла свой полевой набор и достала герметик.

– Ты бы не смогла этого предотвратить.

– Предотвратить преступление можно всегда. Свернуть налево, а не направо, пойти вперед, а не назад, сделать что-то на десять минут раньше или позже. Это я его не остановила. Я не разглядела, на что он способен. Не увидела этого расчета, этой его потребности. Он заставил ее мучиться.

Она вернула ему тубик и скрылась с набором в руках за занавеской. Там она склонилась над кроватью с идентификатором.

– Пострадавшая идентифицирована как Лори Нуссио, проживающая по этому адресу, двадцати трех лет от роду. Числится как шатенка. Видимо, перекрасилась, данные еще не скорректированы. – Она склонилась ниже. – Немного запекшейся крови. – Она осторожно повернула голову мертвой. – Удар был нанесен по затылку. Он подкараулил ее и нанес удар сзади, сбил с ног. Она упала без чувств. Он воспользовался этим, чтобы связать ее и заклеить ей рот. Грязный трус!

Она подняла и понюхала разбитую капсулу.

– Этим он привел ее в чувство. – Она опустила капсулу в поднесенный Рорком пакет для вещественных доказательств. – Загляни в ее сумочку, проверь, взял ли он кошелек, ключи, коммуникатор.

Рорк молча поднял сумочку с пола.

– Он связал ее очень туго, – продолжила Ева, – веревка врезалась в тело. – Он сделал это намеренно, чтобы причинить ей боль и напугать.

– Кошелек нет, – доложил Рорк. – Коммуникатора, ноута, компьютера – тоже. А ключ на месте.

– Он забрал все ее деньги и электронику. Лодыжки туго стянуты, заметные следы побоев на бедрах отсутствуют. Не думаю, что он ее насиловал: либо не собирался, либо у него не было эрекции. Нет, просто не собирался, – добавила она, – пытаюсь думать как убийца. – Если бы у него

были такие мысли, то он изнасиловал бы ее при помощи какого-нибудь подручного средства. Нет, это не пришло ему в голову. То ли он не очень сексуален, то ли не видит в изнасиловании или сексе орудия власти. Пока еще не видит.

– Зачем тогда было ее раздевать?

– Чтобы унижить и напугать. Сделать совершенно беспомощной. С той же целью он откромсал ей волосы. Он ее расчеловечивал.

Превращал в ничто, мысленно продолжила она. Ей был знаком этот человеческий тип, склонный превращать другого в пустое место. Таким был ее родной отец.

– Он много раз сильно ее бил – по лицу, в живот. Это что-то более личное, чем в случае с родителями. Или в этот раз у него было больше времени и пространства. Может, он экспериментировал?

– Она вернулась из похода по магазинам. Он испакостил ее покупки.

Прибор показал ей время совершения убийства.

– Девятнадцать пятьдесят пять. Он провозился с ней больше часа. Рискованно, зато сколько удовольствия! Небольшой порез на горле. Вероятно, у него был нож. Он угрожал ей, запугивал, но практически не порезал. Задушить – это более личное: можно понаблюдать за страданием жертвы, за ее смертью.

– Она очень молода, – тихо молвил Рорк.

– Да, и старше уже не станет.

Жестокое заявление, подумал Рорк. Но он знал своего копа и мог расслышать в ее тоне горечь.

– Драгоценностей тоже нет, – продолжила Ева. – Держу пари, она их носила. И на встречу с подругой кое-что надела. Он их забрал – не знаю, получит ли он за них хоть что-то. Обойдешься, стерва! Ты меня выперла? Теперь ты за это заплатишься. Зудела, чтобы я шел работать, чтобы убирался к чертям? Ну, так получай!

– А туфли зачем?

– Для сексуальности. Это как в порнофильме: голая женщина в туфлях на высоких каблуках. Распутные туфельки?

– Хм...

– Наверное, сегодняшнее приобретение. Как это его взбесило! У нее на языке вечно была квартплата, деньги, она только и ныла, что он проигрался с друзьями в Вегасе. А сама тратит уйму денег на тряпки! Эгоистичная стерва!

Она сделала короткую паузу, чтобы не показать Рорку, как сильно взбешена. Такого она себе обычно не позволяла.

– В этих туфлях она выглядит дешевкой, как ей и положено. Когда мы ее найдем, она будет дешевой и потасканной, ее лохмы – похоже, она только сегодня изменила прическу и цвет волос, стала не такой, как на ID, – будут как половая щетка. Он дергал и щипал ее за правый сосок. Это тоже для унижения. Ты унижала меня? Теперь твоя очередь.

Говоря, Ева разглядывала руки убитой, потом перешла к туловищу в поисках ран и каких-либо следов.

– Он рассказал ей, как обошелся со своими родителями. Она – первая, с кем он этим поделился. Должен же он похвастаться! Ей – можно, ведь он все равно ее прикончит. Он должен высказаться, рассказать, как огреб кучу денег. А у нее ничего нет, она – пустое место.

Ева отошла от кровати, чтобы полностью изучить место преступления, а Рорк остался стоять рядом с убитой. «Ты – не пустое место, – думал он. – Теперь тобой занимается она, и она не остановится. Теперь ты принадлежишь ей, теперь ты значишь очень много».

Ему хотелось ее накрыть, но это запрещалось правилами. Поэтому он стал помогать своему копу чем только мог.

Ева исследовала крохотную ванную, мокрые полотенца на полу, черные трусы в углу.

– Он испачкал свои трусы. Вероятно, пока ее душил. Насиловать не стал, но когда убивал, смотрел, как она умирает, когда ЧУВСТВОВАЛ все это, у него случилась эрекция. Думаю, это его удивило. Он не ожидал сексуального возбуждения и неожиданно для себя кончил. Не стал забирать трусы, а просто бросил их, полотенца тоже, после того как вытерся.

В зеркале над раковиной она встретила глазами с Рорком.

– Он ребенок: швыряет вещи на пол. Эти трусы наверняка новые, только что купленные, но он все равно их бросает. Плевать ему на ДНК! Мы узнаем, кто убийца? Тем лучше. Он жаждет известности.

Она стала помечать полотенца и трусы для чистильщиков.

– Лучше я, – вызвался Рорк.

– Я его недооценивала.

– С чего ты взяла?

– Я думала, что он получил желаемое. А оказалось, что, убив родителей и забрав там все, что только можно было, он всего лишь увидел, что может сделать и получить. Теперь ему подавай все больше.

Ева оглянулась на вошедших в квартиру Пибоди и Макнаба.

– Сейчас полиция займется оцеплением, – заговорила Пибоди. Увидев кровать – Рорк подвязал занавеску, – она прикусила язык. – Боже, что он с ней сделал!

– Этим занимаюсь я. Надо срочно предостеречь всех, на кого у него может быть зуб: друзей, бывших боссов, сослуживцев, дедов и бабок.

– Думаешь, ему понадобится кто-то из них?

– Я не думала, что он разделается со своей бывшей, – отозвалась Ева с деланным безразличием. – Я ошиблась, и теперь она мертва. Сообщи о новом убийстве, но не называй жертву. Я хочу, чтобы все они были в безопасности.

– Уже занялась.

– Я проверю ее электронику, – вызвался Макнаб.

– Он забрал ее компьютер и коммуникатор. Камер наблюдения у дверей здесь нет, домашнего коммуникатора тоже, она довольствовалась карманным. Остальную электронику я еще не искала. Как только найду, передам тебе.

– Тогда я могу начать обход соседей.

На Макнабе было длинное мешковатое пальто кричащего оранжевого цвета, под пальто пламенели вишневые штаны, на шее был повязан галстук в разноцветную полоску. Еве все это не мешало разглядеть полицейского, но большинству могло показаться иначе.

– Это сэкономит нам время, но, умоляю, не забывай показывать свой жетон, а то люди решат, что ты сбежал из цирка.

Он ухмыльнулся, достал из одного из бесчисленных карманов пальто жетон, повесил его себе на грудь и вышел.

– С замками до меня никто не ковырялся, – напомнил Еве Рорк.

– Значит, у него есть ключи или их дубликаты. Она копила чаевые. После того как он ее обчистил в первый раз, она могла поднакопить еще. Что-то я ничего здесь не вижу. Может, у нее был тайник?

– Я поищу.

– Буду очень тебе признательна.

– Прибыли полицейские, – сообщила Пибоди, просунув в дверь голову.

– Пусть один из них займется Кребтри. Нам нужны ее показания. Мне необходимо точно знать, когда она ушла, куда ходила, когда вернулась. Пусть постарается ответить с точностью до минуты.

– Будет исполнено.

– Мне нужно немедленно поговорить с Мирой, – сказала Ева Рорку. – Пора залезть в голову этому парню, пока он не решил убить еще кого-нибудь. – Она повернулась к полицейскому, ждавшему у двери. – Детектив Макнаб приступил к опросу соседей. Взаимодействуйте с ним. Детектив Пибоди даст вам фото подозреваемого. Когда закончите со зданием, идите на улицу и обработайте квартал. Я хочу поговорить со всеми, кто его видел.

Она достала свой коммуникатор, отошла в угол и соединилась с Мирой.

– Доктор Мира, простите, что беспокою вас дома.

– Все в порядке, Ева. Хотите поменять время нашей завтрашней консультации?

– Да, она нужна мне немедленно. Он прикончил свою бывшую подружку.

– Понятно.

– Похоже, он проник в квартиру в ее отсутствие и засел там. Он захватил туда клейкую ленту, веревку, нож, – Ева продолжила делиться имеющимися сведениями.

– Мне надо видеть тело и место преступления.

– Я все сняла, могу немедленно вам отправить.

– Нет, лучше я сама приеду.

Ева поймала себя на непонятном нежелании допускать Миру к телу, позволить ей увидеть смерть, кровь, все это уродство. Мира небрежлива, излишне ограждать ее от таких сцен, и все же...

– Это было бы полезно, но...

– Адрес есть в вашем рапорте. Я скоро приеду.

– Спасибо. Я прослежу, чтобы вас пропустили.

Убрав коммуникатор в карман, Ева подошла к двери и приказала полицейскому, сторожившему квартиру, пропустить доктора Миру, когда та приедет. Рорк покосился на нее.

– Держу пари, она и не такое видела, – сказал он.

– Это точно, мерзости нет предела.

– Я нашел пустую вазу. – Он показал ей светло-голубую вазу с изображением цветка. – Обворовал ее еще разок, да еще попил и поел, так сказать, за ее счет.

Она перешла в кухню и стала просматривать программу маленького кухонного автомата.

– Через четверть часа после смерти своей жертвы он подкрепился пиццей. Перерыл все ее запасы: остались пакетики от соевых и сырных чипсов, пустая винная бутылка, пустая баночка от колы, упаковка от сэндвича. Оголодал после убийства.

Она вспомнила место первого преступления.

– В квартире родителей он действовал так же: утолял голод. И в отеле «Мэнор» обжирался. От убийства у него обостряется аппетит.

– Если он продолжит в том же духе, ты скоро запрешь его в камеру.

Она улыбнулась уголком рта.

– Он забрал ее накопления вместе с кошельком, коммуникатор, потом стал искать, чем бы еще поживиться, все собрал, привел себя в порядок и пружинистой походкой вышел вон.

Она приветственно помахала рукой первому прибывшему чистильщику.

– Пока не подходите к телу и вообще не заходите в спальню. – Дав чистильщикам подробные инструкции, Ева посторонилась.

– Я со всеми поговорила, – доложила Пибоди, протиснувшись в комнату. – Голд едет к родителям, он перетрусил и теперь боится, что Рейнхолд может прийти за ним. Балбеса Джо я поймала в каком-то клубе. Он выглядел умеренно удивленным, но не сказать, чтобы особенно огорченным.

– Подтверждает свое прозвище?

– Это точно. Еще я связалась с Дейвом Хильдебраном, с его бывшими нанимателями и начальниками. Вспомнила и про Кейси Райдер. Рейнхолд был с ней знаком, знал, что она близка с погибшей. Вдруг вздумает навестить и ее?

– Это ты хорошо продумала.

– Она совершенно раздавлена, Даллас. Мне пришлось вызвать для нее психолога и женщину-полицейского. Возможно, нам придется с ней потолковать. Пока что надо было обеспечить ей чувство безопасности.

– Хорошо.

– Она пыталась связаться с погибшей по новому коммуникатору, но вместо коммуникатора всякий раз попадала на голосовую почту.

– Коммуникатор забрал убийца. Мы его не находим и не слышим его сигнала. Новинка. Убийца решил ее выгодно продать.

– Я добавлю его в список для оповещения. Макнаб говорил на нижнем этаже со свидетелем, видевшим, как подозреваемый вошел в дом. Он не знаком с ним и с убитой, просто видел их несколько раз и раскланивался. Привык к его появлениям, не знал, что его здесь больше не ждали, поэтому опять кивнул ему и заперся у себя.

– Время?

– Примерно в пять. Рейнхолд поднялся по лестнице. Как он выходил, свидетель не видел. По словам Кребтри, примерно в это же время она вышла по делам, а вернулась минут через пятнадцать.

– Это не совпадение. Он наблюдал за домом, соображал, как войти и подняться, не попавшись на глаза тем, кто знает о его разрыве с убитой. А может, просто выследил убитую и воспользовался уходом Кребтри, чтобы войти незамеченным.

– «Окно» всего в пятнадцать минут, – сказала Пибоди. – Повезло ему!

«А нам нет», – подумала Ева.

– Пусть полицейские выяснят, где он мог находиться: напротив, поблизости. Потом снова поговорите со свидетелем. Сейчас приедет Мира, я должна ее встретить.

– Прямо здесь? – Пибоди покосилась на труп и поморщилась.

Почему-то Еву успокоило то, что Пибоди реагирует так же, как она.

– Ей уже доводилось видеть трупы.

– Тоже верно. Я пошла к полицейским и к свидетелям.

– Коммуникатор не найден, как ты и думала, – доложил Рорк. – Я наскоро проверил ее финансы, узнал, где она сегодня пользовалась карточками. Список уже у тебя.

– Полезные сведения. Он уже пытался снимать деньги с этих

карточек?

– Пока что нет. Но может попытаться, ее компьютер-то у него. Это будет нетрудно отследить.

– Вдруг он сглупит?

– Ты же в это не веришь?

– Нет, не верю. Закончу здесь – вернусь в Управление. А тебе пора домой, спать.

– Я еще пороюсь здесь и уеду одновременно с тобой. Я послал за твоей машиной. Когда ты будешь готова уехать, она будет тебя ждать.

– Что бы я без тебя делала?

– Считай, что все это – наше сегодняшнее свидание.

Она улыбнулась, но при появлении Миры улыбка погасла.

– Спасибо, что приехали.

– Не стоит благодарности. Добрый вечер, Рорк.

Судя по всему, Мира не считала приветственные поцелуи, которыми они с Роком обменялись, пока он помогал ей снять пальто, непрофессиональным поведением на месте преступления. В этот раз Мира явилась не в стильном костюмчике и обтягивающих сапожках, а в узких черных брюках, свитере цвета стали и в серых, с виду мягких, как тающее масло, коротеньких сапогах. Сверкающие каштановые волосы обрамляли привлекательное лицо, красивые синие глаза холодно и оценивающе взирали на мрачную картину.

– Я встретила внизу Пибоди, она дала мне герметик, – сказала Мира. – Я могу осмотреть тело?

Ева не отходила от нее, снабжая необходимой информацией: время смерти, состояние тела.

– Я не нашла предмета, которым он нанес первый удар. То ли он забрал его с собой, то ли принес его сюда. Ему нравится орудовать бейсбольной битой, на нее же может указывать рана. Моррис разберется.

– Несомненно. Говорите, он явился сюда с лентой и веревкой?

– Да, он подготовился.

– Действия по плану, а не по наитию. Так, как он разделался с отцом, а не с матерью. Но тождественность неполная. Цель была не только убить, уничтожить. Нет, он хотел причинить ей боль, напугать, унижить. Полагаю, вы сделали тот же вывод.

– Да, но ваше мнение все равно полезно. Видите, как он обрезал ей волосы? Это говорит о злобе и мелочности, но при этом – о понимании того, что значат для женщины волосы.

– Согласна.

- Уверена, она только что изменила прическу и цвет волос.
- Вот именно! Она же не имеет права выглядеть привлекательной. Явных признаков сексуального насилия не видно, не считая повреждения правого соска.
- Он эякулировал в трусы, которые оставил валяться в ванной.
- Мира кивнула.
- Его возбудило убийство или пытка. Он оставил нам свидетельство этого и свою ДНК. Хочет, чтобы вы знали: он мужчина, не просто существо мужского пола, а мужик. Вы меня понимаете?
- Вполне.
- Сначала он ударил ее по лицу. Чтобы было больно, чтобы оставить отметину, чтобы она почувствовала его силу. Это пакеты из-под покупок? Она была в магазинах?
- Да. Насколько я понимаю, он вытащил все это и давай рвать.
- Ей нельзя ничем владеть – вот что он доказывал перед убийством. Потом опять делал ей больно. Заставил надеть новые туфли – для порнографического вида.
- Я тоже так подумала.
- Потом душил ее, глядя в лицо. Это интимно. Вот этот узел – опять мелочность и злоба. Думаю, Ева, он прихватил с собой ее локоны.
- Откуда такой вывод?
- Не хочу ничего трогать, но вы видите, какой длины отхваченные им ключья волос на полу? Думаю, волос было больше. Ваши эксперты скажут, ошиблась я или нет.
- Значит, он унес трофей – кусочек от нее. На месте первого преступления я ничего похожего не заметила. Может, проглядела?
- Сомневаюсь. Она значила для него больше, чем они. Они просто путались у него под ногами, их убийство было способом убрать помеху.
- Я тоже так решила, – согласилась Ева.
- Она была значительно важнее. Он спал с ней в этой постели, занимался с ней здесь сексом. А она отказалась от него, выгнала, отослала, как какого-то сопляка, обратно к родителям. А сама покупает себе обновки, по-новому причесывается и красится! Нет, так не пойдет. Такая молодая!.. – Тихо вымолвив это, Мира перешла в гостиную.
- Если вы все здесь посмотрели, я хотела бы запустить сюда чистильщиков и санитаров из морга.
- С меня довольно. Это он тут насвинячил? – спросила Мира, указывая на беспорядок в кухне.
- Да, после убийства он ел. Во всяком случае, после убийства – тоже.

Включал кухонный автомат. – Ева поманила чистильщиков.

– Нездоровая пища. Пир молокососа! Он устроил себе маленький праздник прямо над ее трупом – тем острее было удовольствие. Что еще он забрал?

– Ее кошелек, накопленные чаевые, компьютер, новый коммуникатор. Уверенно могу говорить пока только об этом. Может, какие-то украшения. Думаю, отправляясь за покупками с подружкой, собираясь краситься, она должна была нацепить сережки, еще чего-нибудь.

– Согласна. Молодая женщина, официантка, вряд ли имела что-то по-настоящему ценное, разве что какую-нибудь семейную реликвию.

Наблюдая за Мирой, Ева долго боролась с собой и в конце концов не выдержала:

– Это все из-за моей ошибки.

Оглянувшись на нее, Мира спокойно спросила:

– Почему вы так считаете?

– Я не думала, что он продолжит убивать, тем более так быстро, разве что спасаясь бегством или для самозащиты. Ну, или как месть за отказ в помощи. ЭТО мне в голову не пришло.

– И не могло прийти. С какой стати? Явиться сюда и учинить такое?! Это рискованно, но сделано расчетливо. Первые его убийства были не такие. Там на первом месте был порыв, на втором – удобная возможность. Но вы все равно пытались ее найти. Просто обстоятельства были против нее.

– Я неправильно его оценила. Раньше он не демонстрировал склонности к насилию, честолюбия, расчетливости. Мать он убил по наитию, потом подключилась слепая злоба.

– Так все и было.

– Через несколько часов пришла очередь его отца. Снова злоба, но уже с примесью ликования, хладнокровная способность сидеть в квартире, сначала дожидаясь отца и строя планы, потом додумывая свои планы рядом с убитыми родителями. Он ел, спал, шевелил мозгами в нескольких футах от их трупов.

– И ничего при этом не чувствовал, – подхватила Мира. – Это социопат, самовлюбленный нарцисс. Верит, что весь мир вращается вокруг него, вокруг его нужд – или что так должно быть. Всю вину, всю ответственность перекладывает на других. Это его кредо, и он не ведает ни вины, ни угрызений совести, ни потребности стать другим.

– И все же он изменился, – не согласилась Ева. – В тот момент, когда схватил нож и воткнул его в собственную мать.

– Усугубился, – поправила ее Мира. – Преодолеl внутренние запреты. И опять-таки – по ее вине.

Ева взъерошила себе волосы и кивнула.

– Наверное. Устранив их, он получил доступ к деньгам, возможность короткое время пожить по-царски. Именно этого он и хотел. Ни вины, ни угрызений, только ликование. Не убил ли он что-то в самом себе, убив родителей, – последнюю искорку совести, человечности, потребности быть частью целого?

– Глядя на то, что он тут натворил, с каким наслаждением все это делал, я отвечаю на это: нет, это ничего в нем не убило, а просто высвободило то, что раньше лежало под спудом. Раньше у него присутствовал страх наказания. Высвободилась частица души, о которой он раньше, возможно, полностью или частично не имел понятия. Он обрел себя.

– Простите, что прерываю. – Вошла Пибоди с подносом. – Рорк прислал вам это: вам, доктор Мира – чай, тебе, Даллас, – черный кофе, мне – обыкновенный кофе. Рорк и Макнаб сейчас в круглосуточном кафе на другой стороне улицы. Тамошный официант узнал подозреваемого. Теперь они проверяют записи уличных камер безопасности.

– Отлично!

– И чай отличный, – похвалила Мира. – Мой любимый. Как это у него получается?

Ева пожала плечами.

– Я уже перестала задавать этот вопрос.

– Можно я ненадолго присяду?

– Валяйте, – разрешила Ева. – Я еще не могу.

– А я могу – на пару минут, – вмешалась Пибоди и плюхнулась на мягкое сиденье.

– Теперь он в ладу с собой, – продолжила Мира, тоже усевшись. – Он не был предназначен для физической работы, к которой его вечно принуждали. Он всегда это знал, а теперь доказал. Все боссы, требовавшие, чтобы он подчинялся их правилам, были близоруки и глупы, а то и специально его гнобили, видя, что он на многое способен. Теперь он убил троих – и разгуливает на свободе. Вы знаете, кто он, но остановить его вам не по зубам: он только что доказал это вот этим убийством. Теперь он при деньгах, он обрел подлинную свободу и самого себя.

– И снова должен будет убивать.

– Безусловно. Сексуальная реакция на это убийство только обостряет его потребность убивать. Убийство – его награда.

– Жертвой станет знакомый ему человек? Чужой не принесет такого наслаждения – во всяком случае, до поры до времени.

– Согласна. Свою новую жертву он не только должен знать: она должна быть из тех, кто его всегда недооценивал, ни во что не ставил, обижал и унижал.

Да, теперь она в нем разобралась, заглянула в самые темные уголки его натуры.

– Еще важна расплата. Родители держали его в узде, толкали, придирались, грозили, собирались выставить его на улицу. Бедная Лори перешла от угроз к делу. Есть много людей, на которых он затаил злобу.

– Длинный список проявлявших неуважение, возможностей проявить себя, получить наслаждение и расслабление и добиться желаемого – награды.

– Мы уже связались со всеми, кого знаем на данный момент, – сказала Ева, глядя на Пибоди.

– С бывшими работодателями, – поддержала ее Пибоди, – с сослуживцами, родственниками, друзьями.

– Будут еще люди, – сказала Ева. – Какой-нибудь сосед, посмеявшийся на него фыркнуть, учитель, какой-нибудь инструктор, даже официантка или клерк.

Мира наслаждалась чаем.

– Полностью согласна. Он постарается добраться до каждого, кто заставлял его чувствовать себя неполноценным, презирал, отвергал.

– Его имя и физиономия уже красуются на всех углах. Он не может этого не знать. Ему придется изменить внешность.

– На нем был костюм, – сказала Пибоди. – Я спросила свидетеля, в чем был Рейнхолд. Он сначала ответил, что не обратил внимания, но я проявила настойчивость, и он вспомнил: оказалось, раньше он никогда не видел Рейнхолда в костюме.

– Интересно, – пробормотала Мира. – Ему хотелось выглядеть профессионалом.

– Нарядился для убийства, – подсказала Ева. – Хотел пустить своей бывшей пыль в глаза. Полюбуйся мной, стерва. Я выбился в люди. За тобой салоны, – обратилась она к Пибоди. – Места, где он мог сделать прическу, изменить цвет глаз. Он легко меняет метод: то нож, то бита, то удавка. Экспериментирует? – спросила она Миру.

– Не исключено. Или приспособливается.

– Ищет удобный метод. Готов проявить гибкость. А главное, хочет чувствовать себя умелым и ловким. Должен же он остановиться где-то на

ночлег, где-то притулиться. Ночлежка его не устроит.

– Это было бы ниже его достоинства, – согласилась Мира.

– Разве что на короткое время, пока он будет скрываться, но вообще-то это не для него. Особенно теперь, когда он хлебнул роскоши.

– В Нью-Йорке полно отелей, – напомнила Пибоди.

– Мы прочедем все до одного.

– Он будет тратить много времени на просмотр и чтение репортажей о себе, – сказала Мира. – Это тоже поднимает самооценку. Теперь люди знают его имя, уважают и боятся его. Они знают, что он мужчина. Опасный человек.

– Если он будет тратить деньги так, как сейчас, то скоро ему понадобится еще.

Он уже придумал, где их взять. Но – это ж надо! – он забыл заставить Лысую Лори (теперь он всегда будет думать о ней только так) перевести свои накопления на его счет.

Он дал маху. Знал ведь, что у нее где-то припрятано несколько тысяч баксов, но позволил ей отвлечь его воплями и дрожью. Вот он и убил ее до того, как завладел деньгами.

Дура, эгоистичная сучка!

Ладно, подумаешь! Плевать ему на ее жалкие гроши. Велика важность – официантка!

Он думал, что почувствует усталость, но вместо усталости произошел прилив сил, как от какой-нибудь забористой дури. Кстати, надо будет включить ее в свой список необходимых приобретений.

Но в данный момент нужно было найти место для ночлега, снова разжиться деньгами и сварганить фальшивое удостоверение личности, на котором он будет выглядеть так, как задумал.

Все это, и гораздо больше, ждало его в аккуратном кирпичном доме в Трайбеке.

Сдались ему жалкие сбережения Лысой Лори! Скоро он заграбастает гораздо больше.

Всего-то и надо, что дождаться, пока эта стерва Фарнсуорт выйдет на сон грядущий со своей паршивой собачонкой Снаффи. Для шавки это станет последней прогулкой в ее никчемной жизни.

Как же он позабавится!

Здесь не оказалось удобного кафе напротив, как перед домом Лысой Лори, поэтому ему пришлось прятаться в тени или делать вид, что он болтает по своему коммуникатору.

В одиннадцать с минутами он наконец увидел, как открывается дверь и как толстозадая Фарнсуорт выводит на поводке свое уродливое отродье. Она обращалась к собачонке своим раздражающим высоким голосом, так же, как к нему, когда терзала его на школьных уроках информатики.

Как же ее чествовали по случаю выхода на пенсию! Его даже заставили подготовить для нее поздравительную видеопрезентацию. Ему пришлось набраться для этого самообладания, ведь он помнил, как она третировала его за тупость.

Когда она отошла на полквартила и остановилась под деревом, чтобы дать своей собачонке погадить на травку, он шмыгнул в калитку ее тесного дворика и спрятался в тени у подъезда.

Неплохой домик, думал он. Вот бы здесь поблаженствовать пару деньков! Эта стерва получила свое гнездышко в наследство после смерти папаши, занимавшегося недвижимостью. Когда умер дуралей муж, стала жить одна. Ничего удивительного: кому нужна такая жирная уродина, злобная, как крыса из подворотни?

Он достал из сумки бейсбольную битку. До чего же приятно сжимать ее в руках, знать, для чего она сейчас послужит!

Он полагал, что мог бы заделаться наемным убийцей с лицензией, из тех, что работают на правительство. А что, еще не все потеряно, надо только завершить начатое.

Может, это тоже удовольствие – убивать незнакомых людей? С другой стороны, у него на примете было многовато тех, кому не следовало жить.

Некоторое время он будет сильно занят. С карьерным ростом придется повременить.

Вот и она, торопится за своей облегчившейся шавкой. Когда они миновали калитку, у него затрепетало сердце от предвкушения.

Надо же было шавке задержаться, ощериться, затавкать!

Этого он не предвидел.

– Что там, Снаффи? Опять этот нехороший кот? Этот вредный старикашка?

«Ага, – подумал Джерри, ухмыляясь. – Вредный кот – это я».

– Все, идем. Не веди себя как маленький. – Она взяла разошедшуюся собачонку на руки, стала ее гладить, успокаивать.

Подошла к двери. Повернула ключ. Открыла дверь.

Он не медлил ни секунды. Удар с размаху – и она повалилась ничком. Хлопок дверью. Он тяжело дышал, борясь с желанием просто порвать ее на части.

Вместо этого он изо всех сил пнул зашедшуюся лаем собачонку. Та

отлетела к стене и шлепнулась, совсем как ее хозяйка.

Он с трудом отдышался, заставил себя прекратить спешку, приказал успокоиться биению крови в голове, чтобы обдумать ситуацию.

Потом удовлетворенно кивнул, прислонил к стене свою верную битую и потер руки, предвкушая предстоящее.

В Челси Ева обратилась к официанту, обслуживавшему Рейнхолда.

– Он пришел не то в четыре, не то в четыре пятнадцать, заказал латте-«максима», двойной крем-карамель и толстое шоколадное печенье. Стал работать на коммуникаторе и компьютере, как многие здесь.

– Вы слышали его переговоры?

Официант подергал себя за ухо, как будто так ему лучше думалось.

– Кажется, нет. Он просто сидел, смотрел в окно, включал и выключал коммуникатор, тыкал пальцем в наладонник. Я решил, что он кого-то ждет, а те опаздывают, ну и спросил: мол, к нему кто-то придет? Нет, говорит, просто убиваю время перед встречей. Расплатился наличными. Сначала скучал, а потом вдруг вскочил, бросил на столик деньги, схватил свою сумку и был таков. Прямо бегом. Я проверил, достаточно ли денег он оставил. Достаточно. Чаевых с гулькин нос, ну да ладно. Я видел, как он перебежал через улицу, виляя между машинами на светофоре. Вот и все.

– Что у него была за сумка?

– Что, простите?

– Сумка, – повторила Ева. – Вы сказали: схватил сумку и был таков.

– Ну да. Хорошая сумка, похоже, новая. Черная, здоровенная. Вроде бобрик, а может, и подороже. Я не приглядывался.

– Довольно и этого. Вспомните что-то еще или снова его увидите – сразу звоните нам.

– Обязательно.

Она вышла на улицу, к Рорку и Макнабу, занятым увлеченной беседой, и подняла руку, чтобы их перебить.

– Записи камер наблюдения?

– Мы как раз это и обсуждали.

– Но не по-английски.

Макнаб ухмыльнулся.

– Его засняли несколько уличных камер. Мы попробуем восстановить последовательность и понять, где его искать.

– Так бы сразу и сказали!

– Мы пытались, – вступил в разговор Рорк. – С тех пор как закон о приватности положил конец спутниковому слежению, нам приходится

полагаться на камеры в домах, а они есть не всюду. Мы выявляем наивысшую вероятность, чтобы прийти туда, где он прячется, или хотя бы перехватить его в пути.

– Так и действуйте. Когда нащупаете что-то полезное, дайте знать мне. Минутку, – она отвела Рорка в сторонку. – Ты не едешь домой?

– Хочу провести немного времени с друзьями. Как бы мне не пропустить вечернее построение.

Она перевела взгляд на Макнаба, болтавшего теперь с Пибоди и не способного ни секунды постоять спокойно: разноцветные одеяния колыхались на нем слепящими волнами.

И Рорк – само спокойствие, безупречные черные брюки, кожаная куртка – еще умудрялся с ним дружить! Как ни трудно было Еве представить их вместе.

– Как хочешь.

– Это мой излюбленный метод. – Он сгреб ее в охапку, поцеловал и выпустил. – Быть начеку и на виду. Вы разрешили мне исходить из моих желаний, лейтенант.

Она нанесла ему шуточный хук в живот.

– Я возьму с тебя пример. Пибоди, ко мне!

Она перешла улицу, направляясь к своей машине, ждавшей в обещанном месте.

Ева работала, тот, кого она искала, тоже. Только он мог не торопиться, доставляя себе удовольствие – без разрешения расхаживая по пустому дому. Делай что хочешь, бери что понравится!

Здесь было полно электроники, которую можно было продать для пополнения его Разгильдяйского Фонда. Миссис Фарнсуорт оказалась любительницей современных технологий и обожала всякие примочки, включая человекоподобного домашнего дроида в черном фраке – к счастью, он был выключен.

Недаром он учился на курсах программирования – пусть эти мертвецы, его скряги родители, и ныли, что им приходится их оплачивать. Сейчас он стер память дроида. Перепрограммировать его было сложнее, но все равно ему под силу. К этому он вернется позже, если понадобится.

Сначала он привязал старую стерву к креслу в ее кабинете, потом сделал себе сандвич. Он приказал перезагруженному дроиду затащить ее наверх, потом опять его вырубил.

Настало время для экскурсии.

В доме стоял старушечий запах, попахивало и псиной – источник вони валялся с остекленевшим взглядом в углу. Наверное, от пинка внутри у

шавки что-то сломалось или лопнуло, решил Рейнхолд и отправил себе в рот очередную щепотку соленых чипсов. Это требовалось немедленно запить колой.

Жирные руки он то и дело вытирал о ее богатые шторы и спинки кресел.

В спальне красовался здоровенный экран – старуха явно была при деньгах! Такой ему одному не стащить вниз. Может, задействовать дроида? Пусть дROID закладывает старухино барахло! Только не поблизости от дома, где она отоваривалась.

Этот вариант стоило обмозговать. Но пока он мог всласть попользоваться здешним здоровенным экраном.

Радуюсь своей удаче, он обнаружил в ванной джакузи и массажный душ. Вот это жизнь!

В живописи он совершенно не разбирался, но уже подумывал о том, чтобы загнать в какую-нибудь галерею парочку из висящих картин. Придумать сказку о почившей тетушке Марте – неплохой способ набить карманы!

Но самым грандиозным открытием – у него аж коленки затряслись! – оказался сейф.

Внушительный, встроенный в стену за картиной, на которой красовалась какая-то дурацкая ферма и поле не пойми с чем.

Старый сейф – по крайней мере, с виду, с классическим цифровым замком. Такой мог просуществовать здесь не одно десятилетие, а то и больше. То, что хранилось внутри, теперь принадлежало ему.

Он вернулся в спальню и рассовал по пакетам всю старухину одежду. У него теплилась надежда что-нибудь за нее выручить, но главной целью было убрать все это куда подальше. Он выволок в другую спальню пакеты, идиотскую собачью постель, вонючий ящик с собачьими игрушками. Эта спальня, судя по шелкам и картинкам с цветочками, предназначалась для гостей.

Вот она и получила нежданного гостя!

Он вернулся, снял костюм и натянул новые джинсы, футболку с модным рисунком, новые кроссовки. Глядясь в зеркало, он одобрил это свое рабочее обмундирование. В дальнейшем, в ванной, предстояло заняться остальным: цветом и стрижкой волос, лицом, искусственным загаром.

Конечно, можно обратиться в салон, но он спохватился, что это было бы идиотизмом. Он уже изучил в Интернете, как менять внешность. Главное можно сделать самому, а в салоне навести окончательный лоск.

Ему нужна другая внешность для нового ID, которое он выправит с помощью старой карги.

Он уже знал, как ее уговорить.

Для этого послужат кусачки, найденный на кухне мясницкий нож – очень удобный, с неисчерпаемым потенциалом – и маленькая ручная дрель на батарейках.

С мыслью, что пока хватит и этого, он вернулся в кабинет.

При виде ее широко распахнутых, испуганных глаз он состроил улыбку до ушей. Улыбка стала еще злораднее, когда он понял по ее взгляду, по животному ужасу в нем, что узнал.

– Здравствуйте, миссис Фарнсуорт. Помните меня? Вы выперли меня из компьютерного класса и испортили мне жизнь. Теперь у нас с вами будет конференция между учителем и учеником. – Для усиления впечатления он воткнул в письменный стол мясницкий нож. – Прямо сейчас и начнем.

Он поставил кресло так, чтобы сидеть с ней лицом к лицу, закинул ногу на ногу.

– Мне пришлось ходить на ваши паршивые занятия, потому что ничего больше не оставалось. Потом меня на целый месяц заперли дома, а там уж нытики родители не давали мне спуска. Вы наврали им с три короба на родительском собрании: что я лентяй, что у меня все валится из рук, что мне подавай одни компьютерные игры, что мне нет дела до этой вашей никчемной премудрости. Из-за вас я лишился лета: таскался на занятия, пока мои дружки бездельничали. Я не смог поехать на море.

Он стал рассматривать кусачки, наслаждаясь запахом ее страха.

– Худшее лето в моей жизни! Друзья каждый день насмехались надо мной, а мне приходилось торчать в классе с тупицами – а все вы, вам приспичило меня наказать!

Он потянулся к ней, заставил ее разжать кулак, взял за палец и, ухмыляясь, поднес к нему кусачки.

– Сейчас я отдеру с твоего рта ленту, чтобы дать тебе возможность все это объяснить. Как все это видится тебе самой? Заорешь – оттяпаю тебе пальчик. Поняла?

Она кивнула, глядя ему прямо в глаза. Он отогнул край клейкой ленты.

– Один вопль – один палец. – После этого предостережения он оторвал всю ленту.

Она судорожно задышала, дрожа всем телом.

– Я не буду кричать, Джерри.

– Тебя все равно никто не услышал бы, так ты здесь закупорилась, просто я не желаю слышать воплей. – На самом деле ему страсть как хотелось пустить в ход кусачки, почувствовать свою власть, услышать хруст костей, полюбоваться ее перекошенной рожей. Но ее пальцы могли пригодиться для изготовления фальшивого удостоверения.

А вот пальцы на ногах для этого не понадобятся. Пока что он отложил кусачки.

– Так как вы сами на это смотрите, миссис Фарнсуорт? – Как он ни изображал внимание, в глазах оставался зловещий блеск. – Мне очень интересно.

– Честное слово, мне хотелось тебе помочь. – Видя, что он опять берется за кусачки, она зачастила: – Но я взялась за это не с той стороны. Я

совершила ошибку. – Она чуть не разрыдалась от облегчения, когда он не стал брать в руки кусачки. За какую-то секунду она приободрилась. – Не надо было поступать с тобой так сурово.

– Вы не оставляли меня в покое с первого дня.

– Потому что у тебя был потенциал. – Возможно, это было не совсем ложью. Она действительно разглядела его потенциал. И непобедимую лень. Она очень старалась, предоставила ему все шансы. То она работала с ним сама, то приставляла к нему в качестве партнера лучшего ученика. – Я ломала голову, как вытащить твой потенциал наружу, как до тебя достучаться. – А вот это ложь, подумала она. Она была хорошим преподавателем, использовала весь свой профессиональный арсенал, чтобы добиться от Джеральда Рейнхолда толку. Он стал одной из ее немногих неудач, потому что ему было на все наплевать, он не мог справиться со своей ленью, а главное, был воплощением неблагодарности. – Это была моя неудача. Моя ошибка.

– Вы ставили мне низкие оценки.

Как ей хотелось вскочить и поставить его на место своим натренированным учительским голосом! В тот-то и дело, что она была недостаточно требовательной. На самом деле она сначала завышала ему оценки в надежде добиться его доверия, вдохновить его, подсказать, что надо стараться.

– Я чувствовала, что ты на многое способен, Джерри, и заставляла тебя стараться. Я переусердствовала. Когда я это увидела, было уже поздно. Теперь я об этом сожалею и прошу у тебя прощения. Мне бы хотелось вернуться назад и все переделать.

– Переделать! – передразнил он ее, чтобы скрыть смущение. Он не ожидал от нее этих признаний, не думал, что она догадается о своей вине.

Неважно, подумал он. План есть план.

– Назови код от сейфа!

Он выкрикнул это так неожиданно, что она подпрыгнула. У нее все переворачивалось внутри, однако она послушно продиктовала код.

– Если не подойдет – лишишься пальца.

Он опять залепил ей рот и удалился.

Оставшись одна, она принялась извиваться. Она не видела веревок, которыми он стянул ей руки и ноги, но чувствовала, как они режут кожу. Он обмотал ее всю несколькими слоями клейкой ленты и притянул к стулу, так что она чувствовала себя так, словно ее облили клеем.

Вдруг, усердно ерзая, она сможет ослабить путы? Или лучше попробовать уговорить его освободить ей руки?

Где Снаффи? Что он сделал с несчастным животным, безобидным, как овечка? От этой мысли у нее увлажнились глаза.

Она знала из прессы, что он расправился с собственными родителями. Убил и похитил их деньги.

И ее убьет, если она не сумеет его отговорить. Или освободиться.

Услышав его шаги, она замерла.

«Сотрудничай! – приказала она себе. – Соглашайся с ним. Кайся!»

Больше половины жизни она учительствовала, начав с малышни, – вот уж неблагодарная работа, пока они не расцветут, не научатся видеть что-то еще, кроме самих себя. Наблюдать их цветение было одной из величайших усад всей ее жизни.

Но Джерри Рейнхолд был дичком, на котором так и не появилось даже крохотного бутона.

– Да у вас целое состояние, миссис Фарнсуорт. Деньги, драгоценности! Обалдеть! Даже не соображу, на сколько все это тянет. Еще диски – вы объясните мне, зачем те, на которых написано «страховка». Думаю, у вас здесь много дорогих вещей. У вас передо мной большой долг, так что пора начинать. Придется, пожалуй, засидеться за полночь.

Он немного отодвинул ее кресло и подошел к компьютеру.

– Первым делом мне понадобятся ваши пароли. Начнем с ваших банковских счетов. Ох, простите! – Он хмыкнул. – Как же вам отвечать с заклеенным ртом!

Он оторвал ленту. От боли у нее хлынули слезы.

– Пришло время расплаты, миссис Фарнсуорт.

Ева сидела за своим рабочим столом, составляя на основании своих записей подробный отчет. Она старалась сосредоточиться, не думать о буре чувств, которые она испытала сама и которым стала свидетелем, когда, постучав в дверь родителей Лори Нуссио, сообщила им о гибели дочери.

Она не могла их утешить. Она знала, что не виновата в их горе.

Она могла сделать одно: схватить того, кто отнял у них дочь и навсегда исковеркал им жизнь.

Теперь она видела перед собой лицо Лори, а не Рейнхолда. К утру ее внешность растиражирует пресса, и с ней познакомятся все. Ева постаралась, чтобы никто не докопался до того, в каком виде она нашла Лори.

Кто еще в его списке? Кто следующая жертва?

Она налила себе кофе, выпила его, стоя у окна и глядя на Нью-Йорк.

Море огней, окна, тротуары, лучи фар в темноте. Люди снуют туда-

сюда, отдыхают, веселятся, занимаются сексом, ищут – кто деятельности, кто покоя.

Кто из них успел обидеть или разозлить Рейнхолда за 26 лет его жизни? И сколько человек падут жертвами его мстительности, прежде чем он будет остановлен?

Она вернулась к работе.

Мать, отец, бывшая любовница. Все это личное, интимное.

Останется ли он верен этому принципу? Деда и бабки? Насколько они преуспели в жизни? Кузены? Продолжит ли он расправляться с родней, мстить за детские обиды, за отказ поддержать его, за опрометчивую критику?

Если он сохранит верность этому принципу, то следующими пострадают его друзья. Тот ли из них, кто огреб в Вегасе куш, когда Джерри продулся? Или тот, кто выгнал его на улицу за отказ платить за квартиру?

Ему потребуется возможность, способ до них дотянуться.

Она снова села, перебирая в компьютере вероятности. Потом нахмурилась и забарабанила по столу пальцами – стала изучать результаты.

Компьютер выбрал бруклинских деда с бабкой. Наивысшая вероятность: проживают за городом, не высовываются. Выбрать кого-то из друзей компьютер не решился.

Она не станет рисковать и позаботится об охране для дедушки с бабушкой.

При этом она не могла избавиться от недоумения. Разве деда и бабки не снисходительнее родителей? И разве сам Рейнхолд не постарается избежать схемы?

С другой стороны, добытые сведения свидетельствовали, что у бруклинской пары водятся деньги. Не сказать, что они в них купаются, но имеются. А ему позарез нужны деньги.

Покинуть Манхэттен, двинуться в Бруклин? Нет, не спешить, все толком спланировать.

Твоя следующая остановка не там. Чувствую, что не там.

У дружков серьезных денег нет. Правда, Балбес Джо – так уж Ева его прозвала – покинул Вегас с выигрышем. Убить одним выстрелом двух зайцев? Поквитаться и забрать денежки, которые он проиграл, а друг выиграл? Еще друг называется!

Даже не двух зайцев, а целых трех: Балбесу Джо можно похвастаться убийством Лори. Ведь он ее знал, он – друг, способный согласиться после разрыва, что она повела себя как стерва.

Среди друзей и родных – правда, надо поглубже копнуть кузенов – Балбес Джо явно выделялся как первоочередная цель.

Хотя и он восседал на этом месте не слишком уверенно.

– Даллас, – заговорила заглянувшая к ней Пибоди, – Макнаб...

– Он не завернет в какой-то момент к друзьям?

– Что?

– Рейнхолд. Он не отшельник. Все указывает на то, что ему нравится общество друзей, бары, клубы. Ему нужен кто-то – лучше знакомый, – чтобы вместе выпивать, чтобы было на кого изливать свою желчь. Сейчас он в форме, на адреналине. Все получается так, как он хочет. Это его маленький личный праздник, но рано или поздно ему понадобится общество друзей.

– Не знаю. Он убил троих. Вряд ли друзьям теперь захочется с ним знаться.

– Ты рассуждаешь не так, как он. Он теперь богат – в его понимании. Знаменит. Обрел власть и славу. Если не побахвалиться этим перед друзьями, тогда перед кем? Пока что ему хватает шикарных отелей, люксовой жратвы, одежды. Но он уже должен был убедиться, что денег надолго не хватит.

– Возможно, но мы примерно ровесники. Если бы на меня вдруг свалилось сто семьдесят пять тысяч баксов, моей первой реакцией было бы: «Я обогатилась!» Я бы тоже принялась кутить: накупила бы обновок, швырялась бы деньгами. Никуда не денешься!

– А потом ты взялась бы за ум, ведь не дура же ты!

– Да – в отличие от него. – Пибоди в задумчивости приблизилась к Еве. – Он не станет думать о вложениях в будущее, об оплате счетов, обо всем том, о чем вынуждены помнить в такой ситуации зрелые люди.

– Улавливаю твою мысль. – Заметив, что Пибоди смотрит на кухонный автомат, она указала в ту сторону. – Но теперь ему есть к чему стремиться. Раньше некуда было. Я услышала это от Миры. В нем что-то высвободилось, прежний ленивый дуралей превратился в убийцу. Он стал честолюбивым. Думаю, у него появились мысли о будущем.

– Об инвестиционном фонде?

– Брось. Он будет и дальше делать то, что ему нравится, да еще приносит деньги, чтобы продолжать жить на широкую ногу. Он может воображать себя высокооплачиваемым убийцей, наемником. Но сначала он должен свести счета, поквитаться со всеми, кто так или иначе переходил ему дорогу. Он не будет перебираться из отеля в отель. Ему нужна база, прибежище, ставка.

Зная недостатки кресла для посетителя, Пибоди все-таки села в него со своим кофе.

– Хорошо. Понимаю, куда ты клонишь. Пока он сводит счета, ему нужна постоянная берлога, а на это требуются деньги. Берлога должна быть комфортабельной. На нее придется раскошелиться, но не так, чтобы слишком. На это ему так и так понадобится наличность, а лучше счет, потому что наличность привлекает внимание. Ему потребуется новый ID и измененная внешность, чтобы свободно перемещаться по городу.

– Дед и бабка в Бруклине – подходящий вариант.

– Вот-вот, компьютер того же мнения. Твои деды и бабки сильно тебя бесили?

– Не скажу чтобы очень. – Вспоминая своих, Пибоди расплылась в улыбке. – Наоборот, они баловали меня. Всех нас.

– Так обычно и бывает. Но, учитывая его обидчивость и то, что он почти всю жизнь был обалдуем, мы можем заключить, что они под угрозой. Я уже позаботилась об их охране. Похоже, ему хватит ума догадаться, что мы так поступим.

– Балбес Джо сорвал куш в Вегасе.

Ева кивнула, растирая затекшую шею.

– Может, и он – учитывая, что обида совсем свежая. Но Джо, скорее всего, уже просадил большую часть своего выигрыша. Джерри нужно новое крупное вливание. На его месте я начала бы с бывших боссов. Даже если они не купаются в золоте, у него может быть на это свой взгляд. У них бизнес, они им помыкали – как и его родители.

– Многообещающий подход.

– Его и применим. Начнем с проверки шикарных квартир, кондоминиумов, таунхаусов, предлагаемых в аренду.

– Их слишком много, Даллас.

– Ему хватит одного адреса. Как и нам.

Пытаясь прояснить мысли, она подвинулась к монитору и закинула ноги на стол – так лучше думалось.

– Вряд ли он ограничится своим районом – есть же у него хоть какие-то мозги. Там его могут узнать даже с измененной внешностью. Соседние кварталы тоже не годятся. Но и не слишком удаленные. Ему потребуется знакомая среда, в ней ему уютнее – ведь он еще только разворачивается. В таких условиях приятнее распускать перья. Это же кайф – завести дорогое и шикарное жилище неподалеку от нор, где ютятся его дружки.

– Надо будет проверить.

– Да. Макнаб сообщает, что они разбираются с записями уличных

камер. Сейчас они в электронной лаборатории. Я бегу туда. Проверишь – пришли мне результаты. А потом – марш домой, поспи. Хотя можешь подремать в нашей комнате для отдыха. Утром мы продолжим.

– А ты?

Ева сняла ноги со стола.

– Зависит от того, что получится у Макнаба и Рорка.

– Я еще побуду здесь – вдруг пригожусь? У меня в шкафчике припасена сменная одежда. Передай Макнабу, что я тут, рядом.

Евы кивнула и побежала наверх.

Задерживаться у электронщиков она не любила. Их отдел всегда, даже глухой ночью, ходил ходуном и переливался разноцветными огнями. В этот раз она, проشمгнув мимо, решила обязательно выкроить время для беседы с Фини – бывшим своим инструктором, напарником, ныне – капитаном всего этого взвода чокнутых.

Рорка и Макнаба она увидела через стеклянную стену лаборатории и, шагнув туда, заткнула уши от оглушительной, сбивающей с ног музыки. Она узнала вокал Мэвис, но при всей любви к подруге такие децибелы были не для нее.

– Как вы умудряетесь ворочать мозгами при таком шуме? – крикнула она.

– Это держит в тонусе, – ответил Макнаб. – «Убрать музыку!» – скомандовал он, и Мэвис умолкла на полуслове. В помещении воцарилась благословенная тишина.

– Что у вас тут? – поинтересовалась Ева, подходя к экрану, на котором менялись неясные изображения.

– Мы заканчиваем решать головоломку, – отозвался Рорк, поворачиваясь к ней в кресле. – Хочешь на доходчивом английском?

– Сделай одолжение.

– Мы начали с дома убитой и при помощи записей разных камер наблюдения сумели худо-бедно начертить маршрут Рейнхолда. Это было нелегко, потому что он то и дело отклонялся от своего маршрута, да и камеры есть не на всех домах района. А те, что есть, не всегда работают.

– В общем, мы засекали его прибытие, – пробасил Макнаб в огромный стакан, который не выпускал из рук. – Но на обратном пути он углубился в жилой квартал, где камер нет, и мы его упустили. То ли он заказал такси, то ли поймал, то ли пошел пешком. Если бы он воспользовался подземкой, мы бы его нашли. Мы проглядели все станции в тех местах. Но он мог отправиться еще куда-нибудь. Можно смотреть дальше.

– Покажите, что у вас есть.

– Мы только что все свели. – Макнаб перевел результаты поиска на экран. – Я дам ускоренный просмотр, чтобы ты увидела его прибытие.

Она увидела, как от густого транспортного потока отделяется скоростное такси. Рейнхолд – новенький костюмчик, темные очки, в руках сумка – вылез на тротуар.

– Увеличь! – приказала Ева. – Покажи номерной знак.

Макнаб нажал паузу, и Рейнхолд застыл, успев повесить сумку на плечо.

– Он в приподнятом настроении, – сказала Ева. – Это видно по его физиономии. Предвкушает, что он сейчас с ней сделает. Что и как.

– Мы записали номер, – сказал Макнаб, увеличивая изображение, чтобы она прочла номер сама. – Хотели показать тебе.

Она включила коммуникатор.

– Мотай дальше, – сказал она Макнабу, набирая диспетчерскую таксомоторной компании.

– Говорит лейтенант Ева Даллас, Управление полиции Нью-Йорка, отдел убийств, жетон номер 43578Q. Мне нужно узнать место, где пассажир сел в такси.

Она глядела на Рейнхолда, перемещающегося из камеры в камеру, вертящего головой, глядящего на дом Лори, на окна ее квартиры. То, что она не видела, приходилось домысливать. Наверное, он пытался позвонить Лори, уточнить, дома ли она. Он должен был знать, что у нее выходной.

– У отеля «Грандлайн» на Пятой авеню? Спасибо. Давай дальше, – сказала она Макнабу.

Ей хотелось разглядывать его, изучать его лицо, язык тела. Одновременно она звонила в отель.

– Покажи его уход, – сказала она Макнабу, когда Рейнхолд вошел в кафе.

Она назвала служащему отеля свое имя и номер.

– Есть среди ваших гостей Джеральд Рейнхолд?

– Минутку, лейтенант. Нет, такой не числится.

– Он мог выписаться сегодня.

– Такой фамилии нет.

– Когда вы заступили на смену?

– В девять вечера.

Поздновато, подумала Ева. Но оставались еще камеры наблюдения.

– Я сейчас к вам приеду. Мне нужно просмотреть сегодняшние записи ваших камер начиная с семи тридцати. Все, за весь день.

Не дожидаясь ответа, она разъединилась.

– Вот он идет в южную сторону.

– Ага. Вот в этом секторе мы видим его на переходе, а потом мы его теряем. – Макнаб хлебнул своего сладкого напитка. – У большинства здешних камер короткий радиус наблюдения. Вот если бы он вошел в один из домов, тогда другое дело.

– Он двинулся в противоположном направлении от отеля, где сел в такси, – рассудила она. – Вряд ли он туда вернулся бы. – Она немного походила взад-вперед. – Он знает, что мы его ищем, знает, что мы быстро найдем труп Нуссио. Может, уже завтра, но все равно быстро. Поэтому он не садится в такси поблизости и вынужден долго уходить пешком от места преступления. Самодовольная улыбка, прогулочный шаг. Весь мир у его ног! Какой уверенный вид! Наверняка приготовил себе новую нору где-нибудь в Виллидж, в Сохо, в Трайбеке. Хотя он мог повернуть на юг, а потом вернуться на автобусе. Если так, то он уже забрался в свою нору. Знать бы, где это! Поеду в отель.

– Я с тобой! – вызвался Рорк, вскакивая.

– Мне продолжать поиск, лейтенант?

Подумав, она отрицательно покачала головой.

– Мы получили что хотели. Надеюсь на удачу. Между прочим, Пибоди в комнате отдыха.

Макнаб просиял.

– Неужели?

– Только чтобы никакой личной жизни в помещении Управления! – Выходя, она подумала, что он вряд ли ее послушается.

Она решила воспользоваться лифтом и, найдя кабину пустой, облегченно перевела дух.

– Что собой представляет этот «Грандлайн»?

– Я знал, что ты спросишь. – Пальцы Рорка забегали по компьютеру. – Отель среднего размера для бизнесменов с круглосуточным обслуживанием.

– Похоже «Мэнора».

– Как и большинство других.

Когда двери лифта открылись, Ева нахмурилась. Двое полицейских втащили в кабину двух окровавленных и помятых, но еще не утративших боевитости проституток.

– Это мой угол, слышишь, воровка, сучка?

– Тротуар не твой, давалка!

– Ты хотела спереть клиента прямо у меня на глазах?

– Я не виновата, что он выбрал меня, а не твою жирную задницу!

Ева, заметив огонь в глазах обладательницы жирной задницы, успела оттолкнуть Рорка, и удар носком туфли, острым, как шило, пришелся «давалке» в икру. Та взвыла и пустила в ход ногти, такие же острые, как носки туфель ее противницы. Хлынула кровь, от воплей впору было оглохнуть. Полицейские бросились разнимать дерущихся. Из разорванной кофточки вывалилась внушительная искусственная грудь.

– Ты еще спрашиваешь, почему мужчины обожают женские драки! – заметил Рорк.

– Неужели все – поклонники силикона? – Она схватила одну из драчуний за волосы, другой, упавшей на пол, наступила на шею.

– Ну-ка, уймись, обе! – грянул ее голос в тесном лифте. – Не то обеим не поздоровится. Немедленно заткнитесь! – прикрикнула она, чтобы прекратить обмен ругательствами. – Наденьте на них наручники.

– Получай, Дори! – Один из полицейских защелкнул наручники на запястьях своей подопечной, другой – своей.

Двери лифта опять разъехались.

– Уберите их отсюда!

– Мы везем их вниз, чтобы...

– Живо!

– Есть, сэр! – Полицейские рывком поставили обеих женщин на ноги и, не обращая внимания на протесты, вытолкали их из кабины.

– Вот это развлечение! – Рорк достал платок и потянулся к Евиному подбородку.

– Что такое?

– Тебя зацепил ноготок. Теперь все в порядке.

– Господи! – только и сказала она по пути вниз, в гараж. – Поведешь ты, – бросила она Рорку. – Я по пути кое-что проверю.

– Например? – спросил он, садясь за руль.

– Хочу узнать, занялся ли Моррис третьим трупом. Я уже понимаю, как и когда, отлично знаю, кто и почему, остается все согласовать. Еще надо задействовать в лаборатории Харпо, нашу королеву волос и тканей. Мира считает, что он забрал с собой волосы убитой. Если так, то это его личный трофей. Еще мне надо разобраться с вероятностями, относящимися к следующей жертве. Кое-что я поручила Пибоди.

– Думаешь, будет еще одна?

– Он наверняка ее уже выбрал. Если мы быстро его не поймаем, Моррис получит очередной труп. – Она закрыла лицо ладонями. – Если бы он употребил хотя бы половину времени, стараний, ума на одной из работ, откуда его выперли, то многого бы достиг.

- Так веселее.
- Ты прав. Он нашел себя. У них же есть сайты? Каналы, пути, чтобы одни предлагали себя в наемные убийцы, а другие их отбирали.
- Он покосился на нее.
- В таких делах пользуются знакомствами.
- Вероятно. Я никогда в этом не разбиралась и никогда не угощала пивом тех, кто разбирается.
- Но ты кое-кого знаешь.
- Знаю.
- Позволь высказать скромное соображение. Ему это нравится, и пока что у него все получается. Ему нравится шикарно жить и убивать. Сейчас он убивает тех, кого знает, на кого у него зуб, но разве они обеспечат ему шикарную жизнь? Почему бы не превратить хобби в профессию? Его наверняка посещают такие мысли.
- Любопытное соображение, хоть и скромное. Я поспрашиваю, может, он не один такой. Но вряд ли он уже зашел так далеко. – Она прижалась затылком к подголовнику. – С Нуссио ему повезло. Сегодня она решила побыть недоступной, завести новый коммуникатор и номер. Иначе я бы с ней связалась и спросила про замки. Теперь я знаю, что он звонил ей по старому номеру. Если бы мы узнали об этом раньше, то поняли бы, что он ее разыскивает. Все сыграло ему на руку.
- Удача – это хорошо, но умение лучше.
- Он затормозил перед «Грандлайн». К машине бросился привратник.
- Лейтенант Даллас? Вас ждут внутри. Мистер Вуртц за стойкой.
- Лобби потрясло ее вылизанностью и слишком ярким светом. Даже в этот поздний час там царила суета. Деловые люди, рассудила она, поздние заезды, поздние выезды. Другие сидели, размякнув от усталости, мямля в свои наручные или ушные коммуникаторы.
- Броский мужчина со слишком молодым для такой седой гривы лицом – возможно, так и было задумано – при появлении Евы вышел из-за длинной черной стойки регистратуры.
- Лейтенант? Майкл Вуртц, ночной менеджер. Я приготовил данные камер наблюдения, как вы просили. Сотрудник сообщил, что вы интересуетесь Джеральдом Рейнхолдом. Никто с такой фамилией у нас не селился. Мы получили предупреждение.
- Он отъехал от отеля на такси примерно в шестнадцать часов. Покажите записи.
- Пройдемте ко мне в кабинет. Сюда, пожалуйста. Честно говоря, сообщение Риссы меня напугало. Я весь день слежу за новостями об этом

Рейнхолде.

Открытая им дверь вела в коридор. Пройдя мимо вереницы комнатушек и ниш, Ева оказалась в кабинете менеджера.

– Из нашего отеля часто вызывают такси, – продолжил Вуртц. – Мы выполнили ваш запрос.

– Начнем с камер вестибюля, – попросила Ева.

Вуртц взял пульт и начал перемотку кадров на настенном экране.

В 8.23 утра Ева увидела Рейнхолда.

– Вот он! Бейсболка, темные очки, два чемодана.

– Ничего себе! Минутку, – Вуртц включил компьютер. – В восемь двадцать восемь у нас поселился некто Малахия Голд. Он показал удостоверение личности и заплатил наличными. Здесь сказано, что его кредитная карта не сработала на транспортном узле. Ничего себе!

– Что такое?

– Оказывается, его удостоверение недействительно, просрочено на целый год. Наш сотрудник проявил халатность.

– Во сколько он покинул отель?

– Официально он нас не покидал. Но в шесть вечера мы провели уборку номера – он не собирался ночевать. Ни его, ни вещей в номере не было.

– Позвольте, я посмотрю записи последнего получаса перед тем, как он сел в такси.

Вуртц стал мотать запись.

– Можно побыстрее? – попросила она. – Вот здесь остановитесь. Костюм, чемоданов нет, только сумка. Между заселением и этим моментом он выходил минимум один раз. Мне потребуются записи всего дня. Его номер уже занят?

– Нет. Дверь не заперта.

– Хочу туда заглянуть.

– Разумеется. Как все это неприятно! – Вуртц нервно поправил узел галстука. – Мне бы не хотелось, чтобы наши гости узнали, с кем недавно соседствовали.

– Я не собираюсь никому ничего сообщать. Пойдемте в номер.

– Это на двенадцатом этаже.

Он вывел Еву и Рока в коридор и указал на лифт.

– Если позволите, я отведу вас туда, а потом займусь копиями, которые вы заберете.

– Конечно. Мне также потребуется список фамилий. Кто его поселил, кто помогал нести чемоданы, как звали привратника, посадившего его в

такси, и остальных сотрудников, имевших с ним непосредственный контакт.

– Вы все получите.

Он проводил их до номера на двенадцатом этаже и убежал.

– Хочет прикрыть свой зад, а также чужие, – сказала Ева. – Просроченный документ не должен был пройти незамеченным, к тому же Джерри совсем не похож на Мэла Голда. Да, возраст один, рост тот же, но и только. Клерк дал маху – ему повезло. Выселяться он не стал, кому какое дело? Номер на день за наличные – чем не ночлежка?

Она оглядела практичный, рационально устроенный номер. Плитка, серебряное мерцание, энергичные цвета; собственный бизнес-центр; кухонька.

Здесь, конечно, поработают чистильщики, но много ждать от них не приходилось.

– Место, где можно провести несколько часов, сделать дела, составить планы, принять душ, переодеться в новый костюм. Когда он снова выйдет с чемоданами, кто обратит на него внимание в гостиничном лобби? А он тем временем продумал, где продать то, что не было продано в воскресенье. И выносит это частями. Что-то продает, что-то покупает. У него новый костюмчик, еще какая-то одежда, дорожная сумка, бита. Биту он прячет в сумке.

Продолжая размышлять вслух, она расхаживала по номеру.

– Шныряет взад-вперед, используя номер как временную штаб-квартиру. Посещает ювелирные лавки, магазины подержанных вещей, ломбарды, продает и покупает. Сбывает даже чемоданы и старую одежду. Избавляется от всего этого с выгодой для себя. Когда все сделано, он уходит, садится в такси и едет убивать Лори Нуссио.

Нарезая круги по строгому номеру, она вдруг хлопнула себя по лбу.

– Пакеты из магазинов! Он должен был возвращаться сюда с пакетами. Мы можем узнать, где он побывал перед отъездом.

Она протерла усталые глаза.

– Сейчас я посмотрю в Управлении записи, потом попробую пару часиков подремать в комнате отдыха.

– У меня есть предложение получше, – сказал Рорк. – Я попросил придержать для нас номер в «Мэноре», это недалеко отсюда. Ты сможешь просмотреть записи там, и мы оба отдохнем – без Пибоди, Макнаба и остальных копов.

Возможность отдыха без остальных копов окончательно ее убедила.

– Согласна!

Номер в «Мэноре» порадовал теплой расцветкой, мягкими тканями и толстыми старинными коврами на блестящем деревянном паркете.

Зеркало в широкой раме над маленьким каменным камином отражало стиль и достоинство обстановки. Нажатие кнопки в стенной нише – и зеркало затуманилось, превратившись в экран.

– Маловато домашнего тепла, – решила Ева.

– Гости «Мэнора» предпочитают видимость Старого Света и удобства Нового. Мы стараемся это сочетать.

Еве требовался экран для просмотра записей камер безопасности, но с этим можно было повременить.

– Как насчет кухонного автомата и приличного кофе?

– Сколько угодно. Но тебе не кажется, что нам обоим уже достаточно кофе? Предлагаю компромисс, – продолжил Рорк, не позволив ей спорить.

– Если тебе придется куда-то мчаться, то мы сначала выпьем кофе.

Решение выглядело справедливым, хотя и не пришлось ей по душе.

Пока она дулась, он ненадолго исчез и вернулся с двумя стаканами воды, в которые положил по ломтику лимона.

– Значит, так?

– Да, вот так. – Он чмокнул ее в кончик носа. – Держи.

Ее мучила жажда, поэтому она схватила стакан. Усталость заставила ее сесть на ручку большого мягкого дивана, чтобы запустить запись.

– Ему не хотелось селиться в бизнес-отеле, – рассудила Ева. – Для беготни по городу такой годится, а как резиденция – нет. Смотри-ка, ему хватило ума использовать старое удостоверение Голда. Собственное ему нужно для обналичивания чеков, но пускать его в ход в отеле он поостерегся. Возможно, оно пригодится ему в месте ночлега.

– Гораздо умнее было бы побыстрее обзавестись фальшивым ID.

– Надо знать, как это делается. Не исключено, что он уже знает. Смотрим.

Рорк примостился на другой ручке дивана и вместе с ней уставился на экран.

Меньше чем через двадцать минут после прихода в отель Джерри снова предстал перед объективом. Рорк замедлил воспроизведение.

– Тот же прикид, что раньше. В руках один чемоданчик. Вперед, в банк! Забрать деньги, пока не найдены тела, – прокомментировала Ева.

В 9.38 Джерри снова прошествовал через лобби с самодовольной ухмылкой на лице.

– Опять ему повезло! – сказала она. – Чемоданчик уже топорщится от дензнаков и чеков.

Он величественно вошел в лифт, чтобы спустя 11 минут снова в него загрузиться – в этот раз с чемоданом.

– Заметь, всего один чемодан. Он хочет избавиться от лишних вещей. Помнишь, к ювелиру Урсе он явился с двумя маленькими чемоданами. Хочет получить по чекам деньги до того, как будут найдены тела, пока его имя и лицо не растиражированы прессой. Он все еще опережает нас, но совсем немного. Мотай дальше.

В отель Джерри вернулся без чемодана, зато в костюме и с большим пакетом.

– Миссия завершена, заодно он обарахлился. Давай-ка...

– Уже. – Рорк максимально увеличил кадр.

– Мужской магазин «On the Rack», – прочла она на пакете. – Знаешь такой?

– Нет, но через минуту узнаю.

– Он быстро движется, – продолжила Ева. – Посмотри на язык его тела, на выражение лица. Он влюблен в свой костюм, ему нравится в нем щеголять.

– Один из магазинов этой фирмы расположен в квартале от отеля – хорошее место для бизнесменов, которым нужно быстро переодеваться. Обновку можно заказать на сайте, срок выполнения – час за дополнительную плату. Предлагается все, от костюмов до повседневного гардероба, обуви, аксессуаров и так далее.

– Непременно их навестим.

Ева дождалась, пока Рейнхолд снова появится на экране.

– Вот и он. Пунктуальность на высоте, видимо, он действует по часам. Костюм, чемоданчик. Урса смотрит на него и думает: «Приятный молодой человек. А какой занятой!» Надо будет поговорить с привратником. Возможно, Джерри взял такси. Почему нет? Он не склонен скупиться.

Рорк продолжил перемотку, Ева впиалась глазами в экран.

– Опять он! Три тридцать дня. Дел по горло. Что за пакеты в этот раз?

– «Village Paint and Hardware», «In Style», «Running Man» – этот мой. Специализация: спортивная обувь, одежда, аксессуары – снова мужские. Сумка, наверное, оттуда.

– Что ж, теперь он мужчина и любит делать покупки в мужских магазинах. Первый из трех магазинов – хозяйственный, там он мог купить

веревку и клейкую ленту. Мы все проверим. Что такое «In Style»?

– Модная одежда и аксессуары.

– Ясно.

Ева села. Рейнхолд выходит из гостиницы со вторым чемоданом. Возвращается спустя 18 минут с сумкой и в новых стильных солнечных очках – тех, в которых выходил из такси рядом с домом Нуссио.

– Избавился от второго чемодана. Держу пари, в новой сумке лежит бита. Вместе со всем остальным, что он запланировал приобрести в этот раз. День проходит с пользой. А вот здесь, – сказала она, когда Рорк в последний раз нажал паузу, – он выходит с сумкой. Больше он в этот отель не вернется. Сядет в такси и поедет убивать.

Она стала мерить шагами комнату.

– Он составил программу и список дел. Возможно, не обошлось без изменений: импульсивные покупки, выбор мест продажи; но в целом он придерживается своего плана. Сидя с убитыми родителями, а потом в «Мэноре», он успел все тщательно продумать. Весь день банки, чеки, продажа, покупки, ленч на бегу и опять все то же самое. На убийство он отправляется в костюме: хочет предстать перед ней одетым с иголки. В костюме он чувствует себя значительным, успешным, богатым. Когда она его выгоняла, все было совсем не так.

Ева закрыла ладонями глаза.

– Подождал, выпил кофе, увидел свой шанс и использовал его. Куда же он подался после убийства? Наверное, у него была подготовлена еще одна нора. Может, купил парик и грим, чтобы походить на Голда в просроченном удостоверении личности? Неужели рискнет воспользоваться им еще раз?

– Это было бы глупо, – рассудил Рорк. – У него достаточно денег на новый ID или на оплату ночлега наличными.

– Думаю, он потому и выдал себя во втором отеле за Голда, что уже спустил деньги, которые забрал у родителей. Но теперь он опять набил карманы. Мы включим в ориентировку Голда и проверим, прибежал ли он к этому имени после Нуссио. Чтобы изготовить ID, требуется оборудование, специальные материалы, надо уметь вводить в систему фальшивые данные. Разве что он обзавелся всем этим в свой последний выход. Нет никаких признаков, что это так.

– План и список, – повторил за Евой Рорк. – И время на все это. В плане обязательно должен числиться ID. У него хватило бы денег на приобретение приличного ID, но именно приличного – его план должен предусматривать только такой.

– Согласна. Теперь мы должны угадать, куда он отправится и как

раздобудет ID.

– Только не сейчас. Тебе надо поспать.

– Он где-то залег.

– Несомненно. – Рорк извлек диск, и экран снова стал зеркалом. – Нам надо последовать его примеру.

– Я могу отправиться отсюда прямо в Управление. У меня в шкафчике есть во что переодеться.

– Здесь тоже найдется сменная одежда, – возразил он, подталкивая ее к спальне. – По моей просьбе Соммерсет прислал сюда все, что нам потребуется на ночь и на завтра. Почему такой испуганный вид? Это экономит время и силы, к тому же я конкретно перечислил, что прислать, так что ему не пришлось рыться в твоих вещах.

– Могу себе представить.

Большая кровать с пуховым одеялом и горами подушек выглядела все же соблазнительнее, чем койка в комнате отдыха полиции. Стоило ей улечься – и рабочее настроение улетучилось.

Но завтра она непременно доберется до Рейнхолда!

Она устроилась в объятиях Рорка и тут же отключилась.

Во сне она сидела с Лори Нуссио на подушках в ее крохотной квартирке. Блестящие рыжевато-каштановые волосы Лори струились по плечам, лицо было нетронутым, но голубые глаза смотрели печально.

«Я не хотела, чтобы вы увидели меня такой, какой он меня оставил».

«Понимаю».

«Я думала, что ему нужна поддержка, вдохновение. Он был толковым и иногда забавным. Глупым он не был, злым тоже. По крайней мере, сначала. Он хорошо ко мне относился, и я хотела ему помочь. Сглупила я сама».

«Неправда. Ты о нем заботилась. Ты думала, что сможешь помочь ему повзрослеть».

«Наверное. Мне хотелось прочных отношений. Мне был нужен кто-то. А ему не везло – так он говорил. Все время не везло. Ему завидовали, вредили. А на самом деле все было не так. У него были такие приятные родители! Я думала, он найдет себя. – Лори смахнула слезу. – Но он становился не лучше, а хуже. Не работал, все время ныл, никогда не помогал убирать квартиру. А потом забрал деньги, мои деньги, а когда я рассердилась, ударил меня. После этого мне осталось только его выгнать».

«Конечно. Ты все сделала правильно».

«Но за это он меня убил. Теперь мне не выйти замуж, не родить детей, не делать покупки с подружками. А как он меня мучил! Он состриг мне

волосы – они были так хороши! Видите, какой я стала?»

Волосы вылезали клочьями на глазах, глаза распухали, губы трескались.

«Прости меня за это. Я должна была это предотвратить».

«Я хотела все начать с начала. Но он не позволил. Не хочу, чтобы родители видели меня такой. Вы можете это исправить? Можете?»

«Я сделаю все, что смогу. Я найду его, Лори. Я постараюсь, чтобы он ответил за свои злодеяния».

«Я не хочу быть мертвой».

«С этим не поспоришь».

«А он хочет, – произнесла Лори. – Он многим людям желает смерти».

«Мой долг – не дать ему добиться желаемого».

«Надеюсь, вы его исполните. Пока что он выходит сухим из воды».

С этим тоже трудно было спорить. С этой мыслью Ева погрузилась в спасительное забытье.

Пока Ева беседовала со смертью во сне, Рейнхолд наслаждался очередной удачей.

Он знал, что у старой карги водятся деньжата, но чтобы столько?! Опустошив ее счета, он огребет три миллиона девятьсот восемьдесят четыре тысячи на свое новое имя – или на будущее имя, когда они сварганят новый ID.

Потом он присовокупит к этой уйме денег то, что унаследовал – ха-ха! – от родителей, что забрал у бывшей подружки, у этой сучки. Вот когда он сможет купаться в деньгах! Больше четырех миллионов – это вам не шуточки!

А ведь еще этим утром он воображал, что его 175 тысяч – минус расходы – тоже неплохо. На самом деле какое может быть сравнение?

Теперь он получит все, чего захочет. И кого захочет.

Не проработав больше ни одного дня в жизни, он заживет как король. Разве убивать – это работа? Недаром у папаши была излюбленная присказка: «Если ты любишь свою работу, ты никогда не работаешь». Что-то в этом роде.

Кто бы мог подумать, что старый дурень хоть в чем-то окажется прав?

А еще он завел дроида – загляденье, а не игрушка! – и перепрограммировал его на исполнение только своих приказов. И пришел в восторг, заказав ему в полночь что-нибудь перекусить.

– Фарнсуорт, подлая стерва! Сколько лет ты сидела сиднем на этих деньжищах! Охота тебе была тратить время зря, таскаясь в школу?

Она таращила на него до смерти усталые глаза, красные от утомления и страха, а также от оплеух, которые он время от времени отвешивал ей, чтобы держать в тонусе.

«Я любила преподавать, – думала она. – Где ему понять удовольствие и удовлетворение от честного труда! Прогнил насквозь». Она знала, что скоро он ее прикончит.

Но сначала он заставит ее помучиться, будет причинять ей боль всеми доступными ему способами. А потом убьет.

– У нас еще есть дела, но с некоторыми можно и повременить. Мне пора соснуть. – Он встал и сладко потянулся. – Тебе тоже не мешает подряхнуть. Вид у тебя поганый.

Он с хрустом сделал несколько наклонов и засмеялся.

– Завтра мы закончим перевод денег. Еще нам надо потрудиться над удостоверением. Мне нужно, чтобы ты постаралась, заруби это себе на носу. Помнишь, как ты сама твердила: «Мне нужно, чтобы ты старался, Джерри»? Тупая сука!

Он отвесил ей пощечину – для освежения памяти.

– Увидимся утром. – С этими словами он так пнул ее кресло, что оно врезалось в стену, и ушел, гася по пути свет.

Она осталась дрожать в темноте. Через некоторое время, принудив себя к спокойствию, она принялась ерзать и крутиться, насколько это было возможно, в призрачной надежде освободиться.

Проснувшись, Ева испытала и знакомые, и незнакомые чувства. Первым делом ей в ноздри ударил жизнеутверждающий аромат кофе, и она почувствовала прилив благодарности. Знакомым было также ощущение покинутого Рорком места с ней рядом. Так начиналось каждое ее утро.

Но постель была не ее, над головой не было стеклянного потолка, через который заглядывали небеса.

Гостиница, вспомнила она. В городе, недалеко от Управления. Еще она вспомнила, что в морге ее дожидается труп.

Она села, скользнула мутным со сна взглядом по золотистым стенам, по белой орхидее (кажется, так называется этот цветок?), изогнувшейся в темно-голубой вазе на туалетном столике.

Откуда-то доносился неразборчивый голос. Она сообразила, что это биржевая сводка. Рорк всегда заботился о том, чтобы ее не беспокоить.

Она сползла с кровати, потянулась за халатом, лежавшем там, где полагалось находиться коту, закуталась в него и заторопилась к мужу.

Тот уже принял душ, оделся в черный костюм и приготовился покорять

деловой мир. Блондинка во всем красном повествовала с экрана о событиях на рынках и восторженно предрекала приобретение концерном «Рорк Индастриз» корпорации «ЕвроКом».

Ева схватила его кофейную чашку.

– Можешь взять свою, – сказал он.

– Я сейчас. Что такое «ЕвроКом», зачем тебе его приобретать и почему все говорят об этом, затаив дыхание?

– Это крупнейшее в Европе объединение совместных коммуникаций, окрепшее за последние десять лет. Приобретаю потому, что могу, и потому, что оно удачно дополнит другую мою собственность в регионе. А главное, в последние годы там были проблемы с менеджментом, приводившие к увольнениям и падению прибылей. Приобретение покончит с креном этого корабля.

– Понятно. – Она подошла к столу, где ждали тарелки под серебряными нагревательными крышками, взяла свою чашку и налила кофе из кофейника, стоявшего перед Рорком на низком столике.

– Почему тогда ты не торопишься заключать сделку?

– Потому что проблемы у «ЕвроКом», они сами приползут ко мне на брюхе.

– С протянутой рукой?

– Вроде того. Почти все уже решено на видеоконференциях и через моих сотрудников. Честно говоря, только что, за кофе, я все решил и подписал. Скоро об этом сообщат.

Ева показала пальцем на экран.

– Блондинка считает это важным событием.

– Блондинка права. – Он подставил пустую чашку, чтобы Ева налила ему еще кофе. – После переходного периода – я поставил условие, чтобы все прошло быстро и чисто, – произойдет реструктуризация.

– Покатятся головы?

– Скорее некоторых погонят пинками. Кое-что придется переделать. В следующем квартале мы создадим примерно полмиллиона новых рабочих мест.

Сидя здесь в костюмчике и попивая кофе, он меняет жизни людей, подумала Ева. Заботясь о прибылях и стремясь к расширению, он своей энергией изменяет жизнь человека в пабе и в кафе за Атлантикой, встревоженного невозможностью платить за квартиру.

Экран замигал, потом на нем появились аршинные буквы: «ЭКСТРЕННАЯ НОВОСТЬ!» Даже при почти выключенном звуке Ева угадала восторг в голосе белокурой ведущей, сообщавшей о заключении

сделки между «ЕвроКом» и «Рорк Индастриз».

– Вот и хорошо. – Рорк поднялся и чмокнул Еву в щеку. – Теперь – завтрак. Здесь подают настоящий ирландский завтрак.

Как все просто, подумала Ева.

Сев и сняв с блюд крышки, она ахнула от обилия еды. Боже, как же голодал тот ирландец, который все это придумал?

– Какую часть получит Ирландия? – спросила она. – От сделки с «ЕвроКом».

Он весело улыбнулся.

– Хочешь услышать цифры? Может, прислать тебе отчет?

Она взяла вилку.

– Нет уж. Просто мне любопытно, как от этого выиграет твоя семья.

– Как ты знаешь, большинство моей родни – фермеры, но некоторые работают не на земле, вот им кое-что достанется. А ты не такая отдохнувшая, как я надеялся.

– Дурные сны, – буркнула она, только сейчас поняв, что в этот раз обошлось без привычных кошмаров. – Беседа с последней жертвой в ее квартире. Ее не устраивало, что она мертва.

– Трудно корить ее за это.

– Это точно. Она не хочет, чтобы родители увидели ее такой, какой ее сделал Рейнхолд. Это все во сне, – уточнила она. – Проецирую на себя, а зря.

– Почему? Ты ей сочувствуешь.

– Моя задача совсем не в этом. Моя работа – найти и остановить Рейнхолда.

– Тебя хватает на то и другое. В этом твоя индивидуальность.

– Ее устами говорило мое подсознание.

Рорк, глядя на нее, поглощал мясистый ирландский бекон.

– Да, твое подсознание, питающееся твоей наблюдательностью и уникальной восприимчивостью. Я бы не сбрасывал его со счетов.

– Почему-то оно не подсказывает мне, где он сейчас и какие планы вынашивает.

– Ты многое узнала за совсем короткое время.

Он был прав, и все же...

– Время – вот проблема. Он похож на ребенка с новой игрушкой. Некому ему подсказать, что ее пора бросить. Или на наркомана, открывшего новый наркотик и воображающего, что зелью не будет конца. Сам он не остановится.

– Тут я вынужден согласиться. Но на этом он и споткнется. Его

предаст само излишество, ненасытность.

– Именно ненасытность! Он всю жизнь копил обиды, а теперь сообразил, что с этим делать. Орудовать ножом, дубиной, веревкой! – Рассуждая, она ела яичницу. – Это такое наслаждение, что ему не терпится его повторить. А способов убивать не счесть. Тем более бесконечны способы причинять боль и мучение перед убийством.

Борясь с разочарованием самой собой, она принялась за картошку.

– Он уже выбрал следующую жертву, а я не знаю, кто это будет.

– Его следующую жертву тебе не разглядеть, но ты уже можешь сообразить, на каком пятачке он будет орудовать. Ты сама говоришь, что он должен где-то приземлиться.

– Да, ему требуется собственное пространство – и деньги, чтобы им обзавестись и все обустроить по своему вкусу.

Мира назвала его «нарциссом». Такой воображает, что достоин самого лучшего.

– Вдруг он пока что будет крутиться на месте? Вчера у него не было времени на разведку. Конечно, он мог воспользоваться коммуникатором и Сетью, но ему необходимо все увидеть самому, самому всюду пройти, представить себя там. Возможно, он займется этим сегодня. Но сперва ему нужно изменить внешность, причем сильно. Он ведь знает, что нам известен его облик, и он не дурак. Так сказала Нуссио.

– У вас состоялся полезный разговор!

– Да, и обе чувствовали себя паршиво.

– По-моему, у большинства его потенциальных жертв должны быть праздничные планы. – Видя ее непонимающий взгляд, он покачал головой. – Через два дня День благодарения, Ева.

– А ведь правда! Семейные посиделки, кто-то уезжает, кто-то, наоборот, приезжает. Это важно. – Она щелкнула пальцами. – Твоя родня нагрянет уже сегодня.

– Да, но они поймут, что ты занята расследованием и не сможешь уделить им много времени.

Дома будет полно людей, много шума, болтовни, вопросов. Ей нравились эти люди, но...

– Это жизнь, дорогая, – напомнил ей Рорк. – Иногда события случаются некстати.

– Знаю. Вдруг от него отвернется удача, и я запру его в камеру, прежде чем ты начнешь разделять индейку?

– Будем надеяться.

– Одной надежды недостаточно. – Она встала из-за стола. – Я берусь

за дело. Этот мерзавец прямо сейчас обдумывает новое убийство.

Он чувствовал себя превосходно. Отлично выспался, долго стоял под горячим душем, его новый дроид, прозванный Болваном, приготовил сытный завтрак. Он приказал дроиду убрать со стола, не реагировать на вызовы по коммуникатору и на звонки в дверь и молчать в тряпочку.

Мысль о том, что кто-нибудь может попробовать связаться с Фарнсуорт, напомнила ему, что у нее могут быть назначены встречи. Располагая ее паролями, он проверил ее календарь и электронную почту на коммуникаторе в спальне.

Жирную уродину ждали к двум часам дня в салоне. Можно подумать, что кто-то способен проявить к ней интерес! Он нашел адрес салона и отменил заказ.

Еще она заказала ужин в День благодарения с неудачницами Шелл и Мирой – наверное, такими же никчемными страшилищами, как она сама. Подумав, он решил оставить это на потом. Если она и ее дом еще будут ему нужны в четверг, он в последнюю минуту придумает, как отказать обеим дурам.

Удивительно, сколько дел и встреч содержал ее календарь! Ленчи, ужины, салоны, парикмахерская для этой ее крысы-собачонки, издыхавшей сейчас в коридоре.

Может, пора ее прикончить? Или не спешить?

Налив себе капучино, Рейнхолд поднялся наверх.

На пороге кабинета он наморщил нос от вони. По ногам миссис Фарнсуорт текла моча, клейкая лента у нее на запястьях и лодыжках была красной от крови.

– Да ты обоссалась! От тебя смердит! – Он зажал себе пальцами нос и другой рукой помахал перед лицом, сверкая глазами.

– Придется прислать сюда Болвана – я дал дроиду другое имя, – чтобы он прибрался. Кстати, я отменил твой салон. Сэкономил тебе деньги, потому что никакие деньги не сделают тебя менее уродливой, жирной и мерзкой.

Он вышел и крикнул вниз:

– Эй, Болван! Миссис Фарнсуорт изгадила весь кабинет, поднимись сюда и сделай уборку. – Приняв мужественную, на его взгляд, позу – одна рука на затылке, другая на ремне, он спросил: – Как тебе мой новый вид? Годится?

Он долго возился со своими волосами, постепенно осветляя их, пока не добился выцветшего на солнце, пегого оттенка. Он попробовал

постричься, но без посторонней помощи получилось неважно: волосы облепили череп. Тогда он прибег к искусственному загару из баллончика. Цель состояла в том, чтобы выглядеть как после месяца на тропическом курорте.

С глазами пришлось колдовать еще дольше; в следующий раз надо будет обратиться к профессионалу. Зато новый цвет – электрик – ему нравился. Один клочок состриженных волос он приладил на подбородок. Следующая манипуляция оказалась очень болезненной, но пришлось терпеть: при помощи специально купленного прибора он продырявил себе мочку левого уха, и теперь в ней красовалось золотое колечко.

– Вот как выглядит успех! Молодость и хватка! Сегодня у меня назначена встреча с риелтором, хочу посмотреть пару квартир. Вид должен быть приличным.

Когда явился дроид с принадлежностями для уборки, он едва удостоил его взглядом.

– Теперь он мой. – Он похлопал бывшего Ричарда – черная форма, седая шевелюра – по спине. – Как и все остальное бывшее твое имущество. Так что не вздумай ему приказывать. А-а, ты же не можешь говорить! Ничего, это мы поправим, когда Болван закончит уборку. Я скоро вернусь.

Как только он вышел, миссис Фарнсуорт скосила глаза на дроида и крикнула: «На помощь!» Но получился не крик, а слабый стон. Дроид трудился прилежно, недаром она сама запрограммировала его на выполнение домашних обязанностей. Как она ни ерзала в кресле, удалось добиться только нестерпимой рези в затекших руках и ногах – там, где она сорвала кожу в попытках освободиться.

Кое-где лента сжимала ее теперь не так туго – или она принимает желаемое за действительность? Она надеялась продолжить в том же духе и добиться большего – но где взять силы? Вот бы глотнуть воды, чтобы унять жжение в горле, вот бы ослабить боль во всем теле!

Унижение теперь мало ее заботило, хотя, поняв, что обмочилась, она рыдала.

Неважно, неважно, неважно! Подумаешь, пописала. Велика важность! Значит, она жива. А пока она жива, остается шанс выжить и поквитаться с этой мразью.

Она бы его убила, если бы смогла. За свою жизнь она ни разу никому не причинила боли, но его с радостью прикончила бы любым способом.

Она снова попыталась заговорить, в этот раз отчетливее. Если бы дроид понял хотя бы несколько слов! Но получалось одно нечленораздельное мычание, и он продолжил уборку, потом собрал свои

принадлежности.

Рейнхолд вернулся как раз в тот момент, когда дроид выходил, как будто подстерегал его.

– Ты все еще воняешь, но хотя бы не так сильно. Что ж, иногда приходится мириться с неприятными условиями работы. – Он помахал перед ее лицом кусачками. – Вздумаешь закричать – лишишься пальца.

Он сорвал с ее рта ленту, и она ахнула от боли, стала ловить ртом воздух.

– Ты, – голос был каркающим, слова было трудно разобрать, – ты забрал деньги.

– Это точно. А теперь мы как следует их спрячем. Ты знаешь, как это делается, и сейчас покажешь мне. Кроме этого, мне понадобится кое-что еще.

– Мне нужно попить. Пожалуйста.

– Чтобы ты опять обоссалась?

– У меня обезвоживание.

Только и может, что ныть и обвинять, подумал он, сжимая челюсти. Совсем как мамаша. Или как Лысая Лори.

– Тем хуже. Мы начнем это утро с изготовления для меня нового ID и с загрузки данных. Я знаю, что мне нужно. Твое дело – сделать так, чтобы все получилось. Поняла?

– Нет.

Он прижал кусачки к ее щеке.

– Мне повторить?

– Валяй, действуй. – Она закашлялась, от каждого слова в горле царапало, как раскаленными иглами. – Мне надоело тебе помогать.

– Думаешь, ты мне помогаешь? ПОМОГАЕШЬ? – Он несильно ударил ее кулаком по лицу. – Ты выполняешь приказы, стерва. Твоя паршивая помощь мне не нужна. Ты делаешь что тебе говорят.

Она заставила себя смотреть ему в глаза, не обращая внимания на текущую из носа кровь, и покачала головой.

Он отвернулся и вышел.

Она старалась отдышаться, восстановить силы. Сейчас она закричит, как ни больно ей будет от крика, каким бы ужасным ни было потом наказание. Кто-нибудь услышит ее крик.

Боже, помоги!

Но он уже вернулся с ее собачонкой в руках. При виде хозяйки Снаффи завизжал. Она увидела по его глазам, что он ранен. При этом песик вилял хвостом.

Страх вернулся, такой же невыносимый, как резь в запястьях.

– Не трогай его. Это же просто собака.

– Поздно, ему уже досталось. Наверное, его надо отнести к ветеринару. Я могу, если ты сделаешь то, что я велю.

– Ты не пойдешь.

Он пожал плечами.

– Это еще неизвестно. Но если ты откажешься, – он взял на изготовку кусачки и потянул Снаффи за лапу. – Придется пустить их в ход.

Слезы застилали ей глаза, в горле першило.

– Не надо. Пожалуйста, Джерри.

– Такую плюгавую псину ничего не стоит обкусать. – Чтобы сильнее ее напугать, а также смеха ради он ткнул песика пальцем в бок, чтобы тот взвизгнул. – Но я не буду торопиться. Одна лапа, потом другая, может, язык придется выдрать, чтобы не вякал.

– Я все сделаю. Только не трогай его.

Он с улыбкой сжал рукоятки кусачек.

– Может, все-таки оторвать ему одну лапу? За то, что ты сначала отказалась.

– Пожалуйста! Пожалуйста, – теперь слезы вовсю катились по ее щекам, и она ничего не могла с этим поделать. Снаффи такой милый, он – ее семья, он беззащитен. – Прости. Я сделаю тебе удостоверение и загружу все данные, которые ты скажешь. Все будет хорошо. И деньги спрячу. Так зарюю, что никто не найдет.

– Куда ты денешься? Одна ошибка – всего одна! – и он останется без лапы, а ты без пальца.

Он кинул верещащего Снаффи ей на колени, сел за стол и хрустнул суставами пальцев.

– Начнем!

Ева направилась прямо в морг. Звать туда Пибоди она не стала. В целях расследования той следовало проверять магазины, где побывал Рейнхолд, а потом отыскивать за рабочим столом хозяев ломбардов, не торопившихся или не желавших сообщать о приобретении предметов, предложенных убийцей.

Шагая, как накануне, по белому коридору, она думала о том, что ее давненько не баловала удача.

Моррис был занят с Лори Нуссио. По обыкновению, он выбрал музыку, соответствовавшую его настроению – или его представлению об убитой. В морге звучала нечто легкое, мимолетное, ясный женский голос негромко, но с надеждой воспевал то, что ждало певицу за поворотом дороги.

При появлении Евы он поднял голову и приказал музыке звучать тише.

– Я надеялся, что наша новая встреча произойдет не так скоро.

– И я, – сказала она, подходя.

– Молоденькая. И хорошенькая.

– Теперь об этом трудно судить – убийца постарался...

Моррис покачал головой.

– Напрасные старания. Строение тела, цвет кожи не скроешь. Он, конечно, натворил страшных дел, но красоту не затмишь.

– Твои бы слова да ей в уши. – Ева горестно приподняла плечи, но, увидев нахмуренные брови Морриса, опустила их. – Ты ведь знаешь, как это бывает. Трудно выбросить их из головы. Отсюда соответствующее настроение.

– Понимаю.

– Она была для него важна – в его свихнутом духе. За это он ее ненавидел. Он ее не насиловал.

– Нет, – кивнул Моррис. – Признаки половой активности, по согласию или насильственной, отсутствуют.

– Он может восполнить это с кем-нибудь еще, если появится шанс. Убивая ее, он пережил оргазм. Вдруг он захочет повторения?

– На тебя сильно подействовала эта смерть.

– Сама не знаю, почему именно эта. Наверное, потому, что мы никак не могли до нее добраться. Похоже, судьба была на его стороне. Ее искали и мы, и ее соседка, но он все равно забрался к ней, сделал свое черное дело

и был таков.

Глядя на тело, Ева покачивалась на каблуках, засунув большие пальцы рук в карманы.

– Она жила бедно. Ящики с подушками вместо дивана, бахрома вместо штор, не квартира, а клетушка. Но она заботилась о чистоте и уюте, упорно трудилась, у нее были друзья, родные. Он всего ее лишил, потому что она положила конец его паразитизму. Теперь ее родители убиты горем.

Она умолкла и ущипнула себя за нос, снимая напряжение.

– Мне доложили, что ее старшая сестра с мужем и ребенком приехали из Огайо на День благодарения. Намечался большой семейный пир, убитая заказала в ресторане, где работала, праздничный стол. Не знаю, зачем мне все это сообщают. Наверное, потому, что ничего больше не знают.

– Смерть жестока. В дни традиционных семейных сборищ она еще больше ужесточается.

– Кстати, родные хотят на нее взглянуть. Не знаю, что ты можешь сделать для того, чтобы они не увидели ее в таком виде.

– Не бойся. – Он дотронулся до Евиной руки. – Мы позаботимся о ней и о них.

– Уж пожалуйста! – Чтобы как следует работать, нужно было выкинуть из головы черные мысли. – Все указывает на то, что у него были ключи от ее квартиры или их дубликаты. Он проник в квартиру в отсутствие соседки. Перед этим сидел в кафе напротив, откуда хорошо виден дом. У погибшей был очередной выходной. Согласно различным показаниям, она обычно проводила этот день вне дома: совершала покупки, встречалась с подругами. Он воспользовался ее отсутствием. Перед этим он сам делал покупки: его засняли камеры безопасности отеля. Так он запасся клейкой лентой и веревкой. Думаю, он приобрел еще одну бейсбольную битку.

– Похоже на то. Рана на голове могла быть нанесена битой. От этого удара она потеряла сознание, но не умерла.

– Он еще не собирался ее убивать, – сказала Ева.

– Веревка хорошего качества: прочная и гибкая. Следы на теле свидетельствуют, что он связал ее так крепко, как только сумел, гораздо крепче, чем требовалось, чтобы не дать ей двигаться. Она сопротивлялась, но безрезультатно. Лента тоже высококачественная. На ней остались следы крови и зубов. Кровь из рассеченной ударом губы. Этот удар был нанесен кулаком. – Моррис сам сжал кулак. – Он бил ее по лицу, в живот, в бок. Повреждения остались вокруг носа, на одном соске – следы от щипков.

– Нос я пропустила.

– Эти следы можно разглядеть только в лупу. Вот этот слабый порез нанесен узким острым лезвием с зубчатым краем. Это все, что я пока могу сказать. Слабая царапина.

– Предупреждение: мол, берегись!

– Скорее всего. – Он положил руку Еве на плечо, чтобы ее поддержать.

– Лаборатория определит, что это был за нож, по срезанным волосам.

– Волосы я поручила Харпо.

– Правильное решение. Он остриг ее, прежде чем убить.

– Да, это была часть пытки.

Моррис сменил позу и перенес свое и Евино внимание на раны на горле убитой.

– При удушении была применена немалая сила: видишь, как глубоко врезалась веревка? Судя по углу нахлеста и по снимкам с места преступления, он сел на нее верхом, обмотал ей шею веревкой и стал тянуть. – Для наглядности он развел руки со сжатыми кулаками. – Понятно, откуда взялись эти следы от веревки.

Перед ее глазами предстала вся картина: позы, движения, радость убийцы и ужас его жертвы.

– Понятно также, отчего он так возбудился. Телесный контакт, он сидит на ней, кромсает ей волосы, чувствует ее конвульсии, видит, как она ловит воздух, как теряет силы. После этого он утолял голод у нее на кухне.

– Он считает себя хитрее вас всех.

Она вздрогнула, приходя в себя.

– Что?

– Он думает, что ты и вся полиция глупее его. Откуда ему знать, как хорошо ты с ним познакомилась, как глубоко умеешь заглядывать.

– Да, я его знаю, – согласилась она. – Но если я не найду его сегодня, то завтра у нас здесь будет похожий разговор над новым трупом. У него длинный список, Моррис, и ему не терпится снова испытать то, что он испытал с ней. Это важнейшая гонка в его жизни. Теперь он – человек, любящий свою работу.

Не дожидаясь доклада, Ева поспешила в лабораторию. Советоваться с заведующим лабораторией Беренски по прозвищу Дикхед не было нужды, поэтому она побежала по лабиринту комнат со стеклянными стенами в святилище Харпо.

Харпо сменила прическу на прямую и короткую, вроде той, которую предпочитала Пибоди. Правда, Харпо выбрала оригинальный цвет – светло-голубой мерцающий лед.

По совершенно неведомой Еве причине этот выбор работал безотказно.

Поверх обтягивающего фиолетового комбинезона Харпо накинула белый халатик, повесила в одно ухо три бренчащие серебряные серьги, а другое унизала целым выводком маленьких клипсов. На ней были новомодные сапоги до колен – с торчащими наружу пальцами, ногти на которых были покрыты лаком одного цвета с волосами; в дыре на лодыжке красовалась татуировка – то ли временная, то ли постоянная, изображавшая птицу на высоких лапах.

Но при всей причудливости гардероба Харпо Ева нисколько не сомневалась в ее гениальности по части волос и тканей.

В данный момент Харпо восседала за своим лабораторным столом, разглядывая в микроскоп клочок темно-рыжих волос, воспроизведенный в многократно увеличенном масштабе на экране.

– Это волосы моей пострадавшей?

– Привет, Даллас.

– Привет.

– Она недавно покрасилась. Если надо, могу назвать марку и название краски, а также те вещества, которые использовались для прически.

– Это было бы излишним, но сейчас не до этого. Доктор Мира считает, что он прихватил с собой ее локоны.

– Я прочла это в твоём донесении. – Харпо улыбнулась до ушей. – Мира молодец. У нее острый глаз. Он забрал клоч длиной пять с четвертью дюйма и толщиной в одну целую одну десятую дюйма. Могу назвать точное количество волосков в его трофее, хотя сейчас тебе и это ни к чему.

То ли от дерзости Харпо, то ли от очередного доказательства ее профессионализма у Евы скривились губы.

– Ни к чему. Но все равно впечатляет.

– Я тоже под впечатлением. Волосы хороши: здоровые, чистые, густота в самый раз. Она естественная шатенка, но оттенок выбран безупречно.

– Жаль, она недолго этому радовалась.

– Еще как жаль! Клочок отрезан не ножницами и не бритвой, а как бы отпилен.

Она заставила изображение на экране вращаться и мельтешить красками.

– Скорее применен острый нож с зазубренным краем. Я продолжаю анализировать результаты, но, похоже, это односторонний нож длиной три с половиной – три и три четверти дюйма, имеющий дюйм в поперечнике и

толщину в одну восьмую дюйма. Совсем скоро смогу сказать совершенно точно.

– Размер не превышает разрешенный.

– Вроде того. – Харпо покачала головой. – Марку я тебе не назову, но предложу несколько на выбор. Вот если бы он воткнул этот ножик ей в тело, то Моррис определил бы точнее, а Птичник рассеял бы последние сомнения. Он у нас спец по холодному оружию.

– Рада слышать.

– Мне прислали волокна ткани с тела, но ты говоришь, что с этим можно подождать?

– Мы знаем, что было на нем надето и где он это приобрел. Мне нужно было узнать, забрал ли он трофей.

– Без сомнения. Даю гарантию, что забрал.

– Когда у тебя будет готов список ножей, я смогу им воспользоваться?

– Без проблем. Я покажу список Птичнику. Возможно, он его сократит.

– Кстати, о птичках, – Ева посмотрела на татуировку у Харпо на ноге.

– Нравится? Я тащусь от фламинго, только не уверена, что это он.

Татуировка временная – из-за неуверенности.

С этим невозможно было спорить.

– Спасибо, Харпо. Отличная работа!

– Фирменный стиль.

Ева еще не вышла, а Харпо уже вернулась к работе.

Вернувшись к себе, Ева застыла как громом пораженная при виде галстука Санчеса. Ей пришлось отвернуться, чтобы не ослепнуть, как при взгляде невооруженным глазом на пылающее солнце. От ядовитого ярко-оранжевого цвета некуда было деваться. По слепящему фону были рассыпаны колючие желтые точки – хотя, возможно, это были искры из глаз после нескольких секунд воздействия этого чуда на роговицу.

– Господи, Санчес, что ты себе позволяешь?

– Возмездие. – Санчес оглянулся на пустое кресло Дженкинсона. – Не волнуйтесь, босс, «в поле» я его не надену. Не собираюсь лишать людей зрения.

– А мы что, не люди? – взмолился Бакстер из-под солнечных очков.

Ева направилась было к столу Пибоди, но по пути передумала и поманила напарницу за собой. Вдруг для того, чтобы ослепнуть или начать истекать кровью через уши, достаточно просто находиться в одном помещении с этой штуковиной? Нет, лучше укрыться в своем кабинете.

– Попробуй усни в комнате отдыха! – заняла Пибоди, торопясь следом

за ней. – У меня такое чувство, что я всю ночь проворочалась на острых камнях.

– Я предупреждала Макнаба: никакого секса!

– Ха-ха, здесь ничего такого даже в голову не приходит. И потом, он, может, и костлявый, но все равно помягче здешней лежанки. Тем не менее я готова начать обзванивать опознанные нами магазины. Вот только разберусь кое с чем из квартиры Рейнхолда.

– С чем именно?

– Сначала кофе, он прочищает мозги.

– Пей быстрее! Ты о чем?

– Например, о хрустальной вазе и о ломбарде рядом с «Грандлайн». Тут такое дело... – Мамочка! – ахнула Пибоди после первой дозы кофеина в сочетании с молоком и сахаром. – Он не знал настоящей цены этой вещи. У ростовщика наметанный глаз, он его облапошил. Я сразу догадалась – уж больно он извивался, когда я поднажала.

– Говори яснее, а то я вылью кофе тебе на голову!

– Конечно. Когда я пришла, этот тип занервничал. Затараторил, что увидел предупреждение уже после ухода Рейнхолда, хотя наверняка он тертый калач и сам разбирается в этой публике.

– Джерри пришел к нему утром, вскоре после забега по банкам. Часов в десять.

– Да, вроде этого. Принес в одном из чемоданов вазу, бриллиантовые серьги в виде звездочек и браслеты. Сразу согласился взять девятьсот баксов за вазу, шестьсот пятьдесят за серьги, триста двадцать пять за золотые браслеты. Ваза на самом деле стоит раз в десять дороже.

– Пока этого мало. Нужны вещественные доказательства.

– Я отправила туда Кармайкл, – доложила Пибоди. – Сразу после этого мне позвонили из еще одного ломбарда. То ли все теперь в курсе дела, то ли это совпадение. Рейнхолд продал там остальные украшения за две тысячи двести, менору за полторы, столовое серебро за две шестьсот.

– Наш клиент богатеет на глазах.

– Несильно, хотя если все сложить, то да. Второй ломбард находится примерно там же, кварталах в пяти от отеля. Он предпочитает пешую доступность. Но главное – часы, жемчуг – он продавал за пределами этой своей комфортной зоны. Я связалась с Кардининни. Она получила от соседки список вещей. Она и Кармайкл прочешут ломбарды. Будут тебе вещдоки.

– Хорошо, – рассеянно бросила Ева, переваривая услышанное. – Пусть он загнал вазу по дешевке – все равно это дороже, чем он сначала

предполагал.

Пибоди прилежно достала свой ноутбук и показала записи.

– Показания Кевина Квинта, хозяина ломбарда: «Я увидел, что он не знает, что принес, и назвал заведомо низкую сумму, которую он мог повысить. А он уцепился за первое предложение, как какая-нибудь канзасская деревенщина. Думал, он поторгуется или хотя бы поскулит про свою безвременно ушедшую бабуся, но он только сказал: «Платите!» Ну, я и заплатил».

– Почти тысяча за дурацкую вазу – вот что наверняка подумал Рейнхолд. Удачный денек! А потом стал получать и за остальное больше, чем предполагал. Даже ему хватило ума разглядеть в этом систему. После этого он нашел место поприличнее для продажи вещей, которым знал истинную цену.

– Там можно было поднять цену, – подсказала Пибоди.

– Конечно. Три поколения в бизнесе, специализация – благотворительные распродажи. Там в самый раз похныкать про обожаемых родителей. Понял своей глупой башкой, что у родителей были приличные вещицы. Для него-то все это был мусор, просто возможность разжиться какими-то деньгами. Теперь он потащился в хорошее место, чтобы не продешевить.

Ева сделала передышку, чтобы налить себе кофе.

– Представляю, как он взбесился, что не получил больше за старье: свадебный покров, музыкальную шкатулку. Все, что он считал дешевым барахлом. Теперь он праздновал победу – вторую за день. Что у тебя еще?

– Я все еще ищу электронику, – сказала Пибоди. – Наверное, он сбывал ее в том же районе. Что толку далеко ездить с компьютерами и коммуникаторами? У меня готова карта и график его действий.

– Пришли ее мне. Я совмещу ее с данными из второго отеля. Давай выведем ее на экран.

– Сейчас. – Пибоди поколдовала над Евиным компьютером. – Готово.

– Продолжай заниматься электроникой и ломбардами. Возможно, нам придется там побывать. Необходимо выявить в его действиях систему. Если Фини отпустит Макнаба, тот, имея карту, лучше прикинет, куда Рейнхолд может отнести электронику. Я сама к ним зайду.

Ева посмотрела на экран.

– Я уже была в морге и в лаборатории. Заключение Морриса совпадают с нашими. Мира была права насчет волос. Харпо подтверждает, что он прихватил с собой большой клочок. Ты знаешь, какие чудеса она творит с волосами: сейчас она пытается определить нож, который он для

этого использовал. Для этого у нее есть специальный эксперт.

– Птичник?

Ева нахмурилась.

– Откуда он вообще взялся?

– Перевелся из Чикаго полгода назад. Каллендер пару раз пила с ним пиво. Не Эйнштейн, но свое дело знает.

– Откуда это прозвище – Птичник? Почему не что-нибудь колюще-режущее?

– У него есть попугай.

– Вот оно что. Ты читала мой утренний рапорт?

– Да. Я дописала, чтобы в отелях отслеживали «Мэла Голда». Думаю, Даллас, Рейнхолд уже все сбыл с рук. Как бы он теперь не ударился в бега.

– Нет, еще не все. Сначала я потолкую с Фини, а потом мы составим список людей, которым надо его опасаться. Родственников, друзей, бывших знакомых, недругов, боссов, закладывавших его одноклассников, учителей, врачей, соседей.

– Список будет длинным.

– Поэтому он еще не готов.

Ева поехала наверх, к электронщикам. Карательный галстук Санчеса не привлек бы ничьего внимания среди здешних разящих наповал красок и умопомрачительных узоров. Ева ринулась в кабинет Фини, мечтая об отдыхе для глаз и души. Фини разговаривал с одним из своих чокнутых сотрудников. Сам он был для пущего контраста в спортивной куртке цвета собачьих экскрементов поверх рубашки примерно той же расцветки. Вокруг его черепа и уютного обвисшего лица топорщились во все стороны седые и желтые клочья волос.

Он вывел что-то на двусторонний экран, и сотрудник разразился торопливой профессиональной тирадой, в которой Ева не поняла ни слова. Фини в ответ побряхтел и махнул рукой.

– Валяйте!

– Одна нога здесь, другая там, капитан.

И чокнутый ускакал на своих прыгучих «платформах».

– Привет! – Ева помахала рукой в открытую дверь.

Фини сидел в кресле и прихлебывал из чашки, расписанной звездочками, – Ева угадала руку его жены.

– Привет.

– Можно кое-что с тобой обсудить?

– Валяй, раз пришла.

Войдя, она сделала то, чего не делала никогда, – закрыла дверь. Брови

Фини взлетели на лоб.

– Проблема, детка?

– Не считая козла, за которым я охочусь? Нет. Хочу попросить у тебя Макнаба. Я ищу электронику, которую этот козел унес из родительского дома. Сейчас он распродает свою добычу в Нижнем Манхэттене, по большей части в Уэст-Энде. Мы составляем карту. Если мы найдем электронику, это нам очень поможет.

– Наш парень – отменный жонглер. Можешь им пользоваться, только гляди, чтобы он не уронил свои мячики.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Козел забодал родителей?

– Убил. Потом замучил и задушил свою бывшую подружку. Он полный придурок, Фини. – Она засунула руки в карманы. – Но он оказался хитроумнее, чем я думала сначала. Сейчас он вовсе развлекается. Кто же откажется от такого удовольствия?

– Кто у него на очереди?

– В том-то и вопрос.

– Не откажешься меня просветить?

Это было верхом великодушия. У Фини была уйма собственной работы, но он изъявлял готовность ее выслушать, снять груз с ее плеч и взвалить на свои собственные.

– Вообще-то я пришла поговорить на другую, не связанную с этим тему. Хотя связь, может, и существует. Вот скажи, ты получил что хотел, ради чего вкалывал? Этот отдел, этот стол, эти нашивки.

Наблюдая за ней, Фини выудил из вазочки миндаль в сахаре и бросил себе в рот.

– Иначе я бы здесь не сидел.

– Понятное дело. – Она кивнула, не переставая рассказывать перед ним и напряженно раздумывать. – А ведь ты был профи по расследованию убийств, Фини.

– Еще я умел готовить других профи.

Ева слегка улыбнулась.

– Твоя правда.

– Почетная медаль конгресса, – сообразил он, и его физиономия бассет-хаунда просияла. – Настоящая сенсация!

– Она самая. Надо понимать, теперь это не составляет тайны.

– Эти награды не раздают, как ириски, детка. Ты ее заслужила. Твоему мужу тоже вешают какую-то цацку. Я горд за вас обоих.

– Спасибо. – Его поздравление значило для нее больше самой медали.

– Какое-то странное чувство...

– Шумиха из-за награждения – вот что вызывает странное чувство, – поправил он ее. – Что ж, без конфетти и трубных звуков не обойдется, Даллас. Это честь для Управления, а не простой пиар. Очень полезно для укрепления морального духа.

Ей самой это еще не приходило в голову, а Фини сразу ухватил главное. Именно поэтому он был тем, кем был.

– Я бы обошлась без конфетти и без огласки, хотя ты, конечно, прав, Фини. Ты мог бы возглавить отдел убийств, когда был произведен в капитаны. Но ты не стал этого делать.

– Я подустал от мертвецов.

Она покачала головой.

– Причина же не в этом?

– Отчасти в этом. Хотелось немного от них отдохнуть. Тебе снятся трупы?

Она вспомнила Лори Нуссио – одну из многих.

– Еще как!

– Вот мне и захотелось положить этому конец. Здесь тоже, конечно, без мертвецов не обходится, но хотя бы не в таком количестве. Главную роль сыграло мое желание заниматься электроникой.

– Ты лучший.

Он разгрыз очередной орех.

– Не стану с этим спорить. Это поднимает мою самооценку. Ты сама – доказательство того, что я умею готовить смену. Я мог выбирать между электроникой и убийным отделом. Прислушавшись к внутреннему голосу, я остановился на электронике. И не жалею – с такими парнями!

Он указал кивком на своих разнокалиберных подчиненных за стеклянной перегородкой, трудившихся не поднимая головы.

– В убийном отделе у меня хорошо получалось, а здесь еще лучше.

Это ее не полностью удовлетворило. Зачерпнув из его вазочки горсть орешков, она спросила:

– Ты не скучаешь по улице? Знаю, ты не засиживаешься в кабинете, но...

– Никаких «но», от кресла страшно устаешь. Куда ты клонишь?

– Уитни предложил мне капитанское звание.

У него отвалилась челюсть, потом он расплылся в широкой улыбке и хлопнул ладонью по столу.

– Давно пора!

– Я отказалась. Мой внутренний голос сказал «нет». – Не давая ему

прореагировать, она продолжила: – Чутье подсказывает, что я должна продолжать делать то, что делаю сейчас, и так, как я это делаю. Я была бы хорошим капитаном, но как сыщик я еще лучше. Поэтому я сказала «нет». Я дура?

Он перевел дух и надолго задумался.

– Дай переварить твой отказ. Черт! Ты была бы душой, если бы не прислушалась к своему внутреннему голосу. Будешь готова – согласишься. Главное, что ты уже давно заслужила повышение.

– Вот и я того же мнения. Я не ожидала этого предложения и тем более не собиралась отказываться. Но чутье есть чутье.

– Нашивки кое-что значат, детка, но для таких копов, как мы с тобой, они не самое главное. Перевешивает работа. Мне не пришлось тебя этому учить, ты уже пришла к нам с этим понятием.

– Как представляю, что читаю рапорты по расследованию такого дела, как теперешнее, вместо того чтобы самой вести следствие. Что командую работой, а не работаю сама. Не хочу все это бросать, Фини.

– Не хочешь бросать Рейнхолда?

– Да. Он вроде нас с тобой, в извращенном варианте, конечно: он обрел то, к чему стремился. Обрел в тот момент, когда всадил нож в живот родной матери. Хотя не трудился ради этого, не учился, не рисковал жизнью. Но он научится, Фини. Каждое новое убийство будет открывать ему что-то новое.

– Ты хочешь вернуться к истокам?

– Да, именно туда. Спасибо. – Чувствуя себя гораздо увереннее, она разгрызла новый орешек. – Было бы жаль что-то упустить.

Выйдя, она, не обращая внимания на адский шум, добралась до Макнаба.

– Если ты не страшно занят, то сегодня ты мой.

– Занят, но это можно отложить. Я многостаночник.

– Будешь взаимодействовать с Пибоди. Ищи электронику. Найдешь – разбери на винтики. Мне нужно все что угодно и все сразу. Сидя в квартире родителей, он с помощью этой аппаратуры изучал рынок и производил свои финансовые маневры. А потом все стер.

– Он только воображает, что все стерто, – с улыбкой возразил Макнаб. – Ничего нельзя стереть безвозвратно.

– Значит, ты найдешь, – заключила она.

Снова увидев Еву в отделе убийств, Пибоди встала и поспешила следом за ней.

– В воскресенье он зашел в магазин костюмов «On the Rack», купил

костюм, пару рубашек, галстуки, носки. Костюм пришлось подгонять, он договорился, что заберет его утром в понедельник. Сказал, что должен заглянуть еще в несколько магазинов. Когда я пристала к продавцу, тот описал его как «мерзкого сопляка».

– Продавец – хороший физиономист!

– У меня есть списки вещей, купленных Рейнхолдом там и в «Running Map». Они уже были подготовлены.

– Это магазин Рорка, – напомнила Ева.

– Знаю. Рапорты уже отосланы на твою почту.

– Хорошо. Теперь будешь заниматься электроникой вместе с Макнабом. Удачи!

– Мы открыты весь день. – С этими словами Пибоди вернулась к своему столу.

Ева заперлась в своем кабинете и принялась работать с картами на расширенном экране. Потом, сев с чашкой кофе, стала изучать маршрут и график деятельности разыскиваемого.

От разглядывания врученного Пибоди списка его покупок она утвердилась в прежнем мнении о нем. Костюмы, галстуки, рубашки – все больше модные. Воздушные салазки для обуви и сама обувь, кожаная куртка со столь любимыми Макнабом огромными карманами, спортивное белье, шелковые трусы.

Вся эта одежда отражала его восприятие самого себя – значительного, стильного, стремительного, успешного персонажа. И богатого. Теперь он считал себя богачом.

Она обзвонила магазины, где он побывал, сохранила их список, вычислила его наиболее вероятный маршрут и сохранила его.

Оказалось, что он болтается по контуру своего старого района, почти в него не заходя – во всяком случае, глубоко. И совершает вылазки на Ист-Сайд – в новые для него места.

По пути он приобретает вещи для своего нового облика и будущих новых занятий. Костюм, обувь, веревку, клейкую ленту, спортивное белье, нож. Новый коммуникатор – пока что не используемый. Планшет? Персональный компьютер? Разве ему не придется продолжать поиск, учитывая сообщения в прессе?

Ева решила сосредоточиться на удостоверении личности. Ему необходим новый ID. Может, Рорк прав и он попробует изготовить ID самостоятельно?

Ева с любопытством заглянула в его дело и пробежала глазами историю образования и работы. Никаких особенных компьютерных

навыков или опыта она не обнаружила, если не считать короткую, прерванную посередине попытку заняться созданием компьютерных игр. Базовый школьный курс информатики, причем с дополнительным семестром. Неудачные попытки обучения на двух курсах интернет-технологий в колледже.

Нет, такому не изготовить сносный ID самому. Ему придется либо заплатить за это, либо найти человека, который все сделает за него.

Она сохранила имена всех его интернет-инструкторов в школе и при недолгой попытке учиться в колледже. Соседи на лабораторных работах? Она решила проверить и эту возможность, связавшись с его преподавателями.

Оставался еще Голд – Ева догадывалась, что он обладает соответствующими навыками; но разве он станет помогать Рейнхолду? Тем не менее она не пожалела времени, чтобы связаться с ним и исключить из числа подозреваемых. Мэл все еще находился у родителей и пока не собирался от них уезжать.

Ева облегченно перевела дух и посмотрела на свой экран.

Начинаем с самого начала, напомнила она себе. Составить длинный-предлинный перечень возможностей, а потом вернуться в исходную точку, в квартиру Рейнхолдов.

Его терпению приходил конец.

– Что-то вы тормозите, миссис Фарнсуорт. Мне что, прибегнуть к кусачкам?

Ее усталый взгляд встретился с его взглядом.

– Чему я тебя учила, Джерри? На проект уходит много времени. Если нахалтурить, документ не будет работать. А я знаю, что в этом случае ты причинишь мне боль. Не хочу, чтобы ты снова делал мне больно, Джерри.

Она, конечно, немного притормаживала. На проект требовалось время, особенно если аккуратно вставлять в программу маячки, которые, как она надеялась, насторожат полицию в случае сканирования его ID.

Она уже прибегла к помощи самого Джерри для вставки такого маячка в финансовую трассу – надеялась, что настоящий специалист его не проглядит.

Джерри был неплох – она называла это загубленным потенциалом, но слишком уж ленив, чтобы смотреть вглубь и узнавать больше.

Удостоверение личности требовало тонкости и осторожности, а он был неловок и нетерпелив. Тем не менее дело уже приближалось к завершению.

Она выклянчила немного воды для себя и для Снаффи, и он накапал

сначала ей в рот, потом в ротик ее собачке несколько скупых капель.

– У меня встреча, черт бы вас пробрал! Если не попаду на нее из-за вашей лени, то вы потеряете два пальца, а этот ваш четвероногий уродец – глаз.

Он вытащил нож, открыл лезвие и угрожающе поводит им у нее перед лицом.

– Спорим, я выковыряю ему глаз?

Сделав над собой сверхъестественное усилие, она продолжила смотреть ему в глаза.

– Осталось совсем недолго, Джерри. Просто приходится загружать много данных, чтобы все было хорошо. Сейчас тебе надо будет ввести очередной код, как я говорила.

– Секунду. – Он сверился со своим наручным коммуникатором, который собирался сменить на что-нибудь пошкарнее перед встречей с риелтором. С минуты на минуту должен был вернуться дроид Болван с деньгами, вырученными за первую партию электроники.

– У вас осталось двадцать минут, – предупредил он.

– Мы успеем.

Она думала о том, что ей нельзя ошибиться, иначе он выйдет сухим из воды. Ей нужно действовать безупречно, чтобы сама программа не предупредила его о лишнем данных.

Если она что-то упустит, он осуществит свою угрозу. Она уже не чувствовала своих пальцев, но все равно хотела их сохранить. У нее на коленях спал теплый Снаффи, его грудка приподнималась и опадала. Пока это продолжалось, она была готова ради него и ради себя на все.

Если этот выродок все же ее убьет, она, умирая, будет по крайней мере знать, что постаралась приблизить его конец.

– Вводи код: двадцать пять – решетка – В, – произнесла она медленно и вкрадчиво. Ее глаза были полны ледяной, смертельной ненависти.

Ева сорвала печать с двери квартиры Рейнхолдов и вошла. Внутри еще сохранился запах смерти с примесью химикатов из арсенала чистильщика.

– Начнем сначала.

– Что будем искать? – спросила Пибоди.

Ева оглядела гостиную, даже после убийства оставшуюся поразительно аккуратной и чистенькой.

– Он играл в Детской лиге и сохранил биты. Вернее, ее сохранили его родители. Ее и другое старье. Родителям всегда дороги предметы из детства детей, а не только фотографии.

– Детские рисунки, школьные дневники, награды, грамоты и все такое прочее. Большинство так и делает. Например, мои родители.

– Давай поищем то, что он не забрал. Еще нужны семейные фотографии. Фотографии, сделанные в каникулы и в отпуске. Нам надо опознать людей, на которых он может быть зол, и места, где он захочет опять побывать.

Ева перешла в кухню.

– Все началось здесь. Здесь он схватил нож и пырнул мать. С этого и пошло. Судя по реконструкции событий, она стояла вот здесь. Обеденное время. Он собирается есть, вернее, она собирается его кормить.

Ева вспомнила фотографию убитой из удостоверения личности.

– Кормить сына – ее привычное дело. Она готовит еду, убирается в доме. Возможно, она делает сэндвич, пользуясь ножом. Ему приходит в голову тоже им воспользоваться. Она его изводит – так он это воспринимает.

Пытаясь увидеть ситуацию его глазами, Ева обошла стол.

– «Тебе надо найти работу, повзрослеть, взяться за ум...» Возможно, она твердит, что они с его отцом решили назначить ему срок, после которого они выгонят его из дома. Наверное, она сообщила об этом, не дождавшись возвращения мужа. Тогда он хватает нож и тыкает им мать. От этого ему становится так хорошо, выражение на ее лице так ему нравится, что он бьет еще и еще. Она пытается увернуться, убежать, падает, уже мертва – а он все никак не остановится. После этого он жрет.

– Что?!

– После убийства Нуссио он тоже жрал. От пуза. Прямо вот тут сидел и ел, планируя убийство своего отца. Времени хватало, чтобы понять, чего

ему надо, потом найти их пароли и поработать над их банковскими счетами. Полно времени! Никакой паники. Никаких попыток прибраться, что-то спрятать. Прямо здесь, на кухне, над окровавленным телом матери он наконец стал взрослым.

– Господи!

– У него хватает целеустремленности и мозгов, чтобы завладеть деньгами и предметами, которые он считает ценными. После убийства отца он так же без спешки строит планы. Чтобы разделаться с отцом, он вооружается реликвией из своего детства – бейсбольной битой. Возможно, отец когда-то его тренировал и критиковал за неуклюжесть. Забирать эту биту он не стал – для него она не представляет ценности. Он покупает новую для своего набора убийцы.

– Он расстается с предметами из своего детства.

– Что ты сказала?

– Просто подумала. Ты говорила о взрослении. Вот он и бросил свою детскую биту и купил новую. Наверное, первую битую, ставшую орудием убийства, ему купили сами родители. Теперь он делает такие покупки сам.

– Молодец! – одобрила Ева. – Именно так он и рассуждает. Но своего папашу немного побаивается. Поэтому прячется, сидит в засаде, чтобы наброситься на него неожиданно. Удар исподтишка, а не честный бой лицом к лицу. Потом он оставляет их обоих лежать здесь, плавать в их собственной крови, а сам ест, спит, строит планы. Он опять превращается в ребенка или в подростка: разбрасывает по полу свои вещи и перешагивает через них, вместо того чтобы подобрать и убрать с глаз долой. Некому сказать ему, что надо прибраться. Он сделал так сознательно.

– Что именно?

– Проторчал здесь до вечера субботы. Мертвые родители на полу, кухня загромождена посудой. Мать заботилась о чистоте, воспитывала сына в уважении к порядку, не уставала его пилить. Но теперь он ее прикончил и устроил такой бардак, какой хотел!

– Но в гостиной и в родительской спальне сохранился порядок.

– Эти помещения ему неинтересны. Он сосредоточен на маленьком кабинете, кухне, собственной комнате, ванной. Его бесит все это старье, все, что идет от матери, все, что было дорого ей и отцу. Его раздражают традиции. Ему подавай новизну: новую битую, новый костюм. Ему хочется лоска.

Ева еще побродила по квартире.

– Он будет подыскивать статусное место, противоположность этому – постоянству, уюту, традициям. Вот что он сейчас ищет.

– Дом поновее?

– Думаю, самый современный. Чтобы с иголочки. Чтобы там было то, чего он всегда был лишен. Ему ненавистна память о детстве в доме, где люди заботились об уюте, были аккуратны, ценили семейные реликвии и традиции. От всего этого его воротит. Чтобы взять его след, надо это уяснить.

Серебристая стеклянная башня над Гудзоном привлекала собственной набережной, сверхсовременным двухэтажным фитнес-центром с бассейном и пятизвездочным спа-комплексом, целой россыпью роскошных бутиков, круглосуточным консьерж-сервисом, двумя шикарными ресторанами, тремя барами и уборкой квартир за дополнительную плату ежедневно, раз в неделю или раз в месяц.

Квартира на 18-м этаже была для него пределом мечтаний.

Окна от пола до потолка выходили на реку. Нажатием кнопки или голосовой командой они открывались, выпуская хозяина квартиры на террасу. Просторное жилое помещение с огромным встроенным в стену экраном, серебристыми полами, бледно-золотистыми стенами включало обставленную столовую с гибким хромированным столом, свободно меняющим форму, и блестящими черными креслами. В кухне, мерцавшей серебром, золотом и рифленным стеклом, были собраны все вообразимые, а также невообразимые технические ухищрения.

Он вполуха слушал болтовню риелтора про квадратные метры, элитное расположение и удобства – звукоизоляцию, полную голосовую управляемость, частный лифт, бла-бла-бла. Он кивал, изображая осведомленность и лоск. При виде главной спальни он с трудом сдержал слезы. Она была полностью обставлена – как и столовая, гостиная с гелевым диваном, хромированными столиками, удобными золочеными креслами.

При помощи пульта риелтор заставляла раздвигаться стеклянные стены, открывала окна на террасу. Он все это время старался держать себя в руках, как ни трудно ему это было в большой ванной комнате с джакузи, сложным душем, сушильной колонной, солярием, перед маленьким газовым камином, в компьютеризированной гардеробной.

Вторая комната, которую болтушка-риелтор назвала отличным рабочим кабинетом для холостяка, была оборудована собственной ванной – меньше хозяйской, но такой же роскошной.

Он знай себе вертел головой, открывал дверцы шкафов, заглянул на террасу. На болтовню он отвечал коротко или вообще помалкивал.

Он уже считал эти хоромы своими. Здесь было все, чего он только мог желать. Теперь он хотел, чтобы риелтор поскорее убралась, чтобы он мог развалиться на диване и, дрыгая ногами, триумфально потрясать кулаками.

– Это чрезвычайно завидная собственность, – не умолкала она. Сколько можно?! – Комплекс открылся всего полгода назад и уже скуплен на девяносто три процента. Прежний владелец не успел сюда переехать, но, как видите, начал обставлять квартиру; дела позвали его в Париж. Квартира только что выставлена на продажу, но, полагаю, она останется свободной не дольше недели, да и то благодаря празднику.

– Что ж, годится, – сказал Рейнхолд, прикидываясь уставшим. – У меня нет времени на долгие поиски.

Риелтор, низенькая плотная особа в фиолетовом платье и удобных туфлях, профессионально улыбнулась.

– Вы говорили, что сами только что прибыли в Нью-Йорк из Европы.

Он нехотя кивнул, еще немного прошелся, насупленно оглядел кухню, открыл несколько дверей, выдвинул пару ящичков.

– Маловато для моих приемов, но сойдет.

– Здесь базируется одна из лучших в городе фирм по обслуживанию мероприятий. Что ж, от такого владельца, как Рорк, ничего другого не приходится ожидать.

Он посмотрел на нее.

– Рорк? – Он почувствовал прилив адреналина и не смог скрыть улыбку. – Все это принадлежит Рорку?

– Да, так что вы можете быть уверены в безопасности, профессионализме персонала и наивысшем качестве всего оборудования.

– Не сомневаюсь. Кажется, его жена служит в полиции?

– Совершенно верно. Смотрели «Icove Agenda», видео на материале одного из ее дел? Это потрясающе!

– Слышал о таком. Но у меня нет времени на подобные вещи. – Он махнул рукой – такие мелочи недостойны его внимания. Но внутри он ликовал. Полицейская, идущая по его следу, замужем за человеком, выстроившим ему штаб-квартиру! О таком он и не мечтал. – Так что там насчет обстановки?

– Как я сказала, прежнему владельцу пришлось спешно уехать в Европу. Он либо распорядится забрать мебель, либо захочет продать ее частично или полностью.

– Понятно. Это сэкономило бы время, а время – деньги. – Он посмотрел на свой новый щегольский коммуникатор, как будто что-то проверяя. – Я беру все, включая мебель.

- Не желаете ознакомиться с другими предложениями?
- Время – деньги. Это вполне годится. Сколько он просит за мебель?
- За всю?
- Ну да. – Он подтвердил свою решимость выразительным жестом. – Я не привык тратить время зря.
- Это придется уточнить. Менеджмент запросит при подписании контракта арендную плату за первый и последний месяцы и страховой депозит.
- Ясно. Мой секретарь сегодня же переведет деньги. Этим вечером я переезжаю сюда.
- Этим вечером?!
- Не хотелось бы ночевать лишнюю ночь в отеле. У меня немного вещей. Переехав, я распоряжусь о доставке остальной своей обстановки. Действуйте!

И он удалился, оставив риелтора в замешательстве.

Ева шла по следам Рейнхолда, посещая банки, отели, магазины, ломбарды. Беседовала с персоналом, просматривала записи камер. Изучала его, наблюдая, как он вращается в свою новую жизнь, осваивается со своей убийственной свободой.

Она нашла новые фотографии и – по подсказке Пибоди – школьные табели. Рейнхолд демонстрировал результаты не выше средних. Им попалось старое видео под названием «Джерри, конкурс талантов, 5-й класс». Он пел песенку – справился неплохо и занял третье место. На видео было видно, как он злится при вручении приза. На другом видео был снят бейсбольный матч Детской лиги. Команда Джерри проиграла, и он от злости замахнулся на оператора битой.

Были также видео с семейными каникулами: Рейнхолд плюхается в бассейн и неуверенно плышет. Неспортивный мальчик, решила Ева, просмотрев все съемки отпусков, дней рождения, выпускных праздников.

Теперь Ева и Пибоди ходили пешком по ломбардам. Внимание Евы привлек модный салон.

- Ему надо изменить внешность.
- Он еще не делал этого. Камера отеля показала его в прежнем виде.
- Он мог изменить внешность потом.

Она вошла в салон, показала первому попавшемуся сотруднику свой жетон, потом фотографию Рейнхолда.

И так в одном салоне за другим, в бесконечных ломбардах.

Пибоди задержалась перед очередным салоном.

– Вот здесь он мог бы заняться своей прической и лицом.

– «True Essence»? Что за место?

– Это целая сеть высокого класса. Мне не по карману, разве что по скидке. Нарращивание и средства ухода за волосами, средства ухода за телом, все для ванны. В салоне на Мэдисон есть дневной спа-комплекс. Туда можно заглянуть, но у меня там возникла бы необходимость что-то купить. Зато персонал всегда готов тебе помочь. На этом построена их репутация: надежное персональное обслуживание.

– Давай проверим, не обслуживали ли они Рейнхолда.

Ева не понимала подобных заведений. Искусно подсвеченные стены, киоски, нижний уровень – все было битком набито продукцией для приукрашивания, изменения, трансформации, улучшения себя – волос, кожи, лица, губ, ягодиц. Целая секция была отведена шее и груди – для этого применялся эвфемизм «декольте».

Правда, стильный и вышколенный персонал здесь не кишел кишмя, как в некоторых других местах. К Еве и Пибоди подошла женщина в классическом для Нью-Йорка черном облачении, высокая блондинка сногшибательного облика, но, на взгляд Евы, воплощение нормальности: ни шпилек, ни бросающегося в глаза пирсинга или татуировок, ни торчащих во все стороны клофьев волос безумных цветов.

– Добро пожаловать в «True Essence». Чем вам помочь?

– Вы не видели этого мужчину?

Ева показала ей фотографию и, видя, что перед ней не набитая дура, спрятала жетон в ладони.

– Это же убийца своих родителей! – Женщина перешла на сценический шепот. – Я видела его в выпусках новостей. Вы его ищите?

– Ищем.

– Лично я его не видела, но у меня был двухдневный отгул. Может быть, побеседуете с нашим менеджером? Я могу ее вызвать.

– Будьте так добры.

– Конечно. Минутку.

– Ой, ты только посмотри на эту губную помаду!

– Нет! – отрезала Ева, заставив Пибоди вернуть тубик на место. – Прекрати. Забудь, что ты девушка. Сейчас ты коп.

– Я – коп женского пола. – С этими словами Пибоди подошла к витрине с тушью и тенями.

Видимо, к облику менеджера здесь предъявлялись не такие строгие требования. К Еве приблизилась особа с волосами цвета сливы, с серебряными гвоздиками в бровях, в полосатых, как зебра, туфлях на

высоченных каблуках.

– Я менеджер, а вы?

– Лейтенант Даллас, детектив Пибоди. Мы ищем этого мужчину.

– Его показывали вчера. Что ему могло здесь понадобиться?

– Он находился в этом районе, совершал здесь покупки. Мы проверяем разные адреса.

– Понятно. Вам известно, что он мог покупать, за чем мог бы к нам прийти? Честно говоря, не могу себе представить, что могло бы понадобиться в магазине продукции для наращивания волос и для ухода за телом подозреваемому в убийстве. У нас не притон.

– Вы его узнали?

– Говорю вам, я видела его вчера вечером в выпуске новостей.

«Сложи одно с другим, сестрица», – подумала Ева и стала терпеливо объяснять:

– Уверена, его видели многие. Многие, кто узнал бы его, если бы он заглянул в кафе перекусить. Раз теперь он вызывает подозрение, то ему могло хватить мозгов, чтобы перекрасить себе волосы.

– О! – Менеджер сделала глубокий вдох, говоривший об озабоченности. – Значит, вам нужна секция волос. Возможно, вам поможет кто-то из наших стилистов. Какой милый оттенок помады! – обратилась она к Пибоди с теплой улыбкой. – Прямо создан для вас! Желаете приобрести?

– Мне нравится!

– Нет! – перебила Ева обеих. – Мы все-таки ищем убийцу, при чем тут губная помада? Волосы, говорите?

– Конечно. – Улыбка погасла, глаза заledenели. – Прошу сюда.

Они прошли сквозь киоски, миновали длинные стеллажи, покупательниц, теребивших, как Пибоди, образцы или тащивших серебристые корзины с продукцией, которая делает их сексуальнее, красивее, мягче, глаже, моложе.

Видя, что Пибоди опять отвлеклась, Ева оскалила зубы, и напарница ускорила шаг.

– Марселла, помоги этим женщинам.

– С удовольствием. – Продавщица с короткой черной прической, увенчанной розовой макушкой, расплылась в гостеприимной улыбке. – Чудесная стрижка! – обратилась она к Еве. – Мало кто может себе это позволить. У меня есть превосходное средство, как раз для вас. И для вас, – повернулась она к Пибоди. – Уверена, вам пойдет вечерняя завивка. Для этого есть специальный домашний набор, очень простой в применении. Вы бы могли...

– Потрясающе! – перебила ее Ева тоном, подразумевавшим прямо противоположное. – Но нам интереснее он.

Она показала фотографию Рейнхолда и свой жетон. Марселла скосила густо накрашенные глаза на менеджера.

– Не понимаю.

– Узнаете его? – спросила Ева.

– Вроде да. Но я все равно не понимаю.

– Откуда вы его знаете?

– Вчера я его обслуживала. Но я не...

– Понятно, – сказала Ева. – В котором часу это было?

– Сейчас вспомню. Примерно в половине второго. Точнее не скажу. Я как раз вернулась с ленча.

– Мне потребуются вчерашние записи ваших камер наблюдения. От открытия до закрытия. – Дав задание менеджеру, Ева опять повернулась к Марселле: – Вы помните, что он приобрел?

– Краску для волос цвета «тропик блонд», набор прядей цвета «карамель», шампунь и кондиционер «Дренч», комплект стилиста «Сам себе мастер». – Она отбарабанила все это так, как будто заучила наизусть. – Ему нужны были товары и из других секций, поэтому я осталась с ним, порекомендовала искусственный загар «Сан Бласт Бронзер» для лица и тела, четвертый номер, еще «Соли Квенч», тоже для лица и тела, и комплект для глаз «Лайтнинг Блу Ай» от «Франческо». Он потребовал самое лучшее. Я посоветовала ему воспользоваться нашим кредитом, чтобы была десятипроцентная скидка, но он предпочел заплатить наличными. – Она прикусила губу. – Я предложила ему бесплатную консультацию, чтобы Эли прямо у нас изменила ему цвет глаз по очень разумной цене, но он отказался. При неправильном применении глаза могут распухнуть и покраснеть, но он решил заплатить и уйти. Он подписал отказ от претензий, поэтому непонятно, чего ради он обратился в полицию.

– Вы, наверное, не любительница экрана, Марселла? Не следили за последними новостями?

– Это из-за занятости. На День благодарения приезжает моя сестра с семьей, вот я и помогаю маме, а что?

– Его показывали в новостях. Джеральд Рейнхолд за последние два дня отправил к праотцам троих человек.

– Что?! О господи! – Она отшатнулась и схватилась за сердце. – Боже! Он стоял вот здесь, я посвятила ему не меньше получаса! У меня будут неприятности?

– С какой стати?

– Ну, не знаю. Я же все это ему продала и заработала неплохие комиссионные. Я даже показала ему на компьютере, каким он станет, когда все это применит.

Ева довольно улыбнулась.

– У вас это сохранилось?

– А как же! Просто мне так нехорошо. Можно мне хлебнуть водички? Что-то меня колотит. Он выглядел совершенно нормальным! Невежда, изображающий всезнайку, – у нас такие не переводятся. Да, забыла, еще он купил комплект для пирсинга. – Продавщица виновато закрыла ладонью лицо. – И золотое колечко для уха. Как это я забыла?..

Ева сочувствовала ее смущению и была впечатлена ее памятью. Чтобы ее успокоить, она сказала:

– Вы все вспомнили. И очень нам помогли. Выпейте воды, Марселла, отдышитесь и покажите нам, что у вас там в компьютере.

– Спасибо. Меня аж затошнило. Кого он убил?

– Своих родителей и бывшую возлюбленную.

Ее экзотические глаза наполнились слезами.

– Бросьте! Не может быть!

– Может. За дело, Марселла.

– Иду-иду, – она заковыляла прочь на своих высоченных каблуках.

– Нам повезло с этим местом, Пибоди.

– Джекпот!

– Ума не приложу, почему он решил все купить в одном месте. С одеждой, инструментами, продажей добычи он поступал по-другому.

– Ты не понимаешь всей притягательности этого местечка. – Пибоди горестно вздохнула и обвела магазин полным вожделения взглядом. – Если бы это было мне по средствам, я бы зависла здесь на долгие часы. Ушла бы, нагрузившись, как верблюд, – особенно если бы меня стали охмурять. Я бы не устояла.

– Неужели?

– Эта музыка, эта подсветка! Сексуальная энергия так и прет. Весь товар твердит, какой роскошной я буду, если его скуплю. Потрать пару тысяч – выйдешь заново родившейся, гораздо лучше прежней.

– И люди на это клюют?

– Лично я заглатываю наживку. Вот стою и борюсь с собой. Может, купить эту помаду? На День благодарения я никуда не еду. И помады у меня полно. Но не этой потрясающей марки. Она слишком дорогая. Это инвестиция в свой облик. Чувствуешь напор противоречий?

– Чувствую. Хватит. Напомни менеджеру про записи камер! – распорядилась она, увидев возвращающуюся с планшетом Марселлу.

– Малахия Голд – вот как его звали! Я попила водички, успокоилась – и вспомнила.

– Нет, его зовут не так. Он назвался этим именем?

– Да, я спросила его имя для проекта, и он назвал это. Мы храним проекты одну неделю на случай возвращения клиента: вдруг захочет еще чего-нибудь или пожалуется на недостатки. – Марселла добралась до искомого. – Вот он, смотрите! Их приходится фотографировать. Полюбуйтесь!

– Он самый. – Ева поморщилась от наглой ухмылки Рейнхолда. – Хорош! Покажите ваш проект.

Марселла еще пощелкала по клавишам и развернула планшет.

– Если все использовать, как полагается, то получится вот так. Не стопроцентное совпадение, но все же какое-то представление.

– Действительно, – Ева уставилась на новенького Рейнхолда: белобрысого, голубоглазого, загорелого, с пирсингом.

– Он накопил нашего товару, но не мог толком объяснить, каким хочет стать. Поэтому мне пришлось импровизировать.

– У вас хорошо получилось. Направьте мне все вот по этому адресу. И дайте распечатку.

– Сейчас пришлю. И поищу принтер. Вам придется еще немного подождать.

– Постарайтесь, Марселла. У вас все получается.

– Спасибо. – Она неуверенно улыбнулась. – Это мой первый убийца.

– Пусть он останется единственным. И дайте мне ту, как ее? Губную помаду.

– «Алый мак» от «Ля Фам»? Шикарно! Но не хочу вас обманывать: это не ваш оттенок. Вам лучше пойдет «Цветение мака» или...

– Это не для меня. – Ева полезла за деньгами. – Сколько?

– Шестьдесят два доллара.

– Шутите?

Марселла состроила виноватую гримасу.

– Серьезно. Это потрясающая помада, ее хватает на целый день, влагостойкая, не мажется, содержит смягчители и...

– Вот и славно. – Ева достала кредитную карточку. – Лучше так.

– Конечно. К этой помаде лучше всего подходит подводка «Лепесток розы».

– Лучше не старайтесь, Марселла. Только помада – и распечатка.

Побыстрее.

Марселла дала Еве расписаться.

– Сейчас я принесу распечатку и вашу покупку. Две минуты! – С этими словами продавщица весело ускакала.

Воспользовавшись передышкой, Ева огляделась, засунув руки в карманы. Какая еще притягательность? Она видела только несчетное количество товара, который, прояви она слабинку, залепил бы все ее лицо, волосы и тело. Ей хотелось поскорее унести отсюда ноги.

– Вот и диски, – доложила Пибоди, подходя к ней. – Менеджер была сама услужливая, ведь здесь побывал убийца. Все, чего мы захотим, все, что в ее силах!

– Тем лучше. Я видела компьютерный проект изменения внешности. Марселла направит его на мой компьютер и отдаст нам распечатку.

– Через десять минут портрет может оказаться в распоряжении прессы.

– Нет, – покачала головой Ева. – Тогда он тоже увидит и опять изменит внешность, причем в этот раз будет осторожнее. Мы знаем, как он сейчас выглядит – во всяком случае, может выглядеть. Будем держать это знание при себе, пока не возникнет необходимость поделиться им с прессой.

– Готово. – Марселла протянула Еве розовый пакетик в черную полоску. – В белом конверте распечатка портрета, в маленьком пакетике помада. Я добавила несколько пробников, вы обязательно должны попробовать наше «Цветение мака».

– Спасибо. Если вспомните еще что-нибудь, тут же свяжитесь со мной.

– Обязательно. Теперь я буду смотреть на экран, честное слово. Какой ужас! Говорю вам, я еще никогда не обслуживала убийц!

«Это тебе только кажется», – подумала Ева, выходя.

– Ты что-то купила! – раздался обвинительный шепот Пибоди. – Стоит мне отвлечься, и ты делаешь покупку, хотя сам магазин вызывает у тебя презрение. – Она фыркнула. – Что приобрела?

– Какую-то дрянь, губную помаду под названием «Алый мак». – И она сунула онемевшей Пибоди пакетик.

– Это мне?! – Пибоди чуть не сорвалась на визг. – Даллас!

– Станешь обниматься – вымажу всю эту гадость тебе на задницу!

Пибоди исполнила танец в своих ковбойских сапожках.

– Хочу, хочу, хочу! Но не стану, потому что моей чудесной губной помаде не место на заднице.

– Запомни это.

– Ты такая умница!

– Это был единственный способ прекратить твоё нытьё.

– Умница, – повторила Пибоди. – Спасибо.

Ева заглянула в карту.

– Ты удачно выбрала магазин. Попадание в «десятку»! За это полагается приз.

– С ума сойти! – Пибоди заглянула в пакетик. – Да тут пробники!

– Пибоди!

Та перестала шуршать пакетом, но не улыбаться.

– В общем, он у нас теперь голубоглазый блондин. Загар богача, проколотое ухо – наверное, в нём болтается кольцо. На все это ему нужно не менее двух часов. Даже четырех.

– И место, где всем этим заняться. Опять отель? Поселился одним, выселился другим? Тогда это должен быть крупный отель, а то кто-нибудь обязательно заметит перемену. Например, снова отель для бизнесменов, большой, кишасший людьми. Или...

– Или?

– Он провел ночь с убитыми родителями, потом несколько часов со своей убитой бывшей. Вдруг он выбрал новую жертву и занялся гримом у нее дома?

– Мерзость!

– Вполне в его духе. Только не семейный дом, зачем ему супруг, дети? Заглянем в список одиночек, с них и начнем. Обзвони их с коммуникатора. Туда, где не ответят или окажутся недоступны, мы нанесем первый визит. И еще: хочу еще раз потолковать с Голдом. Откуда у Рейнхолда его старый ID?

– Тот факт, что он пускает его в ход, делает Голда одной из предпочтительных мишеней.

– Согласна. Приступаем к поиску, – сказала Ева, открывая дверцу машины. – Начни обзвон с Голда – он у своих родителей. Скажи, что мы едем к нему.

– Будет сделано.

По пути Ева отправила Бакстеру изображение «нового» Рейнхолда и инструкцию раздать копии сотрудникам Управления – ни в коем случае не делиться ими с прессой. Пока она занималась этим и проверяла новые сообщения, Пибоди работала со своим коммуникатором.

Когда напарница умолкла, Ева повернулась к ней.

– Ну, что?

– Бруклинская родня Джерри. Я побеседовала с бабушкой. Она сказала, что Рейнхолд не появлялся. Похоже, так оно и есть.

– Вряд ли он поспешит туда. Что тебя заботит?

– Не то что заботит, но... – Пибоди вздохнула. – Под вечер в гости к бруклинцам пожалуйет с ночевкой родня издалека. Собираются родственники со всех сторон. Тела выдадут завтра, но они дождутся субботы для погребальной службы. Общий сбор в честь Дня благодарения. Семейная сплоченность – так она выразилась. – Пибоди уставилась на свой коммуникатор. – Очень грустно, конечно, но вызывает уважение.

– Что именно?

– Эта их сплоченность. По-моему, у Рейнхолда отличная семья и по отцовской, и по материнской линии. Он никогда не ценил того, что имел, того, что они ему давали. Теперь они столкнулись с трагедией и еще теснее сомкнулись. Это напомнило мне о моей собственной родне. Я по ней соскучилась. Может, я ее недостаточно ценю?

– Я слышу это каждый раз, когда ты их вспоминаешь. Брось казнить!

– Но Пибоди делала именно это, и Ева поднажала: – Ты и твои родственники – настоящие примеры завидной семейной близости. Даже как-то неудобно вас наблюдать.

Пибоди приснула, потом расплылась в сентиментальной улыбке.

– Наверное, ты права.

Ева, довольная ее ответом, вернулась к прежней теме.

– Итак, к родственникам он не едет. Еще не время. Их слишком много. Он еще об этом не знает, но быстро узнает, если выберет своей мишенью кого-нибудь из них. Друзья, боссы, враги из детства, учителя, бывшие – вот первый круг его потенциальных жертв. Пока что исключаем из списка тех, кто живет с детьми. Трудно представить его расправляющимся с детьми.

– Грязно, сложно, хлопотно.

– То-то и оно. Он будет заниматься одиночками, так проще. Будем

иметь это в виду.

– К Голду он тоже вряд ли пожалует, во всяком случае сразу. Все-таки Голд сейчас у матери, работает оттуда. Ему страшно оставлять ее дома одну, пока отец на работе.

– Он, конечно, в списке, но не наверху, – согласилась Ева. – Но мне все равно надо с ним поговорить.

– Он нас ждет. Он сказал, что свяжется с Дейвом Хильдебраном. Тот тоже сейчас у родителей.

– А другой дружок, Балбес Джо?

– Я узнала, что он на работе и в ус не дует. Считает, что мы заблуждаемся. Он не верит, что Рейнхолд может на него покушаться, даже если свихнется. Они, видишь ли, кореша, друзья не разлей вода. А раз так, Рейнхолд скоро с ним свяжется. Он клянется, что обязательно оповестит нас об этом.

– И выдаст своего бесценного кореша.

– Судя по голосу, для него это не проблема. Недаром мы прозвали его Балбесом.

– Не хватает только бирки на шее, – пробормотала Ева и стала искать, где бы припарковаться в квартале Голда.

Гордый и счастливый обладатель элитного жилья в западной части Нью-Йорка, Рейнхолд вернулся в дом миссис Фарнсуорт. Он был не прочь прожить здесь несколько дней, может, даже целую неделю, но ему несказанно повезло.

Следующую ночь он проведет уже в своей новенькой квартире. Вот только завершит кое-какие незавершенные делишки.

Он задержался дольше, чем рассчитывал, поэтому велел дроиду сделать сандвич. Бумажная волокита, думал он. Какой-то водопад бумаг! Когда его документы стали пристрастно изучать, он, признаться, взмок от страха. Но пронесло. Спасибо толстозадой Фарнсуорт.

Ей тоже везет, думал он, кусая толстый сандвич и хрустя маринованным огурцом. Пожалуй, он не станет рубить ей пальцы на руках и на ногах.

Скорее всего.

Первым делом надо будет снова все здесь обшарить – вдруг найдется еще что-нибудь стоящее? Потом дROID все это упакует и доставит по его новому адресу. Хорошо, когда за тебя делают черную работу.

Человеку его уровня без домашнего дроида никуда. В западном Нью-Йорке это само собой разумеется. А Фарнсуорт дROID, ясное дело, больше

ни к чему.

Он уже выпотрошил сейф и сложил его содержимое в один из красных чемоданов этой старой жирной свиньи.

Он не был уверен, какие расцветки и бренды соответствуют его новой личности. Но заниматься этим не было времени.

Время – деньги, напомнил он себе и ухмыльнулся.

Ее украшения он тоже перебрал и пока что ни на чем не остановился. Возможно, какие-то из них, в футлярах, чего-то стоят, неважно, красивые они или нет.

Он приказал дроиду стереть память всех оставшихся электронных устройств, потом отправил вниз компьютеры и прочую домашнюю технику. Ее набралось очень много. Хорошо, что он все предусмотрел и вовремя приступил к сбыту при помощи дрoида.

Он отобрал то, что подойдет для его нового домашнего кабинета.

– Доставишь туда вот это, – приказал он. – Следуй инструкциям. – Он продиктовал дроиду название и адрес магазина.

– Возьми столько, сколько выручишь. В этот раз тебе хватит одной ходки. Бери наличные. Только наличные! – повторил он. – Ты чья собственность, Болван?

– Я собственность Антона Тревора, президента и генерального директора «Тревор Дайнемикс».

– Смотри, не забудь! Бери наличные – и дуй назад. Нигде не задерживайся. У нас куча дел.

Пока дроид возился, Рейнхолд совершал обход дома. Вдруг эта рама картины сделана из чистого серебра? Вдруг эта ваза дорогая? В доме столько барахла, что трудно понять, что представляет ценность, что нет.

Ее одежду тоже можно было бы собрать в пакеты и попробовать что-то за нее выручить, но ему не хотелось снова прикасаться к старушечьему тряпью. И потом, он уже купается в деньгах, зачем размениваться на пустяки?

Необходимой техникой он разжился. Дроид мог все это упаковать и доставить на новое место. Так же можно поступить с его одеждой и с чемоданом вещей, которые дроид продаст в предстоящие дни.

Если задержаться здесь дольше, то можно раскопать еще что-нибудь. Но ему хотелось думать только об одном: как он будет нежиться в своем новом гнездышке и как дроид будет подносить ему выпивку. Возможно, он закажет мартини и станет смаковать его на террасе.

Потом, пока он будет пялиться на экран, дроид приготовит ему сытный ужин.

Он обзавелся слугой, который не станет ныть, пилить его, указывать на его ничтожность. Больше ему не придется выслушивать, что надо искать работу, взрослеть, учиться ответственности, трудиться.

Пошло оно все куда подальше! И все они!

Начиная с миссис Фарнсуорт.

Он уже все продумал. Предпочтительнее всего нож. Ему нравилось, как лезвие входит в плоть, как покидает ее. Правда, тогда получится грязно, а он хорошо одет. Здесь не обойтись без защитной одежды.

А бита? Кровь, мозги – но это от спешки. Понятно, почему он испортил себе одежду.

Нет, без защитной одежды никуда!

Можно было бы ее задушить, но его тянуло на эксперименты, на расширение горизонтов. Разве это не ее любимое выражение? «Расширяй свои горизонты!» – твердила она ему.

Он последует ее совету и посмотрит, как ей это понравится.

Взяв то, что ему требовалось, он вернулся в кабинет.

Выглядела она неважно. А пахла и того хуже.

Опять обмочилась – удивительное дело! Он весь день почти ее не поил и совсем не кормил.

Похоже, толстуха сбросила фунт-другой веса. Диета «Джерри Рейнхолд». При этой мысли он захихикал, что заставило ее поднять голову.

Нет, диета «Антон Тревор». Новая внешность, новый наряд, новое имя. Новый человек.

– Эй, ты!

Собаки нигде не было видно. Но он даже не вспомнил про Снаффи. С глаз долой, из сердца вон.

А вот ее попытки освободиться он заметил. Лента, которой была прикручена ее правая рука, расслабилась, она чуть было не освободила руку. Разодрав при этом запястье до кровоточащего мяса.

– Вот это да! – Он зацокал языком, грозя ей пальцем. – Вот что получается, когда нарушаешь правила. Куда вы собирались отправиться, если бы освободились? Что это вы задумали? Учтите, миссис Фарнсуорт, я гораздо умнее, чем вам казалось. – Он ткнул себя пальцем в грудь. – Я забрал все ваши деньги. Все ценное, что у вас было. Я выгляжу шикарно, а у вас вид, прямо скажем, дерьмовый.

Не переставая улыбаться, он подступил к ней.

– Вы сделали все, что я вам велел. Теперь от вас никакого проку. Старая дура! А я буду жить в новой шикарной квартире. Может, заведу по квартире в Париже и в Лондоне, когда завершу свои дела и сдам здешнюю

квартиру. Люди щедро платят наемным убийцам, правительства тоже.

Увидев в ее глазах презрение, он прищурился.

– Думаешь, сука, мне не под силу заколачивать большие бабки? Я уже немало заколотил. Было ваше – стало наше. С моей репутацией можно будет назначать свою цену. Я богат и знаменит, а ты сидишь в собственной мочке. Кто здесь победитель? Ну, кто?

Он оторвал от ее рта клейкую ленту вместе с куском кожи. Она смотрела ему прямо в глаза. Ее голос был еле слышным карканьем, таким же сухим, как кожа. Но она все равно нашла силы, чтобы выдавить:

– Ты пустое место. Мелкий кусок дерьма.

Он ударил ее и ушиб руку – удар был неподготовленный. Никому не позволено так с ним разговаривать, никому!

– Считаешь, что ты лучше меня? Думаешь, я – пустое место? Ну, так я тебе покажу!

Она знала, что уже мертва, хотя он только начал надевать ей на голову пластиковый пакет. Она смирилась со своей участью. Но все равно боролась – не с целью выжить, а чтобы причинить ему боль. Чтобы хоть как-то отомстить.

Он уже заматывал у нее на шее ленту поверх пакета, а она еще боролась, раскачивая кресло. Собрав оставшиеся силы, она оттолкнулась и напоследок испытала удовлетворение от того, что кресло ударило его и заставило заорать от боли. Сквозь рев крови в голове она успела услышать его вопль.

Кресло опрокинулось назад, увлекаемое ее тяжестью. Она судорожно разевала рот, как рыба на берегу, ее тело требовало воздуха, но в глубине души она победно улыбалась, наслаждаясь его криком.

Он стал ее пинать. Ее живот разодрала невыносимая боль, грудь вспыхнула огнем, все вокруг затряслось, потом поползло куда-то прочь.

Она умирала с улыбкой в душе.

Она уже не шевелилась, а он все бил и бил ее ногами и никак не мог остановиться.

Она назвала его ничтожеством. Она причинила ему боль. Это неправильно, несправедливо. Поэтому он наносил ей удар за ударом, рыдал, бесился, пока совсем не выбился из сил.

Упав в кресло, он старался отдышаться. Нога в том месте, куда пришелся удар ножкой кресла, утяжеленного ее тушей, болела нестерпимо – такая боль бывает, когда выдерут зуб. Болело и солнечное сплетение – туда угодила спинка кресла.

Надо было разрубить ее на части! Плевать на грязь – нашинковать, как

раньше мамашу!

А теперь он обливался потом и трясся от страха, что сломал ногу.

Спать бы этот дом вместе с жирной хозяйкой! Но он не такой болван, чтобы на это пойти. Он смахнул слезы. Он не пустое место. Чем больше времени пройдет, прежде чем эту жирную тушу найдут, тем лучше.

Им ни за что не связать ее смерть с ним. Какая связь между ним и этой старой жирной стервой? Преподавала компьютерную премудрость в старших классах – что с того?

Ему осталось всего ничего – просто уйти. Чтобы отмокать вместе с ушибленной ногой в своем новом джакузи.

Он встал и со стонами, хромя, покинул комнату. Заливаясь слезами от жалости к себе, он кое-как спустился вниз, где ждал новых приказаний дرويد.

– Заберешь остальное. Пойдешь пешком. – Он ввел новую команду, адрес, инструкции. – Пойдешь прямо к привратнице. Она считает информацию, потом ты все поднимешь наверх. Где деньги?

– Пожалуйста, сэр. – Дرويد отдал ему конверт.

Немного подумав, Рейнхолд вынул несколько купюр.

– Иди на Западный Бродвей, это неблизко. Оттуда возьми такси. Это не трогай! – прикрикнул он, когда робот потянулся за сумкой и одним из чемоданов. – Я сам. Чтобы к моему приходу все было готово. По пути купи все необходимое для большого ужина с бифштексом и мартини.

– Слушаюсь, сэр. Джин или водка?

Рейнхолд пришел в замешательство. Ему было невдомек, что бывают разные сорта мартини.

– Какие могут быть сомнения, Болван? Водка – и смотри, чтобы не дешевая. Пошевеливайся!

Рейнхолд поплелся на кухню. Раньше он видел там болеутоляющее средство. Найдя его, он проглотил две таблетки. Когда боль немного улеглась, он стал вытаскивать и бить об стену тарелки и прочую посуду, потом принялся корезить ножом дверцу холодильника, посудомоечной машины, кухонный стол, полки.

От этого ему полегчало.

Довольный, он забрал сумку и последний красный чемодан и вышел из дома. Нога продолжала беспокоить, несмотря на болеутоляющее и на расход энергии, которую он потратил на битие посуды и уродование кухонной мебели. Миновав два квартала, он нашел на наладоннике своей последней жертвы ближайшую больницу и, прохромя еще квартал, остановил такси.

Надо было оттяпать ей пальцы ног! Заставить ее кричать. Просто смерти было недостаточно, раз она первой причинила ему боль.

Забившись в угол такси, он размечтался о своей новой квартире, о джакузи, о мужской выпивке и о том, как он станет транжирить деньги.

Ева позвонила в дверь Голдов, и через несколько секунд изнутри слышались звуки отпираемых замков. Открывшей дверь женщине еще не исполнилось пятьдесят лет, Пибоди похвалила бы ее губную помаду. У нее была внушительная грудь и широкие плечи. Она окинула Еву цепким взглядом.

– Вы выше, чем я думала.

– Хорошо, – только и смогла ответить Ева.

– Вам не хватает мяса. Эти тощие девушки! – обратилась она к Пибоди с кривой усмешкой. – Трудно их понять.

– Да, мэм.

– Входите. Мэл вешает у себя в комнате новый экран. Я против экранов в гостиной. Это помещение для жизни, а жить – значит разговаривать.

Для удобства беседы в гостиной хватало кресел и подушек на диване. Там, где большинство повесило бы на стену экран, висели полки с фотографиями, сувенирами и даже книгами.

– Люблю книги, – объяснила хозяйка, заметив Евин взгляд. – Дорого, конечно, зато как приятно держать их в руках, листать!

– Мой муж того же мнения.

– Он может это себе позволить. Дети дарят мне их по особым случаям. Располагайтесь. Я позову Мэла. Кстати, у него сейчас Дейв. Я принесу вам что-нибудь пожевать.

– Не беспокойтесь, миссис Голд.

Но та опять смерила Еву своим суровым взглядом.

– Вам полезно подкрепиться. – И она решительно вышла.

– Сейчас будем перекусывать, – сказала Пибоди и подмигнула.

Ева покачала головой. Такой, как миссис Голд, явно было мало собственной семьи и дома, ее энергии хватало минимум на целый квартал. Это производило устрашающее впечатление.

Вошел Мэл в сопровождении невысокого плотного шатена. Ева узнала Дейва Хильдебрана – она видела фото с его ID. Оба были взволнованы и с трудом скрывали это.

– Лейтенант. – Мэл стал неуверенно протягивать руку, сомневаясь, уместно ли это, но Ева помогла ему и наградила энергичным пожатием.

– Мэл. Мистер Хильдебран?
– Дейв. Рад знакомству. – Он сразу покраснел. – Ну, то есть...
– Я поняла.
– Я пригласил Дейва. Вы же сказали, что заглянете. Он и я... Господи, какой сраный ужас!
– Следи за своим языком! – грянуло из глубины квартиры, и молодые люди дружно поморщились.
– Извини, мама. Я побуду здесь, пока... – Мэл снова смешался. – Дейв тоже переехал к родителям. Так будет лучше.
– Соседи только об этом и болтают, – заговорил Дейв. – К мистеру и миссис Рейнхолд все очень хорошо относились. А если бы и нет, все равно это... – Он хотел вставить крепкое словцо, но спохватился, посмотрел в сторону кухни и промолчал.
– Хорошие были люди, – заявила миссис Голд, неся из кухни огромный поднос.
– Я помогу, ма. – Мэл отнял у нее поднос и водрузил на столик перед диваном. На подносе сгрудились тарелочки, стаканчики, большой графин с темно-янтарной жидкостью, малюсенькие сэндвичи, крохотные посыпанные сахарной пудрой печенья, покрытое морковной стружкой и клочками зелени белое месиво.
– Мы могли бы перейти в кухню, ма.
– Общаются в гостиной. – Миссис Голд грозно схватила графин и стала разливать жидкость. – Чай из сассафраса, полезнее не бывает. Рецепт моей бабушки.
– Моя бабушка тоже такой делает, – радостно сообщила Пибоди, беря стаканчик.
– Неужели?
– Да, мэ. – Сделав глоток, Пибоди по-детски улыбнулась. – Рецепт явно тот же самый или почти. Вспоминаются старые деньки.
– Как вас зовут, дитя мое?
– Детектив Пибоди. Фамилия моей бабки была Норвицки.
– Полька. – Миссис Голд радостно ткнула себя в грудь пальцем. – Как моя бабка, Возняк. Она умерла в прошлом году. Ей было сто восемнадцать лет. Уснула и не проснулась через две недели после прыжка с парашютом. Ей можно позавидовать.
– Конечно, мэ.
Ева сочла, что светскую беседу пора прервать.
– У нас возникли дополнительные вопросы, – начала она. – Мы опасаемся, что Джерри Рейнхолд продолжит убивать.

– Я все ломаю голову. Сначала решил, что он сорвался. Но когда узнал о Лори, о том, что он с ней натворил, – Мэл уставился на свои руки. Они не дрожали, в отличие от его голоса. – Не знаю, как это возможно. Как он мог такое натворить?

– Избалованный, никчемный нытик. Всегда таким был.

Мэл выразительно посмотрел на мать.

– Ма!

– Нам полезно узнать ваше мнение, миссис Голд.

Укоризненно взглянув на сына, миссис Голд кивнула Еве.

– Разумные слова. Он рос у меня на глазах. Мы втроем – его мать, мать Дейва и я – проводили вместе много времени, помогали друг дружке растить сыновей. Мой Мэл – славный мальчик, скажу без хвастовства. Случались, конечно, заскоки, но наказания не заставляли себя ждать.

– Но заскоки не прошли, – с улыбкой заметил Мэл.

– Наказания тоже. Я твоя мать, никуда не денешься. Дейви тоже молодец, хотя его мать, да и я сама часто его шлепали. Если надо, за мной и теперь не заржавеет. – Она погрозила Дейву пальцем. – Барб и Карл были хорошими людьми, они старались быть хорошими родителями. Но их сын как родился нытиком, так им и остался.

Она взяла с блюда морковку и взмахнула ею.

– Вечно всех во всем обвинял. Что бы для него ни делали, ничего не ценил, видел одни недостатки. Возможно, они слишком ему потакали, но он был их единственным ребенком, и они очень для него старались. Делали вместе с ним уроки, даже нанимали репетиторов, когда он не справлялся. Мальчику захотелось играть в мячик – и Карл, мир его праху, никакой не спортсмен, часами пинал с ним мяч. Помню, как однажды Джерри и Джо своровали конфеты и диски с комиксами из лавки Шумахера, и мы – Барб, мать Дейва, мать Джо и я – всыпали этим сорванцам по первое число.

– Худший день в моей жизни, – пробормотал Мэл.

Судя по выражению лица миссис Голд, ее это ничуть не смущало.

– Дейву и Мэлу было стыдно, Джо тоже жалел, что его застукали, а вот Джерри только бесился, что сплеховал.

– Это верно, – подтвердил Дейв, беря печенье. – Помню, он на меня напустился: дескать, это я все испортил. Убил бы меня, если бы Мэл его не оттащил.

Миссис Голд ткнула пальцем в обоих молодых людей:

– Ты мне этого не рассказывал.

– Не могу же я все тебе рассказывать, ма!

– Ха! – фыркнула она. – Джерри просил прощения у Шумахеров. Куда

ему было деваться, когда мать схватила его за ухо? Через пару недель Шумахеру разбили стеклом витрину. Я знаю, что камень бросил Джерри.

– Ничего ты не знаешь, ма. Нас там не было. Я тогда тебе клялся и сейчас клянусь: это не мы!

– Я и не говорю, что это твоя работа, иначе ты бы до сих пор не мог сидеть. Барб знала, что это его рук дело. От Карла скрыла, а мне сказала. Здесь, у меня на кухне, обливаясь слезами. Так и не смогла выбить из него признание, но все равно знала.

– Шумахер по-прежнему торгует?

– Уже пятьдесят один год на одном и том же месте, Фрэнк и Мейзи.

Ева записала услышанное.

– Мне бы хотелось, чтобы вы назвали имена людей, на которых он может быть зол, с которыми враждовал. На кого он жаловался? Пускай даже давно. Я говорю не только о недавних ссорах.

– Тогда запаситесь временем, – сказала миссис Голд и откусила большой кусок сэндвича. – Этот парень складывал обиды, как малыш – кубики. К его врагам принадлежу, к примеру, я сама.

– Тебя он не тронет, ма. Я не позволю – сам его убью! – Мэл повернулся к Еве со свирепым видом. – Я не шучу.

– Ты славный мальчик. – Миссис Голд похлопала сына по руке. – Но мне кажется, что худенькая полицейская и ее подруга, внучка польки, сами справятся с Джерри.

– Непременно справимся, – заверила ее Ева. – Мы уже имеем список его бывших работодателей, коллег по работе, друзей и их родных вроде вас, Джо Клейна и его семьи. Кто еще приходит вам в голову? Может быть, его бывшие подружки?

– До Лори он ни с кем не жил, это была его первая серьезная связь, – начал Мэл.

– А Синди Макмахон? – вспомнил Дейв. – Два года назад они встречались, это тянулось месяца три.

– Она тоже живет по соседству? – спросила Ева.

– Жила. Но переехала в Ист-Вашингтон. Не помню когда, кажется, в июне.

– Она нашла хорошую работу, – сказала миссис Голд. – Что-то в прессе, писать выпуски новостей, что-то в этом роде. Но на Рождество она приедет домой. Я разговаривала с ее матерью.

– Думаю, пока что он ограничится родными кварталами.

– Еще Марлен Уизлет.

– С ней он не встречался, – возразил Дейв.

– Но хотел. Она его отшила. Вы же имеете в виду как раз таких? – спросил Мэл Еву.

– Да, таких. У вас есть ее координаты?

– Могу их раздобыть. Она живет в Верхнем Ист-Энде с каким-то парнем. Она модель. Очень броская, Джерри глаз не мог от нее оторвать. Она плевать на него хотела и сказала ему, чтобы проваливал.

Было перечислено еще несколько человек, затронуты даже времена, когда Джерри был подростком. Миссис Голд припомнила чьих-то родителей, лавочников, старших сестер и младших братьев.

Она была права, подумала Ева, список получился длинным.

– А учителя, тренеры?

– Он вдрызг пересра... поссорился, – быстро поправился Мэл, – с тренером Бойдом. Бойд три года тренировал нашу команду Детской лиги. Джерри дважды пытался красть базу, хотя тренер говорил ему не делать этого, вот и очутился на три игры на скамейке. На чемпионате тренер сказал ему произвести подачу – питчер противника выбил мяч с поля. Джерри ударил неудачно, мы проиграли, и он обвинял в этом тренера. Потом он вообще отказывался играть. Вот дерьмо! Извини, мам. До меня только сейчас дошло, скольких людей он считал врагами. Многие ничего не делали, чтобы его обозлить, но ему было все равно.

– Ты хороший друг, Мэл. – Мать дала ему печенье. – Ни в чем себя не вини.

Когда они добрались до старших классов школы, список стал еще внушительнее. Думая, как его сократить, Ева машинально взяла печенье.

– Очень вкусно!

Миссис Голд гордо выпрямила спину.

– Семейный рецепт. Главное, не жалеть настоящий сахар. Я заверну вам с собой.

– Мистер Гарбер поймал его на списывании. Это было на уроке географии. Его выгнали из класса на несколько уроков.

Мэл пожал плечами.

– Ему было наплевать, – напомнил он Дейву. – Он сравнивал это с разрешенным прогулом.

– Кому понравится быть пойманным? – С этими словами Ева записала фамилию учителя.

– Но с кем он пересра... черт, поссорился, прости, мам, еще сильнее...

– Я не в претензии, раз такое дело.

– ...так это с миссис Фарнсуорт, она заведовала у нас компьютерным классом.

– Это точно, – закивал Дейв. – Ну и распахивался он тогда! Потому что провалил экзамен. Я говорил ему, что я на его стороне, но на самом деле она предоставила ему шесть шансов пересдачи, даже оставалась с ним после уроков, но он все равно бесился. Он ее возненавидел. Его опять выгнали, а главное, после этого ему пришлось посещать летнюю школу.

– Мы над ним подшучивали, тыкали его носом в неудачу. Особенно Джо. В колледже, пока его оттуда не выперли, у него тоже был зуб на некоторых преподавателей, только я не знаю, на каких именно. Я поступил в Университет Нью-Йорка, и во время моей учебы мы мало виделись.

– Есть еще одно обстоятельство. Ему нужны деньги или что-то, что можно продать за хорошие деньги. У кого-нибудь из тех, кого вы назвали, водятся серьезные деньги? Или что-то ценное в доме?

– Марлен стала зашибать деньгу. Манекенщицы вообще как сыр в масле катаются, а тут еще ее парень – говорят, он богаченький. – Мэл наморщил лоб. – Мы всегда считали богачом Шумахера. А если он возьмется за нашу шайку, то далеко идти не надо: Джо любит покупать дорогие вещи. Деньги у него не задерживаются – все спускает на дорогие покупки.

– Модник, каких мало. Всегда таким был. И вообще гаденьш. – Миссис Голд не дала сыну заступиться за друга.

– Так и есть, – поддержал ее Дейв. – Если разобраться, то с ним непросто дружить. Да, еще сама Фарнсуорт. – Дейв улыбнулся, радуясь своей догадливости. – Все говорили, что она женщина состоятельная.

– Верно. – Миссис Голд назидательно подняла палец. – Если не ошибаюсь, от отца у нее осталось целое состояние. Он умер молодым. И муж у нее был небедный. Он погиб в автокатастрофе лет шесть-семь назад. Я еще послала ей открытку с соболезнованием. Вот у кого есть деньги – или были. Она всегда щеголяла в шикарных туфлях. Предпочитала высокое качество. Дарила школе компьютеры.

– Этого я не знал, – подал голос Мэл.

– Ей не было свойственно хвастаться. Но у меня тонкий слух.

– И уши как у летучей мыши, ма.

– Уши как уши. Ничего не пропустят, – отрезала миссис Голд и подмигнула.

– Я забыл еще одного – моего старшего брата Джима, – сказал Дейв и потер себе ладонями щеки. – Вот кто не выносит Джерри! Всегда не выносил, называл его «цветком в унитазе» – вы уж извините, миссис Голд, но так уж говорят. Сам Джим небогат, но у него все в порядке. Он живет в Бруклине со своей девушкой, через год они поженятся. Однажды Джим ему

врезал – Джерри сказал что-то обидное про его тогдашнюю подружку. Помнишь Натали Сиссел, Мэл? Ну, Джим и засветил ему промеж глаз. Врезал – и ушел. Очень унижительно, ведь он позволил Джерри нанести первый удар, а потом свалил с ног. Прямо перед пиццерией Винни, у всех на виду. Надо будет предупредить Джима!

Дейв вскочил и, вооружившись коммуникатором, выбежал из комнаты. Мэл, морщась, проводил его взглядом.

– Думаете, он действительно набросится на кого-нибудь еще? Неужели сделает еще с кем-то то же, что со своими родителями и Лори?

– Думаю, вам правильнее оставаться здесь. Приглядывайте за матерью. Если он с вами свяжется, попадетсЯ вам на глаза – немедленно сообщите мне.

Она достала портрет.

– Он изменил внешность. Теперь он приблизительно такой.

– Ничего себе! Совсем другой.

– Вот именно. – Ева встала. – Если вспомните еще кого-то или что-то – звоните мне. В любое время. Посетит среди ночи какая-то мысль – сразу за коммуникатор. Все это не шутки, Мэл.

– Я заверну вам печенье.

Ева собиралась отказаться, но поймала себя на том, что печенье ей нравится, к тому же миссис Голд выразительно ей подмигивала.

– Спасибо. Сейчас вернусь и заберу. – И она последовала за матерью Мэла на кухню образцовой чистоты.

– Он все равно не скажет вам, если Джерри появится. – Говоря, миссис Голд складывала печенье в прозрачный контейнер. – Он преданный друг и еще не до конца во все это поверил. Хороший мальчик, хороший друг. Но меня он не подведет, мне-то он все скажет. Так что обещаю: если этот цветок в унитазае – в своем доме что хочу, то и говорю – появится на горизонте, вы сразу об этом узнаете. Если Мэл увидит, что мне страшно, то обратится к вам. Уж я постараюсь, чтобы он решил, что я помираю от страха.

– На самом деле вы бесстрашная.

– Я смогу за себя постоять. И с этим паскудником справлюсь, будьте уверены. Я не подпущу его к моему мальчику.

– Вы – счастливая мать, а он – счастливый сын.

– Вы правы. Ешьте печенье! – Она сунула Еве контейнер. – Вам можно не бояться лишних калорий.

На улице Ева остановилась и задумалась.

– Джим, брат Дейва, надрал ему задницу. Он захочет поквитаться, но Джим сильнее его. Значит, он подберется к нему хорошо вооруженным. Чего доброго, похитит его невесту. Надо быть к этому готовыми. Бейсбольный тренер? Возможно, в этом что-то есть, недаром его любимое оружие – бейсбольная бита.

– А модель? – подсказала Пибоди. – Уязвленное самолюбие, как и в случае с бывшей подругой. К тому же у нее водятся деньги.

– Верно, одно из первых мест в списке. Еще учительница. Он потерял из-за нее целое лето, она ткнула его в грязь лицом, да еще при деньгах. Живет одна. Разбирается в компьютерах. Такая может сделать добротный фальшивый ID.

Многовато кандидатов, подумала Ева. Он может начать с любого.

– Придется проверить их всех.

– Всех?

– Займемся Бруклином. Пусть парочка копов наведается к брату Дейва и к его невесте. Ты сама навести Шумахеров. Это тут, за углом. Я распределю остальных.

Ева вызвала по коммуникатору Дженкинсона.

– Ищем Рейнхолда. Максимальные усилия. Записывай имена и адреса.

– Диктуйте, босс.

– Марлен Уизлет, – начала Ева и отбарабанила весь список. – Отправь к каждому двоих. Пусть каждого повидают и с каждым потолкуют. Джеральд Рейнхолд ищет следующую жертву, возможно, он ее уже определил. Эти люди должны принять меры предосторожности. Лучше убедить их согласиться на охрану.

– Всех?

– Всех. Мне нужно знать, слышали ли они что-то о Рейнхолде. Внимание к любым отклонениям в их поведении. Всем сосредоточиться на Рейнхолде!

– Будет исполнено, лейтенант.

– Доложите об исполнении.

Ей навстречу уже торопилась Пибоди.

– С Шумахерами все в порядке. Когда я уходила, они вызывали внука, он отслужил в армии. Полиция Бруклина отправляет наряд к брату Джиму

и его девушке.

– Вот и хорошо. А мы займемся учительницей информатики. До нее недалеко. Проверку остальных организует Дженкинсон.

– Вот ее адрес. Может, сначала позвоним?

– Валяй, – разрешила Ева, садясь в миашину. – Предупреди ее, что мы едем.

Пожилая женщина, размышляла Ева в дороге. Живет одна. С ней легче справиться, чем с мужчинами. Семейные деньги. Без денег не получится сладкой жизни. Интернет-инструктор.

– Не отвечает, – доложила Пибоди. – Сразу включается голосовая почта.

Ева, подчиняясь чутью, увеличила скорость.

– Звони тренеру и модели, – приказала она. – Пусть будут начеку. Предложи защиту. Потом перейдем к остальным именам, названным Мэлом и Дейвом. Но сначала – Фарнсуорт.

Чутье не позволяло ей медлить, поэтому она не стала искать, где парковаться, и оставила машину во втором ряду.

– Хороший дом. Рядом соседи, но все равно уединенно. Черт, идеальная мишень! Лучше не придумашь!

Она толкнула калитку и побежала к двери. Пибоди у нее за спиной быстро говорила в коммуникатор.

Длинные звонки, стук в дверь. Тревожное чувство сменилось тошнотой.

– Система охраны не включена. Если она отлучилась, то почему не включила охрану? Загляни к соседям слева, узнай, не видели ли они Фарнсуорт. Я займусь теми, кто справа.

Ева поспешила к соседнему дому, позвонила в звонок. В интеркоме зазвучал женский голос:

– Чем вам помочь?

– Полиция, мэ. – Ева поднесла к сканирующему устройству свой жетон. – Лейтенант Даллас, Управление полиции Нью-Йорка. Я ищу вашу соседку, миссис Фарнсуорт.

Дверь открылась. Перед Евой предстала всклокоченная особа в ярком красном спортивном костюме и в толстых полосатых носках. Глядя на Еву сонными глазами, она переключивала с одной руки на другую сверток в синем одеяле. Ева услышала хныканье, но не сразу сообразила, что это младенец.

– Почему вы ее ищите?

– Надо кое о чем поговорить. Она не открывает дверь и не отвечает на

звонки. Не скажете, когда вы видели ее в последний раз?

– Кажется, вчера вечером. Я вставала покормить Колина, а она выгуливала Снаффи.

– Снаффи?

– Своего песика. Очаровательная собачка. Я видела, как она выходила из дома со Снаффи часов в одиннадцать вечера.

– А сегодня вы ее не видели?

– Не припомню. Брэд кормил малыша утром, как раз когда ей положено снова выйти с собачкой. Минутку, – она шагнула назад и запрокинула голову. – Брэд!

Раздался стук и громкое «ой!». Женщина прыснула.

– Свалился с кровати, – объяснила она Еве. – Колину всего три недели, и мы уже три недели толком не спим. Оба в отпуске по уходу за новорожденным.

К женщине присоединился мужчина – помятый, заспанный. Он растирал ушибленный локоть.

– В чем дело?

– Полиция. Ищут миссис Фарнсуорт.

– Зачем?

– У меня к ней разговор, – сказала Ева. – Видели ее сегодня?

– Я света белого не вижу. – Он потер глаза. – Кажется, нет. Разве она не должна была принести суп?

– А что, мы ждали ее сегодня? – Женщина, раскачиваясь, прислушивалась к писку из одеяльца. – Действительно. Ум за разум заходит! Она хотела угостить нас супом по рецепту своей бабки. Она такая хорошая: всегда спрашивает, как мы с Колином, заносит нам продукты, посылает своего дроида узнать, не нужно ли нам чего.

– Я вроде бы видел ее дроида.

Ева переключила внимание на счастливого папашу.

– Ее дроида?

– Да. Я недавно выходил, просто пройтись, подышать свежим воздухом. Смотрю, ее дроид тащит электронику. У нее этого добра навалом, она же преподавала компьютерные технологии.

– Что-то случилось? – спросила женщина.

– Не выходите из дома!

Ева метнулась назад в тот момент, когда Пибоди отошла от двери соседей по другую сторону от дома.

– Они весь день ее не видели, – начала Пибоди. – У нее собака, она ее регулярно выгуливает, но сегодня... Черт! – Пибоди осеклась при виде

универсального ключа Евы.

– У нее есть дроид. Сосед видел, как он уносил ее электронику. Запись включена.

– Черт! – повторила Пибоди, выхватывая пистолет.

Они ворвались в дом – Ева справа, Пибоди слева.

– Миссис Фарнсуорт! – позвала Ева, осматриваясь на первом этаже. – Полиция!

Она увидела пустые места на полках и на столиках, где раньше явно что-то стояло, увидела разгром на кухне. На первом этаже не осталось ни одного компьютера, ни одного коммуникатора.

Они еще не начали подниматься, а чутье уже подсказывало ей, что они опоздали.

Почувствовав запах мочи и смерти на втором этаже, она жестом приказала Пибоди свернуть вправо, а сама бросилась влево, в кабинет.

Только начало остывать, подумала она, дотронувшись до тела. Еще одна ужасная, уродливая смерть, еще одно ее опоздание, неспособность предотвратить развязку.

Она взяла себя в руки и выпрямилась.

– Найдено мертвое тело, – сказала она в свой коммуникатор.

– На втором этаже никого, кроме... – Пибоди вошла со свертком, из которого слышался писк. Сначала Ева подумала, что это еще один младенец.

– Что за черт?!

– Он сидел под кроватью. Вхожу – слышу, скулит. Там было это одеяльце, вот я и решила его закутать. Он ранен, Даллас. Не знаю, насколько серьезно.

– В любом случае не так, как она.

– Это ее песик. Сосед сказал, что она выгуливала Снаффи несколько раз в день. Но не сегодня.

– Да. С прогулками покончено. Нам нужны следовательские наборы. Я уже сообщила о находке.

– Сейчас нужно как-то помочь Снаффи.

Ева взъерошила волосы. Она уже разглядела песика, боль в его ласковых карих глазенках.

– Что?

– Сейчас я попробую вызвать ветеринара. Он сильно мучается. Тише, Снаффи, – сказала Пибоди, выходя из комнаты. – О тебе позаботятся. Все будет хорошо.

Ева со вздохом вернулась к телу.

– Похоже, мы остались вдвоем. Жертва – белая женщина, – начала она запись.

Вернулась Пибоди с наборами.

– Куда ты дела собачонку?

– Мужчина из соседнего дома – молодой отец, с которым ты говорила, – вышел, увидев меня. У него есть знакомый ветеринар. Тот живет всего в двух кварталах отсюда. Сосед забрал Снаффи и побежал к нему.

Они обработали себе руки герметиком.

– Первый этаж твой, – распорядилась Ева. – Сегодня ее никто не видел, значит, он проник сюда вчера вечером, когда она пошла выгуливать собаку. Провел здесь много времени, где-то спал. Проверь, не оставил ли он чего-нибудь. Попробуй найти дроида. Что-то я его не заметила.

Ева продиктовала в коммуникатор данные погибшей и определила время смерти – сорок три минуты назад. Она опоздала меньше чем на час.

– Он провел с тобой всю ночь и почти весь день, – бормотала она. – Первым делом – удар по голове. – Она пощупала сквозь целлофан затылок убитой, изучила рану, запекшуюся кровь. – Это его манера. Ты выгуливала на ночь собаку. Он тебя подкараулил – как отца, как потом свою бывшую. Ты возвращаешься, отпираешь дверь. Он набрасывается сзади. В считанные секунды он проникает в дом и уже не спешит. Что он сделал: пнул собаку, отшвырнул ее, намеренно ранил?

Говоря, она обследовала тело.

– Он затащил тебя наверх. Это не просто так, ты грузная женщина, зачем было так утруждать? А-а, оборудование в твоем кабинете! Это твой кабинет: стол, кресло, диванчик. Ты преподавала информатику. Наверное, у тебя было хорошее оборудование.

Она пригляделась к крови, к ранам на запястьях и на лодыжках.

– Ты не сдавалась. Похоже, ты очень старалась. Он долго тебя не убивал – значит, ты была ему нужна.

– Даллас? Похоже, он спал в ее спальне. Я заглянула в мусорный бак в ванной. Там осталась упаковка от его покупок: средства для волос, для кожи. Еще волосы. Он стриг себе волосы.

– Понятно.

– Прибыли полицейские.

– Дай им портрет обновленного Рейнхолда. Пусть пользуются и фотографией из его ID, и этим портретом.

Пибоди кивнула.

– Думаешь, это он ее уронил? Могла она сама опрокинуться, пытаешься освободиться?

– Трудно сказать, но понятно, что она не хотела смириться. Ободрала себя в кровь в попытках избавиться от ленты.

– Соседи, с которыми я говорила, хорошо к ней относились. Ты и сама слышала. – Пибоди тяжело вздохнула. – Никакого дроида здесь, наверху, нет. Я поищу внизу, но как будто его нет и там.

– Он оставил его себе. Иметь дроида удобно: есть кому за тобой прибираться, выполнять твои поручения. Ему такое по нраву. Давай выясним, что у нее было. Да, еще надо выставить охрану.

– Она уже на месте. Он может сюда вернуться, Даллас: приятное место, большой дом, чем не штаб-квартира?

– А соседи? Денек-другой – и у них появились бы вопросы. Про нее, про ее собаку. К ней мог бы кто-то заглянуть. Нет, он уже забрал отсюда все, что хотел.

Пибоди мрачно взглянула на труп.

– Все из-за того, что он провалился на ее занятиях по компьютерных технологиям?

– Она его взбесила. Это все, что ему теперь нужно. И деньги. Зови полицейских, пускай приступают.

Ева опять включила свой коммуникатор.

– Слушаю, – сказал Фини.

– У меня очередной труп. Преподавательница информатики на пенсии.

– Она вlepила ему неуд?

– Вообще выгнала. Вот он ей и отомстил: сначала связал и на восемнадцать часов примотал к креслу, потом убил, надев ей на голову пакет. Заодно избил ее собачку.

– Вот гад!

– Да уж. У нее было много хорошей техники, но он все утащил.

И так обвисшее лицо Фини обвисло еще больше.

– Как мне тебе помочь? С чем работать?

– Я попробую выяснить, какая именно техника у нее была. Еще у нее водились средства. Это наверняка интересовало его больше всего.

– Хочешь, чтобы я искал деньги? Я могу.

– Он знает, что мы рано или поздно ее найдем, знает, что мы его вычислили. Она наверняка была мастерицей по интернет-переводу средств.

– Скорее всего.

– Она знала свое дело. Если он заставил ее перевести деньги, то подумал и о прикрытии. – Она глянула на разодранные кисти убитой. – Но она была не так проста. Наверное, позаботилась о том, чтобы его подловить. Твой специалист нащупает ее ловушки.

- Я – как раз такой специалист. Давай, что там у тебя есть.
- Фарнсуорт, – начала Ева, – Эдди Фарнсуорт.

Закончив с трупом, она занялась комнатой. Видимо, он провел здесь много времени, заставляя несчастную переводить средства со своих счетов. И делать ему новое удостоверение личности. Как-никак она была ветераном компьютерных технологий.

Ева зажмурилась. Здесь он изменил свою внешность – волосы, оттенок кожи, глаза.

– Он уже знал, что будет делать дальше. – Она повернулась к Пибоди, снова появившейся в дверях. – Наверное, он явился сюда прямо от своей бывшей. В его сумке лежало все необходимое: клейкая лента, веревка, нож, бита, одежда, косметические препараты. Убил бывшую, явился сюда, использовал Фарнсуорт, чтобы сделать себе новый ID и разжиться деньгами, потом убил и ее.

- Богатое местечко, – заметила Пибоди. – Сколько денег у нее было?

Коммуникатор Евы подал сигнал. Фини.

- Сейчас скажу. Даллас.

– У погибшей было почти четыре миллиона, не считая недвижимости, драгоценностей, произведений искусства и другого.

- Проклятье! Да он теперь богач!

– Все ее счета, которые мне удалось найти быстрым поиском, были сегодня опустошены.

– Ты же не порадуешь меня тем, что методом опустошения был простой перевод?

– Увы, нет, все гораздо хитрее. Но мы все равно найдем эти деньги. Пока что я знакомлю тебя с предварительными результатами.

– Спасибо. Он огреб большой куш, – обратилась Ева к Пибоди, разъединившись с Фини. – Ему хватило ума замести следы. Нам остается надеяться, что она оказалась умнее его, мы тоже. Но в эту минуту он чувствует себя богачом.

- С такими бабками можно делать ноги.

– Не думаю. – Слишком он наслаждается своим успехом, выигрышем с огромным счетом! – Ему захочется еще. Зачем убегать, когда у тебя удачная полоса? Но он необязательно будет торопиться. Следующее убийство может быть совершено и без денежной подоплеки.

- Список длинен, Даллас.

– Мы со всеми свяжемся и каждого спросим, кого еще добавить в наш список. Если кому-то из них понадобится защита, мы ее предоставим. Я

найду в бюджете средства.

– В кухне у него, судя по всему, случился приступ бешенства.

– Я видела.

– Какой-то кошмар! Битая посуда, все покорежено, всюду осколки стекла, остатки еды. Что могло так его расстроить?

Ева бросила последний взгляд на тело.

– Надеюсь, она. Он хотел, чтобы она мучилась. Потренировался на своей бывшей, как этого добиться. Это важная часть удовольствия, это позволяет ему почувствовать свою силу, это вершина расплаты. Он долго не позволял ей умереть. Так же он поступит и со следующей жертвой, надо же будет доставить себе удовольствие!

Она уже выходила, но ее остановил взбежавший вверх по лестнице полицейский.

– Лейтенант, один свидетель говорит, что он видел мужчину, отвечающего приметам с портрета.

– Давайте его мне.

– Есть. Чистильщики уже подъехали.

– Пусть приступают.

Выйдя на улицу, она увидела, что ее машина, оставленная во втором ряду, в сочетании с патрульным автомобилем и фургоном чистильщиков вызвала на улице тугую пробку. Не обращая внимания на оглушительные гудки и на бодрую ругань водителей, она подошла к пареньку лет шестнадцати в куртке из искусственной кожи и высоких воздушных сапогах. Зачесанная на одну сторону копна каштановых волос обнажала целый выводок клипсов у него в ухе. Неужели не больно буравить в такой глубине?

– Лейтенант Даллас. Как твое имя?

– Икс.

– Тебя зовут Икс?

– Как Ксавье. Знаете Ксавье Пака? Я – Икс.

– Что ж, Икс, так ты его видел?

Парень опять покосился на портрет и пожал плечами.

– Типа того. Я живу вон там. – Он указал на противоположную сторону улицы. – Я как раз возвращался из магазина. Ходил за шипучкой и прочей фигней. Гляжу – тащится этот тип, хромой такой, тянет два чемодана на колесиках.

– Он хромал?

– Ага, вот так. – Парень показал, как двигался незнакомец. – Та еще картина! Зато прикид что надо.

– Опиши его прикид.

– Клевая куртка – похоже, натуральная кожа. Больше я ничего не заметил, кроме хромоты. Да, еще классная обувь. – Он наморщил нос, напрягая память. – Тоже кожаная. И не два чемодана, а чемодан и сумка. Сумка что надо. А чемодан помятый, а главное, красный! Что за цвет для мужика? Не катит. Был у меня такой, так я его сплавил.

– Хромота, хорошая одежда, сумка и красный чемодан на колесиках.

– Ага, здоровенный красный сундук.

– Какие у него были волосы? Длинные, короткие? Какого цвета?

Парень почесал в затылке.

– Короткие. Не такие, как у вас, но короче моих. Кажется, блондин. И, кажется, с бородкой. – Он задумался, что, как видно, было ему не свойственно. – Знаете, с такой нашлепкой, – он указал на свой подбородок. – Я почему его заметил? Из-за его куртки и потому, что он прыгал, как будто ему было очень больно.

– Он шел туда?

– Да, туда. – Он перевел взгляд на дом Фарнсуорт. – А что с миссис Фарнсуорт?

– Ничего хорошего.

– Что?!

Слухи все равно не остановишь. Ева решила сказать правду.

– Она мертва. Мы подозреваем в убийстве человека, которого ты видел.

Из уличного забулдыги он мигом превратился в испуганного мальчишку. В глазах появились слезы.

– Быть того не может, – пробормотал он испуганно. – Вот черт! Нет, только не это!

– Мне очень жаль. Ты был с ней знаком?

– Миссис Ф.? Ну и ну! Миссис Ф.? Она клевая тетка, чтоб вы знали! Она подтягивает меня по компьютерам. Они мне не слишком даются, но она молодчина. Этот хромой хмырь ее грохнул? Я должен был его остановить, что-то сделать!

– Ты и делаешь: говоришь со мной, рассказываешь, что видел. Это поможет нам его схватить.

– А где ее псина? Где Снаффи?

– У ветеринара, – сказала Пибоди.

– Ранен, что ли? Ну, вообще! Она от своего песика без ума.

– О нем позаботятся.

– Пойду-ка я предупреджу свою мать. Пойду домой.

– Ступай. – Ева достала карточку. – Вспомнишь еще что-то – звони мне.

– Она мухи не обидела! Что за хрень? Такая безобидная! – Парень сунул Евину карточку в карман и побежал через улицу.

– Может, один обиженный ею все же нашелся – Рейнхолд. Ищи его такси, Пибоди!

– Уже ищу. – Пибоди, говоря в коммуникатор, торопилась вместе с Евой к машине.

– Офицер!

Ева остановилась, поджидая молодого папашу.

– Лейтенант, – подсказала она.

– Простите. Они оставили Снаффи у себя по меньшей мере на одну ночь. Я подумал, что вам может понадобиться имя ветеринара, и взял его карточку.

– Спасибо.

– Миссис Фарнсуорт действительно?..

– Да, как ни печально. Я не спрашивала, как вас зовут.

– Брэд Питерс. Это было ограбление?

– Не совсем.

– Она была очень добра к нам. Мы переехали сюда, когда Марго забеременела. Ее семья живет далеко, в Сент-Поле, и нам повезло, она была нам прямо как мать. Сам я ничего не видел и не слышал, мы заняты только ребенком.

– Вы бы ничего не смогли сделать.

– Можно нам забрать собаку?

– ?

– Она души в нем не чаяла. – Как и паренек, он был близок к слезам. – Не хочу, чтобы Снаффи угодил в приют как бездомный. Мы оплатим счета ветеринара. Он нас знает и любит. Они с ней были не разлей вода. Представляю, как он будет по ней скучать.

– Посмотрим, что можно сделать. У нее могут оказаться родственники или наследник, тогда потребуется их разрешение.

– Ладно. Но пока что мы о нем позаботимся. Нельзя, чтобы он попал в приют, где все чужие. Он был ее семьей.

Ева вспомнила кота Галахада.

– Я постараюсь, чтобы после ветеринара он попал прямо к вам, если его не затребуют ее родственники.

– Спасибо. Пойду расскажу обо всем Марго. Прямо не знаю, как такое могло произойти. Под самым нашим носом...

«Такое происходит всюду, – думала Ева, провожая его взглядом. – Как только заводится такой Джерри Рейнхолд».

– Такси, – повторила она Пибоди.

– Они как раз проверяют. Слишком много клиентов.

– Пусть проверят машины, отвозившие клиентов в травмпункт, в больницу, к врачу. Поблизости отсюда, западнее. Пассажир хромал, испытывал боль. Наверное, ему чем-то придавило ногу. Вдруг погибшая сумела уронить на него кресло вместе с собой? Хотелось бы так думать.

– Мне тоже. – Пибоди повторила в коммуникатор полученное уточнение и через полминуты крикнула: – Готово! Машина компании «Вэрик энд Лейт» подвозила пассажира до отделения экстренной медпомощи на Черч-стрит. У пассажира было два места багажа.

– Живо туда!

Вдруг он еще там, ждет своей очереди на осмотр? Она с трудом поборолла желание рвануться, не разбирая дороги и перелетая через дорожные пробки, но все равно несколько раз заставляла Пибоди вскрикивать от страха.

– Хочешь, чтобы мы тоже здесь оказались? – крикнула напарница, выскакивая вслед за Евой из брошенной во втором ряду машины.

Ева, не отвечая, ворвалась в просторный и, увы, безлюдный приемный покой. Сейчас она предпочла бы увидеть здесь толпу увечных. Она предъявила дежурной жетон и знаком приказала Пибоди показать портрет.

– Он здесь?

Дежурная хмуро посмотрела на Еву и на рисунок.

– Нет. Но был.

Ева чуть не задохнулась от разочарования.

– Когда он ушел?

– Примерно час назад. Да, час.

– Вам известно, куда он отправился и каким транспортом?

– Нет. Вышел, и все. А что?

– На что он жаловался?

Дежурная вскинула голову.

– Я не имею права разглашать информацию о пациентах.

– Имя! Его имя!

Дежурная проверила запись в компьютере.

– Он назвался Джоном. Когда нет страховки, больше ничего не требуется. Он заплатил наличными.

– Я хочу увидеть его врача. Немедленно!

– Присядьте, я проверю...

– Я сказала: немедленно! – Ева навалилась на стойку. – Только что я отправила в морг учительницу-пенсионерку. Вы оказали помощь человеку, который в этом виноват. Из ваших слов вытекает, что я отстаю от него на час. Не собираюсь тратить время на споры. Либо вы выводите мне врача, который ему помогал, либо я устраиваю скандал.

– Подождите! – Дежурная сорвалась с места и исчезла за углом. Не прошло и минуты, как она вернулась, ведя за собой высокого худого азиата в просторном белом халате.

– В чем дело?

– Дело в убийстве. Этот человек убил четверых. Мне надо узнать, с чем он обратился, что вы сделали, что он говорил. И подробно!

Врач молча поманил ее в маленький кабинет с роскошной пальмой в горшке под ложным окном.

– Пациент подозревается в убийстве?

– В нескольких убийствах. Мне надо знать, кем он назвался, какие у него повреждения, какую помощь он получил, назначено ли дальнейшее лечение.

– У вас нет ордера.

– Зато есть четыре трупа. Но можно и ордер. Пибоди!

Врач махнул рукой.

– Он не назвал свое полное имя. Просто Джон. Форму соблюдения приватности заполнять не стал. У него перелом двух плюсен на правой ноге и трещина клиновидной кости.

Он взял планшет, щелкнул по паре клавиш и показал Еве схему человеческой ступни.

– Два сломанных пальца и трещина вот здесь, перед сводом?

– В общем, да. Сделать здесь можно мало что, только перевязки, болеутоляющие, отдых. У него также небольшой ушиб диафрагмы, без внутренних повреждений. Я отпустил его, поскольку он вполне способен передвигаться самостоятельно и при приеме болеутоляющих не испытывает сильных неудобств при ходьбе.

– Вы не дали ему никаких рекомендаций?

– Он отклонил все мои предложения. Сказал, что куда-то едет. Он пришел с двумя чемоданами. Якобы на пересадочном узле ему на ногу уронили тяжелый чемодан, он споткнулся об него, отсюда удар в диафрагму. Сначала думал, что просто ушиб ногу, но потом решил обратиться за помощью. Он заплатил наличными за осмотр, обработку, препараты, перевязку и гибкую шину.

– Это быстро заживет?

– Бывает по-разному. Если ежедневно менять повязку и давать ноге максимальный отдых, то это вопрос нескольких дней. Но может затянуться и на пару недель. Первая помощь – самая интенсивная.

– Да, знаю это на собственном опыте. Если он вернется для продолжения лечения, свяжитесь со мной. Он ничего не должен знать. Задержите его, затяните лечение. Он склонен к насилию и опасен: убивает, не колеблясь.

– Надеюсь, он больше не появится. К нам часто приводят детей.

– Пусть сидит и ждет своей очереди. Вызывайте меня. Об остальном позабочусь я сама.

На улице Ева пнула покрышку своей машины.

– До чего везучий! Ему сумели быстро помочь. Угодил бы в лапы к дилетантам, да еще прождал бы в очереди вместе с оравой калек – глядишь, прошел бы час, тут мы бы его и...

Она еще раз пнула покрышку, обошла машину и села за руль. Тут же началась какофония гудков.

– Такси! – снова бросила она.

– Уже ищу! – ответила Пибоди.

Поручив Пибоди продолжать искать такси, на котором укатил Рейнхолд, Ева бросилась к себе в кабинет. Ей надо было обобщить имеющиеся сведения, Пибоди – продолжать нескончаемые звонки.

Составив отчет, она налила себе кофе, села и уставилась на монитор.

Сначала родители, потом бывшая, потом учительница.

В его системе не было ни хронологии, ни градации интимности, ни принципа денежного выигрыша – иначе, зная о состоятельности Фарнсуорт, он пришел бы после родителей к ней, а не к Лори.

Или он руководствуется степенью своей обиды? Кто сильнее его оскорбил, тот и расстается с жизнью первым? А может, все дело в простоте доступа?

Она принудила себя вернуться в начало. Первое убийство. Мать. Порыв. Приступ злобы, оказавшееся под рукой орудие убийства.

Второе убийство: умысел, засада, выбор оружия.

Третье: план, засада, приобретение оружия, элементы пытки.

Четвертое: план, засада – вероятно, была и она; неясность с орудием убийства – подручное или принесенное с собой? Более изощренные пытки, использование жертвы с целью наживы и, очень возможно, для изготовления фальшивого ID.

В каждом случае – особое орудие убийства, при этом применение биты в трех случаях из четырех, клейкой ленты и веревки в двух последних.

Все четверо убиты по своему месту жительства.

Он будет придерживаться этой системы, решила она, но проверила на компьютере обоснованность своего умозаключения. Станет ли он пачкать свое гнездо, если его совет? Кажется, ему нравится убивать людей там, где они чувствуют себя в безопасности. Рыться в их вещах, есть их еду.

Не повышает ли это степень унижения его жертв?

– Важность места, – сказала она вслух.

Потом услышала цокот каблучков Пибоди и отъехала от стола.

– Что-то узнала?

– Насчет электроники. К нам пришла женщина, она работает в ломбарде в пяти кварталах от дома Фарнсуорт. Сейчас она сидит у меня. Сказала, что приняла компьютеры, номера которых совпадают с номерами компьютеров убитой. Я проверила, так и есть.

– Я с ней поговорю. Отправь за техникой Макнаба или любого

другого, кого сможет отрядить Фини.

Чернокожая девушка – на взгляд Евы, почти подросток – ерзала в кресле и кусала ногти. Тощая, волосы в мелких косичках, красная куртка, линялые джинсы.

– Хуана Принц, – представила ее Еве Пибоди. – Познакомься, Хуана: лейтенант Даллас.

– Хуана?

– Я была обязана вам сообщить. Это же закон, да?

– Давай, сообщай.

– Я работаю в ломбарде мистера Ринскита. Появляется дроид – сами знаете, их всегда можно раскусить, даже самых хороших.

– Знаю-знаю.

– Дроид приносит три компьютера со всей периферией. Немного покоцанные, но мы и не такие принимаем. Мне положено проверять принятый товар, ну, я и увидела предупреждение. Я говорю мистеру Ринскиту: как сообщить? Он мне: не суйся не в свое дело. Я ему: вот же предупреждение, вдруг они ворованные и нужны полиции для следствия? А он мне: заткнись, мол, прими товар и забудь, если не хочешь вылететь на улицу.

– Ты правильно поступила. Ты видела дроида раньше?

– Нет, мэм. Но я подумала: вдруг мистер Ринскит вам не сообщит? Я бы заткнулась, но компьютеров-то целых три, и они совсем не барахло. Тут не промолчишь. Он должен узнать, что я его не послушалась?

Она опять стала грызть ногти, посверкивая встревоженными черными глазами.

– Если он узнает, что я поступила ему наперекор, то наверняка меня уволит. Я останусь без работы.

– Она тебе нравится?

– Чему там нравится? – усмехнулась девушка. – Дрянь, а не работа. Но где-то надо работать.

– Подожди минутку.

– Макнаб и двое полицейских едут за вещдоками, – отрапортовала Пибоди.

– Хорошо. Выпиши Хуане чек: сотня за уведомление полиции.

– Будет сделано.

Ева жестом попросила Хауну подождать еще чуть-чуть и включила коммуникатор. Вместо администратора Рорка на связь вышел он сам.

– Привет.

– И тебе. Я уже уезжаю с работы.

– А я нет. У меня новый труп, три ворованных компьютера, которые могут помочь проследить перевод денег со счетов убитой убийце, и еще одна небольшая забота.

– Компьютеры – это по моей части. Я бы не прочь расслабиться. Хочешь, приеду?

– Хотела бы, но пока что этим займется Фини.

– Жаль. Ну что ж, что за небольшая забота?

– Это как раз причина моего звонка. Можешь пристроить кое-кого на работу?

– На какую именно?

– В том-то и дело, что не знаю. Просто хочу, чтобы ты принял кое-кого на работу.

Он приподнял брови.

– Хочешь, чтобы я принял неизвестно кого на неизвестно какую работу?

– Что толку от того, что на тебя работает половина планеты, если ты не можешь ответить: «Я беру эту девочку»?

– Девочку?

– Двадцати лет с небольшим. Честная, открытая. Ее выгонят из ломбарда за то, что она заявила о краденых компьютерах, но она все равно пришла. Аккуратная, вежливая. Главное – честная. Наверняка у тебя что-то найдется. Лучше бы в Нижнем Уэст-Энде.

– Ева, – он вздохнул. – Ладно, пусть свяжется с Кайлом Пруэттом. – Он продиктовал координаты.

– Кто это?

– Один из сотрудников нашей кадровой службы. Ей придется пройти проверку и собеседование, но Кайл так или иначе что-нибудь для нее подыщет. Напиши мне о ней, я ему передам.

– Отлично! Сейчас пришлю. Я перед тобой в долгу.

– Естественно. – Он улыбнулся. – Я еду к тебе. К Фини я загляну сам. Она удовлетворенно повернулась к Хуане.

– Пибоди, у тебя есть все сведения о Хуане?

– Так точно.

– Отправь Рорку. – Она пресекла взглядом возможные вопросы. – Хуана, тебе надо кое-что записать.

– Конечно, мэ.м.

– Лейтенант, – подсказала Ева, глядя, как Хуана вооружается видавшим виды коммуникатором.

– Конечно, мэм, госпожа лейтенант.

Так-то лучше.

– Кайл Пруэтт, – продиктовала она. – Свяжешься с ним, он будет в курсе. Он поможет тебе найти работу.

Хуана подняла голову от коммуникатора и заморгала.

– Работу?

– Мы арестуем твоего босса на трое суток. Найдем еще краденое – сядет на дольше. Ему не избежать штрафа, а то и обвинения в уголовном преступлении. Если он не законченный идиот, он узнает, что ты его выдала. Не возвращайся туда, лучше ступай по адресу, который я тебе дала. Будь там такой же честной, как здесь. Если в твоём прошлом есть проступки, не скрывай их. Ты когда-нибудь подвергалась аресту?

Темные глаза расширились.

– Что вы, мэм, сэр, госпожа лейтенант! Мать бы меня отдубасила!

– Звони туда. И спасибо, что пришла.

– Детектив Пибоди дала мне этот чек. Я не знала, что за донесение платят. Я пришла не за деньгами, но они, конечно, пригодятся. Как и работа. – Она встала и протянула Еве руку. – Спасибо за помощь. Мама говорит, что хороший поступок – награда сам по себе, но все равно будет довольна. Перед ужином в День благодарения мы произнесем особую благодарственную молитву. Спасибо вам обеим. Побегу домой, порадую ее.

– Два хороших поступка, – сказала Пибоди, когда за Хуаной закрылась дверь.

– Это может нам здорово помочь – а все благодаря ей. – Ева преградила путь Бакстеру, не позволив ему выйти. – Куда торопишься?

Он, нахмурившись, поправил узел галстука.

– Смене конец, впереди горячее свидание.

– Смена продолжается, тебе придется остыть, как и твоей подружке.

– Невезуха! – Он поднял глаза к потолку. – Счастье было так близко!

– Пибоди, раздели список возможных мишеней по географическому принципу.

– Это все возможные жертвы Рейнхолда, лейтенант? – спросил Трухарт у нее из-за спины.

– Они самые. Здесь люди, когда-либо злившие Рейнхолда. Любой из них может оказаться следующим. Все они будут оповещены, всем будет предложена охрана.

– Хотите превратить нас в нянек? – спросил Бакстер.

– Нет. Пока что он прикончил четверых, всех – у них дома. Остальных надо лично опросить в их жилищах и предоставить подробные доклады об

условиях проживания, подступах, безопасности, ритме жизни. Внимание к нетяжелым ценным вещам, особенно к электронике. Если они назовут еще кого-то, кто не внесен в наш список, я хочу знать эти имена. Покажите всем портрет преступника. Если кто-то живет не один, побеседовать с домочадцами, показать портрет и им. Если он еще не выбрал следующую жертву, то занят выбором прямо сейчас.

– Список длинный? – поинтересовался Бакстер.

– Повторяю, твоей подружке придется поостыть. Не можешь ее усмирить – твои проблемы.

Он хмыкнул.

– Усмирение – моя специальность.

– Берите всех севернее Сохо, – распорядилась Ева. – На нас с тобой, Пибоди, будет Сохо и то, что южнее. На тебе, Бакстер, будет манекенщица – считай это утешением.

– Ну, хоть так!

– Рассылаю ориентировки на ваши компьютеры, – сказала Пибоди.

– Мне нужны подробные рапорты, – повторила Ева. – Давай поделим наших. Прежде чем приняться за своих, я загляну к Моррису. Если тебе нужна помощь, возьми полицейского в форме.

– Понятно. Получай свой список.

– Действуй! Я посоветуюсь с электронщиками и нагоню тебя. В случае чего вызывай.

Ева забежала в свой кабинет, схватила пальто и папку и, не допуская даже мысли о лифтах, поехала на эскалаторах в отдел Фини.

Видимо, мысль воспользоваться эскалаторами посетила в этот момент еще добрую половину сотрудников Управления.

Прежде чем она укрылась в тихом кабинете Фини, ей по нервам успел ударить грохотом и безумием красок его сумасшедший отдел.

– Перед выездом на дело мне потребовалось благословение.

– Естественно, дочь моя.

На его мониторах находилось одновременно не менее шести программ – служба в его часовне была в самом разгаре.

– Говоришь, этот подонок не закончил компьютерный класс?

– Именно так.

– Что ж, он усвоил достаточно, чтобы заставить ее замести его следы. Сколько ни бьемся, все без толку. Это не просто офшорные, а инопланетные счета, до которых мы пока еще не добрались. А когда доберемся, нас ждет разочарование: они будут номерными и защищенными. Рано или поздно мы отыщем деньги, но не жди реквизитов

его ID в этом десятилетии. – Взгляд печального бассет-хаунда. – Пока что мы стреляем «в молоко».

Ева засунула руки в карманы.

– Не хочу оставить его адвокатам ни малейшей возможности его отмазать, когда мы его поймаем.

– Некоторые адвокаты – серьезные противники, – напомнил он и пожал плечами. – Спроси Рорка, он расскажет.

Вот кто знал все лазейки! При неимении таковых он изобретал свои.

– Еще он любит помогать твоим психам.

– Полезный помощник, – сказал Фини с улыбкой. – Когда Макнаб притащит компьютеры, я сам займусь ими в лаборатории. Кто знает, вдруг с ними нам повезет больше?

– Если повезет, дай знать мне, – попросила Ева. – Какой ты шустрый! – сказала она вошедшему Рорку.

– Повезло с трафиком. – Его элегантный темный костюм и пальто резко контрастировали с многоцветным мельтешением у него за спиной. Его сумасшедшие голубые глаза уперлись в мониторы. – Это мне знакомо: многосменный прогон, перекрестные воронки, боковые погружения.

– Точно, – сказал Фини. – И это еще не все.

– Значит, позабавимся.

– Ну и веселись, – сказала Рорку Ева. – Я в морг, потом на беседы с потенциальными жертвами.

Что-то в этой программе не заметно приема пищи, подумал Рорк, глядя в ее усталые глаза.

– Я с тобой.

– А как же веселье? – хмуро буркнула она.

– Буду веселиться удаленно. Повоюем сразу на двух фронтах. Захочешь – пришлешь мне задание, – сказал Рорк Фини.

– Пришлю. Только дождись возвращения Макнаба.

– Он уже вернулся, – сообщил Рорк. – Я столкнулся с ним по пути. Он зарегистрировал вещественные доказательства, прежде чем нести их в лабораторию.

– Можем отдать тебе один вещдок из трех. Посмотрим, что ты сможешь из него выжать.

– Отлично. Встретимся в гараже? – обратился Рорк к Еве.

– Я подожду. – Она отошла в сторону, достала свой коммуникатор и стала оповещать людей из своего списка о скором визите.

Последнее оповещение было сделано тогда, когда она заторопилась следом за Рорком, уносившим в гараж опечатанный компьютер.

- Когда ты так одет, в тебя могут влюбиться все наши сотрудницы.
- Ты подашь им пример?

Не ответив, она набрала код и открыла дверцы его машины.

- Как ты намерен работать, ведя машину по Нижнему Манхэттену?
- Очень просто: поведешь ты.

Он снял с компьютера печать, вынул из кармана флеш-карту, вставил ее в порт, соединил компьютер со своим. Она тем временем выехала из гаража и влилась в безумный трафик.

- Ты устала, – сказал он.

– Ничего подобного.

– Устала. Это очень заметно, а почему? Потому что после завтрака у тебя во рту маковой росинки не было.

– Я съела печенье. У меня есть целая коробочка печенья. Черт, я забыла ее в кабинете! Как жаль!

- Я о настоящей еде, – сказал он.

Она не смогла припомнить, ела ли.

- Поем, когда вернемся домой. Спасибо за заботу, мамочка.

Он в отместку ткнул ее пальцем в бок и включил бортовой коммуникатор.

– Автомат! – скомандовал он. – Протеиновый коктейль, двенадцать унций, шоколад.

- Принято. Начат выбор.

– Это ты кому?

– Сейчас увидишь. Раз моя жена морит себя голодом, то...

– Выдача.

Он снял ремень безопасности и потянулся назад. Она услышала тихий гул, щелчок и уставилась в зеркало заднего вида, но ничего не смогла рассмотреть.

- Где это? Как оно работает?

– В стойке заднего сиденья. Уменьшенная модель. – Он подал ей коктейль. – Самое примитивное меню: пара вариантов коктейлей, кофе.

– Кофе?!

Он бросил на нее негодующий взгляд.

– Наверное, это любовь.

– Кофе! – повторила она.

– Протеиновые плитки. Ты клялась, что прочтешь руководство.

– Я прочла. Почти целиком. Ну, частично. Ну, немножко, – созналась она и выпила коктейль. Он оказался вкусным.

– А ты почему такой свежий? Почему обходишься без протеинового

коктейля?

– Потому что у меня был нормальный ленч, потом, часа два назад, я пил чай с пирожными.

– Я два часа назад преследовала убийцу.

– Если бы что-нибудь съела, то, может быть, догнала бы.

– Нет. Ему везет. Представь, возможно ли за полчаса подлечиться в пункте первой помощи и его покинуть? Это никому не под силу, кроме него. Он навязывает нам свою игру. Может быть, благодаря этому, – она кивнула на компьютер, – мы ее поломаем.

Она затормозила у морга.

– Если там ты обойдешься без меня, я сразу начну ломать его игру, – сказал Рорк.

– Хорошо. – Она стала вылезать из машины, но задержалась и достала плитку сладких мюсли.

– Умница!

– Воришка, охотящийся за сладостями, не может попасть в автомобиль на охране. Я захвачу это для него. – Она разломала плитку и сунула половинку Рорку. – Наверное, это любовь.

Зная ее отношение к сладостям, Рорк был растроган. Он приступил к работе с мюсли во рту.

Интересно, подумал он уже через пару минут. Заманчиво, подумал он чуть погодя. Еще немного – и он забыл о времени, то и дело посылая с коммуникатора запросы в связи со своим поиском.

Опомнился он только тогда, когда Ева снова открыла дверцу машины, села, запрокинула голову и закрыла глаза. Он прервал работу, накрыл ладонью ее руку – и ничего не сказал.

– Моррис считает, что она оставалась в его власти целых восемнадцать часов. Он заклеил ей рот, обмотал лентой, привязал к креслу в кабинете. Сначала оглушил – как всегда, битой по голове. Устроил ей несильное сотрясение мозга. Наверное, у нее после этого раскалывалась голова. У нее было сильное обезвоживание – вряд ли он ее поил и кормил. Зато бил по лицу – ладонью, кулаком. На ее одежде осталась собачья кровь и моча. У нее была собачка. Он и ее не пощадил – теперь она у ветеринара. У убитой ободранные запястья, ладони с тыльной стороны, лодыжки.

Господи, подумал он, но промолчал.

– Она поранилась при попытках избавиться от ленты. Вывихнула плечо – это уже в процессе умерщвления или непосредственно перед этим, когда он надевал ей на голову пакет. Похоже, ей удалось опрокинуть кресло и повредить ему ногу. У него перелом двух пальцев на ноге и трещина

ступни. Ее работа: все-таки она заставила его хоть немного поплатиться.

– Кто она такая? – тихо спросил Рорк.

– Хороший преподаватель, хорошая соседка. Любила своего песика. Думаю, он этим воспользовался. Все говорят, что она души не чаяла в своем питомце, он был ее семьей. Мне трудно поверить, что она беспрекословно слушалась убийцу, но стоило ему пригрозить причинить вред ее любимому существу, ее семье – и она смирилась. По крайней мере, попыталась его успокоить. А когда поняла, что не выживет, стала с ним бороться.

– Ты его найдешь.

Она посмотрела на компьютер.

– Точно?

– Точно. Здесь придется повозиться, но результат будет. Любителю данных не стереть. Здесь нужна кропотливая профессиональная работа.

– Он мог ее заставить.

– Когда она умерла? Сколько было на часах?

– Примерно в четыре пополудни.

– Тогда это не она. Стирание произошло позже.

– И не он: ты же сам говоришь, что для этого требовался усердный профессионал. Он не такой. Дроид, вот кто! – осенило Еву. – У нее был дroid, она сама его запрограммировала. Он велел дроиду стереть все данные. Ничего не осталось?

– Всегда что-то остается. Найти и восстановить – вот в чем фокус. Лучше заняться этим в моей собственной лаборатории. Пока мы едем домой, я поработаю с присланными Фини финансовыми данными.

Она кивнула, выпрямилась и двинулась по подсказанному навигатором маршруту, поглядывая на полученный от Пибоди список.

Только прибыв по последнему адресу, Ева почувствовала, до чего устала. Теперь ей хотелось одного: оказаться дома, в своем собственном пространстве, и все осмыслить.

– В этот раз я пойду с тобой, – решил Рорк. – Все равно здесь я уже сделал все, что мог. – Он похлопал компьютер.

– Давай. Здесь живет тренер по бейсболу, гонявший Рейнхолда в команде Детской лиги. Однажды он удалил его с поля за своеволие. Рейнхолд забрал свою битку и убрался домой.

– Ты допускаешь, что он способен убить этого человека из-за происшествия в своем детстве?

– Не допускаю, а знаю, – поправила его Ева, прикладывая свой жетон к

сканирующему глазку на двери приземистого шестиквартирного дома. Система дала добро на вход.

– Нам на второй этаж, – сказала Ева в подъезде. – Уэйн Бойд и его жена Марианна. Двое детей: сын – студент-преддипломник, дочь учится в колледже.

Поднявшись по безупречно чистой лестнице, она постучала в дверь квартиры 2-В и опять приложила жетон к глазку.

– Лейтенант Даллас? – раздалось из переговорного устройства.

– Да. Мы с вами разговаривали.

– Кто это с вами?

– Консультант.

Мгновение замешательства, потом замки щелкнули, дверь открылась. Бойд пристально оглядел Еву и Рорка. Ему было под 60, в густых каштановых волосах серебрилась проседь. Волевое лицо, светло-голубые глаза. Рядом с ним стояла большая некрасивая собака, похоже, ждавшая команды «фас!».

– Все хорошо, Бруно, лежать.

Собака послушно шлепнулась к ногам хозяина и вывалила язык, превратившись в воплощение гостеприимства.

– Мы услышали про миссис Фарнсуорт и приняли меры предосторожности.

– Понятно. Можно нам войти?

– Простите! Конечно, входите. Все в порядке, Марианна, это полиция. На всякий случай я отправил ее наверх. На праздники к нам приехали дети.

Хозяин попятился, приглашая гостей в просторную высокую гостиную с галереей второго этажа. Собака устроилась на своем покрытом шерстью красном коврикe и увлеклась костью. На галерею вышло трое: стройная блондинка, широкоплечий молодой человек лет двадцати с небольшим и худенькая брюнетка на пару лет младше брата.

– Они уже взрослые, пусть участвуют, – сказала блондинка Бойду. – Я готова остаться в меньшинстве.

– Это всех нас касается, папа, – сказал молодой человек, спускаясь вниз.

– Я не спорю, Флинн. Конечно, всех.

– Я сварю кофе, – сказала Марианна. – Будете кофе?

Ева поняла, что ради кофе, даже без кофеина, она сама готова на убийство.

– То, что надо! Мистер Бойд, в доме только вы четверо?

– Только мы. Флинн и Сари побудут до воскресенья и вернутся в

кампус. В понедельник мы вернемся к привычной жизни.

– Все видели портрет Рейнхолда?

– Все. Но мы его не встречали.

– Хотелось бы мне с ним повстречаться, – пробормотал Флинн.

– Прекрати! – Бойд бросил на сына укоризненный взгляд. – Миссис Фарнсуорт была учительницей у Флинна. Случившееся с ней для всех нас удар, лейтенант. Десять лет назад, а то и больше, может, все пятнадцать, я выгнал этого мальчишку с поля. Но это не стало для него уроком. Он не послушался меня в ответственном матче, но я не стал его ругать. Это же Детская лига. Что с них возьмешь?

– Раньше он был маленьким пакостником, а теперь вырос в большую сволочь.

– Флинн! – одернула сына мать, принесшая кофе.

– Он прав, – заговорила Сари. – Может, я и не была с ним толком знакома, но помню, какой он был злорадный и злобный. Меня миссис Фарнсуорт не учила, но у нее учились мои подруги, и все они ее любили.

– Я его не оправдываю, он псих, – продолжил Бойд. – Его надо схватить, остановить. Мы будем осторожны, как вы нам советовали. Но с какой стати он станет на нас покушаться? Вряд ли он вообще меня помнит.

– Когда я говорю, что помнит, вам лучше мне поверить, – сказала Ева. – Он мстительный и безжалостный, его цель – поквитаться за обиды. Вы – один из обидчиков, мистер Бойд. Трех жертв из четырех он сбивал с ног бейсбольной битой.

– Господи, Уэйн!

Ева подождала, пока Бойд возьмет жену за руку и попытается ее успокоить. Кофе был чем-то средним между той мерзостью, которой довольствовались копы, и великолепным кофе Рорка.

– Послушайте, я не видел Джерри, не говорил, вообще не соприкасался с ним с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать.

– опишите мне одиннадцатилетнего Джерри. Будьте откровенны, мистер Бойд. Через ваши руки прошла куча детей, вам и карты в руки.

– Ну, что ж, – он запустил пальцы в шевелюру. – Лентяй, зазнайка, хитрец. Сдержанный, не скажет, что думает, обидчивый, но за всем этим... Господи, он же был еще ребенком!

– Выкладывайте, мистер Бойд.

– За всем этим чувствовалась уязвимость. Стоило косо на него посмотреть, обижался. Злой на язык. Играл неплохо, но мог лучше, если бы был дисциплинированным и больше тренировался. То пропускал тренировки, то опаздывал – и вечно находил оправдания. – Тренер не

выпускал руку жены. Глядя на нее, он продолжил: – Честно говоря, я его не любил. Я был рад, когда он ушел, хотя стыдился своей радости. Но это была ходячая проблема, и я не жалел, что потерял его.

Ева кивнула и перевела взгляд на Флинна.

– Маленький пакостник вырос в большую сволочь, в убийцу. У вас хороший, с виду безопасный дом – но это только с виду. Если подумать – а думать он умеет, – то сюда легко проникнуть. Он может прошмыгнуть за чужой спиной, выдать себя за ремонтника, за рассыльного. У вас хорошая семья, мистер Бойд.

– Ладно, убедили, мы будем начеку.

– Так-то лучше. Не выходите из дома поодиночке. Если увидите его – это относится к вам, Флинн, – не задирайте, уйдите в безопасное место или домой и сразу вызовите полицию.

– Сколько это будет продолжаться? – спросил Бойд.

– Хотелось бы мне это знать. Я только об этом думаю: как его выследить и задержать.

– Она не остановится, – подхватил Рорк. – Пока он не сядет в клетку, не уймется, могу вам обещать.

– В течение часа к вам прибудет полицейский, – сказала Ева, поднимаясь. – Он будет на посту круглосуточно, пока все это не кончится.

– Спасибо. Я вас провожу.

– Лучше я, мама! – Сари вскочила и побежала к двери. – А я вас знаю, – сказала она тихо. – Я узнала вас обоих. После вашего ухода я им скажу. Они слишком напуганы, потому и не узнали. – Она выдавила улыбку. – Им будет спокойнее оттого, что их стерегут такие люди.

– Держитесь вместе, – посоветовала Ева. – Так безопаснее.

В темноте засветились огни дома. Стоило Еве въехать в ворота, как задул ветер, голые деревья со стоном нагнулись.

Тяжелая предстоит ночь, мелькнуло у нее в голове. Надо собраться с силами.

Когда она вылезла из машины, свирепый ветер раздул пузырем ее пальто.

– В чем дело? – крикнула она ухмыляющемуся Рорку.

– Ветер, мрак, таинственные огни. Ты похожа на сказочную королеву-воительницу, готовую броситься в бой.

– Не знаю, как насчет остального, но про бой ты угадал.

И она поспешила вперед, зная, что первое столкновение грянет уже в холле, где ее поджидал Соммерсет с неодобрительным взглядом.

– Наконец-то вы вспомнили, где ваш дом.

– Я-то надеялась, что вы про меня забудете.

Он высокомерно перенес внимание на Рорка. Ева тем временем освободилась от пальто, не обращая внимания на трущегося о ее ноги кот.

– Ваша тетя сообщила, что родня приедет завтра, как намечено. Полагаю, около двух часов дня по нашему времени.

– Отлично. Я постараюсь вернуться домой к их появлению.

– Очень на это надеюсь. Ричард ДеБласс тоже подтвердил свой приезд. Они приехали в Нью-Йорк уже сегодня вечером. Дети в восторге. – Соммерсет опять вспомнил про Еву. – Никси ждет не дождется встречи с вами.

– Вот и встретимся, – отрезала Ева. Как-нибудь. Если она выкроит время. Господи!

Никси вспомнилась ей такой, какой она видела ее в первый раз: дрожащей от страха в душе, где она пряталась, забрызганная кровью родителей. Она поднялась по лестнице и вошла в свой кабинет, ощущая новую тяжесть на плечах.

– Что мне делать? – обратилась она к Рорку, вошедшему следом за ней.

– То, что полагается. – Он поставил на пол компьютер. – Первым делом поужинать.

– Давай отложим? У меня много работы. Надо многое уточнить, проверить, как дела у Пибоди, Бакстера, Трухарта, у полицейских, которых отправили охранять потенциальных жертв. Согласовать действия с Фини и

заняться отелями – где-то ведь этот сукин сын засел. Арендные апартаменты, продажа жилья тоже в фокусе: у него куча денег и, держу пари, новенькое удостоверение личности. Ну, в процессе можно будет подкрепиться, а заодно позаботиться о наших гостях и о праздничном обеде. Пока что мне не до этого.

– Как это трудно, – начал он обманчиво спокойным, опасным голосом, – быть одной-единственной во всем городе, а то и на всей планете, кто способен отловить этого сукиного сына! И всех остальных сукиных сынов, замышляющих убийства. Твоя задача осложнена тем, что вокруг тебя толпятся остолопы, ожидающие, что ты будешь также есть, спать и вести светские беседы. Как же мы мешаем тебе жить!

– Я совсем не об этом. Ты отлично знаешь, что...

– Я отлично знаю, что не заслуживаю пинков за то, что к нам съедутся друзья и родственники. Как и за то, что ты переутомилась и нервничаешь. Поступай как знаешь.

Он снова подхватил компьютер и вышел.

– «Нервничаю»? – От этого оскорбления она сжала кулаки и уставилась на кота, ответившего ей таким же испепеляющим взглядом. – С чего он это взял?

Галахад развернулся и с задраным хвостом – еще одно оскорбление! – отправился следом за Рорком.

– Ну и проваливайте! – прошипела Ева им вдогонку, пнула ногой свой письменный стол и приказала компьютеру зачитать поступившую почту.

Через две минуты она выругалась и приказала компьютеру заткнуться и сохранить почту.

Она чуть было не спросила систему управления домом, куда отправился Рорк, но успела сообразить, что это излишне: он забрал компьютер с вещдоками, значит, сидит в своей лаборатории. Что за манера – убегать в разгар размовки, да еще помогать при этом ей? От этого настроение стало еще паршивее.

Она вторглась в компьютерную лабораторию, где Рорк сидел без пиджака, с закатанными рукавами рубашки, с завязанными на затылке волосами и бокалом вина в руке, не сводя глаз с компьютера.

– Я не нервничаю. Терпеть не могу это слово.

– Как тебе угодно.

– Ты это брось! – Она нацелила на него палец. – Оставь этот благоразумный тон, не выставляй меня истеричкой. Это грязные приемчики в борьбе!

Он бросил на нее холодный взгляд.

– Как хочу, так и борюсь.

– Мне не до ссор. Я пытаюсь сделать свою работу, потому что если я провалюсь, то появится очередной труп. Как бы Моррис не стал брать с меня арендную плату!

– Ну, так работай, лейтенант! Я тебе не мешаю.

– Еще как мешаешь! – Она отняла у него вино и отпила. – Ты морочишь мне голову, из-за тебя я чувствую себя эгоисткой, душой и вообще...

– ...нервничаешь? – подсказал он и удостоился пылающего взгляда ее прищуренных глаз.

– Еще раз произнесешь это слово – и я тебе врежу!

Он встал и оказался с ней нос к носу, глаза в глаза.

– Попробуй. Хорошая потасовка пойдет на пользу нам обоим.

Она поставила бокал.

– Не дразни меня.

– Я бы назвал это вызовом. – Он насмешливо улыбнулся. – Если, конечно, нервы не лишили тебя сил.

Наносить удар кулаком она не стала – к этому он был готов. Она поступила иначе: сделала ему подсечку. Он сделал то же самое другой ногой – и оба рухнули.

При падении он попытался развернуться и принять на себя весь удар, но оба все равно больно ударились об пол лаборатории. Она попробовала сомкнуть ноги и двинуть его локтем в живот, но он проявил свою всегдашнюю ловкость и поставил ей блок. Используя преимущество в весе, он чуть не пригвоздил ее к полу. Но она была юркой, как ящерица, и успела выскользнуть. Еще немного – и он получил бы коленом в пах. Тогда право назвать ее методы грязными появилось бы и у него. Но его спас случай.

После этого они покатались по полу, опрокидывая стулья, врезаясь в мебель, не щадя друг друга. В конце концов ему удалось ее оседлать, а ей – все-таки двинуть ему ногой в пах.

Его растрепавшиеся волосы закрыли обоим лица, оба пыхтели от натуги, заглушая писк аппаратуры. Его сумасшедшие синие глаза впивались в ее карие, сыпавшие искрами. Оба сердца гудели, как боевые барабаны.

В следующее мгновение он впился ртом в ее рот. Она обхватила его ногами. Ярость, неудовлетворенность, обида вылились в безумную, первобытную похоть.

Она всасывала его язык, он рвал на ней рубашку. Желание неистово нарастало с каждой секундой. Теперь они катались, вцепившись друг в

друга, совсем с другой целью: чтобы дать выход обуявшей их страсти.

Он осыпал ее лихорадочными ласками, пил ее жадными глотками. У него кипела кровь, а она изгибалась и дрожала крупной дрожью, сводила с ума, воспаляла, доводила до неистовства.

Он спустил до бедер ее джинсы, свирепо сорвал трусики и ласками заставил ее забыть обо всем, кроме желания слиться с ним в экстазе. Подхваченная потоком наслаждения, ослепшая и оглохшая, она притянула его к себе, выгнулась, приняла первый толчок, второй, третий. Все сильнее сжимая ногами его поясницу, она заставила его наполнить ее до отказа, а потом опустошить – и самому опустошиться.

Он рухнул на нее бездыханный. Ему стало страшно: она уничтожила его, обглодала до костей, обтрясла, как грушу. И теперь лежала под ним, не шевелясь, но еще содрогаясь от макушки до пальцев ног.

Или это он дрожит? Скорее они оба.

Он. Она. По всей длине, слева направо, насквозь. Со всей безумной, потрясающей, отважной силой.

Он ничего не стал бы менять. Она тоже.

– Нашла время, – горло у него жгло огнем, и он все отдал бы за глоток вина, оставшегося на его столе, за то, чтобы набраться сил, встать и выпить. Но сил хватило только на то, чтобы приподнять голову и посмотреть на нее. Взглянуть в ее горящие, ласковые, раскосые глаза цвета темного виски.

– Всего-то минута.

На эти ее слова он ответил улыбкой, она на его улыбку – прикосновением к его щеке. Он припал губами к ее шее.

Теперь, когда ярость смыло паводком страсти, обнажился несокрушимый утес любви.

– Я не нервничаю. Придумай другое слово. Ты же знаешь, как хорошо я отношусь к твоей родне. Просто сейчас на меня столько всего навалилось, а тут еще они.

– Ты подавлена?

Она обдумала термин.

– Годится. Пусть подавлена. Когда мы ездили туда летом, это было главным образом – не считая короткой паузы в связи с трупом, в действительности меня не касавшимся, – отдыхом и поглощением пива.

– Хорошо тебя понимаю.

– Хотелось бы так думать. А Никси? Это нехорошо, неправильно, но всякий раз, когда я вижу эту девочку, тем более разговариваю с ней, у меня внутри все сжимается. Не могу не видеть ее такой, какой она была, когда я

ее нашла в ее убежище, всю в крови родителей. Не понимаю, зачем я ей нужна, почему она хочет со мной говорить. Ведь я служу напоминанием о том, что она пережила, кого лишилась. У меня голова идет кругом, а этого я не могу сейчас себе позволить.

– Если бы ей было больно тебя видеть, Ричард и Элизабет не позволили бы вам встретиться.

– Надеюсь.

– Отнесись к этим встречам с друзьями и с родственниками как можно проще. Давай им то, что можешь и когда можешь. Они же друзья и близкие, все они понимают, кто ты такая, чем занимаешься и что все это значит.

– А Соммерсет? – простонала она.

– Он тоже. – Рорк погладил кончиком пальца ямочку у нее на подбородке. – Просто вам нравится друг друга шпынять.

– Наверное. – Она на секунду закрыла глаза. – Я опоздала. Теперь они не выходят у меня из головы, я все время вижу, что он с ними сделал из-за моего опоздания.

– Ева, – он прикоснулся губами к ее лбу, – прекрати себя обвинять.

– Легко сказать! Все указывает на то, что его родители были славными людьми, очень старались правильно воспитывать сына, а он, не сумев настоять на своем, зверски их убивает. Уничтожает! Лори Нуссио, обычная девушка, добросовестная официантка, ответственный человек: дважды из сил выбивалась, чтобы помочь ему найти работу. А он ее унижает и убивает за то, что она выгнала его после того, как он ее обокрал и избил.

Он обнял ее, она сжалась в комочек, чтобы успокоиться.

– А Фарнсуорт? Хороший преподаватель, запомнившийся ученикам добротой, женщина, обожавшая своего уродца-песика и угощавшая соседей супом. Он мучил ее много часов, а потом убил – все потому, что когда-то ленился делать домашнее задание!

– Ты его знаешь. Значит, ты его остановишь.

– Сначала мне надо найти этого выродка.

– Найдешь!

Она глубоко вздохнула.

– Найду. – «Успокойся! – приказала она себе. – Не терзай себя!» – В общем, прости. Я перед тобой провинилась?

Он улыбнулся.

– Учитывая то, чем все закончилось, я бы так не сказал.

Оказалось, что к ней вернулась способность улыбаться.

– Наконец-то я проголодалась!

– Неужели?

– Представь себе!

Он оторвался от нее, сел у нее в ногах и расплылся в улыбке.

Поймав его взгляд, она оглядела себя. От одежды на ней остался рукав рубашки, почему-то портупея и трусики, болтавшиеся в районе ботинок.

– Хорошая была рубашка, – подумала она вслух.

– Хорошо, что она у тебя не единственная. Как и у меня. – Он отшвырнул собственные лохмотья.

– Придется уничтожить это барахло. Я не допущу, чтобы оно попало на глаза Соммерсету.

– Сколько можно тебе повторять: он в курсе, что у нас с тобой случается секс.

– Бывает секс и секс.

Он наблюдал, как она натягивает остатки трусиков.

– Золотые слова! Мы позаботимся о нравственности Соммерсета. – Он подал ей руку и помог встать. – Как тебе понравится мое предложение переодеться, поесть и вернуться к работе?

– Достойный план!

– Что скажешь о спагетти с фрикадельками?

– А это уже гениальный план! – Она прильнула к нему. – Я весь день места себе не находила. Все это расследование. Куда это годится – сходить с ума из-за очередного расследования? Мне было необходимо выпустить пар.

– Счастлив, что помог.

Он ударила его кулаком в голую грудь.

– Как будто ты сам не выпустил пар!

– Значит, нам есть за что благодарить друг друга.

Оба нагнулись за рваными рубашками.

Еда помогла, как и приведение в порядок своего рабочего места, чтение рапортов подчиненных, сверка часов с Фини.

Ей было неведомо, чем занят у себя в лаборатории Рорк, но она четко знала: один он в целом свете мог хоть что-то вытянуть из компьютера со стертой памятью.

Она проверила на своем компьютере вероятности, но результаты ее не устроили. Когда она ввела в уравнение обоих детей Бойда, количество вероятных мишеней возросло. Но откуда Рейнхолду знать, что они приехали домой на День благодарения? Да и способен ли он думать о семьях и праздниках?

Ему подавай самого Бойда, решила она, прихлебывая кофе. Потому

что ему захочется доказать свою способность дотянуться до любого обидчика.

С другой стороны, Бойда нельзя равнять с потерявшим форму коммивояжером, попавшим в устроенную родным сыном засаду, да еще в собственной квартире. Бойд силен, подтянут, у него хорошая охранная система. Здесь Рейнхолду понадобится изощренный план. А главное, отвага.

Поэтому гораздо выше вероятность того, что он продолжит расправляться с женщинами: на них он уже набил руку, да и опасности несравненно меньше.

Сейчас список возглавляли Марлен Уизлет и Шумахеры, за ними шел дружок, Балбес Джо. Следующим в очереди стоял Гарбер, бывший учитель географии. Если убийца будет придерживаться системы, учителя тоже следует считать вероятной мишенью. Ева жирно подчеркнула слово «если». Что, если убийца решит отдохнуть и потратить часть денег своей последней жертвы?

Нет, решила Ева, вскочив и возобновив кружение по комнате. Ему необходимо чувство эйфории, ощущение своего могущества. С другой стороны, он ранен, и это может предоставить ей передышку.

– Где ты, подонок?

Она снова вывесила на экране карту и выделила места всех преступлений, все точки, где видели разыскиваемого. Вычислила с помощью компьютера маршруты, приступила к расчету новых вероятностей – и заработала головную боль.

Войдя, Рорк застал ее стоящей перед экраном, раскачивающейся на каблуках и с усталым разочарованием изучающей полученные результаты.

– Многовато вероятностей, чтобы им пусто было! Отели, апартаменты, кондоминиумы, дуплексы, семейные дома. Даже наиболее вероятных мест вблизи его родного района набирается слишком много. А он, черт бы его побрал, возьмет и решит съехать куда-нибудь в Джерси, в Бруклин, в Квинс! О, только не это! – Сама испугавшись, она стала растирать себе заломивший затылок. – Пусть лучше остается на Манхэттене, в родных местах! На расстоянии трудно испытывать чувство превосходства. А с другой стороны...

– Ты ходишь кругами, лейтенант.

– Знаю. Все это сводит меня с ума.

– Тебе нужно поспать. Сон прочистит тебе мозги. – Рорк взял в ладони ее лицо. – Утро вечера мудренее.

– Ненавижу этого типа. Разве не глупость? Сама не знаю, откуда эта

ненависть, ведь я сталкивалась и кое с чем похуже. Но он застрял у меня в глотке.

– Вот начнешь его допрашивать – и сама застрянешь у него в глотке. – Он чмокнул ее в лоб. – Идем спать.

Она мысленно согласилась, что это выход, потому что хождение кругами было заведомо бесполезным занятием.

– Ты что-нибудь откопал? – спросила она мужа по пути в спальню.

– Такой медленный процесс, что с ума сойти можно! – пожаловался он. – Я наскреб горстку байтов – достаточно, чтобы установить, что она соединила свои компьютеры. Появится больше данных – тогда и получится отыскать тропинку, по которой утекли денежки. Сейчас в эту стену колотится башкой Фини. За вечер мы с ним переговаривались несколько раз. Завтра он возобновит это увлекательное занятие. Опережаю твой вопрос: Макнаб тоже в деле, и не он один. Мы добьемся своего, но не скоро, пройдя через серию разочарований.

В спальне, раздеваясь, она сказала:

– Если мы даже нападём на след денег, законным способом нам их не конфисковать. Ты сможешь прибегнуть к незаконному?

Он смотрел, как она натягивает ночную рубашку. Когда она лишалась сил, ее кожа становилась полупрозрачной.

– Смогу. И сделаю это с радостью.

– Надо будет об этом подумать. Первым делом надо добиться результата. Если не получится добраться до него моими методами, придется использовать твои. Он ведь уже наметил себе следующую цель и сейчас соображает, как до нее добраться. Знает, что у него получится, и наслаждается своей хитростью.

Он улегся и притянул ее к себе.

– Так или иначе ты его получишь. Что тогда останется от его хитрости?

– Тогда – ничего. – Она закрыла глаза и приказала себе спать.

В своем новом пентхаусе, лежа на новой шикарной кровати, Рейнхолд проглотил очередную дозу болеутоляющего, запив остатком шампанского, преподнесенного в подарок менеджментом здания.

Нога болела адски!

Когда он покидал клинику, боль была совсем не такой сильной – спасибо лекарствам. В своей новой берлоге он почувствовал себя на миллион, даже на все четыре – так его порадовала здоровенная подарочная корзина. Шампанское, деликатесные сыры, сладости, фрукты, выпечка, готовая еда для богатых людей! Он не возражал против готовой еды.

Ему было так хорошо, что он приказал дроиду разобрать снедь, сходить за импортным пивом, а потом накрыть на стол. А сам прошелся по квартире, потом по зданию, чтобы запомнить, где находятся магазины, рестораны и бары, фитнес-центр. Мелькнула мысль засесть в баре, подцепить женщину. Но сейчас важнее было как следует сориентироваться.

Только когда опять напомнила о себе нога, на ум пришел совет врача дать ей отдых и держать приподнятой.

Недоумок врач мог бы высказаться понятнее, думал он, скрипя зубами, пока ждал, чтобы подействовало болеутоляющее. Или дать ему лекарства посильнее, рекомендации получше, оказать более эффективную помощь.

Может, научить докторишку уму-разуму? Интересно, как бы ему самому понравилось жить со сломанной ногой?

– Надо будет включить тебя в список, – процедил Рейнхолд. Может, снова навестить врача, проучить его и заодно захватить хороших лекарств? Нет, возвращаться туда было бы неумно. Разумнее узнать, где живет это светило науки, и пожаловать туда. Заодно можно разжиться деньжатами. Известное дело, докторишки купаются в деньгах!

Есть о чем подумать. Поймать лепилу на пути с работы или заявиться прямо к нему. Но всему свое время.

Он включил экран в спальне и задумался, как вывести на него данные из своего компьютера. Потом решил, что успел проголодаться и что ему хочется пиццы.

– Эй, Болван! – Он был в восторге от своей идеи заставить дроида откликаться на обидную кличку и каждый раз, вызывая его, хихикал.

– Слушаю, сэр, – отозвался дROID из двери спальни.

– Принеси мне пиццу: пеперони, грибы, перец, лук. Большую! От «Винни», люблю это местечко.

– Будет исполнено, сэр. Принести или заказать доставку?

– Сам ступай! Зачем ждать, пока доставят? Пусть хрустит!

– Конечно, сэр.

Ему нравилось обращение «сэр». Давно пора ему называться «сэром»! Надо будет, чтобы все, кого он решит укокошить, перед смертью называли его «сэром».

Он открыл на экране свой список и стал изучать фамилии, адреса, места работы, которые он знал раньше или сумел раздобыть теперь. Рядом с каждой фамилией значилась обида и предполагаемый способ расплаты, который он мог в любой момент заменить на другой.

Он бы удивился, узнав, насколько Евин список совпадает с его собственным. Но о полиции он не думал. Он уже вообразил себя

профессионалом. В конце концов, каждое убийство окупалось и приносило прибыль.

Джерри Рейнхолд обзавелся программой для выбора кодовых имен и мнил себя мастером уничтожения, действующим по собственному списку. Когда этот список исчерпается, он предложит себя на рынке под понравившимся кодовым именем.

Сейчас ему нравилось имя «Кобра». Стремительно и неотразимо! Или лучше «Потрошитель»?

Изучая свой список, он заново переживал каждое оскорбление, каждую обиду, каждый отказ.

Здорово было бы плеснуть кислотой в смазливую мордашку Марлен Уизлет, превратив ее в уродину. Потом заставить ее любоваться собой в зеркале. И под конец перерезать ей горло.

Надо проучить ее за то, что она его отшила, что вообразила, что он ей не пара. Кстати, она успела разбогатеть, торгуя своей мордашкой, которую он изуродует, и своим телом.

А Шумахеры? Как же он их ненавидит! Их он тоже заставит расплатиться. Старика забьет до смерти, а старуху утопит в ее собственной ванне, вот будет умора!

Тренер Бойд, старый славный Бойд! Вот уж где он даст себе волю! Вот где состоится бейсбольный матч века! Придумать, как проникнуть к нему в дом. Первым делом изнасиловать у него на глазах жену. Затем поработать ножницами – давненько он не пускал их в дело. А под конец вышибить тренеру мозги своей верной битой.

Вот оно, высшее наслаждение! Даже если он уйдет от Бойда несильно разбогатевшим, это не помешает ему потрудиться во имя чистой любви!

Он всласть похихикал и вернулся к списку.

Пора менять методы. Теперь у него хватит денег, чтобы как следует вооружиться. От оружия многое зависит. Что выбрать – молоток или, может, пилу?

Хочется быть во всеоружии!

А Мэл? Разве это по-дружески – вышвырнуть на улицу друга, у которого не оказалось денег на оплату жилья? До Мэла можно добраться через его мамашу, назойливую стерву. Здесь пригодится молоток. Сначала для мамы, потом для сына.

Перейдя к следующему имени в списке, он заулыбался. Это будет настоящий пир! Обычно в таких случаях приходится раскошелиться, а тут он попирует, да еще набьет карманы.

– Болван, где моя пицца? И пиво тащи!

Он потратил на обдумывание своего плана еще несколько минут. До чего же все просто! Почему все это пришло ему в голову только сейчас?

Дроид принес пиццу и пиво на подносе с салфеткой. Неплохо.

– Выйди. Отдыхай. Но будь начеку. Чтобы был под рукой, если понадобишься.

– Слушаюсь, сэр. Приятного аппетита.

– Проваливай.

Он переключил экран на развлекательный блок, просмотрел выбор сюжетов и остановился на порно. Потом забавлялся пиццей, пивом и жестким сексом, пока его не сморил сон.

Она проснулась рано, одна. В предрассветной мгле она почувствовала одиночество, еще не открыв глаза.

Рорк уже встал и куда-то подевался. Она всегда недоумевала, как он умудряется вставать ни свет ни заря и сохранять при этом свежесть. Она еще только собиралась с силами, чтобы встать, но уже знала, что со сном покончено. Голова была занята Рейнхолдом.

Сев в кровати, она услышала храп. Этот звук при всей любви и умилении нельзя было назвать нежным урчанием. Большой клок шерсти и четыре лапы на краю кровати собирательно именовались котом Галахадом. Хоть кто-то умеет высыпаться, подумала она, вставая.

Начать с гимнастики и короткого заплыва, решила она. В кои-то веки у нее есть время для грамотного вступления в нелегкий день. Она нашла старые шорты, обтягивающий топ, футболку с логотипом полиции Нью-Йорка. Погладив неподвижного храпуна, она обулась и скользнула в лифт.

Получасовая пробежка, четверть часа силовой гимнастики, короткий заплыв в бассейне – так выглядела программа.

Бассейн синел глубиной в окружении пышной растительности и экзотических цветов. Среди всей роскоши, от которой ломилось жилище Рорка, Ева выделяла именно бассейн.

Как ни велик был соблазн раздеться и сразу нырнуть, она решила, что полезнее будет сперва как следует вспотеть. Устремившись в гимнастический зал, она увидела, что из-под его двери пробивается свет, и услышала два голоса – Рорка и чей-то еще.

Рорк был одет приблизительно так же, как она, и выполнял жим лежа, ведя при этом разговор. Ему отвечал голос из коммутатора – мужской, судя по интонациям и высокому тембру – британский. Британец сыпал уравнениями и терминами, понять которые ей было не под силу.

Рорк задавал непостижимые вопросы и комментировал раздававшуюся в ответ абракадабру, а в это время на экране вращался и непрерывно менял масштаб, то поворачивался боком, то сжимался в точку объемный чертеж. Даже на неопытный взгляд Евы, здесь происходило нечто значительное.

Обменявшись с Рорком улыбками, она стала программировать один из беговых снарядов для своей утренней пробежки. Пляж, решила она, вводя параметры. Тропический восход. Ей нравилось ощущать под ногами песок, любоваться розовеющим востоком, слушать шум волн, накатывающихся на

берег и с рокотом бегущих назад.

Наверное, этот ультрасовременный гимнастический зал, полная противоположность тесному тренажерному кабинету в Управлении, все же соперничал за ее любовь с бассейном.

Пару минут она разогревалась, потом постепенно увеличила скорость и понеслась во весь дух.

Она слышала на бегу, как Рорк добавляет себе груз, как меняет при этом собеседника и переходит на другой язык – итальянский? После приветствий снова зазвучал английский, но разговор остался непонятным, так как касался не то двигателей, не то аэродинамики.

Рорк перешел к штанге, потом принялся качать бицепсы, не отрывая взгляд от экрана, где теперь красовался чертеж какого-то крупного воздушного транспортного средства.

Дальше разговор велся на французском – Еве показалось, что речь зашла о духах. Или о сыворотках? Когда она пробежала заданные полчаса, он тоже встал на беговую дорожку.

Пока он на бегу переговаривался с Европой, она занималась гимнастикой. Когда она наконец припала губами к бутылке с водой, он выключил коммуникатор и экран.

– Удачная встреча поутру, – сказал он.

– Вот, значит, что я здесь застала?

– Я о нас с тобой. Остальное тоже прошло неплохо.

Она заметила, что он блестит от пота. Еще бы, обсудил дела с тремя-четырьмя странами – есть от чего взмокнуть! А за окнами тем временем еще только проклевывалась заря.

– Тебя заводят эти прыжки от страны к стране?

– Тут главное – поддерживать ритм.

Она наблюдала за его бегом – уверенным, пружинистым.

– Ты задаешь ритм, а им приходится за тобой поспевать?

– Примерно так. Сегодня ты у нас ранняя пташка. Плохие сны?

– Нет. Во всяком случае, ни один не запомнился. Проснулась – и все.

Зато есть время побегать и поплавать.

– Плыви, я скоро к тебе присоединюсь. Я сделал за утро почти все дела, которые наметил перед праздниками.

– Праздник начнется завтра. – Она очень старалась не забывать о предстоящем испытании.

– Родня нагрянет уже сегодня. – Он уменьшил темп, завершая пробежку, и широко улыбнулся. – Теперь у меня найдется время, чтобы поработать с тобой, лейтенант.

– Найти деньги – значит найти его, – напомнила она. – Иначе уже сегодня вечером может появиться новый труп. Вся надежда на то, что он будет оплакивать сломанные пальцы на ногах.

Рорк сошел с дорожки и тоже хлебнул воды.

– Ты не считаешь, что он тоже может сделать перерыв на праздники? По той простой причине, что намеченные им жертвы могут отлучиться в гости.

– Ему не терпится. – Она была согласна с Мирой, утверждавшей, что убийца не станет тянуть. Он хотел немедленного вознаграждения, считая его заслуженным. – Эти мысли его заводят. Если он вообще вспоминает о Дне благодарения, то только в том смысле, что хорошо бы кому-то испортить этот день. Учинить бойню в чьей-нибудь семье как раз в тот момент, когда там будут объедаться пирогом и талдычить о благодарности. То-то он позабавится!

– Тут ты права. Но если действовать законно, то процесс может затянуться, – сказал Рорк, шагая к бассейну. – Можно неплохо укоротить путь, если обойти закон.

– Я тоже об этом подумываю, – отозвалась она, раздеваясь. – Но в любом случае понадобится какое-то время. Он не из тех, кто готов выйти на яркий свет, – кишка тонка. Его стиль – незаметно подкрасться в темноте.

Она погрузилась в прохладную воду и испытала отрезвляющий шок. Рорк, разрезая воду мощными гребками, поплыл синхронно с ней, одновременно с ней достиг противоположной стенки, развернулся и поплыл обратно.

Она уже потеряла счет кругам – их набралось целых пять, а то и десять, ее внутреннее состояние было чем-то средним между нервозностью и расслабленностью, если такое возможно. Мышцы горели, создавая восхитительный контраст с температурой воды.

Когда стало перехватывать дыхание, мышцы задрожали мелкой дрожью, она отмахала завершающий круг и погрузилась в воду с головой.

– Господи, в сутках необходим двадцать пятый час – тогда бы мы начинали так каждый день!

Он подплыл к ней, погладил по мокрой голове.

– Ты бы так делала?

– Вряд ли, но сама мысль хороша. – Она прильнула к нему, запрокинула голову, нашла губами его губы. От соприкосновения тел обоих пробила дрожь.

– У меня есть мысль получше, – шепнул Рорк.

В следующее мгновение их коммуникаторы, оставленные на столике у

кромки бассейна, подали дружный сдвоенный сигнал.

– Что за черт? Это не мой вызов.

– Это сигнал оповещения для нас обоих, – объяснил он.

– Я не программировала оповещения.

– Зато я программировал. – Он откинул назад волосы, вылез из бассейна и взял полотенце. – Сегодня днем состоится награждение.

– Как, уже сегодня? – Это совершенно вылетело у нее из головы. – До чего же хочется выругаться! Какое ругательство самое грязное?

Он со вздохом протянул ей полотенце.

– Я подберу, положишь на меня.

– У меня на шее сидит удачливый маньяк-убийца, а тут еще орава твоих родственников. Лучше бы ты внушил Уитни, что награждение надо отложить.

– Я? – с улыбкой переспросил он.

– Он мой начальник. Я не могу сказать ему, что мы слишком заняты. – Она покачала головой, видя его пристальный взгляд. – И ты не можешь. То есть мог бы, но не станешь, я поняла. Проклятье! Такая честь, но почему обязательно надо устраивать торжественную церемонию? Это все из-за тебя.

– Из-за меня? – Он весело обернулся полотенцем. – Почему?

– Потому что ты богат и знаменит, все, что связано с тобой, – это политика.

– Занятное умозаключение! Лично я всегда думал, что из-за этой политики тебя никак не произведут в капитаны.

– Любая политика – глупость. Никому не известно, куда полетит мяч.

– Ты сказала, что это из-за меня.

– Из-за кого же еще?

– Разве не из-за того, что ты – великолепный профессионал? – Он приподнял брови, его глаза смеялись.

– Одно дело – мой великолепный профессионализм и совсем другое – торчать перед толпами, камерами, бог знает перед чем. Получается не поощрение, а наказание.

– Ты сама признала, что это большая честь. Ну, и наказание, как же без этого? Мне, кстати, тоже достается за то, что я женился на копе.

Она ткнула его пальцем.

– Тебя предупреждали!

Он с громким смехом сжал ее в объятиях.

– Зачем ты мне без медали, лейтенант? Придется тебе ее носить.

– Кто знает, вдруг нам повезет и я еще сегодня поймаю Рейнхолда?

Против этого даже сам мэр ничего не сможет возразить.

– Будем надеяться. И завтракать. Я проголодался.

Она послушно ела, хотя ненавидела овсянку. После завтрака она отправилась в свой кабинет. Присоединившийся к ней Галахад устроился в кресле и принялся умываться.

– Компьютер выдал параметры его следующей мишени, – сообщила она коту. – Ну, не знаю, – Галахад проявил полное равнодушие к этой информации, поэтому она уставилась на экран. – Пол женский, физически слабая – это плюс. Но у нее есть сожитель-мужчина. Живет в районе за пределами его комфортной зоны. Даже без полицейской охраны, о которой ему не положено знать, у нее в доме прекрасная система охраны. Он захочет до нее добраться, возможно, хочет уже сейчас, но ее охрана и сожитель ему не по зубам.

По данным Бакстера, наиболее вероятной мишенью тоже была Марлен Уизлет. С другой стороны, он оценивал ее безопасность, обеспечиваемую электроникой и людьми, как очень надежную, а сожителя – как хорошую охрану, настоящего телохранителя.

Рейнхолду захочется до нее добраться, снова подумала Ева, но он должен понимать, что это будет нелегко.

Тут нужно поломать голову, составить план. Выманить ее на улицу. Он способен предпринять такую попытку. Но где он ее спрячет?

Станет ли он пачкать собственную нору, где бы он ее ни вырыл? С другой стороны, у себя дома он – хозяин. Пересилит ли это соображение? Не исключено.

Но он ранен. Нога должна его беспокоить, с такой ногой ему опасно вступать в физическое противостояние.

Он – любитель нападать внезапно, со спины.

На взгляд Евы, его выбор должен был пасть на лавочников. Пожилая пара, живут в его районе. Захватив одного, можно заманить в ловушку второго.

Теперь он при деньгах, их у него более чем достаточно, чтобы приобрести на черном рынке шокер, фальшивый жетон, полицейскую форму. Используя недостатки в системе безопасности в доме Шумахеров и не зная к тому же о полицейской охране, он может без труда проникнуть в их квартиру. Достаточно проскользнуть за спиной жильца, прикинуться разносчиком. Или даже полицейским.

– На его месте я бы ждала. Наблюдала бы за зданием, изучала, что к чему. Действовала бы в темноте. Воспользовалась бы полицейской формой.

Она покосилась на кота, но того окончательно сморило умывание, и он опрокинулся на спину, раскинув все четыре лапы.

– Понимаю, ты бы предпочел секс, а не свой лоток. В общем, постучаться в дверь, представиться полицейским. Законопослушные граждане в подобных случаях открывают двери. Пустить в ход шокер, чтобы не шуметь. В этих старых домах звукоизоляция ни к черту. Дверь на замок, кляп в рот, связать – и делай с ними что хочешь. В твоём распоряжении много часов.

– Хорошо, что ты тоже законопослушная!

Она оглянулась через плечо на вошедшего Рорка.

– Я думала, ты занят более важными делами.

– Был занят, но теперь я твой. Я намерен заняться поиском украденных денег. Но сначала, прежде чем ты уедешь в Управление, я хотел с тобой увидеться.

– У меня есть еще несколько минут. Так правильнее всего, да? – Она указала на здание на экране. – Немного потратиться на маскарад, заявиться на ночь глядя, оглушить, запереться, связать.

– Эти двое – его мишени? – Рорк шагнул к экрану и пригляделся к фотографиям Шумахеров.

– А что? Они живут над своим магазином. Погляди, главный вход в здание оборудован камерами, сканнерами карт для жильцов, домофонами, отпирающими замки, для пропуска гостей и разносчиков.

– А также потенциальных воров и убийц. Который этаж?

– Третий. Северо-западная квартира.

– Пожарная лестница?

– Имеется.

– Я бы не заморачивался переодеванием. Правильнее купить хороший прибор, помогающий проникнуть в дом. Он вырос в этих кварталах и, вероятно, лазил по пожарным лестницам. На его месте я бы просканировал окна на предмет охранных устройств и заглушил найденные. Если окна заперты – хотя многие жильцы третьих этажей, уверенные в своей безопасности, их не запирают, – я бы применил резец для стекла, чтобы добраться до щеколды. Это удалось бы и ребенку.

– Сам, что ли, этим грешил?

– Еще бы, очень часто! Когда он окажется внутри, не обратив на себя внимания, то его вряд ли остановит охрана.

– Он хромает.

– Для этого существуют сильные обезболивающие.

– Действительно, – она засунула руки в карманы. – Компьютер выбрал

манекенщицу. – Она указала на фотографию.

– У него хороший вкус.

– А у манекенщицы есть сожитель. Он тоже хорош собой, а еще покрупнее и поспортивнее Рейнхолда. Да и ее систему охраны ему не преодолеть. Это был бы первый на его счету взлом. Он находился в родительской квартире, имел ключи от квартиры бывшей подружки, напал на учительницу, когда та возвращалась вместе с собачкой. С замками и системами безопасности ему сталкиваться еще не доводилось. Логика подсказывает, что он выберет более доступную цель.

– То есть пожилую пару?

– Нет, вот этого парня, Балбеса Джо. Он – единственный из друзей Рейнхолда, не напуганный его художествами. Думаю, Рейнхолд может проникнуть к нему домой уговорами или выманить его наружу – в зависимости от того, что сам предпочтет. Возможно, он даже знает, как самому туда забраться, потому что часто там прохлаждался. Джо – самая простая цель, хотя, конечно, не самая лакомая.

– Ну да. – Рорк изучал все фотографии и приписки. – Как я погляжу, он прикрыт хуже остальных.

– Он отказался от охраны. Якшается черт знает с кем, водит к себе женщин и все такое, как следует из имеющихся данных. Сегодня я с ним познакомлюсь.

– А какая цель самая лакомая?

– По моей шкале – Уэйн Бойд. У Рейнхолда на него здоровенный зуб. Держу пари, всякий раз, когда он бьет человека бейсбольной битой, перед его мысленным взором стоит тренер Бойд, выгнавший его с поля – его, мечтавшего стать героем чемпионата!

– Бойд говорит, что не ругал его за выбитый в аут мяч, но дети есть дети.

– Да уж, они его наверняка не пощадили. Значит, необходимо было отыскать всех игроков команды Рейнхолда и их противников. Что я и постаралась сделать.

– Ты считаешь, что он залезет так глубоко, зайдет так далеко?

– Я считаю, что нам повезло, что он не имел отношения к «Рыжей Лошади», – сказала она, вспомнив свое прежнее крупное дело. – Если бы такой, как он, вооружился вирусом Мензини, то не пощадил бы никого, кто когда-либо косо на него взглянул, вместе со случайными свидетелями. Он похож на Льюиса Коллуэя: тот же скулящий, заносчивый, мстительный характер. Разница в том, что ему все это нравится, он в восторге от своей способности убивать, находясь с жертвой лицом к лицу, собственноручно.

– У него нет самообладания Коллуэя, если правильно называть это самообладанием. И ему необходим контакт с жертвами.

– Похоже на правду, – согласилась Ева. – Но у Бойдов хорошая система охраны в здании, да еще большая семья. Там ему не пролезть ни в дверь, ни в окно без надлежащей экипировки и сноровки. Пришлось бы довольствоваться захватом жены или кого-то из детей для шантажа Бойда, чтобы тот его впустил. Слишком рискованно!

Она, по своей привычке, опять стала расхаживать взад-вперед.

– Сейчас он бесится. Это его естественная реакция на травму – бешенство. Но мы помним, что он ушел из дома Фарнсуорт с миллионами и теперь должен восторгаться собой. Пока что он одерживает одни победы, это придает ему нахальства. При этом он остается трусом. Он воображает, что храбр, что обрел силу, цель всей жизни, но все его действия выдают напуганного, избалованного, неблагодарного сопляка, только кажущегося взрослым.

– Скажу про самого себя: ни о каком баловстве в моем детстве и речи быть не могло, но неблагодарности во мне было хоть отбавляй. Подзатыльники и пинки как-то не учат благодарности, зато учат жить в страхе. Думаю, я был на все готов за самое плевое вознаграждение.

– Но трусом ты никогда не был.

Он встретился с ней взглядом, вспоминая своего отца.

– Не было дня, чтобы он не вселял в меня страх, даже когда я научился давать ему отпор. Взять последние побои, когда он меня чуть не похоронил. Я до сих пор не уверен, что не вернулся бы к нему даже после этого, потому что мне больше некуда было деваться. Спасибо Соммерсету, он меня нашел и обогрел. Благодаря ему у меня появилась возможность выбирать. И ведь не сказать, что поначалу я был ему за это признателен.

Ева взяла Рорка за руку. Иногда она забывала, что он тоже когда-то был ребенком, таким же перепуганным, растерянным, забитым, как она.

– Ему достаточно было бы поманить меня пальцем, – продолжил Рорк чуть слышно. – Я был страшно забитым и долго выбирался на поверхность. Если бы кто-то не вытянул меня за уши, мне бы не жить на этом свете.

Что бы он думал и чувствовал, если бы узнал, что за уши его вытянул не кто иной, как Соммерсет? Она не считала себя вправе открывать ему глаза.

– Родители никогда не оскорбляли Джерри, тем более никогда не били. Зато полно свидетельств прямо противоположного.

– Но ты же сама говоришь об его специфическом складе ума.

– Говорю, – она посмотрела на экран. – Наибольшая опасность грозит

Бойду и манекенщице. А еще Гарберу, другому учителю: до него не так трудно дотянуться, но не станет же он убивать одних учителей! Это покажется ему скучным. В списке полно других людей: бывших работодателей, контролеров, сослуживцев.

– Какой внушительный список! – присвистнул Рорк.

– Что есть, то есть. Будем надеяться, что он полетит на яркий свет. Обе главные мишени хорошо защищены. Пусть только попробует дотронуться до Бойда или до Уизлет – сразу будет схвачен. Беда в другом: слишком многие не вошли даже в этот список. Это люди, о которых никто не знает.

«Потому что о них невозможно знать», – подумал он. Неудивительно, что она ходит по кругу.

– Лучше всего было бы найти его еще до того, как он определится со следующей жертвой.

– Новое удостоверение личности, новая берлога. Если у него есть голова на плечах, он спрячется на несколько дней, подлечится, разработает надежный план.

– Но головы-то нет?

– На это вся надежда, – прошептала Ева.

– Раз так, я продолжу поиск денег. Пока что поработаю здесь, – сказал он, поворачивая ее к себе. – В какой-то момент мне придется связаться с Фини. Но ноги моей сегодня не будет в Управлении, если ты не поклянешься, что не заставишь меня в одиночку отдуваться на награждении.

– Мало ли куда меня забросит следствие, – видя в его взгляде угрозу, она закатила глаза. – Будем на связи. Если что-то важное принудит меня пропустить церемонию, я дам тебе знать. Ты – ловкач, ты выпутаешься.

– Договорились. – Он поцеловал ее и был растроган ее крепкими объятиями.

– Так или иначе – увидимся.

– Если ты явишься на церемонию, то в мундире?

– Придется.

Он заулыбался.

– Буду предвкушать! Береги себя, мой коп!

Провожая его взглядом, она говорила себе, что тайну своей благодарности Соммерсету она унесет с собой в могилу.

Она назначила Пибоди встречу в квартире Джо. Устремившись вниз, она решила начать с него.

Пальто ждало ее на перилах лестницы. Она знала, что на ночь

Соммерсет его убирает, а утром опять достает. Почему бы просто не оставлять ее пальто на перилах? Примерно так же он поступал с ее машиной. Об этом она думала, надевая на ходу пальто. Она бросала машину перед домом, он отгонял ее при помощи пульта в гараж, а поутру тем же способом возвращал на прежнее место.

Рутину, подумала она. У каждого свои причуды.

Небо сулило некоторую надежду. Если свинцовые тучи разразятся ливнем, причем в нужное время, то они будут спасены от торжественной церемонии по крайней мере на ступеньках Управления полиции. Тогда она вознесет хвалу Тому, Кто ведает тучами.

Выехав за ворота, она уже через две минуты оказалась зажатой в плотном потоке машин и чуть не оглохла от безумной какофонии гудков. Машина была полностью снаряженной, и она выяснила при помощи камеры, в чем причина затора. Виновником оказался сломавшийся максибас, перегородивший две полосы. Дорожная полиция уже должна была быть в курсе, тем не менее она сообщила о дорожной обстановке еще раз, а потом взмыла вверх и перелетела через несколько крыш. Теперь маршрут удлинился, но это было все же лучше, чем торчать в пробке и сыпать беспомощными проклятиями.

Главное, новый, пускай удлиненный, маршрут ломал рутину. Другие здания по пути, другие картины, другие уличные торговцы с тележками. Одно непонятно: кому они продают в такую рань нью-йоркскую сувенирную дребедень, шарфики, шляпы, поддельные сумки?

Все дело в празднике, вспомнила она, а с него начинается сезон сумасшедших рождественских распродаж. Туристы, обалдевшие от самого факта, что они попали в Нью-Йорк, облепляли лотки с барахлом, которое считали удачным дешевым приобретением, как муравьи сахар.

Она понимала логику торговцев: они расставили свои ловушки, пользуясь праздничным сбоем в рутине своих покупателей.

Рутину, постылый порядок, думала она, выпрямляясь в кресле. Рейнхолд ломал все это, переходя на новый, более высокий уровень потребления еды, одежды, услуг. Но порядок устанавливается не просто так, а по веским причинам.

Наверное, у него есть излюбленная галерея игровых автоматов? Он же любитель игр. Любимый клуб, пиццерия? Спорт? Сейчас не бейсбольный сезон, но есть ли у него любимый стадион – футбольный, баскетбольный, хоккейный?

Теперь билеты ему по карману. Билеты на лучшие места.

Видеозалы, музыка, модные клубы – что сейчас в тренде?

Ободренная догадкой, она вызвала с бортового коммуникатора Мэла Голда.

– Доброе утро, лейтенант.

Усталые глаза, всклокоченные волосы: то ли спал, то ли провел бурную ночь, то ли то и другое.

– У меня вопросы. Какую из соседних пиццерий предпочитал Рейнхолд?

– Тут и думать нечего: «Винни».

– Какую пиццу он обычно заказывал?

– Ну... Прошу прощения. – Он потер лицо. – Я не выспался. Пеперони, лук, грибы, зеленый перец.

– Хорошо. Любимые спортивные команды.

– Конечно, «Янкиз». Это не мой клуб.

– Я не про бейсбол. Футбол, баскетбол? Чтобы по теперешнему сезону.

– Американский футбол, «Джайнтс». Он их убежденный фанат. Остальное его не колышет.

– Поняла. Любимые заведения? Игровые галереи, клубы, кафе?

– Обычно мы ходили в «Джанглз» на Таймс-сквер. Там можно и сыграть, и выпить. Это на Бродвее, между Пятьдесят пятой и Пятьдесят шестой. В «Джанглз» устраивают турниры. Джерри не скупился, лишь бы туда попасть. Однажды он чуть не выиграл, но Бруно его обошел. Как же Джерри психовал!

– Бруно?

– О! – Мэл побледнел и расширил глаза. – Как я раньше о нем не подумал? Фамилию я не знаю. Бруно – клубная кличка. Здоровенный такой, хотя сам еще сопляк, всего восемнадцать лет. Но играет – дай бог каждому.

– Больше ничего не приходит в голову? Привычки, любимые местечки, кушанья, все такое прочее.

– Фисташковое мороженое у «Грегмен», это по соседству. Он с детства на него подсел. Пивная «Тэп Ит». Да, и еще. Люсиль. – Он оглянулся и понизил голос: – Про нее я тоже почему-то не вспомнил. То есть понятно почему: стоит только подумать о проститутке, когда мама в комнате, – и она догадается. Она такая.

Ева, познакомившаяся с его матерью, нисколько в этом не сомневалась.

– Он посещает проститутку по имени Люсиль?

– Мы все к ней захаживали. Она, мне как-то неудобно...

– Убийство заставляет забыть о неудобстве.

– Это верно. Понимаете, она давала нам групповые скидки – мне, Джерри, Джо, Дейву. Нам тогда было по шестнадцать-семнадцать лет.

Поверьте, я узнал об этом только потом, но друзей не принято закладывать. В общем, Джерри стащил у матери деньги и заплатил Люсиль за полный, ммм... пакет услуг. Уверен, у него это был первый раз. Тогда ему было уже почти восемнадцать. Помню, Джо потешался над ним, обзывал девственником, вот Джерри и болтал потом, как Люсиль его обслужила. Он нахвалил ее минет. Вот!

– Вы все еще ее посещаете?

– Нет! То есть, – у него покраснели уши, и он бросил опасливый взгляд за спину, – я – нет. Дейв тоже, насколько я знаю. Но я уверен, что Джо и Джерри иногда к ней заходят.

– Где она промышляет?

– Раньше, когда у нее была уличная лицензия, она работала на А-авеню. Но потом обзавелась собственным гнездышком и приобрела лицензию следующего уровня. Не знаю, может, она до сих пор фигурирует в справочнике. Сам я не видел ее с восемнадцати лет. Меня с души воротило: одна – на нас всех!

– Ладно. Опиши ее. Возраст? Раса?

– Думаю, не намного старше меня: лет двадцать семь – двадцать восемь, примерно так. Мулатка, смесь черной и азиатской рас. Была очень хороша собой. Не знаю, как теперь.

– Спасибо. Если вспомнишь еще что-то, свяжись со мной.

– Конечно. Знаете, лейтенант, вчера вечером мы с Дейвом и с его братом Джимом прошвырнулись по окрестностям. Его мы не видели, те, с кем мы говорили, – тоже.

– Пытаешься делать мою работу, Мэл?

– Нет, что вы! Просто нам с Дейвом приспичило вырваться из дому. Мы друг от друга никуда. Мы все вместе.

– Продолжайте в том же духе, – посоветовала Ева.

За разговором она незаметно доехала до дома Клейна. На последнем отрезке пути она связалась с Чарльзом Монро. Вместо красавчика эксперта по сексуальным вопросам на экране коммуникатора возникла хорошенькая врачиха, его новоиспеченная жена.

– Привет, Даллас.

– Привет, Луиза. Я звонила Чарльзу.

– Ну да. Его коммуникатор попал мне на глаза. Он готовит мне завтрак.

– Прости, что помешала.

– Ничего страшного. Его руки снова свободны. Ждем не дождемся встречи с тобой и со всеми остальными завтра. Вот и Чарльз.

– Доброе утро, Сахарный Лейтенант.

– Маленький вопрос, Чарльз. Может, ты знаешь или можешь узнать что-то об одной проститутке, вышедшей на улицу лет десять назад, еще молоденькой. Зовут Люсиль.

– Ты серьезно?

– Подожди. Мулатка, скорее всего, смесь черной и азиатской рас. Начинала на А-авеню, потом пошла в гору, но, скорее всего, осталась в тех же краях. Предупреждаю твой вопрос: нет, я не знаю, сколько проституток с лицензией числится в справочнике, но предполагаю, что немало. Ей ничего не грозит, просто нужно кое-что выяснить.

– В тех краях мне работать не доводилось, но есть знакомые оттуда. Посмотрю, что получится узнать.

– Буду очень тебе признательна. Что ты готовишь?

– Блинчики молодоженов.

– Не слишком ли затянулся медовый месяц? – поинтересовалась она – как-никак, они поженились уже несколько месяцев назад.

– По мне, пусть бы он вообще не прекращался.

– Любопытная мысль! Заранее спасибо. До встречи!

Ева отключила связь и вильнула к тротуару в квартале от дома Балбеса Джо.

Выходя из машины, она прикинула, что пиццерия и игровая галерея еще не открывались. Скорее откроется мороженщик Грегмен и касса, где можно осведомиться о последних приобретениях дорогих билетов на матчи «Джайнтс».

Появление напарницы в толстом фиолетовом пальто и в розовых ковбойских сапожках, выплунутой подземкой вместе с миллионом других пассажиров, подняло Еве настроение.

– Привет! – сказала она, пристроившись рядом с Пибоди и зашагав с ней в ногу. – Ты как раз вовремя.

– Я чувствовала себя заложницей, одной из кучи заложников, задыхающихся от нехватки воздуха. На этой линии маловато поездов.

– Рутина, – стала объяснять Ева. – Им так удобнее: привычка, система. У всех свои привычки. Рутина, любимые вещи. Тут у меня список привычек Рейнхолда. Ты проверишь билеты на лучшие места на играх «Джайнтс». Это американский футбол.

– Знаю. Люблю футбол. Там все в обтягивающих штанах и с богатырскими плечами.

– Это подложные плечи, обман зрения.

– А мне нравится.

– Еще на тебе Грегмен, – продолжила Ева. – Это в квартале Рейнхолда. Фисташковое мороженое.

– Ага. Лично я с зеленым мороженым завязала. Все понятно.

– Чарльзу я поручила проститутку по имени Люсиль. Говорят, она разбила Рейнхолду сердце тем, что давала ему и его приятелям скидку на минет. Возможно, Рейнхолд и здешний обитатель Балбес Джо все еще ее навещают. Еще появилось заведение «Джанглз», игровая галерея на Таймс-сквер и игрок по имени Бруно, победивший Рейнхолда в соревновании. А также пивнушка под названием «Тэп Ит».

– Как мы умудрились все это пропустить?

– Ничего мы не пропустили, – возразила Ева, доставая жетон и поднося его к считывающему устройству на входной двери. – Просто дополнительные данные. Я заговорила с Мэлом о рутине, вот он и припомнил кое-что. Рорк прорабатывает денежную линию.

– Макнаб тоже. Еще он занимается фальшивым удостоверением личности. Как-то все медленно движется, Даллас.

– Ничего, мы поднажмем. Сейчас наша задача – ничего не проморгать здесь. Он где-то неподалеку, в каком-нибудь шикарном месте – голову даю на отсечение!

– Лейтенант Даллас, детектив Пибоди, – сказала Ева в переговорное устройство. – Мы пришли побеседовать с Джо Клейном.

«Проверка ID завершена. Мистер Клейн не дает вам разрешения на вход. Требуется разрешение».

Ева расправила плечи и плотоядно улыбнулась. Пробежка, заплыв, свежий взгляд – и застрять по милости электронного сторожа? Хорошенькое начало трудового дня!

– Слушай, ты, безмозглое электричество, – сказала она.

Доставив себе удовольствие временной победой над электронным истуканом, Ева и Пибоди поехали в лифте на седьмой этаж.

– Здесь попримачнее, чем у его дружка Мэла, – заметила Ева. – Он торгует страховками?

– В дядиной компании «Иншуренс Сейлз Продюсер», – подтвердила Пибоди. – Компания средней руки, но крепко стоит на ногах. По моим данным, Джо способный сотрудник. Но в свободное время обожает транжирить премиальные и комиссионные. Понятие «деньги на черный день» для него ругательное.

– Откуда берутся такие понятия? Какая гадость – «черный день»! Ты не согласна?

– Как будто да.

– Вот видишь! – И Ева, выйдя из кабины, направилась к двери квартиры 707.

Занятно, подумала она: Джо установил сканер ладони и камеру. Другие квартиры на этаже обошлись без этих фокусов. То ли он больше соседей озабочен безопасностью, то ли это просто понты. Возможно, и то и другое одновременно.

Она нажала на звонок, проигнорировав электронное приветствие. В этом доме на первом месте стояла забота о статусе.

«В данный момент мистер Клейн просит его не беспокоить, – услышала она. – Будьте добры, назовите свое имя и оставьте сообщение».

– Лейтенант Даллас, Управление полиции Нью-Йорка. – Она опять приложила жетон к сканеру. – Мое сообщение: придется его побеспокоить. Это полицейское расследование. Не вздумай меня прогонять, иначе я решу, что мистер Клейн укрывает подозреваемого в убийстве или насильно удерживается им. Это предположение принудит меня проникнуть в квартиру, невзирая на систему охраны.

«Минуту».

– Сильный ход, – похвалила Еву Пибоди. – Хотя технически нам нужна обоснованная причина, а не предположение.

– С технологией надо действовать умно.

«Сейчас с вами будет говорить мистер Клейн, лейтенант Даллас, УПНЙ».

– Так-то лучше.

«Сейчас» растянулось на две минуты. Когда Балбес Джо соизволил наконец отпереть дверь, Ева поняла, в чем причина задержки: они потревожили его сладкий сон. Его зеленые – даже слишком зеленые, что заставляло предположить наличие линз, – глаза были сонными, на правой щеке остался след от подушки. На нем были растянутые черные штаны и майка, он вышел к двери босой.

– Здравствуйте, детектив. – Он адресовал Пибоди зубастую рекламную улыбку. – Простите, что заставил ждать. Я поздно лег.

Теперь он удостоил оценивающим взглядом и Еву.

– Моя напарница, лейтенант Даллас. Впустите? Надо поговорить.

– Конечно, только сейчас как-то не совсем, – не переставая улыбаться, он задрал руки, – сейчас не лучший момент. Я не один, понимаете? – Он подмигнул.

Ева смотрела на него, не мигая. В конце концов он не выдержал и пожал плечами.

– Что ж, входите. Все равно она спит как убитая. Говорю же, ночка выдалась еще та!

И он попятился в свою щегольскую гостиную, где не хватало только плаката: «Холостяк в поиске развлечений». Сплошь стекло, металл, черная искусственная кожа. Огромный экран, под ним несметное количество дисков. В углу блестел стеклом бар, стены увешаны фотографиями и карандашными набросками на одну тему – обнаженные женщины.

На полу валялись туфли на неправдоподобно высоких каблуках, крохотная юбчонка и трусики зоологической расцветки.

– Гости не предполагались. – Хозяин со смешком бросил эти признаки дамского присутствия на кресло. – Мне нужен кофе. Будете кофе?

– Нет, спасибо.

– А мне нужно включить мозговые клетки. – Он похлопал себя по макушке и занял позицию за барной стойкой.

Ева услышала знакомые гудки – Джо запустил свой кухонный автомат.

– Так чем я могу быть вам полезен, леди?

Ева проглотила «леди». Он не заслуживал траты нервов.

– Вы знаете, что Джерри Рейнхолд убил уже четырех человек?

Джо нахмурил брови и покрутил головой.

– Я, конечно, не юрист, но, по-моему, для таких утверждений нужны веские улики.

– Улик полно: отпечатки его пальцев, ДНК на всех орудиях убийства и на местах преступлений. Годится? Еще он красуется на записях камер наблюдения банков, куда перевел родительские средства. Он опознан

несколькими свидетелями, которым продавал предметы из родительской квартиры.

– Да, знаю, это выглядит паршиво. – Он сделал большой глоток из огромной полосатой чашки. – Кофе – что надо! Вы точно не хотите?

– Точно.

– Что ж, – он вышел из-за стойки и указал на длинный низкий диван, – я знаком с Джерри много лет. – Он сел в кресло, на котором не было женской одежды, сполз пониже и вытянул ноги. Он не испытывал ни малейшего смущения. – Мне трудно осознать, что он свихнулся и кого-то убил.

– Его родители, бывшая девушка и бывшая преподавательница информатики не согласились бы с вами, если бы остались в живых.

– Да уж, – он допил кофе и закинул ногу на ногу. – Просто я не исключаю ошибку.

– Вы говорили с Джерри после вечера вторника?

Он поерзал в кресле.

– Нет. Хотя скажу честно, я пытался с ним соединиться, чтобы услышать, так сказать, его версию. Вдруг он просто напуган – а кто не испугался бы? – потому и не высовывается?

– Вы действительно так глупы? – не выдержала Ева.

– Это вы бросьте! – Он как будто вспылал, но сразу взял себя в руки. – Разве его не могли подставить? Что, если его самого пытались убить? Тут любой бы спрятался. А вдруг он уже мертв? Хорошо, допустим, он совсем сбрендил и натворил все это. Я-то что могу поделать?

– Он действует по списку. Вы можете оказаться следующим на очереди, Джо.

Он засмеялся, запрокинув голову, дрыгнув ногами.

– Я вас умоляю! Ни малейшей возможности! Послушайте, леди...

– Лейтенант, – одернула его Ева. – Я лейтенант убойного отдела и два дня назад была вся в крови родителей Джерри Рейнхолда, тем же вечером стояла над трупом Лори Нуссио, на следующий день – над изуродованным телом Эдди Фарнсуорт.

– Я, конечно, ужасно обо всем этом скорблю, но...

– Тут нет совершенно ничего смешного. Он сшибает с ног, режет, душит людей. Вам пора задуматься, какой способ у него припасен для вас.

Улыбка исчезла, но Джо все равно пренебрежительно отмахнулся.

– У него нет причин на меня нападать. Мы близкие друзья.

– Помните свой выигрыш в Вегасе? И его проигрыш? Вы еще над ним потешались. Для него этого более чем достаточно.

– Да ладно, Джерри не такой, он знает, что я просто так, для смеха! Потом я поставил всем выпивку.

– Джо, – начала урезонивающим тоном Пибоди. – Почему вы отказываетесь от защиты? Речь всего о нескольких днях.

– Нет, это не для меня. Чтобы копы заглядывали мне через плечо? Мэл и Дейв – другое дело, они не занимаются тем, чем я. – Он насмешливо фыркнул. – И вообще, я справлюсь с Джерри сам. У меня многолетний опыт.

– Не с этим Джерри, – сказала Ева, уже видя, что его не проймешь.

Джо опять махнул рукой.

– Значит, так: я проверю последние сообщения, потом завтрак. Сегодня мой рабочий день начинается на пару часиков позже, но вечером у меня очередная нежная встреча. Завтра – визит к родным по случаю Дня благодарения. Расписание, как видите, плотное, для Джерри в нем нет места. Но если я о нем узнаю, то дам вам знать.

Ева встала.

– Дело ваше. Он располагает или когда-либо располагал кодом или ключами от этой квартиры?

– Нет, это мое. Я забочусь о своей приватности.

– Сегодня вам надо быть особенно осторожным, Джо. Иначе существует опасность превратиться в холодный труп.

Поворачиваясь, чтобы уйти, Ева заметила его усмешку, но не стала реагировать.

– Думаешь, он свяжется с нами в случае чего? – спросила Пибоди за дверью.

– Пятьдесят на пятьдесят. Зависит от его настроения. Не зря его прозвали Балбесом Джо!

– Это точно. – В лифте Пибоди продолжила: – Рейнхолд не попадет в квартиру, если Джо его не впустит. Даже проникнуть в здание здесь не так просто. Джо собирается на работу, а там полно людей, потом с ним будет какая-то дура, почему-то обратившая на него внимание. Похоже, он будет в безопасности даже без нашей защиты.

– Я приставляю охрану к людям, которые этого хотят. Принуждение не входит в мои обязанности.

На улице она набрала в легкие прохладный влажный воздух. На ее беду, дождь никак не начинался.

– Едем в Управление. Будешь прорабатывать свои направления. Я займусь картой и недвижимостью. Ему подавай шик. – Она оглянулась на дом Джо. – Хотя бы по той же причине, что и его дружку. Он нахватался

денег и теперь желает шикавать.

– Значит, поселится в престижном месте и станет скупать предметы роскоши, – предположила Пибоди.

– В том-то и дело. – Шагая к машине, Ева напряженно размышляла. – Он будет модничать, как Балбес Джо. Никакой классики, никакого антиквариата. Все новенькое, с иголки. Сосредоточимся на этом. Ему срочно понадобятся главные предметы обстановки. Роскошные гостиничные апартаменты тоже не исключены, имей это в виду. Главное, он где-то неподалеку.

Вернувшись на работу, Ева убедилась, что шутка с галстуком еще не устарела. Теперь в галстук щеголяла детектив Кармайкл. На ее галстук красовался табун фиолетовых лошадей, скачущих по ядовито-зеленому полю. Все вокруг, включая рядовых копов, – и сидевшие на рабочих местах, и перемещавшиеся по помещению – были в связи с этим в темных очках.

Пибоди достала из кармана свои радужные очки и водрузила их на нос. Весело улыбнувшись Еве, она уселась за свой стол и погрузилась в работу.

Ева решила, что мешать их игре нет оснований, и ушла к себе.

Первым делом она сварила кофе, потом загрузила свою карту. Где-то тут, в треугольнике, в периметре шести кварталов, решила она. Начинать надо отсюда.

Она настроила масштаб карты и выделила облюбованный участок.

– Компьютер, поиск и перечень всех отелей люкс, всех люксовых комплексов апартаментов, кондоминиумов, арендных домов в выделенной зоне.

«Принято. Осуществляется поиск».

– Задача номер два. Поиск и перечисление всех магазинов дорогой мебели на Манхэттене, специализирующихся на современном модном ассортименте.

Пока компьютер принимал задание к сведению, она кружила по кабинету.

– Следующая задача. Поиск и перечисление всех магазинов деликатесов в обозначенной зоне, осуществляющих доставку покупок.

Она учитывала, что он располагает дроидом, которого может посылать в магазины, но все равно хотела попытаться.

«Первая задача выполнена, результаты на экране».

Ева просмотрела список и в ужасе взъерошила себе волосы: сколько

адресов! Но масштаб поиска можно и сузить. Ее бригаде и так нелегко защитить всех, кто подвергался опасности. А тут еще эта проверка: отработка каждого адреса потребует много часов.

Собственное гнездышко, рассуждала она. Приватность, статус, малая вероятность вызвать подозрение у охраны или у любопытного портье, тем более с измененной внешностью.

– Компьютер, сохранить список отелей, но отдельно от общего списка.

Одному сотруднику придется поручить обзвон отелей. Но чутье подсказывало, что Рейнхолд предпочтет арендовать собственное жилье.

«Вторая задача выполнена. Результаты по категориям торговых точек на экране».

При виде списка Ева ахнула.

– Я сказала: один Манхэттен.

«Ответ утвердительный. Приведены результаты только по Манхэттену».

– Черт! – Она чуть не вырвала себе клок волос.

«Некоторые торговые точки предлагают любую обстановку, – продолжил механический голос, – некоторые специализируются на определенных категориях: осветительных приборах, столах, стульях и креслах».

– Все понятно!

Разве это его устроит? Разве он станет тратить время на магазины светильников, столов, табуреток? Вряд ли.

Она выглянула в общую комнату.

– Бакстер! Зайди ко мне.

Она продолжила хождение по кабинету. У него болит нога. Где ему таскаться по городу? Он прибегнет к Интернету, к коммуникатору и для заказа, и для оплаты. Если он...

– Слушаю, босс. – Бакстер убрал черные очки в нагрудный карман.

– У тебя вроде шикарная хата?

Он улыбнулся до ушей.

– Стараемся!

– Я видела твою тачку. Настоящий вставший член на колесах!

– Вы мне льстите.

– Ничего личного. – Глядя на него, она перебирала бумаги у себя на столе. – И гардероб у тебя что надо. Раз такие шмотки, такая хата и такая тачка, значит, и обстановка должна быть сексуальной. Я не ошиблась?

– Мне нравится хорошо выглядеть и жить с удобствами. Что не так, лейтенант?

– Все так. Я о Рейнхолде. Сдается мне, он уже въехал или собирается въехать в свое жилище. Это должно быть что-то роскошное, пока что я гадаю, где это. А роскошную берлогу надо соответствующим образом обставить. Ему подавай все самое лучшее, он не против дорого платить, это поднимает его самооценку. У меня тут список соответствующих магазинов.

Бакстер посмотрел на экран и закивал.

– «Сити Лайтс» – там я покупал светильники для спальни. «Урбан Спейсиз» – оттуда мой диван, пара кресел, шкаф.

Она мысленно выругалась. Как людям не жаль времени и сил на такую чушь?

– Сколько времени у тебя ушло на то, чтобы обставить квартиру?

– А разве я уже ее обставил? – радостно воскликнул Бакстер. – Чтобы добиться совершенства, нужно месяцев шесть-семь.

Она вспомнила, что покупкой мебели для своей квартиры занималась в свое время полтора дня.

– Он не так терпелив. – «И не так разборчив и придирчив, как ты», – хотела она добавить. – Ему надо все и сразу.

– Тогда ему туда, где предлагают сразу все.

– Он повредил ногу, поэтому, думаю, будет выбирать онлайн.

– Выбор слишком велик. Но если он сильно торопится, то поищет у себя под носом. – Бакстер опять уставился на экран. – Он выберет доставку в тот же день или в течение суток.

– Наверное. Отбрасываем магазины с узкой специализацией и останавливаемся на тех, где предлагается сразу все, причем на ближайших, и с быстрой доставкой. Благодарю.

– Обращайтесь. – Он снова напялил черные очки и вышел.

Она сама принялась обзванивать магазины этого типа, потом, когда компьютер выдал соответствующий список, перешла к магазинам деликатесов. Далее последовали переговоры с охранными службами жилых комплексов. Все это ровно ничего не давало. А потом к ней заглянула Пибоди.

– Я засекла его в пиццерии.

Ева, уже готовая разрыдаться от досады, радостно вскрикнула.

– Где он?!

– То есть не его самого, а дроида. Вчера вечером заведение «Винни» продало пиццу дроиду, соответствующему нашему описанию. Теперь за прилавком другой продавец, но менеджер согласился просмотреть записи камер.

– Мне нужна копия.

– Держи!
– Он сделал заказ?
– Нет, дроид заказал сам.
– Сколько было на часах?
– Одиннадцать двадцать один вечера.
– Ночной приступ голода. Проверь такси: кого высаживали и кого подбирали у этой пиццерии.

– Все сделано.

Ева вывела пиццерию на карту.

– Боюсь, такси ни при чем. Если я не права, нам повезло. – Хмурясь на карту, она рассматривала на ней ближайшие станции метро. – Он, конечно, мог отправить дроида за много миль, но это маловероятно. Скорее на разумное расстояние, преодолеваемое пешком. Когда тебе захочется пиццы после одиннадцати вечера, ты не станешь ждать час или больше. Опять привычки. Он знает точку поблизости. Скорее это оно. – Получалось, по крайней мере, что она не зря тратила время на карту, жилье и мебель.

– Я составлю другую карту, на которой центром будет эта пиццерия. Скажем, с периметром в десяток кварталов. Это поможет сократить выбор. Показать фотопортрет подозреваемого и фотографию украденного дроида по всему сектору: в магазинах, закусочных, ресторанах, всем уличным лоточникам. Пусть они будут у всех патрульных полицейских, уличных проституток, бездомных, наркодилеров.

– Непростая задачка!

– Я добуду из бюджета пару тысяч на вознаграждение за информацию, которая приведет к поимке. Конечно, будет куча ложных сигналов, но главное, что Рейнхолд где-то здесь. Даже если он теперь живет в шикарной квартире, ему захочется оттуда выбираться. Иначе для него нет жизни, а главное, его ждет новая мишень, и очень скоро. Не забудь про местные клиники – вдруг ему опять потребуется медицинская помощь? Выполняй!

– Уже выполняю.

Ева повернулась к экрану.

– Ну что, поганец, долго еще будешь прятаться?

Не прошло и часа, как ей захотелось еще кофе. Забирая полную чашку, она бросила взгляд в окно. За ним лило как из ведра. Она торжествующе подняла чашку.

– Да здравствует дождь!

На радостях она сделала пируэт – и увидела в двери Рорка.

– Не знал, что ты любительница ненастья.

– Ты только представь: дождь, настоящий ливень! Значит, церемония

под открытым небом отменяется. Придется остаться под крышей.

– Это так важно?

– Для меня – да. Меня с души воротит, – она передернула плечами и поморщилась, – от мысли, что пришлось бы красоваться перед всем городом. В помещении будут только копы, ну, разве что еще политики, без этих никуда.

– И пресса.

– От нее тоже никуда не спрячешься. Но внутри будет как-то, не знаю, спокойнее, что ли. Ты пришел поработать с Фини?

– Уже немного поработал. Кое-что есть.

Она прыгнула, как пантера.

– Что?!

– Пока еще рано говорить. Но нам удалось восстановить на очищенном носителе кое-какие данные. Похоже, миссис Фарнсуорт вставила внутрь кодов еще какой-то код. Думаю, она хотела оставить нам подсказку. Если бы жесткий диск не был стерт, его было бы проще расшифровать. Сейчас мы складываем эту головоломку.

– Это уже кое-что!

– В общем-то, да. Мы еще к этому вернемся.

– Вернемся?

– Несмотря на дождь, у тебя осталось совсем немного времени, чтобы переодеться и явиться – туда, куда надо.

– Черт! – Она посмотрела на часы. – Вот черт!

– Ты сейчас не надеваешь наручники на Рейнхолда, так что поторопись. Будь послушной девочкой, надень свою соблазнительную форму.

– Черт! – повторила она. – Дай-ка мне, – она схватила сигналящий коммуникатор. – Даллас.

– Лейтенант! – Ей улыбался до ушей Кунг, ответственный Управления полиции за связь с прессой. – Хочу вам сообщить, что в связи с неподходящей погодой церемония награждения переносится в аудиторию А, западное крыло, сектор шесть, второй этаж.

– Спасибо. Со мной Рорк. Я ему передам.

– Отлично. Увидимся, лейтенант. Поздравляю!

– Спасибо. – Она выключила связь. – Дай мне пятнадцать минут! – взмолилась она. – Встретимся внизу.

– Не больше пятнадцати! – Он удобно устроился за ее столом со своим компьютером и проводил ее глазами.

Она бегом миновала общую комнату, кивнув Пибоди, и ринулась в

раздевалку. Там, переодевшись, она напялила фуражку и критически изучила себя в зеркале. Сойдет! Когда эта канитель кончится, она опять переоденется и вернется к работе.

Чтобы избежать вопросов и шуток, она, не заходя к сотрудникам, выскочила через боковую дверь.

Она примчалась на место встречи на полминуты раньше Рорка и залюбовалась, как он шагает к ней, сверкая глазами.

– Даже не думай! – предупредила она его.

– Поздно! Твой официальный вид сногшибательно сексуален. – Он взял ее руку, и она, сообразив, что он намерен поцеловать ей руку, вырвала ее.

– Прекрати!

– Ладно, отложим на потом. – Он встал рядом с ней на движущуюся дорожку.

– Они будут произносить речи, особенно мэр, – предупредила она.

– Я в курсе.

– Потом еще немного болтовни, презентация, фотографирование – и все, отстрелялись.

– Хм.

– Ты мог бы прислать своего представителя. Никто и глазом не моргнул бы, ты все-таки заправляешь половиной вселенной. Но хорошо, что ты явился сам. Я это ценю.

– Это было бы неблагодарностью, а я благодарный человек. Когда это появится на экранах, меня увидят несчетные копы твоей обожаемой вселенной. Для меня это плюс, не так ли?

– Об этом я как-то не подумала.

– А я подумал. Но все равно мне придется быстро сбежать, чтобы встретить родственников. Но ты не бойся, лейтенант, я вернусь к нашей совместной работе, как только их устрою.

– Если мы схватим его уже сегодня, то он не успеет убить кого-то еще. Знаешь, пачкаться клюквенным соусом как-то приятней, когда не думаешь об этом подонке.

– Полностью согласен.

Он был, конечно, прав, говоря о чувстве благодарности к Управлению полиции. Ей самой надо было бы в ответ проявить больше приветливости к его ирландской родне.

– Я постараюсь выкроить побольше времени, чтобы побыть дома, – сказала она.

Он провел пальцем по ее руке.

– Еще один повод для признательности.
– Таких поводов вокруг куча, только успевай увертываться.
На втором этаже они заторопились в сектор шесть.
– Надо набраться терпения по меньшей мере на полчаса, потому что мэр – известный говорун. Сразу после церемонии я переоденусь.
– Жаль, – сказал Рорк.
– Я работаю в городе, центр притяжения – пиццерия. Вчера вечером он присылал туда своего дроида.
– Интересно.
– Насколько я понимаю, он должен обставить свою берлогу, поэтому я проверяю магазины. Чутье подсказывает, что ему подавай все первоклассное. Еще я занимаюсь кондоминиумами, апартаментами, таунхаусами. Ему от меня не уйти.
Рорк видел, что, ходя кругами, она затягивает петлю.
– Он твой, лейтенант. Я в тебя верю.
– Только бы поскорее!
Двое полицейских, сторожившие двойные двери аудитории А, встали по стойке «смирно». Навстречу им шагнул Кунг – высокий, худой, в своем неизменном темно-синем костюме.
– Лейтенант, Рорк. Я провожу вас за кулисы.
– Прекрасно!
– Жаль, что пошел дождь, – сказал Кунг на ходу. – Ступеньки перед Управлением – великолепная трибуна.
– Ничего не поделаешь.
Он насмешливо посмотрел на них обоих.
– Уверен, вы оба огорчены. Первым выступит мэр, затем директор Управления Тиббл, после него – ваш майор. Первым представят Рорка. Желательно, чтобы после награждения и фотографирования вы сказали несколько слов.
– Разумеется.
– Дальше ваша очередь, лейтенант.
– Понятно.
– После церемонии состоится небольшой прием.
Она споткнулась.
– Что?!– Это инициатива мэра, – объяснил Кунг. – Опять фотографии, короткие интервью.
– Мэр в курсе, что я отслеживаю убийцу, на счету которого уже четыре трупа?

– В курсе, как и я. Это займет не больше десяти минут, – пообещал Куонг. – Если получится, то даже меньше. Положитесь на меня, я вас своевременно эвакуирую. Даю слово.

Как она ни хмурилась, не доверять ему не было оснований.

– Максимум десять минут!

– Конечно. – И Кунг распахнул дверь за кулисы сцены.

Народу собралось немало: сам мэр, свита, Тиббл, двое-трое в форме, Уитни, бригада гримеров. Когда один из них бросился к Еве, она зло процедила:

– Только попробуй дотронуться до меня своим дерьмом! Сам будешь его жрать!

Тиббл потряс руку Еве, потом Рорку.

– В высшей степени заслуженная честь! – сказал он. – Я скажу об этом с трибуны, но сейчас хочу заверить вас обоих лично, что Управлению полиции Нью-Йорка и городу очень повезло, что у нас работает такой сотрудник, как вы, лейтенант.

– Благодарю вас, сэр.

– В не меньшей мере это относится к вам, – повернулся Тиббл к Рорку. – Мы благодарны вам за то, что вы не жалеете для нас времени, усилий и опыта.

– Всегда готов помочь.

– Думаю, не ошибусь, если скажу, что время, затраченное на эту благодарность, вы бы предпочли посвятить работе. Но для Управления и для города важно чтить своих героев.

– Мы понимаем и ценим это, сэр.

– Думаю, вы оцените это еще больше, если мы позаботимся о краткости. – Директор кивнул и заговорил с Кунгом.

В следующую секунду их заметил мэр, и Ева приготовилась к очередной порции бессмыслицы, но Кунг вовремя прикоснулся к его плечу и указал на сцену.

– Нам пора, – прошептала Ева.

Все поплелись на сцену. Оказавшись перед аудиторией, Ева приказала себе скрыть изумление. Зал был набит битком, люди толпились сзади, выстроились вдоль стен.

Ева ждала, что увидит Надин: криминальный репортер не могла пропустить такое событие. Но откуда взялись Мевис, Леонардо, даже малышка? Кто их предупредил? Ева увидела весь свой отряд, Миру, Фини, Макнаба. Боже, подумала она, кто же ловит злоумышленников?

Пришли все: Чарльз, Моррис, Каро, Рео, даже крестник Фини, Джейми

Лингстром, чудо-электронщик, мечтавший стать копом. Волосы он отрастил еще длиннее, чем раньше.

– Вот и семейка, – тихо сказал Рорк.

– Что?!

– Семья пожаловала.

Она проследила его взгляд и нашла его тетю Шинед, дядюшек, бабушку, кузенов и еще бог знает кого. При них находился Соммерсет. Ева сообразила, что это он все устроил: убедил Рорка, что они приезжают позже, и притащил их сюда.

Пусть семья гордится! Что ж, подумала она, видя сияющую Шинед, все это действительно имеет некоторое значение. Она хотела что-то сказать Рорку, когда мэр уже направлялся к трибуне, но вдруг заметила в толпе еще кое-кого.

Никси Свишер. Напряженное личико, неподвижные глаза. Ни следа улыбки, серьезный взгляд. В этом взгляде Ева прочла нечто, что раньше упускала из виду.

Все это происходило и для нее, Никси. А вместе с ней – для всех жертв и для всех выживших. Для каждого из погибших, которого она пыталась спасти раньше и еще попытается.

Значит, это было не зря. Все это – не зря.

Слишком много слов, слишком много камер. Сколько лишнего! Все речи, пресса, политика – в конечном счете, какой во всем этом смысл?

Но когда Уитни вызвал Рорка, она напутственно прикоснулась к его руке. Гордость в глазах Шинед была наполнена смыслом, смысл был и в гордом виде Соммерсета, в нескрываемом удовлетворении Фини, в дружной радости всех ее подчиненных.

В том, что люди, составлявшие ее мир, безоговорочно признавали человека, значившего для нее все на свете.

– Для меня честь вручить вам высочайшую награду Управления полиции и безопасности Нью-Йорка для гражданских лиц и выразить вам признательность за неоценимую помощь, самоотверженность и доблесть. Вы не носите жетона и не приносили присяги, тем не менее жертвуете своим временем, опытом и возможностями, рискуете и жертвуете собой ради торжества правосудия и благоденствия жителей Нью-Йорка. Сегодня мы благодарим и чтим вас за ваш достойный вклад в общее дело.

«Удивлен ли он этим признанием?» – подумала Ева. Он добился уважения всех: полицейских с улиц и детективов, командования и рядовых, начальства Управления. Он – привычный к власти, к высокому положению, к управлению большими массами людей. Она видела, как он удивлен их общим порывом, когда дружно встал весь зал.

При этом она не сомневалась, что он улавливает иронию ситуации.

Дублинский уличный пострел, ловкий воришка, посвятивший большую часть жизни бегству от полицейских, теперь принимал их поздравления и благодарность.

– Благодарю всех вас за эту высокую честь. Я горд тем, что сотрудничаю со сливками Нью-Йорка, тем, что познакомился с людьми, беззаветно преданными службе, тем, что увидел и понял их преданность, их отвагу, их самоотверженность. Вы называете это верностью долгу, но я усматриваю в этом нечто большее. Главное – то, кто вы, какие вы. Я благодарен и счастлив, что являюсь частью этого славного целого.

Когда он сделал шаг назад, Ева ненадолго сменила выражение лица «благородный слуга закона» на радостную улыбку. Рорк быстро сфотографировался с командованием.

– Неплохо, – прошептала она, когда он снова занял место рядом с ней.

– А то! Доставь коллегам удовольствие: поцелуй меня у них на виду.

– И не подумаю! – Она чуть не прыснула, но сдержалась, сообразив, что он не шутит. – Ничего не выйдет.

– Мы даем клятву служить и защищать, – начал свою речь Уитни. – Каждый полицейский произносит эту священную присягу, сознает этот долг и им живет. Лейтенант Ева Даллас – хороший коп. Сегодня ей вручают Почетную медаль Управления полиции Нью-Йорка, высочайшую награду, которую присваивают не просто так. Она заслужила ее следствием по делу «Рыжая Лошадь», когда под ее прозорливым руководством и благодаря ее умению были опознаны и задержаны Льюис Коллуэй и Джина Макмиллон, которые теперь ожидают суда по обвинению в массовом убийстве и терроризме.

На эти слова аудитория ответила громкими аплодисментами. Еве хотелось к ним присоединиться, чтобы поаплодировать справедливости, но она сдержалась.

– Это успешное расследование спасло несчетное число жизней, – продолжал Уитни. – Но это еще не все. Всю свою карьеру, с того момента, когда она надела форму, лейтенант Даллас проявляет неутомимость, профессионализм, доблесть, чем и заслужила это высокое отличие. За ее многолетнюю службу, за все расследования, весь риск, все самопожертвование, за службу во имя справедливости я с огромной профессиональной и человеческой радостью вручаю Почетную медаль лейтенанту Еве Даллас, хорошему копу.

Два последних слова растрогали ее чуть ли не до слез. Хороший коп! Для нее это было наивысшей похвалой, высочайшим признанием заслуг. Она мужественно боролась с охватившей ее бурей чувств: хорошие копы не хлюпают носом. Выйдя вперед, она отчеканила:

– Спасибо, сэр.

– Не благодарите. – Он повесил ей на грудь медаль и пожал руку. – Это я приношу вам, лейтенант, благодарность за образцовую службу. – Он шагнул назад и отдал честь.

У нее была минута – столько времени все присутствующие стоя аплодировали, – чтобы подавить эмоции и попытаться вспомнить слова, которые она собиралась произнести. Но на ум не шло ни одно.

– Будет вам, – выдавила она в надежде, что это всех успокоит, включая ее саму. Но овация продолжалась. Она взглядом попросила о помощи Кунга, но тот отделался улыбкой и пожатием плеч.

– Будет вам, – повторила она и, сделав глубокий вдох, опять нашла глазами Никси. Девочка сидела на табурете и улыбалась, Кевин, мальчик, вместе с которым она росла, стоял рядом с ней на табурете. Рядом с ними

хлопали в ладоши Ричард и Элизабет.

Все они в одной лодке, думала она: Ричард и Элизабет, потерявшие дочь, Кевин, брошенный матерью-наркоманкой, Никси, чью семью убили.

А еще Джейми, некогда обозленный и безутешный мальчишка, мечтавший отомстить за убийство сестры.

Все они и многие другие.

– Ну, будет, – произнесла она в третий раз. – Ладно, спасибо. Я... Я польщена и благодарна за такое высокое отличие. Для меня честь служить в УПН и работать с кучей хороших копов. Подчиняться одному хорошему копу, заимствовать премудрость у другого, быть напарницей третьего, возглавлять отряд из целого выводка хороших копов. Да еще пользоваться умом и проницательностью одного штатского, из которого тоже вышел бы хороший коп, если бы он так не отпихивался.

Это вызвало смех, и она успокоилась.

– Эта награда заслужена ими не в меньшей степени, чем мной, если не в большей. Дело не раскрыть без поддержки, без опоры на другого полицейского или штатского, который рискует наравне с тобой. Так что отмечены мы все. И все мы чтим память прежних и будущих жертв, все славим выживших, которым мы своим трудом помогаем находить ответы на жестокие вопросы. В них все дело, ради них мы стараемся. Вот и все.

Слава богу, подумала она, жмурясь от вспышек и дожидаясь, пока стихнет овация. Слава богу, все позади.

Ей пришлось еще попозировать вместе с Рорком, который, преодолевая ее ершистость, держал ее перед камерами за руку.

– Прекрасная речь, лейтенант, – похвалил он.

– Я собиралась говорить дольше, но половина слов вылетела из головы.

Он со смехом стиснул ее руку.

– Мне и теперь запрещено тебя целовать?

– Категорически!

Ей пришлось вытерпеть болтовню с мэром, новые рукопожатия и назойливые вспышки. Наконец соvestливый Кунг спас их.

– Понимаю, у вас в обрез времени, лейтенант, но тут двоим не терпится с вами повидаться.

Он увел ее со сцены, туда, где ее поджидала Никси.

– Привет, малышка!

– В мундире вы выглядите по-другому.

– И чувствую себя по-другому. В этом панцире я сама не своя.

– Завтра, после парада, мы придем к вам в гости.

– Слыхала.

– Там будет много детей. Мы видели Соммерсета, он так сказал.

– Ага. – Ева оглянулась на Рорка, обнимавшего свою тетю в окружении многочисленной разновозрастной детворы. – Он прав.

– Мне надо было бы поговорить с вами завтра, когда вы будете не так заняты, но...

– Валяй сейчас.

Острый, как лазер, взгляд ударил ей в глаза.

– Вы сказали, что все это ради нас. Ради моих родителей, брата, подруги. Ради всех.

– Так и есть.

– Тогда дайте потрогать.

– Трогай. – Ева, глядя на Никси – серьезные синие глаза, мягкие щечки, упрямый ротик, – нагнулась и позволила ей погладить медаль.

Никси подняла глаза.

– Это важно.

– Еще как важно!

Новая улыбка, потом с детского личика пропала взрослая серьезность.

– У меня для вас сюрприз.

– Какой?

Никси закатила глаза.

– Сюрприз. Увидите завтра, на Дне благодарения. Сейчас я поздравлю Рорка, а потом мы уйдем. Вы опять ловите плохого парня?

– Да, ловлю.

– Он кого-то убил?

– Да.

– Тогда его надо поймать.

Как просто, подумала Ева. Возможно, в каком-то смысле это действительно просто.

– Приложу все силы. До завтра!

– А вот и наша Ева!

Шинед заключила Еву в энергичные объятия. Гладкая кожа, мягкие волосы – и сильные руки, подумала Ева. Эти крепкие любящие объятия повергли ее в смущение – похожим образом ее смущал мундир, в котором ей сейчас приходилось щеголять. В этом не было ничего дурного, просто непривычно.

– Как же я рада тебя видеть! – Держа ее за плечи, Шинед лучезарно улыбалась, блестя влажными глазами. – Тебе ужасно идет форма. Мы тебя не задержим. Соммерсет говорил, что ты занята важным расследованием,

но нам все равно захотелось полюбоваться, как награждают тебя и нашего Рорка. Для нас это очень важно, Ева! Очень важно для всех нас.

– А ему было очень важно увидеть вас здесь.

– Его мать так им гордилась бы! Теперь вами обоими горжусь я. А уж как я буду дорожить вашими фотографиями на награждении! Для всех нас это настоящий восторг! Я не должна тебя задерживать и не дам делать этого остальной родне. Дождемся, пока ты появишься дома, но уж там держись!

И Шинед со смехом расцеловала Еву в обе щеки.

Ее ловили еще дважды, прежде чем ее поймал за руку Кунг.

– Простите, лейтенант, вас ждут другие. Я – ваша последняя соломинка, – объяснил он ей на ухо, уводя за спасительные кулисы.

– Отлично!

– Рорк уверяет, что спасется сам. Наверное, у него большой опыт.

– Да, он умеет ускользать.

– Вы замечательно выступили, – сказал Кунг, лавируя в толпе вместе с ней.

– Вы тоже. Не прошло и обещанных десяти минут, а я уже на свободе. Дальше я могу сама.

– Тогда я вернусь и полакомлюсь тортом.

Эти слова заставили ее замедлить шаг.

– Там предполагается торт?

– Вы же хотели удрать через десять минут.

– Хотела, – она вздохнула. – Сплошное самопожертвование! – С этими словами она прыгнула на движущуюся дорожку и устремилась в раздевалку.

Она убрала в шкафчик мундир, медаль – в коробочку. Как поступить с ней дальше? Спрятать в кабинете, решила она, а потом унести домой.

Зажав коробочку с медалью под мышкой, она вошла в комнату своего отряда. Ее подчиненные дружно вскочили, что тоже растрогало бы ее, если бы все не были в темных очках: Кармайкл опять повязала свой бешеный конский галстук. Овация вызвала у Евы смех и сразу вернула ей рабочий настрой.

– За работу, осталопы!

– Мы принесли тебе торт, – сообщила Пибоди.

– Серьезно? – Сама мысль о том, чтобы положить себе в рот даже крошку на глазах у подчиненных, казалась ей невозможной.

– В твой кабинет, – уточнила Пибоди.

– Беру назад «осталопов». Но все равно – за работу!

В кабинете ее ждало умильное угощение – аккуратный кусок торта на пластмассовой тарелочке. Она спрятала медаль в ящик стола, заказала машине кофе. Села, попробовала торт и стала работать.

В общей сложности 55 минут, подумала она, дольше, чем она надеялась, но все-таки меньше часа. Что успел натворить за эти 55 минут Рейнхолд?

У него был план. Он не видел причин, почему бы его плану не сработать, почему бы ему самому не позабавиться. При этом ему не хотелось слишком дергаться – боль в ноге опять была адская.

Он отправил дроида по магазинам, снабдив списком и наказав делать каждую покупку в другом магазине.

Оставшись один в квартире, он врубил до отказа музыку и захромал по комнатам, соображая, где обустроить сцену.

Гостиная? Вторая спальня была достаточно просторной, но ему требовался свободный доступ на кухню и в столовую. Так будет разумнее, решил он, раз он ждет компанию на День благодарения.

Это будет самое дерзкое его убийство, устроенное полностью на его собственной территории. Хорошая практика, ведь рано или поздно он начнет оказывать платные услуги. Избавление от трупа – важный этап всего процесса, наверняка ключевой для будущей клиентуры.

Бывает, заказчики – что мафия, что ЦРУ – не хотят обнаружения тела. Он где-то читал о чем-то в этом роде.

Копам невдомек, куда он подевался. Откуда им знать, где он? И кто он? У себя дома, ничего не опасаясь, можно посвятить сколько угодно времени выбору жертвы.

Хотя ему больше нравилось слово «добыча». Все они – его добыча, а у него теперь есть кодовое имя – Потрошитель. До чего оно ему нравилось!

Потрошитель. Смерть на продажу. Когда и где угодно. Условия договорные.

Что-то в этом роде, решил он.

Когда вернется дROID, они все подготовят так, как ему хочется. А потом – вызов, обольщение, ловушка. Хлоп-хлоп.

В его распоряжении была вся ночь и весь следующий день. Пока люди, засевшие за свои праздничные столы, будут притворяться, что друзья и семья – единственное счастье. Можно захватить и следующую ночь, если захочется. Если же он устанет, можно будет и закруглиться.

А потом они с дроидом решат вопрос избавления от трупа.

– У меня лучшая на свете работа! – завопил он, перекрикивая музыку,

после чего, пританцовывая – и немного морщась, – потащился на террасу. Там он не удержался, спустил штаны и показал Нью-Йорку зад. Это его здорово заводило.

Пришло время запить пивом очередную капсулу болеутоляющего. Какой восторг – пить, когда хочется, есть, когда хочется, делать все, что заблагорассудится!

Это по плечу ему одному, а вовсе не всем тем, кто его унижал, придерживал, дурил ему мозги. Теперь настала его очередь дурить мозги другим. И он не остановится.

– Я нашел себя, ма! – крикнул он и захихикал. – Так что сегодня я – мужчина!

Он обернулся. Дроид, распахнув дверь, втаскивал в квартиру большую коробку. Рот дроида открылся, но слов было не разобрать.

– Что? Не пойму. Музыка – стоп. Чего тебе?

– Сэр, я не смог приобрести и доставить все предметы за один раз.

– Заткнись, Болван. – Может, заменить этого дроида на другого? Пусть новый будет женского пола, чтобы можно было заниматься с ним сексом. – Ступай за остальным.

– Слушаюсь, сэр. Куда положить покупки?

– Клади ящик здесь. – Рейнхолд указал на середину гостиной. – Живо за остальным! И пошевеливайся, Болван!

– Да, сэр. Я скоро вернусь.

– Только попробуй задержаться! – На радостях Рейнхолд плюхнулся на пол и стал разбирать покупки.

Шпагат, клейкая лента, набор столовых приборов. Он с улыбкой разглядывал сияющее лезвие ножа, длинные зубья вилки. Отлично для разделывания индейки – и чего угодно еще.

– Вот оно! – Он достал портативную пилу, щелкнул кнопкой и хищно улыбнулся, глядя на вращение двух зубастых дисков. – У нас будет самый лучший День благодарения.

Он отложил пилу, опрокинулся на спину и захохотал, как умалишенный.

Он был совершенно искренен: еще никогда в жизни он не был так счастлив.

Ева с головой погрузилась в работу. За день она провозилась с коммуникатором столько, что в нормальное время хватило бы на целый месяц. Но все равно найти его не удавалось.

Пибоди просунула голову в дверь и угадала настроение своего

командира. Правильнее было бы исчезнуть, но она поборола малодушие.

– Даллас!

– Знаешь, сколько контролеров, менеджеров, владельцев квартир, хозяев и подчиненных начинают свой дурацкий праздник на день раньше?

– Не знаю, но догадываюсь.

– Все или почти все! Все уже засунули головы в задний проход своим индейкам.

– Просто многие отправляются в долгий путь.

– Наш никуда не отправляется! – крикнула Ева. – Зарылся и сидит. Он наметил себе цель. Тому, на кого он нацелился, не полакомиться сегодня тыквенным пирогом.

– Мы позаботились об охране.

– Мы охраняем большинство людей, которых с той или иной степенью уверенности считаем его мишенями. Но скольких мы упустили? – От отчаяния она взъерошила себе волосы. – Вся беда в том, Пибоди, что мы имеем дело с отъявленным любителем. Он не должен был продержаться и дня, а что мы имеем? После первого убийства прошла уже почти неделя, а он все еще разгуливает на свободе.

– Учти, Даллас, о первых двух трупах мы узнали только в понедельник, узнать раньше было невозможно.

– В том-то и штука! В конечном счете он нас переигрывает. Сама посуди: мы знаем, кто он, как и когда убил всех своих жертв, знаем даже почему. У нас готов список его вероятных следующих мишеней. Мы считаем, что нам известен ареал его охоты. Но все равно никак не поймает сукина сына!

– Мало ли, где он может прятаться! Он при деньгах, и это расширяет его возможности.

Ева нетерпеливо покрутила головой.

– Я сузила ареал. Если иметь в виду места самого вероятного удара, то он выглядит вот так.

Пибоди, посмотрев на экран, удивленно присвистнула.

– Настоящий чертеж!

– Неважно. Область наивысшей вероятности выделена красным цветом, средней вероятности – синим, и дальше по мере ослабления. Наиболее опасные участки в каждой зоне обозначены на второй карте теми же цветами.

– Сколько же компьютерной возни!

– Ну и что?

– Не сердись, но это не твой конек. Или ты другого мнения?

Ева прошипела что-то невнятное. Спорить с Пибоди не приходилось.

– Мне пришлось глотать средство от головной боли.

– Обратилась бы за помощью ко мне.

– Я дала тебе кучу заданий. Кстати, как результаты?

– Пока что никаких билетов на матчи. Продавцы, с которыми я разговаривала, ждут распродаж билетов в Черную Пятницу. Это сразу после Дня благодарения, самый бойкий торговый день в году.

– Люди так наедятся, что им понадобится израсходовать на свежем воздухе больше денег, чем у них есть. Пятница, – она вздохнула, – будем иметь в виду.

– В игровой галерее и баре тоже пока что ничего, – продолжила Пибоди. – Но я побеседовала с охраной там и там, они будут глядеть в оба. Полицейские раздают в критической зоне – в магазинах, ресторанах – портреты, его и дроида. Работают с комендантами зданий и с менеджерами. Чтобы всюду побывать, нужно время, но главное, Даллас, его теперь ищут сотни глаз, может, даже тысячи. Кто-нибудь непременно его заметит и сообщит нам. Но вообще-то люди уже бегут из города, общаются с гостями из других городов, докупают забытое для завтрашнего праздника.

Ева шлепнулась в кресло, на ее лице застыла гримаса отвращения.

– Ненавижу праздники!

– Их все равно не избежать. Не лягнешь меня ногой? Шла бы ты домой, тебя заждались твои собственные гости издалека.

– Что?!

– Даллас, уже час как кончилась смена.

– Что? – Ева непонимающе уставилась на часы. – Проклятье. Проклятье!!!

– Пощади посланника! – взмолилась Пибоди, благоразумно пятясь. – Фини уже удрал. Поработает дома. Я, Макнаб, Каллендер – тоже. Рорк уже дома. Между прочим, он уже несколько раз созванивался с Фини.

Ева по привычке запустила пальцы в волосы, потом засунула руки в карманы.

– Вали домой! А я скопирую свой чертеж и разошлю его всем, в том числе тебе. Внимательно его изучи. Если что-то бросится тебе в глаза, дай знать. Ты еще не связалась с менеджерами всех отелей, апартаментов, кондоминиумов?

– Еще нет.

– Предай мне часть контактов.

– С радостью. – Пибоди улыбнулась. – Давай и я тебе помогу. Слушай: на улицах глухие заторы. Я в любом случае попаду домой раньше тебя.

– Ничего не поделаешь. Езжай домой. Завтра явись ко мне вместе с Макнабом. Запаситесь временем.

– Обязательно. Мы его схватим, Даллас.

– Куда он денется? Только как бы он не укокошил еще несколько человек, прежде чем попадетсЯ.

Ева скопировала свою работу и разослала ее Пибоди, Фини, Рорку, Макнабу, командиру, Каллендер. Все они имели больше компьютерных навыков, чем она, и могли заметить что-то, что она проглядела.

Это не отменяло простого факта: ей уже полагалось быть дома, там ее поджидала другая часть жизни.

Она сложила свои вещи, взяла пальто и покинула кабинет. Потребовалось усилие над собой, чтобы запереть дверь. Притворяться, что второй части ее жизни не существует, больше не получалось.

Пибоди не ошиблась насчет пробок. С одной стороны, они не улучшили ей настроение, зато дали время поразмыслить, сделать еще несколько звонков – только чтобы наткнуться на автоответчики и лишний раз убедиться, что она засиделась на работе чуть ли не последней во всем огромном городе.

Из чистого упрямства она еще раз попробовала вызвать Балбеса Джо. Вдруг он все-таки пойдет на попятный и согласится на охрану? Но нет, на том конце сразу включилась голосовая почта.

Въезжая в ворота, она уже подсчитывала, сколько времени будет убито на светское общение, прежде чем можно будет улизнуть и вернуться к работе.

Ей навстречу рванулсЯ из мрака яркий свет. Несмотря на морозящий дождик, на густой мокрой траве играли в мяч. Мужчины, женщины, ребяташки носились как сумасшедшие. Большинство сбросили куртки и играли в джемперах, в фуфайках, в одних рубашках – и все были мокрые насквозь, с ног до головы в грязи.

Она проследила глазами полет потертого кожаного мяча, удивилась, когда кто-то, подпрыгнув, отбил его головой, а кто-то другой принял мяч на ногу и произвел сильный удар. Пришлось притормозить – вдруг кто-то из игроков метнется к ней под колеса? На импровизированной площадке образовалась такая куча-мала, что Ева поморщилась. Игроки определенно не щадили друг друга.

Она поставила машину, вылезла – и сразу оглохла от воплей, визга и брани, звучащих с непривычными музыкальными интонациями на двух языках.

– Вот и она!

Грязь на лице мальчишки не помешала ей узнать Шона. Внук Шинед по неведомой причине был очень привязан к Еве. Эта привязанность возникла еще до того, как она прошлым летом нашла труп в роще позади его тихой деревни.

– Мы ужасно продуваемся, – сообщил он так, словно час назад они уже разговаривали. – Дядя Падди жульничает вовсю, тетя Морин вообще-то тоже.

– Понятно.

– Сыграй за нас! Можешь заменить мою кузину Фиону. От нее все равно толку – как от козла молока, только и делает, что визжит, когда мяч подлетает к ней меньше чем на милю.

Ей почему-то было лестно, что она, по его мнению, способна спасти игру для его команды.

– Никак не могу, дружок. Я даже не знаю, как в это играть.

Он захохотал, пуча глаза.

– Правда, что ли? Не умеешь играть в футбол?

– Вижу, что у вас тут футбол. – «Только с опасностью членовредительства», – добавила она про себя. – Нет, это не для меня.

– Шон! – позвала Шинед из дверей. – Отстань от кухни! Она еще до дверей не добралась, а ты держишь ее под дождем!

– Она говорит, что не умеет играть в футбол. – Судя по голосу мальчишки, он был по-настоящему шокирован. – Кажется, не врет. Так и быть, – обратился он к Еве, – я тебя научу.

Дьявол, этот паренек умеет быть убедительным! Если бы ее не ждал розыск убийцы, она бы не устояла. И наверняка осталась бы довольна.

– Я очень тебе признательна, но, – она осеклась с таким же искренним недоумением, как у Шона, узнавшего о ее позорном неумении, при виде Рорка, отделившегося от кучи перепачканных игроков и направляющегося к ней.

Он был таким же мокрым и грязным, как его малолетний кузен. Локти рукавов испачканы травой, причем на левом рукаве к зеленым пятнам добавлялась кровь. На скуле красовался здоровенный синяк.

Он радостно улыбнулся Еве и положил руку на плечо Шону.

– Без тебя никуда, парень. Нам скоро крышка.

– Бегу!

– Что за хрень? – спросила Ева, стоило Шону припустить к своей команде.

– Лучше не спрашивай. Нам все равно не отыграться: из Фионы такая же футболистка, как из коровы официантка, а Падди и Морин жульничают,

как цыгане на ярмарке.

– Что ты несешь? Зачем делать из коровы официантку?

Он улыбнулся еще шире.

– Незачем. Как и из Фионы – футболистку. Это значит, что нам сейчас больно надерут одно место. У меня для тебя сообщение, но оно уже тебе послано. Я запустил несколько программ. Но беда в том, что они работают очень медленно – как я и предупреждал. Результаты понемножку появляются, пока что их маловато, но мне все равно понятно, что умница Фарнсуорт применила тайный код, о котором он не знает. Остается его раскодировать.

– Хорошо, все-таки какой-то прогресс. Я кое-что сделала, можешь посмотреть.

Команда кричала, чтобы он вернулся. Семья, с которой он прожил жизнь.

– Ступай, научи корову носить поднос. И постарайся не истечь кровью.

Он со смехом сгреб ее в охапку, покрутил, расцеловал под крики игроков. Она отбилась от него и стала счищать с себя оставленную им грязь.

– Господи, – бормотала она, торопясь к дому. – Все-таки ирландцы – психи.

Едва она оказалась под крышей и стянула пальто, Шинед выхватила его у нее и сунула ей бокал вина.

– Добро пожаловать домой. Не обращай внимания на бедлам. Говорят, у тебя выдался непростой денек. Посиди немного, отдышись. Те из нас, кто не бегают по лужайке и не пропадают в городе или еще где-нибудь, собрались в гостиной.

Можно было бы сбежать, подумала она. Шинед объяснила бы остальным, как страшно она занята. Из гостиной доносился чей-то смех и плач младенца – они беспрерывно производят на свет все новых детей. От всего этого можно уклониться, вернуться к убийствам.

Она вспомнила смех Рорка, его грязную рубаху.

Жизнь должна продолжаться, подумала она, даже в окружении смерти. Особенно в окружении смерти.

– Хорошо, немножко посижу.

Когда Джо увидел на дисплее своего коммуникатора слова «лейтенант Ева Даллас», он находился в паре кварталов от своего последнего за день адреса. Даже не за день, а за неделю, подумал он и радостно ухмыльнулся.

И тронул на коммуникаторе опцию ignore.

Безмозглая полицейская хочет его напугать, подумал он. Да еще навесить на него проблемы Джерри. Даже если Джерри сбрендил, какое отношение это имеет к нему?

Дубине Рейнхолду никогда не хватило бы мозгов, чтобы кого-то пристукнуть, тем более нажиться на этом. У Джо была своя версия – полицейская, не будь она такой дурой, тоже пришла бы к этому заключению: кто-то прикинулся Джерри, чтобы совершить ограбление, а под конец прикончил ограбленных. Может, и самого Джерри убил. Или взял в заложники.

Злоумышленники вооружились удостоверением Джерри и запугиваниями принудили его рассказать о банковских счетах. Кто мог предположить, что старики Рейнхолды богаты? Знай об этом Джо, он бы уговорил их купить дорогую страховку.

А теперь поздно. Возможность упущена.

Теперь – сисястая Нуссио. Не иначе завела себе нового дружка, а тот психанул. Если она пилила его так же, как раньше Джерри, то сама виновата. Пилила, скулила, жаловалась – это она умела. Только и думала, как испортить людям настроение.

Фарнсуорт? Не морочьте голову! Старой богатой стерве давно пора было на покой. Убийства совершаются в Нью-Йорке каждый день. Ничего не поделаешь, такой уж это город. Здесь надо шевелить мозгами, не расслабляться, беречь свою задницу.

Еще вариант: разбогатеть – сейчас он как раз был на пути к этому, въехать в шикарный пентхаус с привратниками, камерами, всякими охранными наворотами. Водитель и телохранитель тоже не помешают, должен же кто-то прикрывать тебе спину, когда ты поволочешь сладенькую телочку в самый модный в городе ночной клуб.

Это и был его жизненный план.

Когда его прабабка преставится – ждать осталось недолго, – он получит жирное наследство. Старая дура жадна до денег, прямо как голодающий – до хлеба.

Сначала наследство, потом – Вегас. В последний раз он огреб там в восемь раз больше, чем поставил, вернее, в десять, если учитывать небольшие выигрыши. В следующий раз он выиграет еще больше.

Ну, а потом купит себе шикарную хату.

Вроде этой, решил он, увидев адрес. Квартирище на целый квартал, если не больше. Ее окна призывно сияли в темноте дождливого вечера.

Дроид все четко объяснил. Джо прикинул, что человек, использующий в роли помощника дроида, – придиричивый параноик. Не беда, он и не таких видал.

Он наскоро проверил, кто такой Антон Тревор. Настоящий придира, конченый параноик. Желает поговорить о делах на своей территории? Никаких проблем. Клиент всегда прав, даже если он тронутый. Намылится пересмотреть свою страховку? Сколько угодно!

«Я – тот, кто тебе нужен, – думал Джо. – Пора выходить на серьезных, по-настоящему упакованных клиентов». Если все пройдет так, как он задумал, он купит себе и своей девчонке бутылку шампанского, не покусится потратить в честь праздника часть своего лас-вегасского выигрыша.

Наступил первый день его НАСТОЯЩЕЙ жизни.

Следуя полученной от дроида инструкции, он ввел номер. Дроид ответил незамедлительно.

– Резиденция мистера Тревора.

– Это Джо Клейн. Я перед домом, главный вход.

– Прекрасно, мистер Клейн. Подождите, я вас встречу и провожу.

– Конечно. – Дожидаясь, он отправил своей девушке сообщение: «Могу немного задержаться, детка. На крючке крупная рыба».

Прежде чем убрать в карман коммуникатор, он проверил, который час. Встреча продлится примерно час или даже больше, если окажется интересной, так что опоздание получится приличным. Потом домой, в душ, переодеться, чтобы встретить ночь во всеоружии.

Ничего, подождет, подумал он с ухмылкой. Пусть люди привыкают ждать Джо Клейна.

Ему навстречу двигался дроид.

– Мистер Клейн.

– Он самый.

– Пожалуйста, наденьте это. – Дроид подал ему шляпу и темные очки.

– С какой радости?

– Мистер Тревор не желает никому демонстрировать свои дела и посетителей, даже охране здания.

– Как скажете. – А что, даже забавно! Джо нахлобучил шляпу, нацепил на нос очки и последовал за дроидом.

Местечко оказалось что надо: сверхсовременное, с анимированными картами, ультрамодными магазинами; он облизывался на встречных женщин и с ходу завидовал мужчинам – так важно они выглядели.

Дроид подвел его к серебристым лифтам, прошел сканирование, прокатал карточку, вручную ввел код.

– Не многовато прибабасов для лифта?

– Частный лифт, ограниченный доступ.

В кабине Джо ждали серебристые стенки, черная кожаная скамеечка, белые цветы в горшке. Даже в лифте роскошь! Что ж, привыкай, такой будет вся твоя дальнейшая жизнь.

В кабине дроид проделал те же манипуляции, что перед дверями лифта.

– Расскажи про своего босса, – попросил его Джо в бесшумно возносящемся лифте.

– Мистер Тревор – сторонник полной приватности. Он очень ждет вашего прихода.

– Чудесно! – Джо похлопал ладонью по чемоданчику. – Мне есть чем его порадовать.

Они вышли в широкий частный вестибюль. Снова цветы, огромная фотография города на стене. Дроид в третий раз прошел процедуру проверки, потом посторонился, пропуская вперед Джо.

Первым делом Джо обратил внимание на вид из окна: частокол небоскребов, море огней, квинтэссенция богатства. Он уже начал улыбаться, когда за его спиной защелкнулись замки.

Блестящий пластик в рулонах на сверкающем полу просторной гостиной, наоборот, заставил его нахмуриться.

– Он только что сюда въехал?

– Можно сказать и так, – сказал Рейнхолд и изо всех сил размахнулся битой.

Ева сидела с родственниками – такое коллективное определение она им присвоила. Это были в основном женщины, а также малышня, которую сочли негодной для разразившейся на лужайке битвы.

Она симпатизировала им и ничего не могла с собой поделать. Хотя не могла сообразить, как с ними себя вести: начиная с женщины, называть которую «бабушкой» было выше ее сил, и кончая пухлощекой малышкой (розовая ленточка на лысенькой головке как будто обозначала девочку), не сводившей с нее глазенок и при этом увлеченно хлюпавшей соской.

Некоторые из них за разговором не забывали про рукоделие – кажется, манипуляции с мотками шерсти и длинными спицами назывались «вязанием». Некоторые пили чай, вино (как Ева) или пиво.

Большинство беззаботно щебетало. Щебетом была увлечена и Шинед. Когда одна из молодых женщин передала ей младенца, мяукавшего, как голодный котенок, она не соизволила сделать в беседе перерыв.

– Это наша новенькая, – объяснила Шинед Еве. – Кила, семи недель от роду.

На головке (тоже лысенькой) Килы красовался бело-красный вязаный чепчик с помпоном. Шинед стала массировать ей спинку, девочка громко икнула.

– Вот это другое дело! Сытая, сухая и счастливая. Главное – уметь с ними обращаться.

С точки зрения Евы, Шинед приняла на руки бомбу замедленного действия. Сказать ей было нечего, но из неудобного положения ее спасла измызганная футбольная команда, своевременно ворвавшаяся – одни бегом, другие прихрамывая – в распахнувшиеся двери.

– Вы только на них посмотрите! – воскликнула бабушка со своего царского места – от камина. – Сколько грязи и сырости вы с собой притащили! Не пачкайте пол! Вас бы обдать из шланга. Всем в душ, чтобы никто не появлялся здесь неумытым! Тебя это тоже касается! – Костлявый палец указал на Рорка.

– Бабушка! – попробовал вступиться за своих Шон. – Мы и так разулись за дверями. Мы готовы живьем сожрать быка, так проголодались.

– Сначала мыться!

Ева усмотрела в ситуации счастливую возможность улизнуть.

– Я сейчас.

И она заторопилась в спальню, где Рорк избавлялся от вконец испорченной одежды.

– Не матч, а одно огорчение, – пожаловался он. – Стыдно играть за такую команду!

– Выше голову! Слушай, я исчезну минут на двадцать, ознакомлюсь в кабинете с твоим отчетом и еще кое-что проверю.

– Ужин через час. Если ты не успеешь, я за тебя извинюсь.

– В любом случае это не займет больше часа.

– Прежде чем спуститься, я к тебе загляну.

– Загляни.

В кабинете она первым делом взялась за отчет Рорка. В нем не было переизбытка замысловатых терминов, однако ей потребовалось время,

чтобы понять, что к чему.

Рорк и компания сумели восстановить часть стертых данных и вышли на след счетов. Ева уже потирала руки: лиха беда начало. Рорк представил также некое сочетание знаков, которое он и остальная команда сочли тайным кодом, замаскированным среди прочих данных. На ее взгляд, в этом коде не было ничего особенного: как и все остальные, он был для нее непостижим.

Она вывела на настенный экран свою карту и стала изучать другие отчеты, отмечая выполненные задания галочкой.

– Когда охрана развернута как следует, на нее можно полагаться, – сказала она, услышав, как входит Рорк. – Я ознакомилась с твоим материалом, но не владею вашим тарабарским наречием. Объясни своими словами, а я расскажу тебе про эту карту.

Она подняла голову. Черт, она ждала Рорка, но вместо него на фотографии таращилась бледная как смерть Шинед.

– Вам лучше этого не видеть. – Она попыталась загородить от Шинед монитор. – Я сейчас спущусь.

Шинед остановила ее жестом.

– Этот паренек. Такой молодой! Это он подозреваемый?

– Шинед...

– Я знакома с насилием и жестокостью. Мою сестру убили. Сестру-близнеца! Дня не проходит, слышишь, да что там дня – часа, чтобы я не думала о моей Сиобан, об этой ужасной утрате. Говорят, он убил собственных родителей, отца и мать?

– Сначала мать, потом отца.

– А потом – эту девушку, – она дотронулась до изображений Лори Нуссио, живой и мертвой. – И женщину, свою бывшую учительницу. Я все знаю, я слежу за твоей работой. Поэтому с такой гордостью наблюдала сегодня за вашим с Рорком награждением.

– Можете ничего не объяснять.

Шинед снова дотронулась до ее руки.

– Ты задумывалась, откуда у человека способность отнять жизнь, когда его собственной жизни и жизням других ничего не угрожает? Что заставляет людей гасить другие жизни – так часто, так жестоко, да еще с таким наслаждением?

– Каждый день ломаю над этим голову. Иногда меня посещают догадки. Но иногда это совершенно неважно.

– Неправда, я считаю, это важно всегда. – Шинед смотрела на Еву немигающим взглядом. – Для тебя – всегда. Как иначе ты смогла бы

встречать каждый день, проживать год за годом? Я так гордилась вами сегодня, просто не передать. Но сейчас моя гордость еще сильнее. – Она сделала глубокий вдох. – Ты бы нашла его, Патрика Рорка, того, кто отнял жизнь у нашей Сиобан. Нашла и постаралась бы, чтобы он за это поплатился.

– Уж я бы постаралась.

– Никто палец о палец не ударил, вот что самое горькое. А нам так нужно было, чтобы хоть кто-то попытался, – Шинед со вздохом откинула со лба рыжие с золотом волосы. – Поверь мне, человеку, так и не нашедшему справедливости: это необходимо. Когда неизвестный наказал его, оставил подыхать в закоулке, я торжествовала. Но пустота внутри не затянулась. Потребовалось время, много времени в семейном окружении, чтобы боль начала притупляться. А потом появился Рорк, и я получила то, в чем так нуждалась после стольких лет. Спасибо за это богу и ему. Но я говорю тебе – надеюсь, ты и сама уже знаешь: ты делаешь необходимое дело, даже помимо закона.

– Шинед, – появившийся Рорк сунул тете платок.

– Снова ты, – она со вздохом вытерла слезы. – Мир бывает таким беспросветным! Глупо с этим спорить. Ирландцам темная сторона жизни знакома лучше, чем всем остальным. Это заставляет нас ежеминутно тянуться к свету и возносить ему хвалу. Ты для меня – свет. – Она расцеловала Рорка в обе щеки. – Никогда этого не забывай.

Он что-то пробормотал ей по-ирландски, заставив ее улыбнуться.

– Он говорит, что это я показала ему свет, когда он ждал только тьмы, – сказала Шинед Еве. – На самом деле мы помогли друг другу. Но я вас отвлекаю. Не волнуйтесь за семью, мы не пропадем: Соммерсет обещал еды на целую армию – мы ведь армия и есть! Мы отправим гостинцев вам наверх.

– На сегодня все равно вся работа закончена, – возразил Рорк, косясь на Еву.

– Это точно. Где бы он ни был и что бы ни придумал, этим вечером мы его не найдем и не остановим.

– Значит, вы сделаете это завтра. Или все Управление полиции и безопасности города Нью-Йорка ошиблось в вас обоих? – Она взяла их за руки. – Мы привезли из Ирландии подарки и страсть как хотим их вам вручить.

– Что ж, – сделать уже ничего было нельзя, хотя это бессилие застревало у нее в горле, жгло грудь.

Уходя, она выключила монитор с данными расследования и закрыла

дверь кабинета.

Джо пришел в себя не так быстро, как предполагал Рейнхолд. Он нанес старому другу удар от души – сильнее, чем следовало бы, не справившись с приступом ярости.

Вообще-то он предпочел бы, чтобы Джо бодрствовал, когда дроид перетаскивал его в кресло.

Дроид уже застелил кресло пластиком из рулона. Кресло было шикарное, кожаное, богатого шоколадного цвета, не хотелось его пачкать.

Главное, у кресла менялся наклон спинки – Рейнхолд считал это своей гениальной находкой. Можно было обрабатывать Джо сидячего, лежащего. Выбор позиций манил множеством вариантов.

Он прозвал этот станок «Креслом-убийцей» и решил, что каждый, кого он заманит в свой дом, милый дом, отведаст этого креслица.

Ему не терпелось начать, как только Джо будет надежно обмотан веревкой и клейкой лентой, но он не сообразил, что понадобятся дополнительные капсулы чудодейственного средства для пробуждения. Сначала он думал послать за ними дроида, но дроид был нужен, чтобы приготовить ему ужин, после чего его планировалось отключить. Так он сможет поесть, а потом без помех приступить к работе.

Он сожрал двойной говяжий бургер с жареной картошечкой – вкуснятина! – и решил, что никогда еще не пробовал такого деликатеса. За едой он смотрел в качестве учебного пособия видео о пользовании ножом. Когда началось самое интересное, он как раз приступил к шоколадному мороженому. Но тут его гость издал стон.

С десертом можно подождать. Ему очень хотелось начать задуманное.

Он не заклеил Джо рот, потому что сам проверял звукоизоляцию своей квартиры, врубив на полную мощность музыку и выйдя в вестибюль – и не услышав ни звука.

Он запустил зубодробительный рок, но не очень громко. Им с Джо предстоял разговор.

Джо продолжал стонать, приоткрыв остекленевшие глаза. Струйка крови из левого уха успела засохнуть. Кровь в волосах запеклась, немного испачкав пластиковое покрытие кресла.

– Хватит дрыхнуть, говнюк! – Рейнхолд сопроводил крик двумя пощечинами, от которых голова Джо дернулась сначала вправо, потом влево. Непонимающе поворачивая глазами, он наконец уставился на Рейнхолда.

– Джерри? Что происходит, Джерри? Боже, голова! Как болит голова.

– Хочешь болеутоляющего?

– Не хочу. Не могу шевельнуть рукой, не могу... – До него медленно доходило его положение, и понимание сопровождалось ужасом. – Что ты делаешь, Джерри? Где я?

– В моей новой квартире. Как она тебе? Высший класс! Полюбуйся! – Он грубо крутанул кресло и остановил его, когда Джо оказался лицом к стене из стекла.

– Отпусти меня, Джерри. Подурил, и будет. Мне больно!

– Думаешь, это боль? – Сильно взбудораженный – даже сильнее, чем в прошлые разы, – Джерри схватился за ручки кресла и жадно уставился на перекошенное страхом лицо друга. – Мы еще не начинали.

– Брось, Джерри, это же я, Джо! Мы друзья!

– ДРУЗЬЯ? – Наклонившись, Рейнход схватил кусок шланга и хлестнул Джо по груди, как бичом, заставив его тонко взвизгнуть. – Друзья, говоришь?

Новый удар шлангом, исторгнувший из груди Джо хриплый вопль.

– А были мы друзьями, когда ты подначивал меня таскать у Шумахера сладости? Ты заставлял меня воровать, гадина!

– Прости! Прости! Мы были детьми!

– А помнишь, как ты подсказывал мне неправильные ответы на экзамене по истории, чтобы я провалился? А как трахнул Эйприл Гарднер, хотя знал, что на нее заглядывался я?

Он наносил удар за ударом, с каждым разом все больше свирепея и наслаждаясь криками Джо, мольбами о прощении и пощаде.

Умаявшись, он прервал избиение, чтобы отдышаться. Джо ерзал и обливался слезами. Он уже обмочился – еще одна причина для удовольствия.

– Прошу тебя, прошу, прошу!

– Пошел ты, Джо, понял? Ты смеялся надо мной все лето, когда мне пришлось повторять «компьютерные технологии», только и делал, что тыкал меня в это носом. Как потом после Вегаса и после Лори, когда она меня выгнала.

– Я не хотел! – выкрикнул Джо, захлебнувшись слезами. – Я просто дурачился.

– Вот и я дурачусь. – Новый удар шлангом пришелся по кошонке, и звук, изданный Джо, был для Рейнхольда как музыка.

Отбросив шланг, он отправился за пивом. И за дубинкой.

Мертвенно-бледный, даже зеленый, с прокушенной до крови губой, Джо уставился на дубинку. Его отбитая грудная клетка судорожно

вздымалась.

– Не надо, пожалуйста. Я тебя выгораживал, Джерри. Тебя уже обложили копы, один я был на твоей стороне. Мэл и Дейв все выкладывают этой стерве из полиции и трясутся под крылышком у своих мамочек. А я за тебя, Джерри. Хоть кого спроси. Пожалуйста!

– Неужели? – проговорил Рейнхолд, постукивая дубинкой по ладони.

– Богом клянусь! Можешь сам посмотреть, возьми мой коммуникатор. Она все время мне названивает, эта Даллас, а я даже не отвечаю. Потому что я на твоей стороне.

Изображая интерес, Рейнхолд взял коммуникатор Джо с полки, куда сам его положил, и проверил содержимое.

– Какая активность! Болтовня с Мэлом, Дейвом, вызовы от копов. Кто такая Марджори Мэнсфилд? Новая шлюха?

– Нет, репортер. Хочет написать репортаж про тебя, про все, что происходит. Вот и вышла на меня.

– Вот оно как! – Рейнхолд широко улыбнулся. – Что же ты ей сказал?

– Ничего! Я бы никогда тебя не заложил, никогда! – Говоря, он трясся от боли и страха. – Я сказал ей, что ты не виноват, что никого не убивал. Тебя подставили – вот что я ей сказал.

Рейнхолд взмахнул дубинкой и испытал наслаждение от хруста костей и зубов.

– Ответ неверный. – И он размахнулся снова.

Полностью противореча своему обычному подходу к этой теме, Ева благословила разницу во времени, принудившую большую часть ирландского контингента отправиться на боковую в разумный, пусть и не ранний, час. Первыми сдались дети и младенцы; некоторых родителям пришлось уносить спящими на плече или на руках. За ними понемногу потянулись остальные, хотя она подозревала, что дети постарше баррикадируются в игровой комнате.

В ту минуту, когда это показалось ей возможным, она ринулась наверх, к себе в кабинет.

Не сказать, что ей пригласил по вкусу долгая шумная трапеза и ее участники. Семейство Рорка было таким симпатичным, таким забавным, так умело веселиться, что считать это время потерянным попросту непорядочно.

Но все же Еве не терпелось засесть за свой компьютер и проверить, нет ли чего нового. Обнаружилось много свежих сообщений, но почти ничего весомого или позволяющего взглянуть на ситуацию под новым

углом. Правда, изучая присланные Пибоди поправки к своей карте, она про себя нахваливала напарницу.

Она так увлеклась, что вздрогнула при появлении Рорка.

– За этот вечер я перед тобой в неоплатном долгу, – начал он.

– Перестань. Визиты родни учтены в правилах нашего брака, а главное, они мне нравятся. И потом, благодаря им всем у меня, может быть, отдохнули мозговые клетки. Посмотрим, будет ли от этого толк.

– Все равно спасибо. – Он подошел и чмокнул ее в макушку. – Я еще повожусь в лаборатории, вдруг снизойдет озарение.

– Сообщай мне о любом, даже самом плюгавом озарении.

– Обязательно. Завтра я тоже постараюсь уделить время этой работе. Гляди-ка, – он уже собрался уходить, но карта на экране заставила его помедлить. – Ты кое-что изменила.

– Не я, а Пибоди. Надо проверить, но, сдается мне, она хуже не сделает.

Он, склонив голову набок, подступил к самому экрану.

– Как я погляжу, некоторые из этих жилых комплексов – моя собственность.

– Чья же еще? – Она обреченно вздохнула. – Глупые мозговые клетки! Надо было сразу попросить тебя связаться с менеджерами, у которых есть списки жильцов.

– Это можно, но потребует времени. Праздник, моя милая. Офисы уже закрыты и завтра не откроются. Некоторые менеджеры укатили за город, поэтому до них будет нелегко достучаться. Я могу и сам, только назови мне имя, иначе я не знаю, о ком спрашивать.

– О новом жильце. Первое убийство не планировалось. Он не мог приступить к поискам жилья, тем более такого, раньше пятницы. Возможно, он начал поиски даже позже этого. Примем за точку отсчета пятницу. Новый жилец, одинокий мужчина. Так годится?

– Более-менее. Я пошел. Только мне нужна в лаборатории улучшенная карта, чтобы одновременно можно было запустить другую программу. Не знаю, сколько всего у меня собственности в этом околотке, но я легко могу узнать. Не вся собственность там моя, но я могу попробовать запросить по тем же критериям списки жильцов и в чужих комплексах.

– Приступай, – подытожила она. – Я позабочусь об ордере. Начни со своих домов. Добыть ордер – непростая штука, но я вцеплюсь в них как клещ.

– А я посмотрю, что можно сделать. С ордером или нет, потребуется время. Навскидку я вижу не меньше сотни объектов.

– Больше: сто двадцать четыре, – сказала она. – Сможешь сократить это число – уже молодец. Что-то давно нам не везло. Вдруг ты окажешься везучим?

– Это будет новый повод для благодарности. Если он возникнет, ты узнаешь первая.

Она отпустила Рорка и вернулась к своим заметкам.

Часов в одиннадцать Рейнхолду до одури захотелось луковых колечек. Пытка – тяжкий труд, тут немудрено проголодаться. Он утер с лица пот – это ж надо так умяться! – и проверил кухонный автомат и буфетные полки.

Проклятье! Угораздило его забыть приказать идиоту дроиду купить луковые колечки!

Кухонный автомат, чулан, холодильник с морозильником были забиты под завязку чем угодно, кроме луковых колечек. А ему захотелось именно их.

Включить дроида и отправить его в магазин? Магазины с самой вкусной едой наверняка уже закрыты – кроме одного известного ему, прямо на втором этаже жилого комплекса, торгующего круглосуточно. Вполне можно устроить перерыв, пройтись туда самому, даже заглянуть выпить в ночной клуб здесь же, на первом этаже.

От Джо все равно сейчас не было толку. Чего возиться с бесчувственным телом? Усилий много, а удовольствия – кот наплакал.

Он уже испробовал шланг, дубинку, мини-горелку, зубочистки – вдохновения ему было не занимать. Острый нож, которым дроид резал пластик, тоже пошел в дело.

Неудивительно, что он проголодался.

Оставив окровавленного, обожженного Джо лежать без сознания, он отправился мыться. В душе он пел, онанировал, опять пел.

Он надел все новое: черные джинсы с серебряными заклепками, темно-синюю рубашку без воротника, кожаную куртку и ботинки. Посмотревшись в зеркало, он остался доволен собой. Прежде чем снова взяться за работу, надо будет переодеться в грязное: нечего пачкать хорошие новые шмотки.

Он не забыл взять с собой новенький ID, кредитные карты, немного наличных – на всякий случай. Перед уходом он еще раз полюбовался собой в зеркале и нашел, что выглядит опасным, сексуальным и успешным. Проверил, хорошо ли держится на подбородке фальшивая бородка, подумал, что скоро отрастит собственную, и покинул квартиру, насвистывая.

Сначала он заглянул в бар. По стенам карабкались дымчатые голубые огни, на сцене старалась голограмма музыкальной группы. Он ожидал

застать здесь столпотворение сексуальных, опасных и успешных людей, как он сам, и, увидев много пустых столиков и табуретов, огорчился.

Мертвая зона, решил он. Но раз уж пришел, надо выпить. Он подошел к стойке и заказал чистый виски, как делали мужчины на видео.

– Наш домашний или конкретной марки? – Широкоплечий бармен смотрел на него со скукой, вызывая ответную враждебность.

Рейнхолд властно постучал пальцем по стойке.

– Что там у вас лучше всего?

– Понял.

Вместо того что взгромоздиться на табурет, Рейнхолд навалился на стойку. Он ждал, что на него обратят внимание, когда он будет холодно обводить взглядом помещение. За столиком у сцены сидели две пары, обе женщины выглядели первоклассно. Он представил, как пройдет мимо них, как пригласит их следовать за ним небрежным кивком. Пойдут, никуда не денутся. Без лишних размышлений оставят своих жалких спутников и побегут за ним, как положено послушным сучкам. Сделают все, что он им прикажет, и позволят ему поступить с ними так, как он пожелает. Может, потом он их убьет – просто чтобы проверить, каково это – поступить странно.

Бармен поставил перед ним стакан с виски.

– Хотите в кредит или заплатите, когда будете уходить?

– Заплачу перед уходом.

Бармен кивнул и бросил ему через стойку черный конвертик.

– Где движуха-то? – спросил Рейнхолд.

– Сегодня тихо, праздник. Многие уехали из города. В пятницу понабегут, будет живая музыка.

– Может, я еще вернусь. – Он открыл конвертик и чуть не ахнул при виде счета. Порция виски стоила как полсотни стаканов пива.

Он расценил бесстрастный взгляд бармена как презрительную насмешку и пожалел, что не захватил с собой дубинку. Вложив в конвертик новую кредитную карточку, он поднял стакан. От первого глотка он чуть не задохнулся. Глаза увлажнились, и он отвернулся, как будто с целью оглядеть бар.

Он еще никогда не пробовал виски, но не сомневался, что паскуда бармен его надул: налил дрянь и содрал кучу денег. Ничего, он за это поплатится, пообещал себе Рейнхолд. Уж он постарается расквитаться с этим недоноском.

Он через силу допил виски, доказывая, что достоин уважения, и поставил на чеке подпись – результат двухдневной тренировки. Сунул в

карман карточку и гордо удалился.

Вот гаденыш, вертелось у него в голове. Ничего, ты еще повстречаешься в темном углу с Потрошителем. Посмотрим, как ты взвоешь, когда тебе в глотку польется кислота.

В поисках хоть чего-нибудь, чтобы заглушить мерзкий вкус виски, он свернул в супермаркет и прихватил там упаковку сыра, пакет луковых колечек со вкусом бекона – своих любимых, семейную коробку сливочного мороженого, тянучки и виноградную шипучку. Пока дроид-кассир складывал его покупки в пакет, он жадно выдул всю шипучку. Потом, вспомнив про голод, еще по пути к лифту разорвал пакет с колечками. В кабине он не переставая жевал и чавкал.

Завтра надо будет как следует оглядеться, решил он. А потом устроить собственный банкет в честь Дня благодарения. Проверить, работает ли завтра заносчивый бармен, узнать его имя. Провести небольшую разведку будущей цели.

Джо он застал по-прежнему без сознания. Пощечины не привели его в чувство. Рейнхолд решил, что забавляться со спящим балбесом неинтересно, и понес свою еду в спальню. Посмотреть видео, подремать. И снова приняться за Джо поутру.

Он наметил испробовать на своем старом дружке много разных смешных приемчиков, прежде чем наступит Время Индейки.

Рорк трудился до половины первого ночи, поддерживая связь с Фини, Макнабом и Каллендер. Как и они, он намеревался оставить систему работать в автономном режиме, но слишком увлекся.

Он увидел прогресс, и нешуточный, когда они распутали первоначальную маршрутизацию и поняли, что скоро схватят удачу за хвост. Хвостов оказалось даже несколько.

Покойная миссис Фарнсуорт явно заслуживала уважения. Останься она в живых, он бы не задумываясь взял ее к себе на работу. Такой, как она, он бы предложил на выбор целый веер заманчивых позиций.

Он разгадал первоначальный код и был очень доволен собой. Но выяснилось, что кодов была целая серия.

Умница, подумал он. Убийцу она, видимо, считала тупицей и знала, что он не проникнет в ее систему. И ведь все это она делала в животном страхе и, наверное, испытывая страшную боль!

Беда в том, что она была слишком умна и чтобы ей соответствовать, требовалась уйма времени. Приходилось буквально байт за байтом сохранять ранее стертый материал, чтобы выстроилось то послание,

которое она, как он теперь понимал, сплела с невероятным искусством.

Завтра все состоится, обещал он себе и залпом выпил полбутылки воды. Завтра он предоставит себе заслуженный отдых.

Он запустил автономный режим, потер лицо и отправился за женой. Он знал, что она столько не высидит.

Он как в воду глядел: она уронила голову на стол, внутри ее согнутого локтя каким-то образом примостился кот. Рорк увидел, как она вздрагивает во сне. Испугавшись, что ее мучает кошмар, он ласково заговорил с ней, сначала заставил выпрямиться в кресле, потом поднял.

– Все хорошо, я с тобой.

– Я же сказала, что приду, – пробормотала она.

– Значит, так и будет. – Он обнял ее.

– Что? – Она распахнула красные от усталости глаза. – Черт, я вырубилась.

– Этого следовало ожидать. Твой рабочий день начался еще до рассвета. Еще немного, и ты проработала бы без роздыху целые сутки.

– Я говорила с Фарнсуорт.

Он улыбнулся при виде того, как кот первым бросился в спальню.

– Понятно. Между прочим, я тоже – в некотором смысле. Что она тебе ответила?

– Что она ужас как рассержена.

– Кто бы стал ее винить? Она вставила в код его имя.

– Что? – Ее сон сняло как рукой в тот момент, когда он опускал ее в постель. – Что?!

– Джеральд Рейнхолд. Его имя и короткое послание, которое мы еще не расшифровали. Наверное, о том, что это дело рук Джеральда Рейнхолда.

– Где деньги? Какое имя он использует?

– Если бы мы знали, ты бы первая это услышала. – Он разул ее, и она невольно застонала от облегчения.

– Мы на верном пути. Это само по себе невероятно, как и само ее закодированное обращение. Она проделала тончайшую работу – поверх всего стертого! Знала, наверное, что он все-таки кое-что смыслит в компьютерах. Мы многого добились, Ева. Гораздо больше, чем можно было ожидать.

– Ну, хорошо, она закодировала его имя, ткнула в него пальцем. Это весомо. Но вес нам ни к чему, от веса ему ни жарко, ни холодно. – Она перевела дух. – Что с жильцами?

– Занимаемся и ими. Слишком много зданий, лейтенант, причем не все данные свежие из-за...

– Чтоб им провалиться, этим дурацким праздникам!
Он улыбнулся, услышав ее горький тон.
– Согласен. Ничего, в своих собственных зданиях я навел шороху.
Завтра, невзирая на праздник, будут обновлены все данные о жильцах и кандидатах в жильцы.
– Спасибо.
– Кое-кому я испортил праздники. Ничего, это ненадолго. Потом они со спокойной совестью вернутся к своей фаршированной индейке.
– Многие полицейские сейчас проклиняют мое имя, особенно те, которым пришлось нести круглосуточное дежурство. Но ведь достаточно, чтобы его увидел только один из них, – и дело в шляпе.
– Завтра все решится.
Разговаривая, оба разделись и залезли в постель.
– Не хотелось бы ехать завтра в морг, Рорк.
– Ты все делаешь, чтобы это предотвратить.
– Да. – Она прижалась к нему в темноте. – Надеюсь, этого будет достаточно.

В 5 утра ее разбудил сигнал коммуникатора. Схватив его, она убрала видео. Рорк включил свет на 20 процентов яркости.

– Даллас слушает.
– Простите за раннюю побудку, лейтенант.
– Мэл? – Она сразу проснулась. – Что случилось?
– Ничего, просто мы не находим Джо. Может, это ложная тревога, но мне беспокоит. Мать посоветовала предупредить вас.
– Правильно сделала. – Она мысленно перелистывала свои записи. – У него вчера было свидание?
– В том-то и дело. Он не пришел. Присс нашла меня в полночь и обругала – решила, что Джо променял ее на меня или Дейва. Но я его не видел, даже не говорил с ним, Дейв тоже. Она говорит, он прислал ей сообщение, что немного припозднится, мол, у него какая-то сделка. Но так и не появился, на ее сообщения и вызовы не отвечал. Мы с Дейвом даже побывали около его дома, но он не открыл дверь.
– Ладно, Мэл. – Ее уже охватило гадкое чувство. – Назови мне имя и координаты женщины, с которой он собирался встретиться.
– Уже называю. – Он скороговоркой сообщил необходимые данные. – Конечно, очень может быть, что он подцепил еще какую-нибудь девчонку и торчит теперь у нее. А на сообщения и вызовы Присс не отвечает, потому что не хочет скандала. Но нам все равно тревожно.

– Молодец, что сообщил мне. Если он с другой, то у тебя есть догадки, кто это может быть?

– Как будто нет. Я звонил некоторым, с которыми он встречался, – все без толку. С него станется при случае замутить с незнакомкой.

– Поняла. Я посмотрю, что можно сделать. До связи.

Отбросив коммуникатор, она взъерошила себе волосы.

– Балбес Джо!

– Я понял. – Зная ее, Рерк начал с того, что подал ей кофе, который успел сварить, пока она говорила с Мэлом.

– Может, он с новой девушкой, хотя как-то непохоже. Он собирался задержаться из-за сделки. Деньги, статус, секс – вот его приоритеты. Рейнхолд знает это. Он мог бы обманом заманить его в ловушку. Я должна побывать у Джо.

– Знаю. Я с тобой.

– Ты принесешь больше пользы здесь. Найду я его или нет, то, что ты выковыряешь из компьютеров, для нас важнее всего.

Он бы поспорил, но с ней трудно было не согласиться.

– Я не против, если ты будешь не одна.

Она тоже поспорила бы, если бы не видела в его словах резона. Сейчас не до капризов, напомнила она себе.

– Я возьму с собой двоих полицейских. Разбужу Рео, пусть выпишет ордер. Я должна попасть внутрь. Если его не окажется, я вернусь не позже чем через час. Если он там с женщиной – еще быстрее. Если найду его мертвым, то придется задержаться.

– А если у него Рейнхолд?

– Я буду только благодарна.

Ей потребовалось меньше часа, потому что улицы были почти пустые и она гнала во весь дух. На обратном пути она тоже не медлила – какого черта?

Вернувшись, она сумела избежать встречи с родственниками, хотя слышала их: тихие голоса взрослых, плач младенцев, детскую болтовню.

Рорка она нашла в компьютерной лаборатории, уже за работой.

– Его там нет, – сообщила она. – Признаки насилия или борьбы отсутствуют. Я коротко переговорила с женщиной, с которой он договаривался о встрече. Теперь она не бесится, а беспокоится. Еще я подняла Макнаба и заставила его искать коммуникатор Джо. Все без толку – он отключен. Теперь ждем, где он включится. Почему твоя родня уже на ногах, всего-то в шесть утра?

– Потому что в Ирландии давно наступило утро, – напомнил он. – К тому же многие из них – фермеры, они в любом случае встают в шесть. Я тут кое-что нащупал, лучше не мешай мне своим стрекотом.

Она сердито нахмурилась, но умолкла, готовя кофе.

– Его захватил Рейнхолд.

Рорк оторвался от работы. Он сгорал от нетерпения, потому что знал, что близок к разгадке. Но ее лицо было слишком напряженным, чтобы снова просить ее не мешать.

– Мужчины готовы флиртовать с незнакомками по малейшему сигналу с их стороны.

– Конечно, свиньи этакие. Только он так и не отменил заказ столика в ресторане. Я не постеснялась разбудить менеджера этого ресторана. Как же она была недовольна! Уходя с работы, Джо хвастался, что у него появился богатый клиент. Его босса я тоже разбудила – этот проявил понимание. Макнаб проверит рабочий компьютер и коммуникатор Балбеса – вдруг там что-то есть про этого нового клиента? Хотя надежд мало.

– Ты думаешь, что Рейнхолд – а он и есть новый клиент – обратился к Джо по его персональному коммуникатору, так что Макнаб останется ни с чем? Если Джо что-то проверял, то тоже с персонального компьютера.

– Так я и думаю. Но Макнаб – а он в таких делах большой дока – все равно трудится не зря. А Джо еще жив.

Рорк заметил, что это не вопрос и даже не предположение: Ева произнесла эти слова с полнейшей уверенностью.

– Он захочет дольше упиваться своей властью. И мучениями жертвы. Каждую последующую он терзает дольше предыдущей. – Логика, система позволяли ей снять напряжение. – Балбес Джо должен был явиться на место встречи после шести вечера. Рейнхолд не станет торопиться. Ему подавай день-два. Он ведь знает, если совсем не отрезал себя от мира – а я думаю, что до этого он не дошел, – что сегодня большой праздник и что Джо где-нибудь ждут. Пресса подскажет ему, что пропажа Джо заставила нас начать поиски.

Она быстро ходила по кабинету Рорка, прихлебывая кофе.

– Он будет всем этим наслаждаться. Спрячет Джо, будет причинять ему боль – и следить за сообщениями. У нас есть время: несколько часов, а может, даже целый день. Это все, что у него есть, не больше. – Она виновато взглянула на Рорка. – Я испорчу праздник всей твоей семье.

– Нашей, – поправил он. – Никто здесь не согласится, что человеческая жизнь ценнее твоего присутствия при разделке индейки. Нет никого, кто бы не понимал, как много поставлено на карту.

– Убедил! – Та легкость, с которой она добилась поддержки, понизила порог ее вины. – Я пойду к себе в кабинет. Дверь мне придется запереть: не хочу, чтобы случайно ворвавшийся туда ребенок был на всю жизнь травмирован фотографиями убитых. Через час ко мне приедет Пибоди, потом Макнаб – как только закончит с офисной техникой Джо. Я сказала ему, чтобы он сразу шел к тебе.

– Буду рад такому помощнику.

– Как только будут новости о жильцах или о проклятом коде...

– Ты все узнаешь первой. Я уже близок к разгадке. Если я не ошибаюсь, остается час, от силы два возни. Мне требуется одно – покой.

– Получай. – И она вышла, забрав с собой чашку с кофе.

Какое-то время она пыталась воссоздать перемещения Джо, обрушивая на равнодушные по случаю праздника компании такси свой гнев, пока он не выдохся.

Выходило, что если Джо и сел в такси, то это произошло не рядом с его офисом и не в квартале оттуда, а дальше. Она обратилась в управление городского транспорта, чтобы там проверили записи камер – вдруг он уехал на метро? Если бы его обнаружили, это сузило бы зону поиска.

Следующей ее собеседницей стала Мира. Вместо своей обычной стильной прически Мира предстала перед ней с волосами, завязанными в хвост. Такой стиль – вернее, отсутствие стиля – ее только молодил.

– Извините за такой ранний звонок.

– Все в порядке, я уже час как на ногах. Столько всего надо наготовить!

– Вы готовите?

– Вместе с Денисом. Мои дочери грозились – то есть обещали – приехать к восьми. Чем могу быть вам полезна?

– У него новая жертва. Джо Клейн. Я пытаюсь определить, куда он его затащил. Думаю, он уже обзавелся собственным жильем в своем старом районе или неподалеку. Он настроен шикавать. Мы составляем список новых жильцов, но слишком уж много вариантов.

– Апартаменты или кондоминиум, – тут же выпалила Мира. – Не особняк, не два дома под одной крышей.

– Почему?

– Он общителен, хочет хвастаться. Совсем не одиночка. На самом деле ему нужен улей, где он будет важным трутнем.

– Хорошо.

– Начните с новых зданий – пошикарнее, понимаете? Его родители ценили традиции, старину, историю, он – наоборот. Ему нужен эксклюзив.

– Я того же мнения, но цена?

– Он не станет экономить, – твердо перебила ее Мира. – У него больше денег, чем он мог мечтать, и он уверен, что дальше будет только богатеть. Ищите рядом с клубами, игровыми галереями, барами, дорогими магазинами. Статус! Он всегда по нему изнывал, но не хватало амбиций и этики, чтобы исполнить мечту. Теперь он обрел то, чего хотел.

– Теперь я понимаю. Вы мне очень помогли, спасибо.

– Надеюсь, вы его найдете, Ева. Поэтому не стесняюсь поздравить вас с Днем благодарения.

– И я вас поздравляю.

Она подскочила к карте и убрала с нее особняки и полуособняки, а также здания десяти лет и старше, кроме полностью обновленных в современном стиле.

– Так-то лучше, – пробормотала она, изучая результат.

Теперь надо было снова заглянуть в полученный от Рорка список жильцов. Когда ожил ее коммуникатор, она чертыхнулась.

– Даллас, – отозвалась она.

В следующую секунду к ней присоединилась Пибоди.

– Лейтенант Даллас? Это Стански из отдела финансовых преступлений.

– Чего вам, Стански? – Одновременно, видя умоляющую мину Пибоди, она указала большим пальцем на кухню и на кухонный автомат.

– Примерно в полночь у нас зафиксирован автоматический сигнал тревоги. Об этом стало известно только сейчас. В связи с праздниками работает совсем мало народу, и...

– Можно поживее, Стански?

– Можно. Оповещение выглядит бессмыслицей: указан некий Антон Тревор с отсутствующим у нас кодом. Код не соответствует нашим стандартам. Процедура требует уведомить вас, что я и делаю.

– Я из отдела убийств, а не мошенничества, Стански.

– Знаю, лейтенант. – Круглое лицо Стански воплощало простодушие, голос выдавал уроженку Квинса. – Но тут сказано: уведомить лейтенанта Еву Даллас, отдел убийств. Нам заблокировать карточку этого Антона Тревора или как?

– Я не... Подождите! – Смутная догадка заставила ее отдать компьютеру приказ: «Поиск ID, Антон Тревор, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. Возраст 23–28». Это как будто покрывало все возможности.

«Получено. Выполняется. Результаты на мониторе 1».

– Вот дерьмо! Чтоб мне сдохнуть!

– Лейтенант? – встревожилась Стански.
– Не отключайтесь! Где использовалась эта карточка?
– Пожалуйста: в заведении под названием «Бар в мезонине». И еще раз через несколько минут – в магазине «Хэнди Март». То и другое – в комплексе «Нью-Йорк Уэст», кондоминиум «Центр».
– У меня есть адрес! – Одно из ее, то есть Рорка, зданий. – Значит, так, Стански. Никому ни слова и не отключаться. Пальцем не шевелить, пока я снова не включусь.
– Это запросто.
– Пришлите мне все, что у вас есть.
Но этого было мало: в дверь влетел, заставив ее подскочить, Рорк.
– Попался! – крикнули они в один голос и дружно нахмурились. – Что такое?
Рорк поднял руку:
– Давай ты.
– Видимо, Фарнсуорт вставила в его новый ID-сигнал тревоги. Когда он им воспользовался, пришло оповещение для меня. Она видела сообщения и знала, что расследование веду я. Он назвался Антоном...
– Тревором, – закончил за нее Рорк. – Я выудил это имя из кодов, которые она забила в перечисления. Он только что поселился в...
– В «Нью-Йорк Уэст»! – выкрикнула она.
– Готово!
– Он наш! – сообщила Ева Пибоди, вошедшей с кофе и булочкой.
– Кто? – спросила Пибоди.
– Рейнхолд назвался Антоном Тревором. Сообщи Макнабу. Пошевеливаемся, но без шума. Бери его, Бакстера, Трухарта.
– Бакстер вчера уехал к сестре в Толедо, – перебила ее Пибоди.
– Черт! Тогда Кармайкл и Санчеса. – Она подождала, не окажется ли, что кто-то из них тоже прохлаждается в Толедо. – Проведем виртуальное совещание. Мне нужны шестеро в форме, опытные. Ты, Рорк, поставь в известность...
– ...охрану здания, – понял он. – Я знаком с протоколом. Все сделаю. Смотри! – Он вывел на монитор новые данные. – Вот этаж, вот чертеж его квартиры. Сейчас ты узнаешь обо всех точках доступа.
– Тем лучше. – Она расправила плечи и перешла к плану операции: – Частный лифт запираем. Закрываем два других выхода. Он будет вооружен неизвестно чем, поэтому надеваем защиту. Глядеть в оба, напрячь слух! Не хочу, чтобы он увидел со своей террасы, как по улице движется полицейский взвод. Покажи общую картину, – попросила она Рорка. – Надо

связать все воедино.

И она включила коммуникатор, чтобы доложить о развитии событий своему начальству.

Как только началось виртуальное совещание, примчался Макнаб.

Ева решила действовать решительно и напрямую, как написано в учебниках.

Инструктируя подчиненных, она шагала взад-вперед – ей очень хотелось перейти от слов к делу. При этом она знала, что необходимо исключить все случайности. Пистолет болтался у нее поверх мягкого свитера – ярко-синего, совсем как глаза Рорка, любовно связанного тетей Шинед. На ней были грубые брюки и старые башмаки – первое, что попало под руку при сверххранной побудке. В ее глазах поблескивал опасный огонек: коп вышел на охоту.

– Всем все ясно? Макнаб – глаза и уши. Рорк – безопасность. По моему приказу вырубить в комплексе всю электронику и электричество. Группа А – я, Пибоди, Кармайкл и Принс – обеспечивает вход на первом этаже. Группа В – детективы Кармайкл и Санчес, полицейские Родс и Мюррей – вход на втором этаже. Врываемся по моему приказу. Вот здесь держат позицию Кенсон и Феррис, их задача – задерживать и рассеивать штатских, не пропуская их в опасную зону. Все ясно?

– Так точно, сэр.

– Никаких фонарей и сирен, никаких полицейских машин на расстоянии квартала от здания. Надеть защитное обмундирование. Это приказ. Если подозреваемый выйдет из здания до начала операции – класть его на асфальт. Если он будет замечен внутри здания – следить, в бой не вступать. Вперед! Не шуметь, ждать моих приказов. Оружие наготове, огневая сила средняя.

Она накинула пальто, поданное Рорком, и бросилась было к двери, но вдруг замерла: по чьей-то оплошности в дверях появилась Шинед. На руках у нее был младенец, рядом с ней замороженно застыл Шон.

– Извините, мы торопимся, – пробормотала она, проскочила мимо непрошенных свидетелей и помчалась вниз по лестнице. Рорк на минуту задержался.

– Мы ненадолго. Я позвоню.

И он тоже удрал, сопровождаемый остальными.

– Бабушка! – Шон со смесью радости и ужаса уставился на Шинед. – Они схватят злодея?

– Обязательно. Пойдем вниз, попьем чайку.

Рейнхолд отлично выспался под жалобные вопли Джо.

– Что за баба! – сказал он, зевнув и потянувшись.

Он разогрел себе шоколад, щедро добавил в чашку взбитых сливок и застыл у окна-стены, победно глядя на Нью-Йорк – город, на который он нагнал страху.

Когда Джо не появится в полдень у своей мамы, чтобы провести время с отчимом, братом, уродливой женой брата и их еще более уродливым выводком, а также с толстым кузеном Стью, который непременно притащит свою жуткую бабу, – все они и весь город испугаются его еще больше. За всеми столами, накрытыми по случаю Дня благодарения, будут говорить только о нем – Джерри Рейнхолде, убийце, делающем что хочет и когда хочет.

Он без спешки оделся – в «рабочую» одежду, потому что, наплевав на праздник, собирался работать, – и заглянул в гостевую комнату, включить дроида.

– Доброе утро, сэр. Кажется, кому-то плохо.

– Не твое дело. Не говори с ним, не слушай его. Понял, Болван?

– Да, сэр.

– Ступай-ка вниз и приготовь мне яйца «Бенедикт», пару тостов с клубничным желе и все к ним положенное. Потом поднимешься сюда, уберешься в моей спальне, повесишь одежду. Я скажу, когда опять спуститься.

– Да, сэр.

Прежде чем спуститься самому, Рейнхолд полюбовался собой в зеркале. Одеться позже, посмотреть футбол? Кстати, отправить дроида за хорошим билетом на «Джайнтс». Ну, и выпить на террасе.

Он собирался оставить Джо еще на одну ночь, чтобы дольше позабавиться. Но если этот неженка будет так надрываться, то...

Он пошел вниз.

Джо выглядел неважно – здорово он его потрепал! Вся физиономия – дождалься, кичливый придурок? – была в крови и синяках. Мелкие порезы уже не кровоточили – эту оплошность он после завтрака исправит. Ожоги походили на угольные мазки.

Рейнхолд взял свою дубинку и лениво ткнул ею Джо.

– Или ты заткнешься, или мне надоест, и я перережу тебе горло.

– Умоляю, умоляю! – Изо рта со сломанными зубами вываливались неразборчивые слова. – Кажется, я умираю. Я весь избит. Не бей меня больше, пожалуйста! Я сделаю все, что ты захочешь. Дам все, что попросишь.

– Правда? Это другое дело. У тебя есть денежки, Джо. После Вегаса и не только. Если ты дашь мне пароли, чтобы я мог их забрать, я тебя отпущу.

– Что хочешь! Они твои. Еще я знаю пароли Стэна, моего дяди.

– Неужели? – Рейнхолд с улыбкой указал на ближайшее кресло. – Я сяду здесь, – сказал он дроиду.

– Я случайно на них наткнулся, когда ему помогал. Он оказался богачом, Джерри. Я тебе их продиктую. Только отпусти! Обещай меня отпустить – и ты все получишь.

– Я подумаю.

– Пожалуйста! Я хочу пить. Дай мне немного воды!

Рейнхолд сел, взял с поданного дроидом подноса нож и вилку.

– Не видишь, я завтракаю. Замолчи, а то я вспылю. А ты, – махнул он дроиду, – включи экран. Сейчас начнется парад. – Он с улыбкой принялся за яйца. – Не хотелось бы пропустить парад, Джо. Расслабься и наслаждайся.

По пути Ева продолжала инструктировать свой отряд, так как на месте для этого времени не оставалось. У комплекса «Нью-Йорк Уэст» собралось слишком много людей, прознавших о происходящем. Утечка в прессу через Интернет могла бы спугнуть Рейнхолда.

Ей хотелось верить, что Балбес Джо еще жив. Что они не опоздали. Но сам факт, что Джо действительно оказался балбесом, оказался Рейнхолду на руку.

Она не простит себе, если на этот раз опоздает хотя бы на несколько минут. Когда она призналась в этом Рорку, он прикоснулся к ее руке.

– Мы ворвемся – и через несколько минут он будет скручен. Вот увидишь, все будет хорошо.

Минуты, думала она. На этот раз они были обязаны ей подыграть.

– Теперь удача на нашей стороне, – сказала она вслух. – Иначе не может быть. Мы с тобой вышли на него почти одновременно. Это совпадение не случайно.

– Конечно, ведь ты посвятила этому трое суток!

– Спасибо Фарнсуорт. И низкий поклон.

– Жаль, что я не успел с ней познакомиться.

– Ты жалеешь, что не взял ее на работу.

– Как хорошо ты меня знаешь! – Он с улыбкой покачал головой.

– Санчес на месте, – доложила сзади Пибоди. – Детективу Кармайкл осталось меньше минуты. Полиция прибывает.

– У меня на связи глава вашей службы безопасности, Рорк, – сообщил Макнаб. – Они очистили парковку, как вы велели. Взяты под наблюдение коридоры на обоих этажах Рейнхолда.

– Отлично. Вот и приехали!

– Красота! – восхитилась Пибоди и запрокинула голову, разглядывая небоскреб. – Так сверкает, что глаза слепит.

– Не отвлекайся, Пибоди, – одернула ее Ева и в ту же секунду, когда Рорк подъехал к тротуару, выскочила наружу. – Всем включить запись. Всем группам занять позиции. Выключить все лифты с его этажа, кроме его собственного, с момента, когда на этаж выйдет группа В.

– Сэр. – К Рорку пробилась высокая фигуристая брюнетка. – Мы на местах, ждем дальнейших команд.

– Лейтенант, это начальник службы безопасности здания Вероника

Бенстон.

– За пределами зоны контроля активности не наблюдается. Две квартиры на главном этаже подозреваемого и одна на втором его этаже сегодня не заняты, так как жильцы уехали из города. Согласно вашим указаниям, находящиеся дома жильцы пока не уведомялись о работе полиции.

– Информируйте меня по ходу дела. Мы выступаем.

– Для вас готов лифт. – Сопровождая отряд к лифту, Бенстон рассказывала, кто где живет и что происходит на каждом этаже.

– Вы – резерв, Бенстон. Спасибо за помощь и за оперативность. – Ева шагнула из лифта на этаж Рейнхолда и показала группе В поднятый большой палец. Группа поехала на следующий этаж.

– Отключить его частный лифт, закрыть все входы и выходы на этом и на его этаже. Рорк, он нужен мне ослепшим. Отключить все его системы оповещения.

– Не возражаете, Бенстон?

– Уже готово, сэр. – Она похлопала себя по наушнику. – Ослепить его! Убрать все сигналы тревоги на обоих этажах в квартире объекта.

– К двери вестибюля, – сказала Ева в свой коммуникатор и взяла у Бенстон универсальный ключ. Осталось вынуть пистолет и шагнуть в дверь.

– Что видно и слышно, Макнаб?

– Сейчас. – Он присел на корточки и застучал по ноутбуку. – Хорошие фильтры, – пробормотал он. – Отличная звукоизоляция. Без очков-тепловизоров пришлось бы повозиться, – он улыбнулся Рорку. – А так – раз плюнуть. Два источника тепла, лейтенант, два человека и одна цель-робот – все на главном этаже. На втором никого.

Ева присела рядом с ним и уставилась в монитор.

– Они в гостиной. – Через несколько секунд она услышала всхлипы и мольбы.

– Вот вам и звук! – прошептал Макнаб.

– Прошу тебя, не надо. Я умираю!

– Группа В, на позиции, – раздался у Евы в ухе голос Санчеса.

– Не двигаться. Объект и жертва в гостиной. Там же дроид.

– Еще у меня есть пароли дяди Стэна...

Ева подняла кулак – это был условленный сигнал.

– Ждем. – Она наблюдала, как источник тепла, опознанный как Рейнхолд, отходит от Джо.

– Он садится. Рядом с ним дроид. Между ним и жертвой есть

небольшое расстояние. Открывай! – сказала она Рорку. – Действуем аккуратно, группа В. Вперед!

– Расслабься и наслаждайся, – донеслось из квартиры.

Ева показала три пальца:

– На счет три.

И она, пригнувшись, влетела в дверь. Пибоди не отставала ни на шаг, но, наоборот, держала на мушке верхний сектор.

Рейнхолд взвизгнул. Другого слова для описания звука не придумаешь, брезгливо подумала Ева. Это был визг маленькой девочки. Подбросив поднос с едой в воздух, он метнулся к лестнице.

– Стоять! Не шевелиться! Руки вверх!

Но вместо того, чтобы повиноваться, Рейнхолд схватил со столика вазу и швырнул в подступавшую к нему группу В. Ваза ни в кого не попала и разлетелась на мелкие кусочки.

Еву так и подмывало уложить его на месте, пока он бегал кругами, кидаясь всем, что попадалось под руку, и не переставал визжать. Лишь бы он заткнулся! Господи, как же ей хотелось его прикончить! Но вместо этого она повалила его на пол подножкой.

Он падал юзом, лягаясь, отбиваясь, что-то крича Джо. Еве пришлось вдавить дуло пистолета ему в щеку.

– Дай мне повод тебя прихлопнуть, насекомое!

– Отпусти, убери руки! Убей ее! – приказал он дроиду, который неподвижно наблюдал за происходящим с максимальным для дроида огорчением на «лице».

Ева заломила Рейнхолду руки за спину и застегнула на них наручники.

– Джеральд Рейнхолд, вы арестованы за несколько убийств, похищение людей, подделку удостоверения личности, незаконное проникновение в жилище и по многим другим пунктам состава преступления. У вас есть право хранить молчание, – начала она, ставя его с помощью Пибоди на ноги.

У него ежесекундно подгибались ноги, поэтому, зачитывая ему модифицированную Миранду, она вся извелась.

– Кармайкл, поместите эту мразь под арест. Охрана наивысшего уровня в Управлении, пока я не дам новых указаний.

– Будет сделано, лейтенант.

– Кто-нибудь, вызовите врачей и перевозку для этого бедняги!

– Уже сделано! – Детектив Кармайкл щелкала пальцем по коммуникатору. – Они в пути.

Убрав пистолет в кобуру, Ева подошла к Джо и покачала головой.

– Ну и отделал он тебя, Джо! Но жить ты будешь.
– Что он со мной сделал, что сделал...
– Да уж. – Она ждала, пока Рорк при помощи полицейского разрежет веревки и клейкую ленту. – Искренне сочувствую. В следующий раз будешь почтительнее с полицейскими.
– Воды! – Он был так жалок, что у Евы дрогнуло сердце. – Пожалуйста! Он даже не дал мне воды.
– Пей. – Пибоди поднесла чашку к его губам. – Успокойся, Джо, все позади. Ты в безопасности.
– Простите, что я вас не послушал.
– Все хорошо. Все будет хорошо.
Может, и будет, подумала Ева. Балбес чуть не поплатился за свою дурость жизнью.

Она не торопилась, намеренно заставляя Рейнхолда томиться и потеть. Вместе с сослуживцами она не оставила в квартире без внимания ни одного дюйма. Всю электронику, включая дроида, она передала Макнабу и Фини, который поспел к тому моменту, когда санитары выкатывали носилки с Джо из квартиры, и негодовал, что его не дождались.

Еву заинтересовало и одновременно опечалило то, что Рейнхолд приготовился к полному, традиционному ужину в честь Дня благодарения. Любопытно, когда он собирался все это сожрать – до или после убийства одного из своих лучших друзей?

Она показала Рорку мини-пилу.

– Его новая игрушка. Наверное, он собирался опробовать ее на пальцах, кистях, ногах. А потом раскромсал бы Джо на удобные кусочки и распихал бы по пакетам, которые мы здесь нашли, чтобы от них избавиться.

– Какая приятная мысль! Клиент отличается методичностью мышления. Я уже проверил дроида. Его память почти цела – сохранилось все с момента, когда Рейнхолд его перепрограммировал, прежде чем убить Фарнсуорт. Это будет чрезвычайно веской уликой для обвинения.

– У нас полно веских улик, а также живой свидетель.
– Наконец-то тебя ждут посещения больницы, а не морга!
– Это в честь Дня благодарения.
– Счастливый день для большинства из нас. Я поговорил с риелтором, устроившим аренду. Задним числом все кажется проще некуда.

Рорк тоже прошелся по квартире и даже при таких обстоятельствах одобрил ее планировку и использованные материалы.

– Рейнхолд снял это гнездышко только вчера и договорился об

использовании имеющейся здесь обстановки.

– Модно, дорого. Его все устроило. Так он сэкономил время и избежал хлопот.

– Ммм. Ты была права насчет его стиля. Вот это везение: нашел квартиру, для которой ничего не пришлось покупать!

Ева горестно усмехнулась.

– Удача может изменять. Я кладу конец его счастливой полосе. Макнаб увезет электронику. Пусть и Фини подключается, раз ему приспичило принять в этом участие. Разве я не права, что не захотела отрывать его от жены и семьи, портить ему праздник? Они просто зайдут в систему и обезопасят ее, после чего будут свободны. Санчес и Кармайкл поработают вместе со специалистами на месте преступления, а потом тоже могут отправляться на все четыре стороны. Пибоди останется со мной. Я сегодня поработаю с Рейнхолдом. То есть не сегодня, а прямо сейчас. Если все пройдет гладко, успею домой к ужину.

– Успеем вместе, – поправил он ее. – Я с тобой.

– Как же твоя родня?

– Ты – моя главная родня. Я их предупрежу. Если мы опоздаем, пускай начинают без нас.

– Хорошо. – Если придется сильно задержаться, подумала она, надо будет его прогнать. А теперь нужно приступить к делу.

– Пибоди! Не пора ли нам поговорить с Джерри?

– Сама жду не дождусь.

Пока Рорк вез их в Управление, она продумала стратегию допроса. Она раскусила Рейнхолда. Советы Миры, собственные наблюдения, беседы с его друзьями, сослуживцами, начальством обнажили его подноготную. Она уже представляла ход его мыслей.

– Ты – добрый коп, Пибоди.

– Проклятая судьба!

– Передо мной, злым копом, он будет увиливать, искать оправдания, гнуть свою линию, ломать комедию, притворяться значительной персоной – если хватит наглости, конечно. А добрый коп проявит к нему снисхождение. Ему не хватит мозгов, чтобы уловить динамику и ритм. Так мы его расколем.

Рорк увидел в зеркале заднего вида недовольную гримасу Пибоди.

– Это проверенная классика, – подбодрил он ее. – Надо только вовремя дать мнимую слабинку. Главное – побольше уверенности.

Пибоди взбодрилась. Ева воинственно взглянула на Рорка. Вот кому уверенности не занимать!

В гараже она потянулась за коробкой с вещдоками, собранными на месте преступления. Рорк не позволил ей ее нести.

– Я быстро пойму, как все будет складываться, – сказала она ему. – Если будет угроза, что волынка затягивается, я подам сигнал или выйду и сама сообщу. По рукам?

– Люблю честные сделки!

– Если я застряну, поезжай домой и занимайся индейкой. Потом можешь сюда вернуться. Когда я решу, что дело близится к завершению, я дам тебе знать. Твоя тетя – наш гость, зачем взваливать на нее обязанности хозяйки?

– Тут ты права. – Он понес коробку к лифту. – Договорились.

Ева с довольным видом вышла из лифта.

– Пибоди, коробка твоя. Пусть он считает главной меня, пусть меня боится. Уж я об этом позабочусь. Он трус, страх его сломит. Сначала попытается надавить на меня, потом стянет клянчить послабления у тебя. Ты – почти его ровесница, не принадлежишь к начальству. Ты в какой-то степени способна на сочувствие. Обращайся к нему по имени. От тебя он воспримет это как дружелюбие, от меня – как неуважение.

– Все понятно. Он в комнате для допросов А.

– Я пошел наблюдать, – сказал Рорк. – Удачи вам!

– Теперь она на нашей стороне, – ответила Ева.

По ее приказу Рейнхолда усадили в комнате для допросов без наручников – наручники показывали бы, что его боятся. Полицейские, приведшие его сюда, словно воды в рот набрали: не прозвучало ни одного вопроса.

Теперь он сидел в одиночестве, залитый светом, и обильно потел. Войдя, Ева заметила капельки пота у него на верхней губе и на лбу.

– Лейтенант Ева Даллас, детектив Делия Пибоди, приступаем к допросу Джеральда Рейнхолда. – Она зачитала под запись несколько стандартных фраз и села. – Джеральд Рейнхолд, вы уведомлены о ваших правах. Вам понятны ваши права и обязанности?

– Не желаю с вами говорить!

– Это одно из ваших прав. Вам ясно это право и остальные доведенные до вашего сведения права и обязанности из модифицированных прав Миранды?

Он отвернулся и, как капризный ребенок, уставился на стену.

– Что ж. Пибоди, распорядитесь, чтобы его отвели в клетку.

– Я больше туда не пойду!

Ева молча встала и направилась к двери.

- Ладно-ладно! Я понимаю ваши дурацкие права и все прочее дерьмо.
- Хорошо. – Она вернулась и снова села. – Мы можем все сильно ускорить и упростить, Джерри. Мы же застали тебя с Джо. Ты успел над ним потрудиться.
- Вы ворвались на территорию моей частной собственности. Это нарушение моих прав. Вы не можете использовать ничего из найденного при моих нарушенных правах.
- Серьезно? – Она с улыбкой откинулась на спинку стула. – Это твоя линия защиты? Смотришь криминальные постановки, так будь по крайней мере внимателен. Слышал о «вероятной причине»? О законно оформленных ордерах? Ты похитил человека и удерживал его против его воли, нанес ему тяжкие телесные повреждения. Ты намеренно наносил этому человеку побои, подвергал опасности его жизнь и так далее. Ты замышлял его убить, потом распиливать на части и выбросить.
- Это недоказуемо!
- Еще как доказуемо. Начнем сначала. Ты похитил Джозефа Клейна.
- Неправда! – Он дал петуха, но набрался наглости, чтобы грозить Еве пальцем. – Он сам явился, по доброй воле пришел ко мне домой. Я просто дурачился, хотелось его попугать.
- Вот, значит, как это называется? Шарахнуть бейсбольной битой по башке, выбить зубы, сломать скулу, прижигать, резать – все это с целью просто попугать?
- Он применил насилие ко мне, я – к нему. Самооборона! – Его глаза непрерывно бегали. – Он пришел ко мне и вздумал мне угрожать. Я должен был защищаться.
- Избить человека в кровь, прикрутив к креслу, – это самооборона? Ты идиот, Джерри.
- Я не идиот! – Он побагровел лицом и шеей, как будто ярость хлынула наружу из пор. – Я умнее вас, умнее большинства людей. Я это доказал.
- Как?
- Я делал что хотел. Получил то, что захотел.
- Для начала больше полусотни раз пырнул ножом родную мать.
- Не знаю, о чем вы. – Он опять отвернулся. – Меня там не было. Я пришел и нашел их. Это был кошмар! – Он закрыл лицо руками.
- Говоришь, ты пришел домой и нашел родителей убитыми, Джерри? – мастерски, уверенно вступила в разговор Пибоди. – В ее голосе слышался ужас. – Боже!
- Там, – он уронил руки и впервые посмотрел на Пибоди, – это

невозможно передать. Я их предупреждал: нельзя открывать дверь неизвестно кому, но они не слушали. Я вхожу, а они все в крови!

– Избавь меня от этого! – взмолилась Ева, но Пибоди покачала головой.

– Бросьте, лейтенант, мы столько ломали голову, как там все было. Как вы поступили, Джерри?

– Сам не знаю. У меня в голове все смешалось. Я перетрусил. Наверное, я на какое-то время потерял сознание. Припадок, что ли, какой-то.

– И вы не помните, что делали потом? Когда точно вы их нашли?

– Кажется, вечером в пятницу. Захожу – а они...

– Где вы были?

– Неподалеку от дома. Тогда уже ничего нельзя было поделать.

– Ты достаточно оправился от своего припадка, чтобы спереть часы, чтобы потом их продать? Чтобы перевести родительские накопления на открытые тобой счета?

Евины вопросы его ошеломили.

– Раз они умерли, все это стало моим. Я не знал, как еще поступить. Я испугался и не мог собраться с мыслями. Сами придите и найдите своих родителей мертвыми – посмотрим, как вы тогда запоете!

– Наверное, это было ужасно, но надо было вызвать полицию, Джерри, – мягко произнесла Пибоди.

– Знаю. Теперь-то я знаю, но тогда у меня путались мысли.

– Ничего, тебе хватило здравомыслия, чтобы унести из квартиры наличность и ценные вещи. И чтобы снять средства, которые ты потом перевел в понедельник утром, – опять вмешалась Ева. – Чтобы снять шикарный номер в шикарном отеле и жрать от пуза в субботу и воскресенье.

– Это не преступление. – Он вытер пот с губы. – Мне требовались какие-то деньги, да или нет? Требовалось время на размышление. А когда я увидел, что вы, копы, меня преследуете, мне опять понадобилось время, чтобы решить, как быть, вот я и...

– Вот ты и двинул в квартиру Лори Нуссио, воспользовался ключом, который не вернул ей, когда она дала тебе под зад коленом, замучил ее и убил.

– Не было этого! И это не она меня выгнала, а я ее. Мне не нравилось, вот и выгнал – она просила остаться, дать ей еще один шанс. А когда я услышал, как она умерла, то понял, что ее и моих родителей убил один и тот же человек.

– Вот с этим я согласна.

– А миссис Фарнсуорт? – заикнулась Пибоди, тревожно глядя на Рейнхолда.

– И ее! – Он оседлал своего любимого конька и взбудоражился так, что побагровел. – Это все один и тот же человек, чтобы меня подставить! Подстава – вот что это такое! Чтобы меня повязали, а то и убили, прежде чем я успею доказать свою невиновность. Джо!

Еве показалось, что у него над головой зажглась лампа – таким ярким было посетившее его озарение.

– Я знал, что это работа Джо – чья же еще? Он псих, любой вам это подтвердит. И он мне завидовал. Поэтому я заманил его к себе, поэтому стал с ним возиться. Надо было вырвать из него признание. Он бы признался, и я бы сдал его вам.

– Ух ты! – Пибоди добросовестно изобразила сильное впечатление от услышанного, стараясь не показать свое отвращение, близкое к тошноте. – Значит, Джо убил твоих родителей, Лори и миссис Фарнсуорт, потому что обзавидовался?

– А как же! Он несколько раз бил Лори – она сама мне рассказывала, а она на него орала. Он был зол на нее. А в Вегасе что устроил? Спаивал меня, я опьянел и поставил все деньги. Это из-за него я все проиграл. Он знал, что я против Фарнсуорт ничего не имею, она же многому меня научила. Но все равно натравливал меня на нее, а я поддавался, спасал лицо. А он взял и убил ее, чтобы повесить убийство на меня.

– Это очень серьезно, Джерри.

– Да знаю я! – Для пущей искренности он часто закивал головой. – Он точно псих! Но он был готов во всем сознаться. Кое-что он мне рассказал, только я не успел включить запись. Рассказал, как моя мать его впустила, как собиралась сделать ему сэндвич – любила она делать сэндвичи, а он схватил нож и давай ее колотить, колотить! – Он опять закрыл лицо ладоням. – Мою маму!

– Ну и ну! А твой отец? Что сказал Джо про него?

– Сказал, что нашел в моей комнате битую бутылку, спрятался и дождался возвращения моего отца. И давай его колотить, колотить! А потом оставил их там валяться.

– Одно забавно, – сказала Ева, – он входил в дом и выходил из него, а камеры его ни разу не зафиксировали.

Попался, подумала она, когда Рейнхолд отвел взгляд.

– Иногда эти штуки ломаются. Комендант должен был их починить, но поленился.

– Камеры безопасности у двери волшебным образом показывают, как тыходишь поздно вечером в четверг и не выходишь до вечера субботы – тогда ты уже тащишь чемоданы. Еще одно волшебство – что именно вход и выход Джо из здания не попали на камеру.

– Бывает.

– Мы расспросим коменданта, – произнесла Пибоди с сомнением.

– Он вам соврет.

– Во врунах мы разбираемся, – заверила его Ева. – Позволь задать тебе один вопрос. Всего один – он не дает мне покоя. Как ты обзавелся фальшивым удостоверением личности и деньгами, чтобы арендовать такую роскошную квартиру?

– Я кое-что выиграл в Вегасе, а от парней скрыл. ID купил у парня в баре.

– Какой парень, какой бар, сколько заплатил? – стреляла вопросами Ева.

– Я с ним незнаком. Какой-то бар. Тысячу долларов. Нет, пятьсот.

– Вранье, вранье, вранье. – Ева резко подалась вперед, и он отшатнулся. – В Вегасе ты проигрался в пух и прах. Ни с каким специалистом по фальшивым ID ни в каком баре ты не встречался, никакого документа с сопровождающей базой данных за пятьсот баксов не покупал. Ты паршивый лгун. У нас компьютеры, которые ты украл у Фарнсуорт после того, как замучил ее и убил. Те, которые ты приказал дроиду отнести в ломбард. На них сохранились данные.

– На них все стерто. Стерто начисто! – Теперь он сам подался вперед, чуть не боднул ее головой. – Это ты лгунья!

– Откуда ты знаешь про стирание, Джерри?

– Я, – он дернулся, судорожно облизнул губы, – я догадался. Джо не дурак. Он бы первым делом все стер.

– Не надо было хлопать ушами на уроках миссис Фарнсуорт, Джерри. При хорошем навыке, на хорошем оборудовании – а в нью-йоркской полиции, уж поверь, хватает того и другого – можно восстановить любые данные. Твой ID изготовлен на ее компьютерах.

– Ладно, я не хотел создавать ей проблемы.

– Она мертва, Джерри.

– Не хотел портить ее репутацию. Да, она сделала для меня ID. Я пришел к ней, все объяснил, и она мне помогла. За это Джо ее убил. После моего ухода.

– Она была уже мертва, когда ты уходил, Джерри, со своей новой сумкой и ее чемоданом, когда ловил такси, чтобы ехать в клинику, потому

что ей удалось сломать тебе ногу.

– Это не я, это Джо. Все это сделал Джо. – От страха и жалости к себе он заплакал. – Я ни в чем не виноват. Отвяжитесь, я ничего не сделал.

– У нас есть свидетели. Мы за тобой следили, дубина. Мы знаем, где ты купил краску для волос, глазные линзы, искусственный загар. – Ева вскочила. – А это? – Она стала выкладывать на стол запаянные в прозрачные пакеты вещественные доказательства. – Лента, веревка, нож. Пила, которой ты собирался распилить Джо, пакеты, по которым ты собирался распихать куски его тела.

– Это не я, не я! Все это покупал дроид!

– Кое-что – по твоему приказу. Дроид миссис Фарнсуорт. А еще вот это, – Ева помахала в воздухе пакетиком с волосами Лори. – Откуда у тебя волосы Лори, Джерри?

– От нее самой. Это талисман.

– Правда? Как она умудрилась тебе его вручить, когда волосы отрезаны непосредственно перед убийством? Она только в тот день перекрасилась, Джерри. В этот самый цвет.

– Это... Я запутался. Вы меня путаете. Это принес Джо. Джо показал мне это в доказательство того, что убил Лори.

– Ты убил Лори и при этом кончил. Ты бросил свои трусы в ее ванной, тупица.

– Это Джо подстроил, он мне рассказал.

Ева села.

– Этот самолетик не полетит, Джерри. Даже от земли не оторвется. Кроме всего прочего, миссис Фарнсуорт оставила предсмертные показания прямо в своем компьютере. Закодировала его прямо у тебя под носом, пока ты ее терзал. Там твое имя, Джерри, и все, что требуется, чтобы тебя изобличить.

– Вранье! Она не могла!

– Она сделала это, Джерри, – тихо проговорила Пибоди, наполнив свой голос всем фальшивым сочувствием, которое сумела наскрести. – Никуда не денешься.

– Это для того, чтобы все свалить на меня. Она всегда терпеть меня не могла.

– Зачем же она сделала тебе удостоверение? Зачем помогла?

– Я... Опять вы меня путаете! Вы это специально! Мне нужен адвокат. Хочу адвоката, с вами я больше не говорю.

– Это твое право. – Ева стала собирать вещдоки. – Пибоди, распорядись, чтобы его отвели обратно в клетку.

– Туда я не вернусь! – заорал он, вцепившись в край стола, словно иначе не удержался бы на месте. – Сейчас же предоставьте мне адвоката! У меня много денег! Я могу нанять самого лучшего адвоката. Он утрет всем вам нос.

– Нет у тебя никаких денег, Джерри, – возразила Ева.

– У меня миллионы!

Она вздохнула.

– Ты настоящий дурак, Джерри. Деньги были похищены при совершении преступлений. Они не твои.

– Все, что было у родителей, теперь мое. Так выходит по закону.

– Не твое, если ты их убил.

– Тут она права, Джерри. Ты не можешь пользоваться этими деньгами.

– Пибоди тоже встала. – Я вызову государственного защитника. Правда, сейчас праздник, защитника назначат не раньше понедельника.

– Я не буду ждать понедельника!

Ева пожала плечами.

– Ты же требуешь адвоката. Чтобы ты получил государственного защитника, нужно время.

– Хочу немедленно! – Он бешено завращал глазами, забрызгал слюной. – Стерва! Я хочу нанять адвоката за свои деньги.

– Хотеть мало, Джерри. Мы постараемся предоставить тебе государственного защитника, у тебя есть право прибегнуть к его услугам.

– Не смей уходить! Немедленно вернись, тупая сука! Живо сюда!

– Ты потребовал адвоката во исполнение своего права. Разговор возобновится только с участием твоего представителя. Открой дверь, Пибоди.

– Плевал я на всех адвокатов! Не желаю адвоката. Вернитесь.

Ева с непоколебимым спокойствием повернулась к нему.

– В данный момент ты отказываешься от своего права быть представленным?

– Чтоб вам провалиться! Да! Говорю вам, всех их убил Джо, а вы пытаетесь повесить это на меня. Вы беситесь, потому что я умнее вас.

– Могу тебе обещать: если бы ты был умнее меня, я бы не выдержала.

– Ева положила коробку и снова села. – Тут есть еще одна, – Рорк сказал бы «палка в колесе», – одна помеха. У Джо алиби на время смерти твоей матери, твоего отца, твоей бывшей, миссис Фарнсуорт. Или ты думаешь, что мы оставляем такие вещи на авось?

– Он врет. Вы врете. Хочу другого копа.

– Такого права у тебя нет. Это ты убил их, Джерри, убил их всех. Тебе

понравилось. Ты нашел то, чего тебе всю жизнь не хватало, верно? И при этом обогатился, получил то, чего всегда хотел, все, чего заслуживал. Сколько недоумков над тобой измывалось? Теперь ты им показал. У тебя хорошо получилось. Можно сказать, превосходно.

– Вот тут вы правы!

– Тебя осенило, когда ты воткнул нож в мать, ведь так?

Ева смотрела ему прямо в глаза, ее тон был ровным, бесстрастным. Хвалить и угрожать, думала она. Жонглировать похвалами и угрозами, разить фактами.

– Она вконец тебя достала. «Найди работу, шевелись, не отсиживай задницу». Надоедливая стерва окончательно тебя доняла. Кто бы такое вынес? Ну, ты и схватил нож – он как раз мозолил тебе глаза, она же делала для тебя сандвич – и исполосовал ее. Тогда, прямо там, ты и обрел свое призвание.

– Она вцепилась в меня как клещ. Они решили выгнать меня из дома. Выгнать – и все! Что мне оставалось?

«Найти работу», – подумала Ева.

– И ты их убил. Мать – ножом. Дождался, когда вернется с работы отец, и забил его своей старой бейсбольной битой.

– Это была самозащита. Должен был я за себя постоять? Они свели меня с ума. Сами виноваты. Я сделал то, что должен был, чтобы защититься.

– То, что должен был, – повторила за ним Ева и кивнула. – Потом забрал их деньги и ценности. Просидел в квартире с их телами с вечера пятницы до вечера субботы.

– Не мог же я вечно там оставаться!

– Верно. Никак не мог. Но тебе требовалось какое-то время, чтобы произвести перевод средств: найти все их деньги, открыть свои собственные счета, отправить их деньги при помощи их паролей.

– Мои деньги, – поправил он. – Мои родители, мое наследство. Они были мне должны.

– Ловко! – сказала Пибоди, постаравшись изобразить восхищение. – Ловко ты перевел деньги, а в понедельник живо их снял и провел время в хорошем отеле, продумывая свой следующий шаг.

– Меня недооценивают. Это их проблема, что я все продумал и все сделал правильно. У вас на экранах красовалось мое имя и лицо, но найти меня у вас не получалось. Потому что я кое-что умею.

– Вечером в понедельник ты применил свое умение к Лори.

– Эта сучка меня не уважала. Еще одна зануда. Она меня унижала, вот

я и унизил ее в отместку. Она это заслужила.

– Раздел ее, отрезал волосы, – продолжила Ева. – Изрезал ее новые вещи. Ты даже кончил, когда ее душил, правда, Джерри? Вот какое оно могучее, это твое умение. Ты обрел силу.

– Такой у меня еще никогда не было. И все сам, сам! Она все это заслужила. Это была самозащита. – Он постучал пальцем по столу. – Только самозащита. Я должен был о себе позаботиться. Это мое право.

– А в случае с миссис Фарнсуорт?

– Она испортила мне жизнь. Намухлевала с моими оценками так, как будто я завалил экзамен. Целое лето мне пришлось навестывать. Друзья поднимали меня на смех. Я заставил ее вернуть мне мою жизнь, только и всего. Подарить новую жизнь. Это справедливо.

– Ты напал на нее, связал веревками, обмотал лентой, заставил написать тебе новые данные, создать удостоверение, кредитные карты, перевести на тебя ее деньги и собственность.

– У нее был передо мной долг. Они все были мне должны. Все считали меня ничтожеством. А я превратил в ничто их самих. Это справедливо, – повторил он. – У меня есть право позаботиться о себе.

Ева взглянула на Пибоди.

– Давай проверим, правильно ли мы все понимаем, Джерри, – заговорила Пибоди. – Ты убил мать, отца, Лори Нуссио и миссис Эдди Фарнсуорт, заманил в ловушку Джона Клейна, напал на него, подверг пыткам и собирался убить – потому что они остались тебе должны после того, как каждый по-своему испортил тебе жизнь. Поэтому отнять у них жизнь было справедливо. Забрать их деньги и собственность – тоже справедливо.

– Все верно, все правильно. – Довольный обобщением, он энергично кивнул Пибоди. – Все они морочили мне голову, вот я и отомстил. Видели мою квартиру? Вот каким я стал! Я совершенно уверен, что насчет денег вы ошибаетесь. Они мои: на моих счетах, на мое имя. Владение – это уже больше половины дела, где-то я это слышал. Деньгами владею я, так что лучше предоставьте мне хорошего адвоката, а то я сам вас засужу. Это была самооборона, и в камеру я не вернусь. Вы меня не заставите.

И он сложил на груди руки, выпятив подбородок, – совсем как ребенок, бросающий вызов взрослым.

– Джерри, Джерри. Не могу выразить, как я рада, что сейчас тебя разочарую. – Ева позволила себе один радостный вздох и широкую улыбку. – Сердце мое ликует от благодарности за эту чудесную возможность. Ты сядешь за убийства, выродок. Одно второй степени, три первой. А еще

нападение при отягчающих обстоятельствах и все прочее, полный комплект. Ты не просто вернешься в камеру, Джерри, ты проведешь в клетке весь остаток своей мелкой, глупой, жалкой жизни.

– Нет! Только не каталажка!

Она позволила ему вскочить и броситься к двери, но в последний момент повалила его на пол подножкой. Когда он проехался лицом по полу, у нее и вправду заликовало сердце.

– В каталажке тебе точно не место, – согласилась она, надевая ему на руки наручники. От жалости к себе и к своим деньгам он обливался крупными, как виноградины, слезами. – Это называется тюрьмой. Держу пари, это будет отвратительная тюрьма, даже не на нашей планете, и твоему заднему месту там ой как не поздоровится. Там такую мелкую паскуду, как ты, сожрут и не поперхнутся.

– Пойду его зарегистрирую, – вызвалась Пибоди, помогая Еве поставить Рейнхолда на ноги.

– Не надо, им займутся дежурные копы. Лучше мы побалуем себя вкусным ужином с индейкой.

– Действительно!

Вдвоем они выволокли обмякшего, рыдающего Рейнхолда в коридор, навстречу тому, что осталось от его загубленной жизни.

Эпилог

Оставалась еще бумажная бюрократия и прописанные кодексом процедуры, но Ева не сомневалась, что домой они попадут не слишком поздно и не испортят родне Дня благодарения.

– Шампанского! – постановил Рорк. – Вам обеим. За образцово проведенный допрос.

– Шампанского? – Пиболи на радостях сделала книксен. – Я согласна!

– Удачный день, – сказала Ева. Беседу с Балбесом Джо в больнице можно отложить на потом.

Она вошла в дом, полный голосов, музыки, запахов: горящих яблоневых дров, мерцания свечей, цветов, вкусной еды.

Все это и называлось, наверное, семьей.

Они расположились в гостиной. Кто-то мучил музыкальные инструменты, кто-то танцевал, включая – заметив это, она испытала шок – верзилу Кларка, владельца секс-клуба, покрытого татуировками и утыканного перьями. На фоне его кожи цвета слоновой кости кожа его партнерши, маленькой ирландки, поражала белизной. Малютка Белла, поддерживаемая Макнабом, перебирала ножками, подражая танцорам, отбивавшим степ.

Все это действие называлось «сейли», вспомнила она. С этой традицией она познакомилась на семейной ферме в Клэре. Американский праздник приобретал ирландский уклон, что было только к лучшему.

Не дав ей времени уклониться, один из гостей (то ли дядя, то ли кузен) схватил ее за руку и втянул в людской водоворот. Она стала слабо возражать, но он, не слушая, оторвал ее от пола и закружил. Она захохотала, а когда он ее отпустил, споткнулась под заключительный аккорд музыки и оглушительные аплодисменты.

Но шум не прекратился. Посыпались нескончаемые вопросы и комментарии. Она почувствовала себя как на пресс-конференции.

– Полегче! – пришла ей на помощь Шинед. – Давайте по одному. Йен сказал, что ты поймала преступника. Мир сразу стал лучше.

– До поры до времени.

– В данный момент мир хорош. До твоего прихода мы развлекались сами.

– Вот и продолжайте. – Она взяла у Рорка бокал с шампанским. – Быстро ты управился.

– Бутылки ждали откупоренные.
К Еве подошла Надин. Таких крепких объятий Ева от нее не ждала.
– Люблю их, – зашептала Надин ей в ухо. – Всех люблю и хочу за них замуж.
– Сколько ты выпила?
– Как раз нужное количество. Боже, столько веселья! Ты счастливая женщина, Даллас.
– Я чувствую, как мне повезло.
– Мне никогда не было так весело. – Надин высоко подняла свой бокал. – Я сделаю эксклюзивное интервью с тобой и Рорком для «Нау».
– Ничего не выйдет!
– А вот и выйдет! – В лукавых зеленых глазах Надин скакали огоньки озорства и симпатии. – Вы у меня напьетесь еще до пирога!
– Посмотрим, что из этого получится.
– Мне тоже везет. Смотри, Моррис берется за саксофон. Когда он играет на саксофоне, мне хочется за него замуж.
Один из дядюшек затянул душераздирающую песню, и половина присутствующих залилась слезами. Еве понравилась и песня, и слушатели.
К ней полезла обниматься Мэвис, потом Чарльз. Потребность ее обнять возникла, кажется, у всех.
– Я добыл для тебя адресок, – сообщил Чарльз. – Но тебе он, похоже, уже ни к чему.
– И я этому очень рада.
Ей хотелось улизнуть, чтобы снять наверху портупею, но ее остановили глаза Шона и Никси.
– Чего вам?
– Вы поймали злодея, – сказал Шон.
– Верно, поймали.
– Ты сначала врезала ему хорошенько?
Неуемный пострел, подумала она. Она любила его, в частности, за это.
– Нет, но я сбила его с ног. Целых два раза.
– Хоть так.
– Он убивал людей, – напомнила Никси.
– Да уж.
– Больше он не сможет убивать?
– Больше не сможет.
Девочка заулыбалась.
– У меня для тебя подарок.
– Да? Неси!

Она подбежала к Элизабет и вернулась с чем-то четырехугольным в золотой обертке. Ева была равнодушна к подаркам, поэтому поспешила снять обертку – осторожно, как повязку с раны, – и увидела рисунок в рамочке. На рисунке она узнала себя.

Неумолимый взгляд, пистолет на изготовку, развевающийся плащ. Похоже на иллюстрацию из классического комикса Рорка.

– Это я нарисовала. Мне помогал Ричард.

– Немного, – уточнил он.

– Нет, много, – шепотом призналась Никси.

– Как здорово! Мне нравится. У меня решительный вид. Всем накостыляю по шее!

Никси хихикнула и перевела взгляд на приемных родителей.

– Это было задание. Психотерапевт сказал, чтобы я нарисовала человека, которому я в этот День благодарения больше всего благодарна. Я много думала. Потому что я ужасно благодарна Элизабет, Ричарду и Кевину, но мне не за что было бы их благодарить, если бы не ты. Сзади я написала сочинение. Это тоже задание, как и подарок.

Ева перевернула рисунок, стала читать аккуратно написанный текст – и у нее стиснуло горло.

– Ты прочтешь это нам, Ева? – спросила Шинед. Ева увидела, что все в комнате замерли и смотрят на нее.

– Но...

– Лучше я. – Все понимающий Рорк забрал у нее рамку.

Человек, которому я больше всего благодарна в этот День благодарения, – лейтенант Ева Даллас. Она помогла мне, когда мне было страшно и грустно. Она взяла меня к себе в дом, к Рорку, Соммерсету и Галахаду, чтобы никто не мог причинить мне зла, даже плохие люди, убившие мою семью и друга.

Она сказала мне правду. Она обещала найти этих плохих людей и постараться, чтобы их наказали. Рорк тоже сказал, что она не остановится, пока не сделает это. Он тоже сказал мне правду.

Она помогла мне найти Ричарда, Элизабет и Кевина. Они мне не мама, не папа, не брат. Но теперь они моя семья, и я знаю, что любить их – это хорошо. Это не значит, что я не люблю мою маму, моего папу и моего брата.

Даллас обошлась со мной не как с маленькой. Она сказала, что я целеустремленная и что это важно. Она упорно трудилась, ее даже ранили, но она нашла тех плохих людей и добилась, чтобы их наказали.

Она сказала мне правду. Она выполнила свое обещание. Поэтому она –

та, кому я больше всего благодарна за этот День благодарения.

Никси Свишер.

– Отлично сказано, Никси. – Рорк наклонился и поцеловал ее в щеку. – Отлично!

– Тебе понравилось? – спросила она Еву.

– Очень, – выдавила Ева. – Я... В общем, я поставлю это на свой стол в Управлении. Пусть всегда напоминает мне, как важно говорить правду и держать слово.

– Точно?

– Я же сказала.

Никси быстро обняла Еву, потом бросилась к Элизабет.

– Ей понравилось!

– Да, понравилось. – Элизабет улыбнулась Еве сквозь слезы, потом зарылась лицом в волосы Никси.

– Это было чудесно, совершенно чудесно. – Шинед встала. – Теперь самый раз вспомнить, что наш ждет угощение. Пошли! Нас такая орава, что нам нужен целый час, чтобы рассесться.

– Вы позволите? – Соммерсет подал руку Шинед и, слегка кивнув Рорку, возглавил шествие.

– Дайте мне еще минутку, – пробормотала Ева.

Рорк поцеловал ее в макушку и увлек за собой.

– Она сильная, милая девочка, – сказал он. – Ты помогла ей поверить, что мир снова может стать нормальным.

– Она всего лишилась – и ты только на нее взгляни! Да, у нее есть сердце, а еще – внутренний стержень. А взять Рейнхолда! Обязательно задашься вопросом – почему? Ответа не будет, а вопрос останется.

Ева взяла себя в руки.

– Вообще-то Шинед права. Не будем требовать невозможного, будем довольствоваться просто хорошим.

– Мы так и делаем.

– Да. А теперь давай наедемся до отвала.

– Я за.

Она улучила момент, чтобы отбежать и поставить рисунок на каминную полку – между мерцающими свечами, над потрескивающими яблоневыми поленьями.

– Ну и вид у меня! Плохим парням лучше бояться, как бы я им не наkostenяляла.

– От тебя их ничто не уберезет.

– Придется с тобой согласиться.

Она взяла его за руку и пошла вместе с ним к семье, к друзьям, за праздничный стол. Благодарная за это мгновение.